

I-11.
D-156.

ОП

РЕШЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ И. Песоцкимъ, ПОДЪ РЕДАКЦІЮ О. А. Коки.

5067
7015

1847.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СЕРАЖИ.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. ЛУНИНСКАГО
ТЕАТРЪ ДРАМЫ

РЕЦЕНЗІЯ

И

ПАМЯТНИКЪ

ТЕАТРА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 20 апрѣля 1847 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

1847

Handwritten vertical text, possibly a library or archival stamp, including the year 1847.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи Шляхтеръ и Кошаръ Виткевича Суткина.

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ.

1847.

IV.

РЕДАКТОРЪ: С. А. Коки.

ИЗДАТЕЛЬ: И. Песонкій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Дочь Второго Полка; Комедія, въ двухъ дѣйствіяхъ, съ куплетами.

ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ.

- I. КРЫЛЬЯ ПКАРА. Романъ Шарля Бернара. (Часть первая.)
- II. ФИЛОСОФІЯ ИСКУССТВА.
Софокль и Греческая трилогія. Статья Бино 103
- III. СТИХОТВОРЕНІЯ:
1. Пѣсня Гретхенъ (изъ Фауста Гёте.) Н. П. Грекова 121
  2. Вѣнецъ мірозданья. О. А. Коки. 123
  3. Завѣтный часъ. М. П. Бибикина 124
  4. Поэтъ. еіо же. . . . . } 125
  5. Изъ Гюго. Н. П. Г. . . . . }
- IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.
1. Александринскій Театръ:
    - а. Царская трость или Деревянный ходатай. Комедія соч. А. В. В—ва.
    - б. Модныя Петербургскія леченія. Шутка-водевиль. Соч. Гр Соллоуба.
    - в. Наказанная кокетка или замужняя вдова. Комедія въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ, соч. Кн.***
    - д. Полюбовный дележоу, или комната съ двумя кроватями. Шутка-водевиль съ французскаго.
    - е. Четверо часовыхъ у одной будки. Драматическая шутка въ одномъ дѣйствіи П. Г. Ободовскаго.
  2. В. Н. Живокини, на Петербургской сценѣ. 10
- Критическія статьи О. А. Коки.
- V. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.
- Парижскіе Театры:
- Аликса, комическая опера Фолле и Доша. — 2. Аллеста, греческая трагедія Ипполита Люка. — 3. Наша дочь княгиня, комедія Леона Гозлана. — 4. Дитя любви, водевиль Баяра. — 5. Завтракъ, водевиль Суродена и Моро. — 6. Брегатскій малькъ, водевиль Бьвилля. — 7. Муфта, комедія Корделье Делану. — 8. Мастеръ Пальма, драма Бокажа 28
- VI. КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.
- Письма о современномъ состояніи музыки и театровъ во Флоренціи. А. Г. 33
- VII. СМѢСЬ.
1. Историческіе часы. Разказъ. — Кончина актрисы Марсъ О. К. — Класъ Кунстъ, чернокнижникъ. — Пѣвецъ и композиторъ. — Импровизированная комедія Скриба 66
  2. ПЕТЕРБУРГСКІЕ СИГНАЛЫ.
  3. Разныя разности: Библиманъ графъ Ферри. — Страшный и удивительный артистъ. — Итальянскій Композиторъ Пачини. — Кн. Іосифъ Понятовскій. — Литературный Наполеонъ-Бонапартъ. — Сюжетъ для драмы или повести. — Г. и Чинизелли и Лоазетъ. — Бельійскій врачъ Мендль. — Вода горитъ! — Спортини. — Смерть Гранвилля. — Пьвица Штольцъ. — Геноръ Ивановъ. — Таинственное значеніе числа 9.
  4. Закулисныя тайны.
  5. Замѣтки и наблюденія. Н. П. Грекова. 86

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ДОЧЬ ВТОРАГО ПОЛКА.

КОМЕДИЯ СЪ КУПЛЕТАМИ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙ-
СТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

- Маркиза Маджювекю, богатая помѣщица. . . . . Г-жа Шелихова.
Филиппъ, дворецкій. . . . . Г. Мартыновъ.
Фаншетта, горничная . . . . . Г-жа Михайлова.
Меранъ, деревенскій судья . . . . . Г. Васильевъ 2.
Жакъ, крестьянинъ . . . . . Г. Левелевъ.
Антоанъ, молодой фермеръ . . . . . Г. Самойловъ.
Марія, маркитантка . . . . . Г-ж. Самойлова 1.
Трульонъ, фельдфебель. . . . . Г. Григорьевъ 1.
Лальеръ,
Лаогранокъ, } унтеръ - офицеры 2-го пѣхотнаго полка.
Риго.

Солдаты, крестьяне, крестьянки.

Я В Л Е Н І Е I.

Гористое мѣстоположеніе. Съ правой стороны, домикъ; съ лѣвой, крайнія избы деревни. Въ глубинѣ, горы.

При поднятіи занавѣса, сбѣгаются, съ лѣвой стороны, группы поселянъ и поселянокъ. Слышны издали барабанный бой и ружейная стрѣльба. Меранъ и Жакъ стоятъ въ глубинѣ сцены, на горѣ, и смотрять направо за кулисы, съ напряженнымъ вниманіемъ. Многіе изъ мужчинъ и женщинъ сносятъ на сцену свои пожитки, чтобы бѣжать съ ними въ горы. — Передъ домикомъ, на каменной скамьѣ, сидитъ маркиза; она кажется нездоровою, слабою; подлѣ нея стоитъ Филиппъ, держа въ рукахъ баночку со спиртомъ. Фаншетта.

Меранъ, *(на скатъ горы)*. Спасайте, что можно, а потомъ, какъ пойдутъ они по нашимъ ущелиямъ, такъ мы сверху раскроемъ имъ черепа камнями; пропадетъ охота лазить къ намъ. *(Сходитъ внизъ)*. Вы, бабы! не ревѣть безъ толку! Надежда наша на Бога, на нашу силу, да на эти горы. Жакъ, ну что тамъ, не ужели ничего не видно?

Жакъ, *(стоя на вершинѣ горы)*. Ничего, Меранъ; одинъ дымъ, да ружья блестятъ; не видать солдатъ, ни нашихъ, ни неприятельскихъ.

Филиппъ. По мнѣ, неприятельскихъ - то хоть бы вовсе не видать.

Маркиза. Я умру отъ страха, мои нервы такъ ослабѣли.

Филиппъ. Не мудрено, ваше сіятельство: я мужчина, да моимъ нервамъ не лучше. Вотъ, если бы у неприятеля было точно такое же мужество, какъ у меня, вся его пѣхота и кавалерія давно бы положили оружіе.

Фаншетта. Стыдитесь, дворецкіи: дѣвушка простиительно

трусить въ такую минуту, а вы—мужчина; вы должны показывать болѣе мужества.

Филиппъ. Что вы вздоръ—то болтаете! ну какъ вы будете показывать то, чего у васъ нѣтъ! Мужчина!.. Отъ страха я даже не знаю теперь, мужчина ли я въ самомъ—дѣлѣ, или женщина. Всего бы лучше, еслибъ денька на два я могъ быть ничѣмъ.

Маркиза. Какой злой демонъ заставилъ меня пріѣхать именно теперь въ мое помѣстье.....

Фаншетта, (Филиппу). Всему виноваты вы, все несчастіе отъ васъ,

Филиппъ. Я?... развѣ я виноватъ, что непріятель дѣлаетъ преглупыя движенія и идетъ туда, гдѣ его не ждуть? И вѣдь именно туда, гдѣ мы. — Сегодня хотѣли выѣхать... какъ бы не такъ! всѣ дороги заняты непріятелемъ и мы сидимъ, какъ въ западнѣ.

Жакъ, (наверху кричитъ). Наконецъ—то! наконецъ—то!

Филиппъ, (въ испугъ). Что тамъ такое? непріятель, что ли?.. Ради Бога, спрячьте меня куда-нибудь!

Меранъ. Ура! побѣда! непріятель бѣжитъ безъ оглядки! Ура!

Филиппъ, (отъ утомленія опускается на дерновую скамью). Ур.... языкъ отнялся — такой быстрый переходъ отъ смерти къ жизни... Фаншетта, кричи за меня, пожалуйста.

Меранъ. Вотъ теперь ужъ кавалерія поработаетъ! въ погоню! отрядъ пѣхоты идетъ къ намъ въ деревню.

Филиппъ. Какая пѣхота? непріятельская? наша?

Меранъ. Наша.

Филиппъ. Ваше сіятельство, не прикажите ли готовиться къ отъѣзду? Въ военное время, плохо имѣть дѣло съ военными, будь это непріятель или свой, все равно.

Меранъ. Ну, братцы, несите опять все по домамъ; опасность прошла. Готовьте поѣсть, попить нашимъ гостямъ. А вы дѣвицы—красавицы, будьте съ солдатами ласковы, да только не черезъ чуръ.

Дѣвушки, (смѣются). Не беспокойтесь, Меранъ. (Крестянки уходятъ).

Меранъ, (маркизу). Не будетъ ли угодно вашему сіятель-

ству возвратиться въ замокъ? теперь назначать здѣсь военный постой: того и гляди, выйдутъ какія-нибудь неприятности. маркиза. Благодарю васъ, любезный Меравъ; вы такъ заботитесь обо мнѣ. (*Уходитъ; вслѣдъ за нею уходятъ Меравъ и все крестьяне*).

Фаншетта, (*Филиппу*). Вѣдь храбрость хорошая вещь для мужчины? Не правда-ли? А ваша лихорадка прошла? ха, ха, ха! (*Уходитъ*).

Филиппъ. Однакожъ, я соберусь съ духомъ и докажу мамзель Фаншеттѣ, что и во мнѣ есть кое-что похожее на храбрость. Напримѣръ, перваго солдата, который (*Трульонъ входитъ, но Филиппъ его не замѣчаетъ*) мнѣ попадется, я остановлю, и, взглянувъ ему прямо въ глаза, скажу: «Имѣю честь поздравить васъ съ добрымъ утромъ!» (*Хочетъ идти*).

Я В Л Е Н І Е II.

Филиппъ, Трульонъ. (*Волосы, усы и бакенбарды спыде; грубая солдатскія манеры, но въ сценѣ съ Марією проглядываетъ въ немъ много чувства*).

Трульонъ. Стой!

Филиппъ. Опять начинаетъ трясти лихорадка, а то я зналъ бы, что сказать ему.

Трульонъ. Ты здѣшній?

Филиппъ, (*дрожа*). Да-съ... отчасти.

Трульонъ, (*смѣясь*). Голова-то хоть здѣсь-ли?

Филиппъ. Я полагаю.

Трульонъ. А душа, кажись, въ пятки ушла. Да что ты ногами-то болтаешь, какъ на висѣльцѣ? Пущечная лихорадка, или что другое? ужъ, братъ, не шпионъ ли ты?

Филиппъ. Увѣряю васъ, что я не умѣю быть шпиономъ.

Трульонъ. Это, впрочемъ, видно! Ну, кто же ты такой?

Филиппъ. Дворецкій ея сіятельства, маркизы....

Трульонъ. А! владѣтельница этой земли?

Филиппъ. Къ вашимъ услугамъ, г-нъ офицеръ.

трульонъ. То-есть, фельдфебель; я привелъ квартирьеровъ. Полкъ будетъ вечеромъ.

филиппъ. Очень пріятно слышать.

трульонъ. Ты можешь сказать здѣшнимъ обывателямъ, что въ нашемъ полку дисциплина соблюдается строго; мы покровительствуемъ мущинамъ, если они честные люди, и женщинамъ, если онѣ хорошенькія.

филиппъ. Очень человѣколюбиво съ вашей стороны.

трульонъ. Въ замокъ назначено на постои Пятдесятъ человѣкъ.

филиппъ. Помилуйте, сущая бездѣлица! (*про себя*) Пятдесятъ человѣкъ! Вотъ тебѣ на!.. Теперь не дамъ покоя маркизѣ, пока мы не уѣдемъ.

трульонъ. Маркиза останется здѣсь?

филиппъ. Ни за что-съ. Мы уѣждаемъ, если вы соизволите на это, г. офицеръ.

трульонъ (*опять поправляя его*). Фельдфебель!.. Но ей нужно будетъ получить пропускъ изъ главной квартиры; иначе ее задержать на форпостахъ. — А маркиза молода?

филиппъ (*про себя*). Вишь куда мѣтить (*громко*). Старушка, старушка! г. офицеръ,

трульонъ (*сердито*). Фельдфебель!

филиппъ, Помилуйте, какой я фельдфебель? я вдовецъ и дворецкій (*про себя*). Что это онъ все называетъ меня фельдфебелемъ?

трульонъ, (*про себя*). Малый глуновать немного (*вслухъ*). Теперь,halbwegs кругомъ, г. дворецкій. Похлопочите о помѣщеніи для насъ въ замкѣ. За вино и мясо мы платимъ наличными.

филиппъ. Жарить будемъ даромъ, и салатъ безъ платы. — Бѣгу, бѣгу, г. офицеръ.

трульонъ. Фельдфебель, чортъ возьми!

филиппъ (*про себя*). Стоитъ таки на своемъ, упрямая голова! (*Вслухъ*). Все явится къ вашимъ услугамъ, высокопочтеннѣйшій, ваши господа-сослуживцы будутъ совершенно-довольны. Я поспѣшу исполнить ваше приказаніе. (*Про себя*). Ея сіятельство должна непременно выѣхать. Пускай другой кто повозится съ этими грубіянами!

трульонъ. Что ты ворчишь тамъ сквозь зубы?

Филиппъ. Ничего — съ, ничего — съ. Да и какъ же мнѣ вращать сквозь зубы, когда у меня зубовъ нѣтъ? Мнѣ такъ приятно познакомиться съ вами.

Трульонъ (смѣясь.) Со-временемъ, мы еще покороче познакомимся.

Филиппъ. Много чести! (уходя.) Покороче... (подражаетъ рукой палочнымъ ударамъ.) Знаемъ мы! Господи унеси насъ поскорѣе отсюда. (уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е Ш.

Трульонъ (одинъ.)

Уцѣлѣла таки опять моя сѣдая голова. Кажется, въ послѣдній разъ удалось понюхать пороха; подпишутъ миръ, — а тамъ и отправайся на зимнія квартиры, въ богадѣльню. Что она? Ужъ развѣ я такой старикъ, всего то седьмой десятокъ пошелъ; пятьдесятъ на службѣ; восемь дрянныхъ ранъ, фельдфебель, знакъ отличія, стойка хоть куда, здоровыя ноги, ѣмъ за двоихъ — и въ богадѣльню! Нѣтъ, далека еще пѣсня! Выгнать изъ казармъ въ одни ворота, такъ я ворвуеь въ другія. Фельдфебель — отецъ всей роты; знамя — наша общая мать; добрый сынъ никогда не покинетъ матери, развѣ лихая пуля отправитъ его туда, гдѣ нѣтъ ни пороха, ни штыковъ. Да гдѣ же наша дочка, наша полковая шалуныя? Вѣрно съ резервомъ явится. Да вотъ она идетъ! чортъ поберитъ! наша дочка — молодець хоть куда. Экая досада, что мнѣ седьмой десятокъ! вотъ ужъ была бы фельдфебельша! весь полкъ прибрала бы къ рукамъ!

Я В Л Е Н І Е ІV.

Трульонъ и Марія.

МАРІЯ.

Тра ла ла, тра ла ла!..

Намъ гроза навстрѣчу шла,

Битва страшная кипѣла;
 Но вступали въ бой мы смѣло,
 И лихая рота цѣла:
 Тра ла ла!..
 Днем и ночью, чрезъ болоты,
 Да курганы, впереди
 Молодецкой нашей роты
 Шоль я съ радостью на груди.
 Воздухъ рѣзали картечи,
 Озарялась ночи мгла...
 И любилъ съ врагами встрѣчи,
 Бился бойко... Тра ла ла!..

Трульонъ. Здравствуй, Марія! здравствуй!

Марія. Ахъ, папенька Трульонъ! съ вами ничего не случилось? Вы здоровы? Господи, благодарю Тебя. Вы не знаете, какъ билось у меня сердце, когда приносили раненныхъ изъ нашего полка!

Трульонъ. Ты была близко?

Марія. Разумѣется, папенька! сражаться вмѣстѣ съ моими отцами я не могу, но когда кто изъ васъ раненъ, я должна тотчасъ спѣшить къ вамъ, облегчать ваши страданія, утѣшать васъ. Спросите только нашего полковаго лекаря: онъ расскажетъ, какъ я славно распоряжаюсь... гораздо лучше подлекаря! — Вы знаете его, папенька! Ну, глупый этотъ толстякъ, всегда копаются, да, еще спросить (*передразнивая*): «что у тебя, дружокъ, болитъ? покажи языкъ» (*Своимъ голосомъ*) И пока соберется, у того ужъ давно ничего не болитъ.

Трульонъ. Что и говорить! ты у насъ умница, краса цѣлаго полка (*хочетъ ее обнять*). Дай, поцѣлую тебя.

Марія (*отступаетъ отъ него*). Не горячитесь, г. фельдфебель, не угодно ли поздороваться по-военному? (*Становится во фронтъ и прикладываетъ правую руку къ головь*.) Г. фельдфебель, имѣю честь явиться.

Трульонъ (*смѣется*). Плутовка! — ну пожалуй! (*Прикладываетъ руку къ киверу*.)

Марія. Ну вотъ такъ, папенька Трульонъ. Это другое дѣло (*бросается къ нему и обнимаетъ*). Я сама съ радостію обниму

тебя; хоть у меня и много отцовъ, но я тебя всегда любила больше всѣхъ.

Трульонъ. Клянусь, если бы ты должна была оставить полкъ, Богъ знаетъ, останусь ли я тогда самъ.

Марія. Сегодня, папенька Трульонъ, ты весель по-прежнему, не такъ, какъ вчера.

Трульонъ. Какъ вчера? я всегда весель, чортъ возьми! Ужъ не выходитъ ли по твоему, что я задумался передъ сраженіемъ?

Марія. Совсѣмъ не то! ужъ сейчасъ и вспылить! молодая кровь разыгралась, что ли? ужъ говори себѣ, что хочешь, меня не разувѣришь; я сама видѣла.

Трульонъ. Ну, что ты видѣла? что?

Марія. Какъ у папеньки Трульона выкатилась слеза и какъ онъ ее вытеръ съ сѣдыхъ усовъ... Не бойсь, не правда? ну, фельдфебель второго полка, скажи по чести, правда или нѣтъ?

Трульонъ. Ну, пожалуй, правда. Мнѣ стало тяжело на сердцѣ, не такъ, какъ бываетъ у труса передъ сраженіемъ; а какъ у храбраго солдата послѣ битвы. Видишь что, Марія: я вспомнилъ о томъ, какъ, девятнадцать лѣтъ назадъ, проходилъ я этими горами съ храбрыми товарищами, которыхъ теперь нѣтъ ни одного со мною. Непрiятель бѣжалъ, дорога завалена была повозками, пушками, ранеными, убитыми; вдругъ, видимъ мы, на самой дорогѣ, почти подъ конскими копытами, — ребенокъ! малютка улыбалась и протягивала къ намъ ручки...

Марія (*тронутая*). Это была я....

Трульонъ. Вѣдь жаль бѣднаго ребенка, сказалъ старшій нашъ майоръ — вѣчная ему память! Возьмите его, братцы, и будемте ему отцами. Онъ поднялъ тебя надъ своей головой; мы кинули фуражки вверхъ и гаркнули. «Ура! наша дочка!» На полѣ сраженія тебя окрестили, и съ тѣхъ — поръ ты стала дочкой нашего полка.

Марія (*съ гордостью*). Лучшаго полка въ цѣлой арміи...
Ура!

Трульонъ. Ура! — Воспитаніе твое было блистательное, только мы избаловали тебя и слушаемся, какъ барабана; даже рекруты, какъ идутъ мимо тебя, непременно отдадутъ тебѣ честь и закричатъ: «Здравія желаемъ нашей дочкѣ!»

МАРІА. А я всегда отвѣчаю: Здравствуйте, милые отцы мои!

ТРУЛЬОНЪ. Ужъ какъ мы старались отыскать твоихъ родителей, все напрасно, и письмо не помогло, которое мы нашли въ твоихъ пеленкахъ; оно всегда при мнѣ, въ моей сумкѣ.

МАРІА. Добрый Трульонъ!

ТРУЛЬОНЪ. Мы приняли на себя всѣ родительскія обязанности. Если случится, что сердце твое избересть постоянную квартиру; то отецъ твой, то-есть, весь второй полкъ, обязанъ собраться и устроить для тебя все, какъ слѣдуетъ.

МАРІА. Поди ты! какой вздоръ! до этого еще далеко.

ТРУЛЬОНЪ. Ты думаешь, далеко? Богъ вѣсть, сердце чашенько въ бѣгахъ, не успѣешь уберечься *(протяжно.)* И если товарищи говорятъ правду....

МАРІА *(смѣшавшись.)* Товарищи?

ТРУЛЬОНЪ. Да, да! они разказываютъ, что видѣли, какъ недавно кто-то старался пробраться къ тебѣ, но наткнувшись на одного изъ твоихъ отцовъ, пустился опять назадъ. Ну, дочь втораго полка, правду ли они говорятъ? дай честное слово, что не будешь хитрить со мною!

МАРІА. Честнаго слова не дамъ... ты знаешь, что я никогда не хитрю.

ТРУЛЬОНЪ. Послушай, Марія: второй полкъ высоко цѣнитъ свою честь; доказательствомъ тому ты сама.

МАРІА. И я не нанесу ему безчестія; я женщина, но воспитана между мужчинами, и характеръ у меня мужской *(треплетъ его по плечу)*. Я вѣдь выросла между героями, которые не одинъ разъ заслуживали офицерскіе эполеты.

ТРУЛЬОНЪ, *(сквозь зубы)*. И я давно бы получилъ ихъ, да самъ не захотѣлъ.

МАРІА. Знаю, знаю! Ты теперь старшій фельдфебель и, вмѣстѣ со мной, старшій солдатъ въ полку; а тогда, чтобы ты былъ? Самый младшій прапорщикъ изъ всѣхъ. Куда, какъ было бы забавно!

ТРУЛЬОНЪ. Ну, да хорошо. Шутками-то не отвертись отъ меня; ты должна признаться, а не то я въ состояннн...

МАРІА. Отдать меня подъ военный судъ, что ли?—Пожалуй, все разскажу; важнаго ничего не случилось: маленькая форпостная перестрѣлка по части сердечной. Сперва выслушай, а

потомъ ворча, сколько хочешь (помолавай, другимъ тономъ). Представь себѣ, папа: разъ, утромъ, вышла я изъ лагеря погулять по горамъ и нарвать цвѣтовъ; долго лазила я съ горы на гору; вдругъ вижу надо мной чудесный яркій цвѣтокъ. Мнѣ чрезвычайно захотѣлось приколоть его себѣ на шляпу. Вотъ онъ еще здѣсь, на моей груди и останется навсегда, чтобы напоминать мнѣ этотъ день... Съ камня на камень начинаю я подниматься, цѣпляюсь за кусты, протягивая руку, срываю цвѣтокъ... Вдругъ земля подо мной обрывается и я падаю....

трульонъ. Господи Боже мой!

марія. Не бойтесь, папенька, я упала на руки какого-то молодого человѣка.

трульонъ. Чортъ поберитъ.

марія. Да что ты перебиваешь меня. Дослушай до конца.

трульонъ. Не хочу слушать, и этого довольно; молодая дѣвушка должна падать только на руки своего отца.

марія. Да вѣдь я не могла же все время висѣть на воздухѣ и дожидаться, пока отецъ мой, цѣлый второй полкъ выступитъ изъ лагеря ко мнѣ на помощь.

трульонъ. И то правда! Ну, что же этотъ молодой человѣкъ.

марія. Онъ очень хорошъ собою, учтивъ, любезенъ...

трульонъ. Такъ, такъ! При первой встрѣчѣ, молодые люди всегда учтивы; они ужъ тогда начинаютъ грубить, когда покороче познакомятся.

марія. Ты знаешь это по опыту, папа?

трульонъ. Молчать, повѣса! Я хочу знать, кто такой этотъ молодчикъ?

марія. Кто онъ? Объ этомъ я его не спросила, да мнѣ все равно, кто бы онъ ни былъ; знаю только, что онъ молодець, и что у него должно быть доброе сердце. Впрочемъ, я думаю... Онъ, что-то въ родѣ фермера или лѣсничаго; что онъ не знатный баринъ,—въ этомъ я ручаюсь.

трульонъ. И послѣ ты еще часто съ нимъ видѣлась?

марія. Разумѣется! Когда я выходила изъ лагеря за покупками, онъ ужъ всегда дожидался меня на перекресткѣ, встрѣчалъ и провожалъ меня. И какъ онъ почтителенъ

со мной! Ну, просто не повѣришь! Взглянуть на меня не смѣетъ... Умора, да и только!

Трульонъ. Чортъ бы его побралъ!

Марія. Что ты? Да вѣдь онъ спасъ мнѣ жизнь!

Трульонъ, (*смѣшавшись*). То-есть... Напротивъ, чортъ бы его взялъ, если бы... Но онъ поступилъ прекрасно... То-есть... если... Но послушай, дочка, это глупая исторія... Ты должна быть осторожиѣе.

Марія. Развѣ ты думаешь, что я въ опасности.

Трульонъ. Конечно! Если дѣвушка девятнадцати лѣтъ разъ споткнулась, ни какой-дьяволъ не поможетъ ей встать.

Марія. Какъ бы не такъ! Сама встанетъ—вотъ и все!

Трульонъ. Ты думаешь, что это такъ легко.

Марія. Не безпокойся; все кончено: третьяго дни, когда полкъ выступилъ изъ лагеря, мы простились другъ съ другомъ, (*съ чувствомъ*). Славный мальи!—Богъ знаетъ, когда увидимся опять, солдатская жизнь: сегодня—здѣсь, завтра—тамъ.

Трульонъ. Тѣмъ лучше! Притомъ, ты знаешь, что замужъ выйти можно тебѣ только за одного изъ нашихъ, за храбраго солдата втораго полка. Это рѣшено.

Марія. Правда, правда, я дала вамъ слово, (*другимъ тономъ*). Ужъ это самое меньшее, что я должна была сдѣлать, чтобы доказать свою благодарность за всѣ ваши благодѣянія. И неужели ты думаешь, что я въ состояннн оставить мой полкъ, оставить тебя, папенька Трульонъ? (*тяжело вздохнувъ*) Этому никогда не бывать! (*Шумъ за сценою*).

Трульонъ. Что тамъ такое?

Марія. Это наши ребята, они ищутъ насъ; побѣгу, принесу имъ боченокъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Трульонъ, Лагранжъ, Лапьеръ и толпа солдатъ втораго полка, которые тащатъ Антоана.

Лагранжъ. Тащите, мошеника къ фельдфебелю, онъ узнаетъ шпионовъ за тысячу шаговъ.

Антоанъ. Пустите меня, какой я шпионъ!

Трульонъ. Что это за молодець? Гдѣ поймали его? Зачѣмъ и за что?

Лагранжъ. Этотъ голубчикъ, должно быть, одинъ изъ стрѣлковъ, которые своими меткими пулями надѣлали намъ столько хлопотъ. Все прятались; не бойсь, въ чистое поле не выходили. Ну, за чѣмъ всю дорогу крался за нами, какъ воръ? Чего искалъ?

Антоанъ. Я искалъ дѣвушку.

Трульонъ. Басни, братъ; мы отобьемъ у тебя охоту искать; разстрѣляйте его тамъ, по-ту-сторону деревни. *(Солдаты схватываютъ Антоана и затыкаютъ тащитъ).*

Антоанъ, *(стараясь вырваться).* Да выслушайте меня; вы ошибаетесь, меня никогда не было съ тѣми стрѣлками, на которыхъ вы сердитесь.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Марія.

Марія. Что это у васъ за шумъ? *(видитъ Антоана и вскрикиваетъ).* Антоанъ!

Антоанъ. Марія!

Марія. Что вы хотите съ нимъ дѣлать?

Лагранжъ. Почти что ничего; такъ, немножко разстрѣлять.

Марія. Смѣйте только! моего друга.

всѣ. Ея друга?

Марія. Зачѣмъ вы пришли сюда?

Антоанъ. Я васъ искалъ.

Трульонъ. Чортъ возьми, ужъ не тотъ ли это молодець, что ловить дѣвушекъ на-лету?

всѣ солдаты. Онъ шпионъ! Неприятельскій шпионъ!

Марія. Какъ бы не такъ! Влюбленный развѣ можетъ быть шпиономъ? Онъ спасъ мнѣ жизнь и теперь пришелъ навѣстить меня, а вы такъ грубо обошлись съ нимъ, да еще ни съ того ни съ сего хотите разстрѣлять.

всѣ. Ну, это дѣло другое!

Трульонъ. Застрѣлить, разумѣется, теперь ужъ нельзя.

Марія. Я думаю, что нельзя.

ЛАГРАНЖЪ. Мы лучше вышьемъ за его здоровье, если онъ точно спасъ жизнь нашей дочери.

АНТОАНЪ, (Маріи). Наконецъ-то удалось мнѣ опять васъ увидѣть. Неужели вы сердитесь на меня?

МАРІА. Да и нѣтъ, (тихо). Молчите, послѣ поговоримъ, (громко). Конечно, надо вышить за его здоровье. Притащите-ка мою тележку, тамъ цѣлый боченокъ вина. (Нѣсколько солдатъ уходятъ).

ТРУЛЬОНЪ, (глядя на Антоана, про себя). Такъ это онъ! съ перваго раза я не разсмотрѣлъ его хорошенько... Нельзя сказать, чтобы уродъ; но все-таки это ни къ чему не поведетъ. (Солдаты подкатываютъ на сцену маленькую тележку, покрытую холстомъ).

МАРІА. Ну, отцы мои, разбирайте скорѣе чарки. Веселій. Солдаты народъ веселый,

— ТРУЛЬОНЪ, (про себя). Экая лукавая! хочетъ задобрить ребятъ... Только со мной трудно будетъ тебѣ сладить. Выпровожу отсюда этого молодчика, не дамъ ему слова сказать съ нею.

МАРІА, (въ чаркою). Возьми чарочку, папенька Трульонъ: послѣ жаркаго боя, вино вкуснѣе.

ВСЬ, (составляютъ группы съ чарками въ рукахъ). Да здравствуетъ спаситель нашей дочери!

АНТОАНЪ, (съ удивленіемъ). Нашей дочери?

МАРІА, (смѣясь). Ты удивляешься? Это совершенная правда.

ТРУЛЬОНЪ. Если пить, такъ ужъ и пѣть. Спой-ка нашу полковую.

ВСЬ. Полковую, Марія!

МАРІА. Пожалуй, вы только не отставайте.

Когда пройдетъ война,

Въ поляхъ затихнетъ бой,

И мирно знамена

Струятся надъ тобой,

Мой полкъ родной, мой полкъ отважный,

Тебѣ народы шлютъ привѣтъ,

И громкой славы гулъ протяжный

Стремится за тобою вслѣдъ....

Не страшень твой приходъ:

На встрѣчу знаменать,

Вездѣ бѣжитъ народъ
 И радуется намъ.
 Лишь бѣдные мужья
 Отъ ревности горятъ,
 Завидя сталь ружья,
 Красавцевъ длинный рядъ,
 Когда тебя, мой полкъ отважный,
 Встрѣчаетъ радостный привѣтъ,
 И громкой славы гулъ протяжный,
 Стремится за тобою вслѣдъ.

Всѣ.

Да здравствуетъ второй пѣхотной.

Трульонъ. Экой дьяволенокъ, прости Господи! такъ вотъ кровь и закипѣла, не будь я фельдфебель Трульонъ, если послѣ этой пѣсни не полѣзу одинъ на неприятельскую батарею! — (Барabanъ бьетъ сборъ за сценой). Ну—какъ сборъ!—Эй! маршъ въ лагерь! проворнѣй! и ты, братъ, убирайся отсюда, да помни, смотри: мы не любимъ шутить. Не всегда примемъ тебя такъ ласково.

МАРІА. Ужасно ласково!

Трульонъ. На этотъ разъ и угостили, чѣмъ Богъ послалъ.

МАРІА. Даже свинца съ порохомъ собирались поднести!

Трульонъ. А теперь пора тебѣ домой.

МАРІА. Нѣтъ, Антоанъ, останьтесь, пожалуста: папенька Трульонъ шутить. Мы еще поболтаемъ часокъ. (Беретъ Антоана за руку, оборачивается спиной и хочетъ идти съ нимъ; они находятся на правой сторонѣ сцены отъ зрителей; Антоанъ ближе къ кулисъ).

Трульонъ (командуетъ полнымъ голосомъ). Дочь второго полка, стой! въ пол-оборота на пра-во, тихимъ шагомъ! Маршъ!

МАРІА. (Неволью останавливается и потомъ исполняетъ всю команду, хотя съ явнымъ неудовольствіемъ. «Команда въ пол-оборота на пра-во! Маршъ!» заставляетъ ее отвернуться отъ Антоана и стать вкось къ зрителямъ. Теперь говоритъ она плачевнымъ голосомъ скороговоркой). Нечего дѣлать, прощай, Антоанъ! Самъ видишь: служба! (Потомъ начинаетъ маршировать тихимъ шагомъ, отъ зрителей вкось по сценѣ и, поровнявшись съ Трульономъ, говоритъ ему). Не стыдно ли быть такимъ

злымъ! Отплачу же я вамъ, мильй папенька. *(Маршируетъ да-
лье)*. Вырвать меня изъ рукъ моего Антоана! погоди же, съ-
дой! Будетъ и на моеи улицѣ праздникъ. *(Слова, обращенныя
къ Антоану и Трульону произноситъ она, остановясь передъ
ними, но продолжая маршировать на мѣсть)*.

АНТОАНЪ. Прощайте, Марія! прощайте навсегда!

МАРІА *(остановившись)*. Пустыки! мы еще увидимся!

ТРУЛЬОНЪ *(командуетъ)*. На лѣво кру-гомъ! скорымъ шагомъ,
маршъ!

МАРІА *(топаетъ ногою)*. Чортъ побери! *(потомъ, исполнивъ
команду, уходитъ скорымъ шагомъ, все оглядываясь)*.

ТРУЛЬОНЪ. *(смѣется)*. Четыре ведѣли не добыюсъ отъ нея
ласковаго слова—знаю—знаю! ха! ха! ха! За то ужъ команду
исполняетъ — ни гу-гу! пикнуть не смѣетъ! хорошая выйдетъ
жена, если только мужъ будетъ настоящимъ командиромъ. —

(Солдатамъ). Ну, ребята, на пле-чо! вольнымъ шагомъ, маршъ!
*(Всѣ уходятъ въ противоположную
сторону. — Сцена на короткое время
остается пустою)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

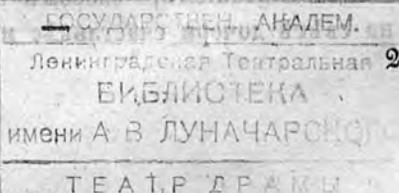
МАРІА *(одна)*.

*(Она выходитъ очень осторожно, оглядываясь внима-
тельно во всѣ стороны)*.

Этакая упрямая голова у этого Трульона! прямой солдатъ!
Штатаксаго можно кое-какъ уговорить, а солдатъ только и
знаетъ три дороги. Нельзя взять въ пол-оборота направо, —
такъ ступай въ пол-оборота налѣво, если и тутъ не удастся,
такъ маршъ прямо впередъ, ничего ужъ не разбирая... Уве-
ли таки моего Антоана; да и сама-то я дура. Папенька закри-
чалъ, а я тотчасъ и послушалась... досадно!

(садится на дерновую скамью и задумывается).

Т. III. Отд. I.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

МАРІЯ, АНТОАНЪ.

(Онъ показывается на горѣ и оглядывается во всѣ стороны. Увидвъ Марію, сбѣгаетъ внизъ, останавливается на скатѣ горы и зоветъ въ полголоса).

АНТОАНЪ. Марія!

МАРІЯ (не оглядываясь). Что это? его голосъ? неужели онъ воротился? (оборачивается и бѣжитъ къ нему). Антоанъ! милый Антоанъ!

АНТОАНЪ. Марія, безцѣнная моя Марія!

МАРІЯ. Какимъ образомъ вы опять здѣсь? Вѣдь... вы ушли съ солдатами....

АНТОАНЪ. Вы хотите сказать, увели меня. Сначала я шелъ смирно, какъ будто по своей охотѣ, а возлѣ оврага, знаете, гдѣ здѣсь-то начинается—кинулся со всѣхъ ногъ въ сторону, а потомъ сюда... бня было за мной... куда! и слѣдъ простылъ, теперь ужъ я не оставлю васъ, пускай хоть повѣсятъ или разстрѣляютъ.

МАРІЯ. Будто вы ужъ такъ привязаны ко мнѣ, г. Антоанъ?

АНТОАНЪ. Я съ ума схожу отъ васъ. Но ваши солдаты мнѣ не нравятся; люди совершенно безъ характера! А ужъ этотъ старшій мѣдвѣдъ совершенно мнѣ не по нутру!

МАРІЯ. Этого не смѣйте бранить, онъ мой отецъ.

АНТОАНЪ, (смутившись). Сѣдой-то? Ахъ извините... я не зналъ. Я говорю про этого високаго, что стоялъ впереди....

МАРІЯ. И тотъ тоже мой отецъ.

АНТОАНЪ. Какъ? то есть, я разумѣлъ другаго... немного ниже ростомъ... они стояли возлѣ....

МАРІЯ. И тотъ тоже мой отецъ.

АНТОАНЪ (совсѣмъ смутившись). Помилуйте! Да сколько-же у васъ отцовъ?

МАРІЯ. Полторы тысячи.

АНТОАНЪ. Какъ бы не такъ! Весь полкъ?

МАРІЯ. Точно такъ! мой отецъ — цѣлый полкъ. Ему обязана я жизнию, воспитаніемъ, — словомъ всѣмъ и до-сихъ-поръ не было на свѣтѣ дочери счастливѣе меня.

АНТОАНЪ (*про себя*). Вотъ тебѣ разѣ! прошу покорно добиться согласія полторы тысячи отцовъ.

МАРІА. Но мы не должны терять времени, милый Антоанъ, — Зачѣмъ вы пришли сюда? что вамъ надобно?

АНТОАНЪ. Ахъ, Боже мой! Что за странный вопросъ! вы мнѣ надобны: безъ васъ я жить не могу.

МАРІА. Да что съ вами? здоровы ли вы? у васъ глаза такъ и играютъ.

АНТОАНЪ. Это отъ любви. Вылечите меня.

МАРІА. Я? Вы чудакъ! чѣмъ же я вылечу васъ?

АНТОАНЪ. Не смѣю сказать....

МАРІА. Да ну-те скорѣе!

АНТОАНЪ. Обѣщайте, что не разсердитесь на меня.

МАРІА. Честное слово!

АНТОАНЪ. Мнѣ...мнѣ...мнѣ бы хотѣлось одного поцѣлуя.

МАРІА. Только-то! Сейчасъ видно, что не военный.... пожалуй, согласна.

АНТОАНЪ (*обнимаетъ и цѣлуетъ*). Теперь ты моя, Марія! не правда ли?

МАРІА. Твоя, Антоанъ, навѣки!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢЖЕ И ТРУЛЬОНЪ.

ТРУЛЬОНЪ (*входитъ, когда онъ цѣлуетъ ее*). Чортъ побери! (*приближается*). Онъ опять здѣсь.

АНТОАНЪ. Трульонъ!

МАРІА. Ну что жъ такое? (*Антоанъ*). Ты не смотри на него. Главное дѣло въ томъ, что я тебя люблю и что ты меня любишь.

ТРУЛЬОНЪ. Что, что? ужъ пошло на ты? вотъ какъ! Ну дочь втораго полка, ты ведешь себя отлично!—Что будетъ дальше?

МАРІА. Опять, папенька, разкричались! что же тутъ по вашему дурнаго?

ТРУЛЬОНЪ. Развѣ годится цѣловаться?

МАРІА. Эка бѣда! Стоитъ ли подымать такой шумъ изъ-за одного поцѣлѹя?

АНТОАНЪ (*беретъ ее за руку*). Простите, Марія, всему виновать—я.

ТРУЛЬОНЪ (*становится между ними*). Стой! нальво кругомъ! маршъ!

МАРІА. Небойсь, теперь не командуетъ прямо!

АНТОАНЪ. Г. фельдфебель, я люблю Марію.

ТРУЛЬОНЪ. А кто тебѣ позволилъ?

АНТОАНЪ. Странный вопросъ! да кто же, какъ не она сама.

ТРУЛЬОНЪ. Она сама? Врешь ты, чортовъ сынъ! Марія можетъ позволить любить себя только храброму солдату второго пѣхотнаго полка. Это рѣшеное дѣло. Не прошло еще часа, какъ она сама поклялась въ этомъ, а—честнаго слова назадъ взять нельзя.

АНТОАНЪ (*боязливо*). Неужели все это правда?

МАРІА. Да, Антоанъ, я дала честное слово выйти замужъ непременно за одного изъ нашихъ солдатъ, если только выйду замужъ. Но будьте спокойны, я твердо рѣшилась не выходить... Этого мнѣ никто не можетъ запретить (*Трульону*). Понялъ ли ты? а?

АНТОАНЪ. Напротивъ, ты должна выйти замужъ и именно за меня.

ТРУЛЬОНЪ. Послушай, братъ, не серди меня.

АНТОАНЪ (*смыло*). Тебя я ужъ больше не боюсь, Марія меня любить и дѣло съ концомъ. Теперь я знаю, что дѣлать. Ты вѣдь не одинъ у ней отецъ, а если я получу согласіе другихъ ся отцовъ, такъ и безъ тебя обойдется. Прощай, Марія, скоро ты услышишь обо мнѣ! (*уходитъ быстро*).

ЯВЛЕНІЕ X.

ТРУЛЬОНЪ. МАРІА.

ТРУЛЬОНЪ. Вишь какъ разходился! поймаю тебя, такъ судъ будетъ коротокъ. Не повѣшу, такъ разстрѣляю. Никто за нимъ и не поговится.

МАРІА. Я погонюсь за нимъ. Мало того, такой подниму шумъ и крикъ, что ты самъ не будешь радъ. Пойду къ полков-

нику, скажу, что у Трульона злое сердце, что онъ непохожъ на честнаго солдата. Велю посадить тебя подъ арестъ.

Трульонъ. Чортъ побори! посмотрѣлъ бы я, какъ ты велишь посадить меня подъ арестъ! Какъ ты смѣла сказать, что я нечестный солдатъ?

Марія. Какой же ты честный солдатъ? тысячу разъ скажу— ты тиранъ, злодѣй, больше ничего! а если весь полкъ приметъ твою сторону, брошу васъ всѣхъ, уйду. Что вы тогда сдѣлаете? А? (*становится во фронтъ*). Ну, скажи, что вы сдѣлаете? А? (*дѣлаетъ щелчокъ пальцами и перемѣняетъ положеніе*). Ровно ничего! я свободна, могу дѣлать, что хочу! перейду въ другой полкъ, гдѣ не разстрѣляютъ моего друга. Понялъ? теперь прощай! (*Уходитъ быстро*).

Я В Л Е Н І Е XI.

Трульонъ (*одинъ*). Марія! ну куда же ты? послушай! Нѣтъ, ушла! Теперь совсѣмъ взбунтовалась! Бѣда, когда избалуешь дѣтей. Но погоди дружокъ! вѣдь отецъ не одинъ: полторы тысячи заставятъ повиноваться! (*Ходитъ взадъ и впередъ и ворчитъ*) Погоди, капризница, справлюсь съ тобой?

Я В Л Е Н І Е XII.

Трульонъ. Филиппъ. Маркиза.

Филиппъ. Вотъ тотъ человѣколюбивый офицеръ, о которомъ я докладывалъ вашему сіятельству.

Маркиза. Ужъ одинъ видъ солдата меня пугаетъ.

Филиппъ. Со мной дѣлается еще хуже, ваше сіятельство, роль судорогъ. Но этотъ господинъ чрезвычайно любезенъ; я уже познакомился и могу подойти къ нему совершенно близко, — онъ мнѣ ничего не сдѣлаетъ.

Маркиза. Начни же съ нимъ говорить.

Филиппъ. Мнѣ начать? Я полагалъ, что одно слово вашего сіятельства будетъ имѣть болѣе вѣсу, потому-что... (*продолжаетъ говорить съ ней тихо*).

трульонъ (*про себя*). Это ей даромъ не пройдет! Если мнѣ нельзя будетъ разстрѣлять его, оставлю ему кое-что на память. (*подражаетъ рукой палочнымъ ударамъ.*)

филиппъ (*вполголоса*). Онъ дѣлаетъ какія-то подозрительныя пантомимы! Но такъ и быть, вѣрный слуга долженъ собою жертвовать для своихъ господъ. (*Приближается къ Трульону*). Г. капитанъ.

трульонъ. Какъ? (*оборачивается*). А! давишный дурень!

филиппъ (*маркизь*). Изволите видѣть, ваше сіятельство онъ знаетъ меня. Прелюбезный человекъ, съ нимъ очень пріятно разговаривать.

трульонъ. Что такое? что тебѣ надо?

филиппъ. Мнѣ? совершенно ничего, г. полковникъ. Ея сіятельство маркиза желаетъ говорить съ вами.

трульонъ. Милости просимъ. Что прикажете, сударыня?

филиппъ (*про себя*). Маркизу называютъ сударыней! (*громко*). Ея сіятельство маркиза....

трульонъ. Смирно!

филиппъ. Слушаю-съ, г. капитанъ.

трульонъ (*небрежно*). Фельдфебель.—(*Маркизь*). Чѣмъ могу служить?

филиппъ (*про себя*). Смягчается. (*громко*). Мы бы желали....

трульонъ. Смирно, говорятъ тебѣ!

маркиза. Я желаю сегодня выѣхать отсюда. Не можете ли сказать мнѣ, безопасны ли дороги?

трульонъ. Куда вы желаете ѣхать? въ какую сторону?

маркиза. Въ свой замокъ Маджіовеккіо.

трульонъ (*дѣлается внимательнымъ*). Позвольте, какъ вы назвали замокъ?

маркиза. Маджіовеккіо, это такъ же и моя фамилія.

трульонъ. Неужели? или я ошибаюсь! никогда не могъ я хорошенько запомнить... такое трудное имя... (*въ сильномъ безпокойствѣ*). Это такая странная исторія, но какое счастье для... Скажите, пожалуйста, почтеннѣйшая госпожа Мач... Мач....

филиппъ. Маджіовеккіо.

трульонъ. Скажите пожалуйста, ваше семейство не имѣло ли какихъ-нибудь сношеній съ барономъ Штернау?

МАРКИЗА, *(въ волненіи)*. Да, да!... баронъ Штернау былъ капитаномъ въ вашей службѣ.

ТРУЛЬОНЪ. Вы его знали?

МАРКИЗА, *(перлышительно)*. Да! то-есть, не я, но одна изъ моихъ родственницъ.

ТРУЛЬОНЪ. Тетка, сестра; что-нибудь этакъ?

МАРКИЗА. Да именно, это была моя сестра.

ТРУЛЬОНЪ. И сестрица ваша жива еще! Ради Бога, не скрывайте отъ меня ничего.

МАРКИЗА. Она давно скончалась, но послѣ нея остался ребенокъ отъ брака съ барономъ Штернау.

ТРУЛЬОНЪ. Дѣвочка?

МАРКИЗА. Да! почему вы знаете? ребенку было пять мѣсяцевъ, когда мать умерла. Отецъ долженъ былъ выступить съ полкомъ. Этому теперь девятнадцать лѣтъ.... Онъ поручилъ одному изъ старыхъ своихъ слугъ доставить ребенка ко мнѣ. Но дорогою попалъ на него турецкій разъѣздъ; старикъ былъ убитъ и съ нимъ лишилась я единственной наследницы моего богатства и моего имени.

ТРУЛЬОНЪ. Пойдите, пойдите.... *(роется торопливо въ сумку и вынимаетъ письмо)* Не знакомъ ли вамъ этотъ почеркъ?

МАРКИЗА, *(взглянувъ на письмо)*. Боже всемогущій! Это рука барона. Письмо ко мнѣ, что случилось съ ребенкомъ?

ТРУЛЬОНЪ. Благодаря Бога, она спасена, жива и здорова.

МАРКИЗА. Боже великій! можетъ ли это быть! Гдѣ же она? гдѣ же она? отвѣчайте скорѣе!

ТРУЛЬОНЪ. Можетъ быть, въ пятидесяти шагахъ отсюда.

МАРКИЗА. Боже мой! она здѣсь! добрая-ли, достойная-ли она дѣвушка? говори-же!

ТРУЛЬОНЪ. Кто? наша Марія? еще-бы нѣтъ! весь полкъ поручится за нее.

МАРКИЗА, *(съ удивленіемъ)*. Весь полкъ?

ФИЛИЦЦЪ, *(про себя)*. Нечего сказать, порука хоть куда!

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Т Ъ Ж Е И М А Р І Я .

МАРІЯ. Ну, чортъ возьми совсѣмъ. Вышили цѣлый боченокъ. *(Приближается, не замѣчая маркизы).*

ФИЛИППЪ. Ну, нечего сказать, мастерицы ругаться эти маркитантки!

МАРІЯ. Ага! папа Трульонъ еще здѣсь. Теперь онъ отплатитъ мнѣ. Вѣрно будетъ дуться. А вѣдь онъ отчасти правъ. Теперь сердце прошло, я вижу, что была виновата: надо помириться. *(Подаетъ ему руку).* Папаша!

ТРУЛЬОНЪ. Что угодно?

МАРІЯ. Ну хлопни! Станемъ опять друзьями. Полно притворяться, я вижу, что ты не смѣешь сердиться на меня. Твоя Марія никогда не оставитъ тебя.

МАРКИЗА, *(Филиппу)*. Марія! не ужели это она?

ФИЛИППЪ, *(Маріи)*. Вотъ штука, если эта маркитантка въ самомъ-дѣлѣ баронесса — то-есть, если эта баронесса маркитантка.

МАРІЯ. Да что ты такъ церемонишься, папаша? я вѣдь долго упрашивать не стану; дай руку—и дѣло съ концомъ.

ТРУЛЬОНЪ *(смотритъ на нее, отворачивается, проводитъ рукою по лицу и вздыхаетъ).*

МАРІЯ, *(съ участіемъ)*. Что это значитъ? что съ тобой случилось?

ТРУЛЬОНЪ, *(подаетъ ей руку)*. Со мной... ничего не случилось, Марія, или почти ничего. Но не правда-ли? ты никогда не забудешь нашего добраго полка? ты не забудешь насъ?

МАРІЯ. Забыть тебя? нашъ полкъ? у меня, вѣдь, другой семьи нѣтъ.

ТРУЛЬОНЪ. Другой семьи? теперь все перемѣнилось, ты теперь принадлежишь къ другой семьѣ, знатной, богатой!

МАРКИЗА. Это въ-самомъ-дѣлѣ она!

ФИЛИППЪ, *(про себя)*. Вотъ тебѣ на!

МАРІЯ, *(сомиываясь)*. Что это тебѣ вздумалось шутить?

МАРКИЗА. Нѣтъ, мой другъ; онъ нисколько не шутитъ, онъ тебѣ правду говорить.

МАРІЯ, *(Трульону)*. Что же ей нужно?

Трульонъ. Тебя ей нужно; ты ей племянница; она твоя тетка. *(Толкаетъ ее въ объятія маркизы).*

Марія. Какъ? вы моя тетушка? чортъ возьми, это славно.

Маркиза, *(про себѣ).* Боже мой! что за манеры у ней!

Филиппъ. Прекрасное воспитаніе! задастъ она намъ!

Трульонъ. Да, ваше сіятельство, эта та дѣвушка, которую мы нашли на полѣ сраженія и которая потомъ стала нашею дочерью.

Марія. Я представлю вамъ всѣхъ моихъ отцовъ. Славные люди! *(Трульону).* Вотъ одинъ изъ нихъ, на пробу. *(Теребитъ его за усы).* Только правду сказать: папенька Трульонъ пре-страшный упрямецъ.

Маркиза. О, я постараюсь вознаградить ваше попеченіе о ней.

Трульонъ. На этотъ счетъ не извольте беспокоиться.

Маркиза. *(громко Филиппу).* Скорѣ почтовыхъ лошадей. Я горю нетерпѣніемъ поскорѣи увезти въ замокъ бѣдную мою племянницу.

Марія. Какъ? мнѣ уѣхать, бросить свое хозяйство, то-варищей.

Маркиза. Все это ты теперь должна забыть, моя милая Марія, съ-этихъ-поръ ты должна вести новую жизнь, болѣе тебѣ приличную. Ты должна теперь же отправиться со мною.

Марія. На долго ли?

Маркиза. Навсегда!

Марія. Любезная тетушка, это не возможно.

Филиппъ. Ахъ, ты мой Господи!

Маркиза. Я желаю, даже приказываю тебѣ, чтобы ты ѣхала со мною.

Марія *(вспыхнувъ).* Это по какому праву?

Маркиза. По тому праву, что я сестра твоего отца, который, передъ смертью, поручилъ мнѣ заботиться о твоёмъ счастьи.

Марія *(тронутая).* Что вы говорите? мой отецъ?...

Маркиза *(отдавъ ей письмо Трульона).* Она знаетъ содержаніе?

Трульонъ. Нѣтъ.

Марія *(читаетъ).* «Любезная свояченица! завтра сраженіе! кто знаетъ, оставусь ли я въ живыхъ? Можетъ быть, я вижу мою дочь въ послѣдній разъ. Если меня убьютъ, не оставьте свроты. Вамъ поручаю всю ея будущность. Милая моя Ма-

рія почтениемъ и любовію вознаградитъ васъ за все, что вы сдѣлали для меня. Умру, ее благословляя. Баронъ Штернау». Ахъ, сударыня!...

Трульонъ (*тронутый.*) Нечего дѣлать, Марія! ты должна оставить насъ.

Марія. Ну, хорошо, я согласна, поѣду съ тетушкой, но только возьму васъ всѣхъ съ собою.

Филиппъ. Цѣлый полкъ? это недурно!

Трульонъ. Полно ребячиться, Марія; вѣдь это невозможно.

Маркиза. Пойдемъ же, Марія, пойдемъ!

Марія. Нѣтъ; я такъ не уйду; я должна еще разъ ихъ видѣть, простаться съ ними, по-крайней-мѣрѣ съ твоей ротой, папенька Трульонъ... Не знаю только, достанетъ ли у меня силъ.

Трульонъ (*говоритъ съ вошедшимъ барабанщикомъ.*)

Маркиза. Войдемъ на минуту въ этотъ домикъ.

Трульонъ. Твое желаніе будетъ исполнено, Марія.

Маркиза. Филиппъ, пошли поскорѣе за лошадьми.

Трульонъ. Да, Филиппъ, похлопочи.

Филиппъ. Сейчасъ, сейчасъ (*уходя.*) Наконецъ — то онъ пересталъ называть меня фельдфебелемъ! (*услыша барабанный бой убѣгаетъ со всѣхъ ногъ.*)

(*Маркиза, Марія и Трульонъ уходятъ въ домикъ.*)

(*Барабанный бой.*)

Я В Л Е Н І Е XIV.

Лагранжъ, Лапьеръ, Риго, потомъ Автоанъ,
(*въ солдатской шинели, фуражкѣ, и съ тесакомъ.*)

Лагранжъ. Что это значитъ? зачѣмъ быть сборъ?

Риго. Барабанщикъ говоритъ, что Трульонъ приказалъ.

Вотъ узнаешь, зачѣмъ.

(*Солдаты собираются со всѣхъ сторонъ.—Входитъ Автоанъ.*)

Лагранжъ. А, вотъ и новый рекрутъ.

Лапьеръ. Скажи, пожалуйста, что за причина, что ты вдругъ вздумалъ идти въ солдаты?

АВТОАНЪ. Причина — любовь.

(Другіе солдаты смѣются.)

ЛАГРАНЖЪ. Любовь? Не ревность ли полно? да въ солдаты — то зачѣмъ?

АВТОАНЪ. Потому что это единственное средство когда-нибудь жениться на ней.

ЛАГРАНЖЪ. Если это не секретъ, скажи намъ, кто она такая?

АВТОАНЪ. Вы все знаете ее: Марія, ваша дочь.

ЛАГРАНЖЪ. Ну братъ, на нее не рассчитывай! она за рекрута не пойдетъ. Мало ли между нами заслуженныхъ солдатъ?

АВТОАНЪ. Это мое дѣло.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣже и Трульонъ (выходитъ изъ домика).

ТРУЛЬОНЪ. Првзнаться откровенно, я самъ не свой.

АВТОАНЪ (подходитъ къ Трульону.) Г. фельдфебель, имѣю честь явиться!

ТРУЛЬОНЪ. Что за пропасть! никакъ это тотъ, что...

АВТОАНЪ. Тотъ самый... Изъ любви къ ней пошелъ въ вашъ полкъ.

ТРУЛЬОНЪ. Бѣдняга, бѣдняга! вотъ удивишь, какъ рассказать тебѣ.

АВТОАНЪ (съ безпокойствомъ.) Что же такое?

ТРУЛЬОНЪ. Да она — то вступила въ другую службу.

всѣ. Наша дочь? Это невозможно!

ТРУЛЬОНЪ. У ней отыскалась тетка, которая беретъ ее съ собою.

АВТОАНЪ. Боже мой! такъ я напрасно пошелъ въ солдаты.

Я В Л Е Н І Е Х V I .

Тъ же.—Филиппъ, Марія и Маркиза,

(выходятъ влѣтъ изъ домика.)

всѣ. Неужели правда, Марія, что ты оставляешь насъ?

МАРІА. Меня принуждаютъ.

АНТОАНЪ. И меня ты покидаешь, Марія?

МАРІА (увидѣвъ его.) Антоанъ! ты — ли это?

АНТОАНЪ. Да это я, изъ любви къ тебѣ надѣлъ я этого мундиръ.

МАРІА. Боже мой! Боже мой! Что мнѣ дѣлать?... Очень нужно было попасть въ какую — то знать! Богъ съ ней!

АНТОАНЪ (беретъ ее за руку.) Останься, Марія! (обращаясь къ другимъ.) Не пускайте ее.

ТРУЛЬОНЪ. Нѣтъ, она не можетъ остаться, не удерживай: для тебя и для насъ она умерла.

АНТОАНЪ. Не правда! не правда! если ты не останешься, Марія, я брошу все и пойду за тобою, хоть на край свѣта.

МАРІА. Положись на меня. Мы еще увидимся, я останусь тебѣ вѣрна.

АНТОАНЪ. Благодарю, благодарю, Марія!

ТРУЛЬОНЪ. Маркиза, Филиппъ. Пора! пора! въ послѣдній разъ, дочь второго полка, возьми барабанъ, сзови товарищей и простись съ нами. —

МАРІА (беретъ барабанъ и бѣжитъ.)

КАПРАЛЪ И ХОРЪ.

Когда барабанъ

Съ полковою трубой

Воинственный станъ

Призываютъ на бой,

Отвагой полна

Грудь храбрыхъ, и смѣло

Стремится она

На славное дѣло.

МАРІА. Прощайте, Пьеръ! Матье! Лагранжъ! Жакъ! Риго!
Прощайте всѣ.

Прощайте всѣ, кого я такъ любила,
 Съ кѣмъ провела счастливые года,
 Душа моя вашъ образъ сохранила....
 Прощайте всѣ... быть можетъ, навсегда.
 Лишь объ одномъ прошу въ часъ расставанья:
 О, сжальтесь, не плачьте надо мной....
 Храните обо мнѣ воспоминанье....
 Прощайте всѣ, прощай мой полкъ родной.

трульонъ. Перестань Марія! а не то и я, и весь полкъ раз-
 хнычемся, какъ старыя бабы! Въ послѣдній разъ дочь втораго
 полка спой намъ нашу полковую пѣсню!

всѣ. Да, да! полковую. —

МАРІЯ.

Когда пройдетъ война,
 Въ поляхъ затихнетъ бой,
 И мирно знамена
 Струятся надъ тобою,
 Мой полкъ родной, мой полкъ отважный,
 Тебѣ народы шлютъ привѣтъ,
 И громкой славы гулъ протяжный
 Стремится за тобою вслѣдъ....
 Не страшень твой приходъ;
 На встрѣчу знаменамъ
 Вездѣ бѣжитъ народъ
 И радуется намъ.
 Лишь бѣдные мужья
 Отъ ревности горять,
 Завида сталь ружья,
 — Красавцевъ длинный рядъ.
 Когда тебя, мой полкъ отважный,
 Встрѣчаетъ радостный привѣтъ,
 И громкой славы гулъ протяжный
 Стремится за тобою вслѣдъ.

Всѣ.

Да здравствуетъ второй пѣхотный.

(однихъ обнимаетъ, другимъ жметъ руки.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Маркиза Маджюбеккио		Г-жа Шелихова.
МАРІА		— Самойлова 1.
Филиппъ		Г. Мартыновъ.
Графиня де-Сен-Леонъ		
Альфонсъ, племянникъ ея.		
Лавилль, полковникъ		Г. Максимовъ 1.
Мирваль, аудиторъ		Г. Васильевъ 2.
Трульонъ, фельдфебель		Г. Григорьевъ 1.
Лагравжъ	унтеръ -	Г. Сергеевъ.
Лапьеръ		Второго полка.
Риго	офицеры	Г. Горшениковъ.
Ординарецъ		Г. Сосновскій.
Антоанъ		Г. Чайскій.
Фаншетта	Горничныя	Г. Самойловъ.
Шарлотта	маркизы	Г-жа Михайлова.
Жакъ, слуга		— Волкова 2.
Гости, солдаты. Слуга.		Г. Разказовъ.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ маркизы, спустя 15 мѣсяцевъ послѣ перваго.

Богато-убранная комната.—Нѣсколько дверей.

Я В Л Е Н І Е I.

Филиппъ. Фаншетта, (выходя разговариваютъ).

Филиппъ. Ну, мамзель Фаншетта, весело ли вы проводили время? Восемь мѣсяцевъ прогуляли, а маркиза отпускала васъ, кажется, только на шесть? Гм! Гм!

Фаншетта. Сдѣлайте одолженіе! Маркиза позволила мнѣ пробыть сколько нужно, чтобы устроить мои семейныя дѣла?

Филиппъ. То-то и есть! Свои дѣла-то вы устроили, а вы бы спросили, каково идутъ наши дѣла! Мы здѣсь все съ ума сходимъ: молодая баронесса повернула весь домъ вверхъ дномъ. Прошу покорно перевоспитать такую дурно-воспитанную, упрямую, молодую... барышню!

Фаншетта. Неужели она все еще такая же?

Филиппъ. Въ тысячу разъ хуже! Ни слова не смѣй ей сказать, тотчасъ, того и гляди, вспыхнетъ... Словно боченокъ съ порохомъ! Нѣтъ, нѣтъ! Хоть ея сіятельство и увѣряетъ, что она дѣйствительно ея племянница, а мнѣ таки частенько приходится въ голову, что она переодѣтый молодой гренадеръ — прости меня Господи! — Вообразите, она непременно хотѣла выучить меня маршировать... Говорить, что у меня какой-то стойки нѣтъ.— Женихъ ея...

Фаншетта. Такъ ее не шутя выдаютъ замужъ?

Филиппъ. Хороши шутки! Взять жену, развѣ это шутка? Эга шутка никому даромъ не обходится. Сегодня помолвка, черезъ недѣлю свадьба.

Фаншетта. За кого же ее выдаютъ?

Филиппъ. А за племянника старой подруги маркизы, графини де-Сен-Леонъ. Онъ на-дняхъ только пріѣхалъ изъ Пари-

жа и тотчас послѣ свадьбы опять уѣдетъ туда съ своею молодой женою.

ФАНШЕТТА. Какъ же онъ такъ скоро успѣлъ поправиться невѣсть?

ФИЛИППЪ. Она его еще и не видала.

ФАНШЕТТА. Какъ такъ?

ФИЛИППЪ. Такъ что же за бѣда? Никто и не спрашиваетъ ее, правится ли ей женихъ, или нѣтъ. Что за пустяки! Главное дѣло въ томъ, что ея сіятельство маркиза желаетъ знать, въ чьи руки перейдетъ все огромное имѣніе ея... А вѣдь племянница—единственная ея наследница!

ФАНШЕТТА. А графиня де-Сен-Леонъ знаетъ ли, на чьихъ рукахъ была до-сихъ-поръ будущая жена ея сына?

ФИЛИППЪ. Да кто ей станетъ рассказывать объ этомъ? Ну, молодой супругъ удивится, когда жена вдругъ закомандуетъ ему: нальво кру-гомъ! Скорымъ шагомъ, маршъ!

МАРІА, (въ другой комнатъ). Нѣтъ! теперь конечно! я вышла изъ терпѣнія!

ФИЛИППЪ. Вотъ ужъ опять начинается!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ. МАРІА. ШАРЛОТТА.

МАРІА, (входитъ быстро, у ней въ рукахъ наколка съ блондами и перьями). Ни за что не надену этого на голову! Я буду похожа на чучелу!

ШАРЛОТТА. Извините... Но ея сіятельство маркиза, ваша, тетушка, изволила приказать...

МАРІА. Приказать? Ну, конечно, противъ субординаціи нельзя поступать... Да знаетъ ли ея сіятельство, моя тетушка, что прескучно возиться полтора часа передъ зеркаломъ.

ШАРЛОТТА. Виновата... Но ради Бога не сердитесь на меня.

МАРІА. Ахъ, Боже мой, Шарлотта, я вовсе не сержусь на

тебя! Пожалуй, чего добраго, тебѣ еще и достается изъ-за меня отъ тетушки! Да чѣмъ я виновата, что вы все бѣсите меня? *(про себя)*. Никакъ не могу привыкнуть къ статской службѣ. *(увидѣвъ Филиппа)*. Дайте-ко мнѣ червонецъ, г. дворецкій.

Филиппъ. Какъ? червонецъ?
Марія, *(вспльщиво)*. Не думай такъ долго, или чортъ поб... или я разсержусь!

Филиппъ, *(испунавшись)*. Извольте, баронесса, извольте! Сколько угодно!

Марія, *(беретъ у него червонецъ, который отдаетъ Шарлотта)*. Ну, вотъ тебѣ, Шарлотта! Пускай тетушка бранить тебя... Нечего дѣлать, *(снимаетъ съ головы приколотую ленту, или какое-нибудь другое украшеніе)*. На, и это возьми прочь, *(отдаетъ ей)*.

(Шарлотта уходитъ)
Филиппъ, *(про себя)*. Ну вотъ, пода съ ней! Испортила всю свою прическу, а вѣдь тамъ все ждуть ея... Это ужасно! *(громко)*. Но, баронесса, позвольте вамъ напомнить. Ея сіятельство, ваша тетушка... Его сіятельство вашъ женихъ...

Марія. Ну, Богъ съ нимъ! Я о немъ мало хлопочу—*(увидѣвъ Фаншетту)*. А, Фаншетта, здравствуй, здравствуй! Мы ждали тебя еще вчера. *(Фаншетта хочетъ цѣловать у ней руку)*. Ахъ, пожалуйста... Я этого терпѣть не могу? Ты такая хорошенькая—лучше поцѣлуй меня! *(цѣлуетъ ее)*.

Филиппъ, *(кашляетъ)*. Гм! гм! Это... позвольте вамъ напомнить...

Марія. Ну, что? Небойсь тебѣ самому хотѣлось бы поцѣловать Фаншетту.

Фаншетта. Я пріѣхала бы еще вчера, но насъ задержали: по всемъ дорогамъ такое множество солдатъ... Почти провозда вѣтъ...

Марія, *(съ волненіем)*. Солдаты?.. Ахъ, Боже мой! А какіе ж ты видѣла полки?

Фаншетта. Всѣ возможные! И пѣшіе, и конные, и всякіе! Они всѣ собираются въ лагерь, въ двухъ миляхъ отсюда. Говорятъ, что тотчасъ по заключеніи мира всѣ полки будутъ распущены.

Марія. Что? Какъ? Лагерь? И такъ близко отсюда? Да это чудесно! Это безводно!

слуга, *(сходитъ)*. Ея сиятельство маркиза покорнѣйше проситъ васъ пожаловать въ залу. Графъ де-Сен-Леонъ ожидаетъ васъ съ нетерпѣніемъ.

МАРИЯ. Хорошо! Иду! иду! *(почти про себя)*. Около насъ лагерь и я ничего не знала! Отчего же Трульонъ мнѣ ничего не говорилъ? Вѣрно тетушка запретила ему! *(сквозь слезы)* Они ничего не хотятъ для меня сдѣлать! Я умру со скуки.

слуга. Графъ де-Сен-Леонъ...

МАРИЯ. Оставь меня въ покоѣ! Графъ еще успеетъ познакомиться со мною.

ФИЛИППЪ, *(про себя)*. Правда.. Успѣетъ, успѣетъ! *(Слуга уходитъ, пожимая плечами)*.

МАРИЯ, *(Филиппу)*. А зачѣмъ ты не рассказалъ мнѣ, что у насъ по близости устроенъ лагерь? За чѣмъ? А? Признавайся сію минуту. Тебя надобно отдать въ рекруты мѣсяца на три; тогда еще, можетъ быть, изъ тебя выйдетъ человекъ!

ФИЛИППЪ. Ужъ лучше закажите прямо для меня гробъ, я всегда говорилъ: скорѣе соглашусь умереть, чѣмъ быть солдатомъ! Пожалуй, пошлутъ еще въ такое мѣсто, гдѣ стрѣляютъ изъ ружей и пушекъ! Нѣтъ, покорно благодарю... Пряникомъ не заманите.

МАРИЯ. Потому-что ты очень глупъ! Намъ таквихъ и не надобно. Что можетъ быть лучше солдатской жизни?..

(Уходитъ въ свою комнату; Фаншетта за ней).

ЯВЛЕНІЕ III.

Филиппъ, *(одинъ)*.

Фаншетта! Фаншетта! Притворяется будто не слышитъ! Ну, надѣлала же намъ новыхъ хлопотъ эта болтунья! Очень нужно было рассказывать объ этомъ глупомъ лагерѣ! А! вотъ и маркиза съ графинею. *(Отходитъ всторону)*.

Я В Л Е Н І Е IV.

МАРКИЗА. Графиня. Альфонсъ. Филиппъ, потомъ Трульонъ. МАРКИЗА, (Альфонсу). Довольны ли вы нашими распоряженіями?

АЛЬФОНСЪ. О, совершенно! И вы и тетюшка — такъ добры ко мнѣ!

МАРКИЗА. Послѣ моей смерти все мое имѣніе должно принадлежать племянницѣ. Она моя законная наследница.

ГРАФИНЯ. Сегодня вечеромъ общія наши желанія исполняются. Надѣюсь, ничто не помѣшаетъ помолвкѣ вашей Маріи съ моимъ Альфонсомъ... Онъ, бѣдный, еще и не видалъ своей невѣсты.

АЛЬФОНСЪ. Я всегда считалъ за счастье исполнять вашу волю, любезная тетюшка, и заранее увѣренъ, что мое сердце оправдаетъ вашъ выборъ. Только отъ души жалѣю, что мнѣ не удалось еще познакомиться съ своей невѣстой.

СЛУГА, (входитъ). Карета вашего сіятельства подана.

ГРАФИНЯ. Прощайте маркиза, (обнимая ее) до скорого свиданія.

АЛЬФОНСЪ. Маркиза, я съ величайшимъ нетерпѣніемъ жду счастливой минуты, когда мнѣ позволено будетъ назвать себя вашимъ племянникомъ.

МАРКИЗА. Я васъ уже теперь такъ называю. (Графиня и Альфонсъ уходятъ).

МАРКИЗА, (проводитъ ихъ, про себя). Скорѣ бы прошла эта недѣля до свадьбы! Я не успокоюсь, пока не увижу Маріи передъ священникомъ. (Филиппу). Ты не знаешь ли, что сдѣлалось съ моей племянницей? Я два раза посылала за ней и, наконецъ, должна была сказать, что она занемогла.

ФИЛИППЪ. Съ барышней ничего не случилось. Она здорова хонька... Только, мнѣ кажется...

МАРКИЗА. Что тебѣ кажется?

ФИЛИППЪ. Что она и своего жениха и меня, да и насъ всѣхъ терпѣть не можетъ.

МАРКИЗА. Какой вздоръ! Я дала слово Альфонсу и она будетъ его женою!—А! Какая мысль! Старый солдатъ еще здѣсь; Марія во всемъ слушается его, (Филиппу). Пришли мнѣ стараго солдата.

ФИЛИППЪ. Старога солдата къ вашему сіятельству?

маркиза. Ну, да; — ступай скорее,

Филиппъ, Слушаю — съ (*уходитъ.*)

маркиза (*одна.*) Альфонсъ прекрасный молодой человекъ; — онъ можетъ составить счастье каждой благоразумной женщины... Если Марія не согласится добровольно, я должна буду ее прива-
лить (*садится.*)

трульонъ (*за сценой.*) Сюда, что ли? не надо-ли доложить сперва? — (*помолчавъ*) Ну, хорошо, это дѣло другое (*входитъ.*)

маркиза. Ахъ, это ты, Трульонъ... подошли.

трульонъ (*приближается, маршируя.*) Вѣрно ли я взялъ дистанцію, ваше сіятельство?

маркиза. Поближе, поближе, не бойся.

трульонъ (*про себя.*) Лучше стоять передъ огнемъ непріятельской багарей, чѣмъ противъ этой сіятельной старухи!
(*Подходитъ.*)

маркиза. Каково поживаешь, добрый старичекъ?

трульонъ (*желая быть любезнымъ.*) Покорнѣйше благодарю, добрая старушка... гм! гм! то-есть... виноватъ... ваше сіятельство...

маркиза. Съ тѣхъ-поръ, какъ я по прозвѣ Марія, взяла тебя въ свой домъ, чтобы вымечать тебя у насъ отъ раны, я нпрязу не имѣла случая быть тобою недовольной.

трульонъ. И я вами, ваше сіятельство.

маркиза. Моя племянница тебя очень жалуется... она имѣетъ полную довѣренность къ тебѣ... что ты ей посоветуешь, она....

трульонъ. Не хочу хвастать, но могу сказать, что она своимъ хорошимъ воспитаніемъ обязана мнѣ. Какая мастерица писать; она всѣ рапорты писала для меня, когда... когда... то-есть... когда у меня голова болѣла.

маркиза. Вотъ въ чемъ дѣло; я желаю выдать Марію за молодого графа де-Сен-Леонъ, и она сама ужъ было совсѣмъ согласилась... сегодня вечеромъ назначена помолвка... но я боюсь, чтобы она до вечера не...

трульонъ. Раздумала...

маркиза. Именно — и потому я хотѣла просить тебя, чтобы ты уговорилъ ее....

трульонъ. Кто? я? да изволите видѣть, это такого рода дѣло,

на которое я... то-есть... признаюсь, не люблю мѣшаться... то есть, не умѣю.

маркиза. Но этотъ бракъ, безъ всякаго сомнѣнія, составитъ ей счастье.

Трульонъ. Оно кажется такъ... Да вотъ она и сама идетъ.

Я В Л Е Н И Е В А.

Тѣ же и Марія.

Марія. Здравствуй, Трульонъ; здравствуйте тетуска.

маркиза. Скажи, ради Бога, Марія, отчего ты не вышла къ намъ, когда я посылаю за тобою? Ты поставила меня въ очень неприятное положеніе, и я удивляюсь, какъ твой женихъ не разсердился на тебя?

Марія. Очень жаль, что не разсердился.

маркиза. Что это значитъ?

Марія. Это вотъ что значитъ: я видѣла его изъ окна, и онъ мнѣ вовсе не понравился; онъ похожъ на картинку изъ моднаго журнала... Не хочу быть женою франта! не хочу!

маркиза. Боже мой! Боже мой! не забудь, Марія, что ты дала слово!

Марія. Ну да! я знаю, солдатъ долженъ сдержать данное слово. Нечего дѣлать, тетуска, я пойду за него...

маркиза. Благодарю тебя, мой другъ! я знала, что ты добрая—лѣвушка. Альфонсъ всегда будетъ любить тебя, исполнять все твои желанія.

Марія (вспыльчиво.) Я надѣюсь!... иначе.. чортъ поб....

маркиза. Какъ ты вспыльчива, Марія!

Трульонъ. Салдатская натура!

маркиза. Видишь ли, мой милый другъ: я люблю тебя, какъ родную дочь... я ничего такъ искренно не желаю, какъ твоего счастья. (Марія цѣлуетъ у ней руку.) Я увѣрена, что ты очень скоро полюбишь своего мужа.

Марія. Не думаю, любезная тетуска... Кого съ разу не полюбишь... Да что объ этомъ говорить! моего Антоана я любила. (утираетъ глаза) онъ бѣдняжка изъ любви ко мнѣ пошелъ въ

солдаты, а потомъ эти гадкіе непріятелѣ убилъ его... Никогда не забуду его. (Плачетъ)

Трульонъ *(подходитъ къ ней.)* Ну, перестань, Марія... то-есть, извольте перестать.

Марія. Пстой, Трульонъ! съ тобой я еще раздѣляюсь! Отчего ты не сказалъ мнѣ, что въ двухъ миляхъ отъ насъ лагерь?

Трульонъ *(скоро.)* Не въ двухъ, а въ тридцати, отсюда.

Марія. Не правда! передъ свадь... вадъ... свадьбой — никакъ не могу выговорить это слово! — непременно съѣзжу въ лагерь.

Маркиза *(перебивая ее.)* Ты еще не пробовала новаго романа. Вѣдь сегодня вечеромъ ты должна пѣть.

Марія *(задумавшись.)* Нашу полковую пѣсню!

Маркиза. Какую полковую пѣсню! новый романсъ, который прислали изъ Парижа, спой его, пожалуйста.

Марія. Помнишь еще, Трульонъ, нашу полковую?

(Напѣваетъ мотивъ этой пѣсни.)

(Маркиза ходитъ быстро взадъ и впередъ по комнатѣ.)

Трульонъ. Какъ не помнить? чудесная пѣсенка! *(тихо)* Да спой же ей этотъ глупый романсъ; старушка начинаетъ сердиться.

Марія. Пожалуй.

Восходитъ ярко день прекрасный,

Вездѣ любовь, вездѣ любовь,

И воздухъ свѣжъ, и небо ясно,

И сердце сильно бьется вновь!

Живѣй я чувство понимаю,

Свѣтлѣй, полнѣй душа моя,

Когда восторженно внимаю

Я эху пѣсенъ соловья,

Пѣсенъ соловья.

(Кончивъ арію) Ахъ, это нигуда не годится!

(Поетъ послѣдній куплетъ полковой пѣсни: Это онъ! Это онъ! Мой полкъ родной! и проч., и потомъ бросаетъ ноты на фортепiano.)

Трульонъ *(Совершенно забывшись, обнимаетъ Марію, бьетъ въ ладоши и плачетъ.)*

Маркиза. Боже мой! что ты дѣлаешь, Марія! я умру со сты-

да, если ты вечеромъ споешь хоть одну ноту этой солдатской пѣсни!

МАРІА. Не буду, не буду!

МАРКИЗА. Ты моя милая, добрая Машенька, я это знаю; но мнѣ пора теперь заняться разными приготовленіями къ нынѣшнему вечеру. Обними же меня. Пожалуйста, веди себя, какъ слѣдуетъ.

МАРІА. Хорошо, тетущка.

МАРКИЗА. Объщаешь?

МАРІА. Честное слово!

МАРКИЗА. Теперь я спокойна. *(Уходя, дѣлаетъ разные знаки Трульону.)*

ТРУЛЬОНЪ. *(тихо.)* Хорошо, хорошо... уговорю ее.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Трульонъ. Марія.

ТРУЛЬОНЪ. Ну, дочка, обними отца!

МАРІА *(обнимая его.)* Это ужасъ! какъ они мучаютъ меня! ей Богу, Трульонъ, всякое терпѣніе лопнетъ.

ТРУЛЬОНЪ. Скажи — ко, дочка, чѣмъ тебѣ не нравится здѣшняя жизнь?

МАРІА. Скучно безъ товарищей. Дай только выдти замужъ, — нечего дѣлать, надобно исполнить ея волю! — Тотчасъ приглашу къ себѣ всю роту, — вотъ заживемъ — то!

ТРУЛЬОНЪ *(смѣется.)* Ахъ, ты милая моя дочка! да это невозможно! твой супругъ не позволитъ.

МАРІА. Стану я просить у него позволенія!

ТРУЛЬОНЪ *(печально.)* Нѣтъ, нѣтъ, Марія! ты должна забыть насъ! черезъ недѣлю твоя свадьба.

МАРІА *(вздыхаетъ.)* Бѣдный мой, Антоанъ!

ТРУЛЬОНЪ. Забудь и о немъ! въдъ салдатская любовь неслишкомъ прочна. Богъ знаетъ, о комъ онъ теперь думаетъ!

МАРІА. О комъ же ему думать? онъ умеръ.

ТРУЛЬОНЪ *(слутившись.)* Ну да, оттого я и говорю, что ему нельзя думать о тебѣ. *(Про себя.)* Чуть-чуть не проболтался *(Вслухъ.)* Тебѣ предстоитъ совсѣмъ другая, богатая жизнь...

МАРИЯ. Послушай, Трульонъ: ужь тебя я не отпущу... оставайся жить со мною.

ТРУЛЬОНЪ. Увидимъ, увидимъ.

Я В Л Е Н І Е VII.

ТЪ ЖЕ и Филиппъ.

ФИЛИППЪ. Г. фельдфебель, позвольте сказать вамъ слово.

ТРУЛЬОНЪ. Хоть два! ну, что вамъ надобно?

ФИЛИППЪ. Мнѣ — то ничего ненадобно, только... *(говоритъ ему на ухо.)*

ТРУЛЬОНЪ *(очень громко.)* Чортъ побери!

ФИЛИППЪ *(испугавшись.)* Это просто ужасно! — но позвольте! я вамъ еще долженъ сказать, что... *(говоритъ ему опять на ухо.)*

ТРУЛЬОНЪ. Это преглуная исторія! Бьгу, бьгу! какъ бы неопоздать... *(хочетъ идти.)*

МАРИЯ. Куда же ты такъ торопишься, Трульонъ? останься еще. — Филиппъ, что такое случилось?

ФИЛИППЪ. Мы... къ намъ... они... г. фельдфебель расскажетъ вамъ все. *(Толкаетъ его.)*

ТРУЛЬОНЪ. Да... мы... къ намъ... они... то-есть ничего, ровно ничего; Филиппъ расскажетъ вамъ все. *(уходитъ быстро.)*

ФИЛИППЪ. Ничего — ровно ничего. *(убываетъ.)*

Я В Л Е Н І Е VIII.

МАРИЯ, *(одна.)* Что это значить? Они, кажется, оба съ ума сошли; мы... къ намъ... они! *(за сценой барабанный бой, она вздрагиваетъ. — Полковая музыка.)* Что это? что это? *(бѣжитъ къ окну и отворлетъ его.)* Боже великій! мой — мой полкъ!

(блжнѣтъ за платкомъ, который оставила на столъ и машетъ изъ окна). Здравствуйте, товарищи! здравствуйте, отцы! сюда, сюда ко мнѣ! всѣ! всѣ! они плутъ! Ахъ, я умру отъ радости! съ ними жила до-сихъ-поръ, съ ними хочу и умереть.

Но, вѣрить ли ушамъ?... Что слышу я вдали?...

Подъ этотъ маршъ они всегда къ побѣдѣ шли!

Отчизна дорогая,

Тебѣ привѣтъ,

Любовь святая

И лавръ побѣдъ!

Есть радости въ жизни!

И ихъ мы найдемъ

Подъ кровомъ отчизны,

Въ семействѣ родномъ.

Я В Л Е Н І Е IX.

МАРІЯ, ЛАГРАНЪ, ЛАПЬЕРЪ, РИГО, ДРУГІЕ СОЛДАТЫ.

Всѣ. Здравствуй дочка, здравствуй!

МАРІЯ, (внѣ себя). Друзья! Товарищи! (Жметъ имъ руки).

Я В Л Е Н І Е X.

ТѢ ЖЕ И ТРУЛЬОНЪ.

Трульонъ. Ахъ, вы чортовы дѣти! какой дьяволъ принесъ васъ сюда? Ну, достанется мнѣ отъ маркизы.

всѣ солдаты, (окружа его). Здравствуй, Трульонъ! здравствуй.

МАГРАНЪ, *(обнимая его)*. Здоровъ ли старшій товарищъ? ТРУЛЬОНЪ. Что, вы всё тутъ? Лапьеръ, Риго, Илеръ, Сабръ, да, да; всё на лицо! МАРИЯ, *(печально)*. Всё на лицо? нѣтъ не всё!

Я В Л Е Н И Е XI.

ТѢ ЖЕ И АНТОАНЪ.

Антоанъ *входитъ при послѣднихъ словахъ Маріи. Онъ въ офицерскомъ мундирѣ. Всѣ почтительно отступаютъ.*

АНТОАНЪ. Да Марія, всё на лицо! *(Простираетъ къ ней руки.)*

МАРИЯ, *(вскрикивая)*. Антоанъ! *(виль себя)* Антоанъ! ты живъ. *(Бросается къ нему на грудь)*.

АНТОАНЪ. А ты думала, что я умеръ?

ТРУЛЬОНЪ. Извини, Марія; — я обманулъ тебя по приказанію твоей тетушки.

МАРИЯ. И какъ ты похорошѣлъ! какіе славные усы! и ты не раненъ? но... Боже мой! ты офицеръ?

АНТОАНЪ. Мнѣ посчастливилось! я произведенъ за послѣднее сраженіе.

ТРУЛЬОНЪ. Неужели? а я ничего не слыхалъ въ своемъ лазаретѣ... Имѣю честь поздравить г. поручикъ.

МАРИЯ. Антоанъ, Антоанъ—теперь ничто насъ не разлучить.

Я В Л Е Н И Е XII.

ТѢ ЖЕ, ФИЛИППЪ.

ФИЛИППЪ. Что за содомъ? это ни на что не похоже! Господа, что вамъ здѣсь угодно? *(увидѣвъ Марію, которую Антоанъ обнимаетъ одною рукою)*. Что я вижу! она одного ужъ поймала.

МАРИЯ, *(Филиппу)*. Это все мои друзья и товарищи.

ФИЛИППЪ. Товарищи!

МАРІА. Принеси намъ самаго лучшаго вина, какое только есть у насъ въ погребѣ.

ФИЛИППЪ. Я сойду съ ума — когда ея сіятельство узнаетъ, она тоже сойдетъ съ ума, — всѣ сойдемъ съ ума!

ТРУЛЬОНЪ. Что ты такъ долго разсуждаешь? получилъ приказъ, ну и на лѣво — кругомъ — маршъ! Была не была! теперь ужъ все равно! десять бѣдъ одинъ отвѣтъ!

ФИЛИППЪ. Какъ? маршъ? нѣтъ не маршъ! или да, маршъ вы сами!

ТРУЛЬОНЪ. Какъ? что? ослушаніе?

ФИЛИППЪ. Да, ослушаніе! ни за что не уйду! развѣ силой выгоните меня!

ТРУЛЬОНЪ. Ну, если непременно хочешь: пожалуй силой! эй! ребята, схватите-ка его — да въ погребъ, маршъ!

ФИЛИППЪ. Разбой! разбой! помогите! помогите!

(Солдаты съ прикомъ поднимаютъ его и уносятъ).

ВЪ СЪНУ

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Трульонъ, Антоанъ, Марія.

ТРУЛЬОНЪ. Однако, дѣти, чѣмъ же вся эта исторія кончится? Тетушку нельзя же будетъ вынести изъ собственнаго дома, какъ ея дворецкаго; она еще пожалуется полковнику и г. поручика посадятъ подъ арестъ, впредь до свадьбы Маріи.

АНТОАНЪ. Какъ? что? свадьба Маріи?

МАРІА. Да, представь себѣ, они всѣ сговорились выдать меня насильно за какого-то графа де-Сен — Леонъ, но теперь, разумѣется, этому не бывать.

АНТОАНЪ. Посмотримъ, кто осмѣлится отнять у меня мою Марію. Теперь ты навѣки моя!

МАРІА. Само собой разумѣется!

ТРУЛЬОНЪ. Однако г. поручикъ, вамъ здѣсь дольше оставаться нельзя. Пожалуй, я рискну пуститься въ перестрѣлку съ тетужкой.

ЛАГРАНЪ. Г. поручикъ, полкъ трогается — намъ пора.

АНТОАНЪ. Товарищи, вы знаете, какъ я люблю Марію... Ее хотятъ выдать за другаго.

всѣ. Она наша дочь! мы не позволимъ!
 Трульонъ. Что вы хотите дѣлать? насильно увести ее
 что-ли?

Марія. Зачѣмъ насильно? я и сама пойду. Антоанъ! я не
 разстанусь съ тобой! ни на кого не посмотрю!

Трульонъ. Нельзя! нельзя!

Марія. Пустяки! пойдемте!

Филиппъ, *(выходитъ)*. Куда вы изволите идти, баронесса.

Марія. Въ лагерь. Поклонись тетущкѣ и попроси ее, чтобы
 она не беспокоилась обо мнѣ. Я пойду къ своимъ отцамъ.

всѣ. Да здравствуетъ наша дочь!

(Барабанной бой за сценой. — Всѣ уходятъ.)

Трульонъ. Ну, что будетъ, то будетъ. *(уходитъ)*.

Я В Л Е Н І Е XIV.

Филиппъ, *(одинъ въ отчаяніи)*. Господи! Владыко небесный!
 Она въ-самомъ-дѣлѣ ушла съ солдатами! это просто ужасъ!
 Эй, люди! помогите! помогите! чтожь я кричу? съ цѣлымъ
 полкомъ не справишься! Но все-таки лучше: покричу еще: помо-
 гите! помогите!

Я В Л Е Н І Е XV.

Фаншетта, Шарлотта, Слуги, Филиппъ.

всѣ. Что случилось? пожаръ что ли?

Филиппъ. Да, да... хуже!

всѣ. За водой! за водой! *(Хотятъ идти)*.

Филиппъ. Куда вы? куда вы? ненужно воды!

Фаншетта. Да что же случилось?

Филиппъ. Вы видѣли солдатъ?

Шарлотта. Видѣли.

Филиппъ. Ну, здѣсь была цѣлая рота! они увели съ собой
 молодую баронессу-барышню.

фаншетта. Не можетъ быть.

Филиппъ. Очень можетъ быть! пойдете же всё къ ея сятельству — вы всё видѣли, что я не виноватъ. Пойдите. всь. Пойдите! (*Всѣ уходятъ*).

ПЕРЕМѢНА ДЕКОНАЦІИ:

ВНУТРЕННОСТЬ ПАЛАТКИ.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Полковникъ. Аудиторъ. (*входятъ*)

полковникъ. Ну, слава Богу, миръ заключенъ. Я сейчасъ получилъ о томъ извѣстіе. Намъ предстоятъ еще смотръ, а потомъ отдыхъ и зимнія квартиры, я горжусь быть командиромъ втораго полка: это самый храбрый полкъ во всей арміи.

аудиторъ. И полкъ не менѣе гордится своимъ командиромъ.

полковникъ. Благодарю за комплиментъ.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢ ЖЕ П О РДНВАРЕЦЪ.

орднварецъ. Г. полковникъ, какой-то человекъ пришелъ къ вамъ, говоритъ, что по очень важному дѣлу.

полковникъ. Хорошо. Впусти его.

Я В Л Е Н І Е XVIII.

Т Ъ Ж Е И Ф И Л И П П Ъ .

полковникъ (*строго*). Войди, что тебѣ нужно?

Филиппъ (*про себя*). Господи, Боже мой, какой сердитый! со страху языкъ отнялся — ноги такъ и подгибаются...полъ словно резвнчатый. —

полковникъ. Скажите ли вы, что вамъ надобно? мнѣ некогда.

Филиппъ. Сю минуту, ваше превосходительство! Ея сіятельство, маркиза Малжюевекію, здѣшняя помѣщица, прислала меня къ вашей милости...она сама дожидается при вѣздѣ въ лагерь.

полковникъ. Зачѣмъ же маркиза прислала тебя?

Филиппъ. За племянницей.

полковникъ. За какой племянницей? у меня нѣтъ племянницы.

Филиппъ. Намъ вовсе не нужна ваша племянница, я пришелъ за вашей.

полковникъ. За вашей? Откуда же я возьму ее?

Филиппъ. А вотъ что: такой срамъ, не дай Господи! Цѣлая рота вашего полка пришла къ намъ въ деревню, да и увела нашу барышню... съ вашего позволенія...

полковникъ. Съ моего позволенія? ты съ ума, что ли сошелъ?

Филиппъ (*испугавшись*). Ваше превосходительство. Г. полковникъ, Г. генераль... Это я только такъ сказалъ...учтивости ради... а барышню дѣйствительно увели ваши солдаты, я самъ видѣлъ. — Вотъ зачѣмъ маркиза прислала меня. Ея сіятельство проситъ, чтобы вы приказали выдать намъ нашу барышню.

полковникъ. Не можетъ быть, чтобы солдаты моего полка... а не знаешь ли ты, кто именно изъ нихъ...

Филиппъ. Этого я навѣрное сказать не могу, только надобно полагать, что фельдфебель Трульонъ, который лечился у насъ отъ раны, главный зачинщикъ.

полковникъ. Какъ? Трульонъ — увезъ барышню?

Филиппъ. Не для себя, онъ ужъ старъ, а для другаго — а этотъ другой, кажется офицеръ.

полковникъ. Ничего непонимаю.

ординарецъ. Г. полковникъ, позвольте доложить; это наша

полковая дочка, Марія, она добровольно пошла съ нами, и теперь ходитъ по всѣмъ ротамъ здраваться съ товарищами. Поручикъ Антоанъ Валлѣ и фельдфебель Трудьонъ провожаютъ ее полковникъ. А! такъ это Марія... и поручикъ Антоанъ Валлѣ... ну теперь понимаю. Позови мнѣ Трульона.

ординарецъ. Слушаю—съ (*уходитъ*).

Филиппъ (*про себя*). Ага! теперь достанется старому волку.

полковникъ. Я сейчасъ узнаю въ чемъ дѣло.

Филиппъ. Позвольте доложить, г. полковникъ, что ея сіятельство ни за что не согласится выдать нашу племянницу за вашего поручика. Она ужъ невѣста другаго, молодаго графа де-Сен-Леонъ. — А Маркиза всѣхъ военныхъ вообще терпѣть не можетъ. Она говоритъ, что они все безъ исключенія, грубіяны, картежники, пьяницы, разбойники, грабители... (*вдругъ испугавшись*) съ вашего позволенія, г. генералъ.

полковникъ. Да ты, какъ я вижу, малый откровенный. Кто ты такой?

Филиппъ. Дворецкій ея сіятельства.

полковникъ. Какъ фамилія племянницы?

Филиппъ. Баронесса Марія Штернау.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ТѢ ЖЕ И ТРУЛЬОНЪ.

Трульонъ, (*вытлущившись*). Г. полковникъ, имѣю честь явиться.

полковникъ. Правда-ли, что баронесса Марія Штернау у насъ въ лагерь?

Трульонъ. Точно такъ, г. полковникъ.

полковникъ. Правда ли, что ты, съ помощію цѣлой роты, увезъ ее насильно изъ деревни ея тетки?

Трульонъ. Никакъ нѣтъ—съ, г. полковникъ (*смотритъ на Филиппа*); какойнибудь бездѣльникъ обманулъ васъ, г. полковникъ.

Филиппъ (*про себя*). Какъ онъ смотритъ на меня!

полковникъ. Послушай, Трульонъ! Если ты станешь обманывать меня...

трульонъ. Мнѣ обманывать своего начальника? своего полковаго командира! викакъ нѣтъ-съ г. полковникъ.

полковникъ. Я хочу знать всю правду.

Филиппъ (*про себя*). Ну вотъ теперь-то ему достанется! я думаю, повѣсять.

трульонъ. Слушаю-съ. Скажу всю правду. Антоанъ Валлѣ, что теперь поручикъ, изъ любви къ нашей дочкѣ пошелъ въ солдаты. Наша дочка сдѣлалась знатною барышней, тетка ея приказала мнѣ увѣрить нашу дочку, что Антоанъ убитъ въ сраженіи. Я долженъ былъ солгать — виновать г. полковникъ. Потомъ стали принуждать ее выдти за какого-то статскаго.

Филиппъ. За какого-то статскаго! Скажите пожалуйста! у его сіятельства графа де-Сен-Леона сто тысячъ гульденовъ дохода.

трульонъ. Поручикъ Валлѣ проливалъ свою кровь для спасенія ста тысячъ гражданъ, угнетенныхъ непріятелемъ. Наша полковая дочка хочетъ быть его женою. Наша полковая дочка должна выдти за солдата нашего полка, а ни за кого другаго. Поручикъ Валлѣ солдатъ нашего полка. Вотъ и вся правда, г. полковникъ.

полковникъ (*Филиппу*). Попроси къ намъ маркизу. Племянница ея дѣйствительно здѣсь и я самъ возвращу ее тетушкѣ.

Филиппъ (*важно*). Не лучше ли, если бы вы приказали барынь тотчасъ отправиться со мной.

полковникъ (*строго*). Дѣлай, что велятъ.

Филиппъ, (*испулавшись*). Слушаю-съ. Мое нижайшее почтеніе (*уходитъ быстро*).

полковникъ. Фельдфебель Трульонъ! Если баронесса Марія Штернау чрезъ полчаса не оставитъ лагеря, я посажу поручика Валлѣ на полгода подъ арестъ, а тебя... ты знаешь меня?

(*уходитъ*).

аудиторъ. Советую тебѣ исполнять приказаніе полковника въ буквальномъ смыслѣ (*уходитъ*).

трульонъ (*одинъ*). Вишь какой! чрезъ полчаса... въ буквальномъ смыслѣ... что это значитъ? (*помолчавъ*) ого-ого-го! понимаю, понимаю! чрезъ полчаса баронесса Штернау не будетъ въ лагерь! А полковой нашей дочки никто не посмѣетъ прогнать! Ура, нашъ полковой командиръ!

ПЕРЕМЕНА ДЕКРАЦИИ.

(Лагерь. — Сбоку, палатка маркизантки. — Солдаты въ разныхъ группахъ пьютъ и поютъ).

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ТРУЛЬОНЪ И АНТОАНЪ.

Трульонъ. Обсудитесь, поручикъ! кажется я не ошибаюсь въ своемъ предположеніи. Я знаю нашего полковника и не даромъ же аудиторъ намекнулъ мнѣ о буквальномъ исполненіи.

Антоанъ. Что-бы ни случилось, Марія будетъ моею женою.

Трульонъ. Разумѣется! Однако мы должны торопиться, полчаса ужъ чуть ли не прошло... Можетъ быть тетушка теперь ужъ у полковника.—Марія, готова ли ты?

Марія (въ пололоса). Готова (выходитъ въ платьи маркизантки). Антоанъ!

Антоанъ. Марія! О, какое счастье! Въ этомъ платьи я увидалъ тебя въ первый разъ. — Марія, дочь нашего полка!

Трульонъ. Тише, дѣти! Марія — по мѣстамъ — смирно! полковникъ идетъ.

Марія. До свиданія, Антоанъ! (уходитъ въ палатку)

Я В Л Е Н І Е ХХІІ.

ТѢЖЕ, ПОЛКОВНИКЪ, МАРКИЗА, ФИЛИПЪ, ПОТОМЪ МАРІА,

ФИЛИПЪ (полковнику). Вотъ онъ и есть! тотъ самый офицеръ...

полковникъ. Хорошо. — Поручикъ Вальё, маркиза приноситъ на васъ жалобу. Меня уверяютъ, что вы насильно увезли ея племянницу.

АНТОАНЪ. Это неправда: Марія—моя невѣста, — она послѣдовала за мною добровольно.

МАРКИЗА. Не можетъ быть.

ТРУЛЬОНЪ. Позвольте доложить: по вашему приказанію, баронессы уже нѣтъ въ лагерь.

МАРКИЗА. Боже мой! гдѣ жъ она?

ТРУЛЬОНЪ. Не могу знать. Платье ея въ этой палаткѣ.

(Выноситъ платье).

МАРКИЗА. Въ-самомъ-дѣлѣ, это ея платье.. Боже! не случилось ли съ ней какого несчастія?

ПОЛКОВНИКЪ. Я увѣренъ, что нѣтъ.

МАРКИЗА. Но гдѣ же она?

(Марія выходитъ изъ палатки, и приближается къ группѣ солдатъ.)

СОЛДАТЫ. Да здравствуетъ Марія, наша дочь! Ура!

(Марія оборачивается.)

МАРКИЗА. Это она! но что значитъ это платье?

ПОЛКОВНИКЪ. Это она и есть?

МАРКИЗА. Да.

ПОЛКОВНИКЪ. Въ такомъ случаѣ, прошу васъ, маркиза, извинить меня. Я не имѣю никакого права выдать вамъ нашу полковую дочку.

ФИЛИПЪ (про себя). Вишь какой хитрецъ!

ПОЛКОВНИКЪ. Позвольте, мы сейчасъ разберемъ это дѣло по всемъ правиламъ. (Маріи) Поди сюда, дочь, втораго полка: отвѣчай полковнику твоихъ отцовъ, свободно ли твое сердце?

МАРІА, (вытянувшись и приложивъ руку къ фуражкѣ). Никакъ нѣтъ—съ, г. полковникъ.

ПОЛКОВНИКЪ. Ты ужъ выбрала себѣ жениха?

МАРІА. Такъ точно, г. полковникъ.

ПОЛКОВНИКЪ. Надѣешься ли ты быть счастливою съ нимъ?

МАРІЯ. Безпремѣнно, г. полковникъ.

ПОЛКОВНИКЪ. Вызови его.

МАРІЯ, *(командуетъ)*. Г. поручикъ Валье въ полъ-оборота на пра-во! скорымъ шагомъ, маршъ, маршъ!

(Антоанъ маршируетъ, она бѣжитъ ему навстрѣчу и обнимаетъ его.)

МАРІЯ. Это тотъ самый, который изъ любви ко мнѣ пошелъ въ солдаты.

ПОЛКОВНИКЪ. Вы сами видите, маркиза... дѣлать нечего....

ТРУЛЬОНЪ. Тетушка... ваше сіятельство, будьте милостивы... вѣчно будемъ Бога молить за васъ.

МАРКИЗА. Ну, Богъ съ ними! дѣти, благословляю васъ.

МАРІЯ. Милая, добрая тетушка!

АНТОАНЪ. Благодарю васъ.

ПОЛКОВНИКЪ. Вотъ такъ! теперь всѣ довольны.

ФИЛИПЪ. Ну, пошла потѣха! насъ всѣхъ отдадутъ въ рекруты!

ТРУЛЬОНЪ. Товарищи! согласны ли вы отдать нашу дочку поручику Валье?

ВСѢ. Согласны! согласны!

МАРІЯ. Приглашаю на свадьбу всѣхъ моихъ отцовъ.

ВСѢ. Да здравствуетъ наша полковая дочка.

ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ.

КРЫЛЬЯ ИКАРА.

—

РОМАНЪ ШАРЛЯ БЕРНАРА.

—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—

I.

За 60 миль отъ Парижа — нѣтъ надобности знать, къ востоку или къ западу—начинается округъ, имя котораго я умолчу, по причинѣ, не имѣющей однакожъ ничего общаго съ скромностію Сервантеса на счетъ Аргамазиль. Такъ сказать, столицею этого округа служитъ Д**, большой и красивый городъ Фравців, по увѣренію Вожьеня (Vosgien), патриота, который находитъ почти весь города Франціи большими и прекрасными; однакожъ, на этотъ разъ географическій лексиконъ прилагалъ менѣе половины. Для народонаселенія въ 5,400 душъ Д** былъ въ-самомъ-дѣлѣ великъ, потому—что многія изъ улицъ его заросли травой; что касается, до красоты, то это оспариваютъ все путешественники и даже нѣкоторые изъ жителей. Окруженная полями, засѣянными хлѣбомъ, какъ будто въ гнѣздѣ, эта крошечная столица не имѣетъ, впрочемъ, недостатка въ

нѣкоторой важности. Вязы и тополя, украшеніе проѣзжихъ дорогъ, расходятся зелеными излучинами по желтому песчаному грунту долины, вплоть до стѣнъ города, посреди котораго дугою извивается хорошенькая рѣчка. Зелень садовъ, виднѣющаяся изъ-за заборовъ, отдѣляетъ здѣсь и тамъ домики, обмазанные сѣроватымъ цементомъ. Три фонтана, убранные тритонами, наядами и другими аллегорическими фигурами, украшаютъ такое же число перекрестковъ, которымъ мѣстное тщеславіе дало названіе площадей. На томъ изъ этихъ перекрестковъ, который побольше другихъ, красуется — съ одной стороны старинный соборъ, а съ другой бронзовая статуя какого-то великаго челоуька, уроженца этого округа. Занимая не последнее мѣсто въ государственномъ управленіи, городу Д**, впрочемъ, не въ чемъ завидовать соперникамъ своимъ въ сосѣднихъ департаментахъ. Не говоря уже о депутатахъ въ палату, въ немъ находится судилище первой инстанціи, подпрефектъ и эскадронъ гусарей, лошади которыхъ съ незапамятныхъ временъ пасутся на окружныхъ городскихъ лугахъ, въ то время, какъ служивые считаютъ законнымъ продовольствіемъ сердца гризетокъ королевской улицы. Наконецъ, чтобы освятить всю эту суету, семинарія, которую легко принять за казармы, каждый годъ посылаетъ многочисленную толпу рекрутовъ окружному духовному начальству.

И такъ, на Д** должно смотреть, какъ на городъ, заслуживающій уваженія; но въ награду за свою значительность, онъ, при первомъ взглядѣ, производитъ скуку, но это впечатлѣніе не уменьшится, если вы останетесь тамъ на нѣсколько времени, потому-что, правду сказать, онъ въ этомъ отношеніи еще хуже, нежели сколько общаетъ наружность. И въ этой скукѣ не найдете вы той поэтической меланхоліи, которая проникла въ душу одного знаменитаго писателя при видѣ Иерусалима; нѣтъ, тутъ дѣло идетъ объ ощущеніи простомъ, объ ощущеніи, которое сжимаетъ душу, расширяя ротъ, словомъ, о скукѣ, которая зѣваетъ, а не мечтаетъ. Почва земли, производящая сплннъ вредными испареніями, и безконечныя поля, засѣяныя хлѣбомъ, производятъ, напоследокъ, жолчную болѣзнь въ тѣхъ, кого занесетъ туда судьба.

«Скоро ли то я уѣду?» обыкновенно первыя слова путешественника, захватившаго изъ Парижа, и все туземцы, встрѣчаю-

щесея отъезжающему, кажется, говорятъ взглядами: Ахъ, какъ вы счастливы!

Въ 1855-мъ году, къ концу февраля, рано по утру, болѣзнь, о которой мы сейчасъ говорили, свирѣпствовала во второмъ этажѣ одного довольно-печальной наружности дома изъ числа лежащихъ на соборной площади. Человѣкъ, страдавшій этою болѣзнію, казался не старѣе двадцати-семи лѣтъ, съ физиономіею довольно-пріятною, если бы она не была испорчена угрюмостью. По обычаю большей части провинціаловъ, которые какъ будто даютъ объѣтъ вѣрности покрою своей одежды, на немъ, вмѣсто туфель, надѣты были старыя балныя башмаки, а вмѣсто халата, чернѣйшій сюртукъ съ разрывными рукавами, на подобіе фуфайки Генриха IV. Сидя передъ каминомъ, опрокинувъ голову на спинку большаго кресла, обитаго шелковою матеріею, скрестивъ руки, ноги положи одну на другую, этотъ молодой человѣкъ звалъ ужасно-широко и такъ регулярно, что казалось, у него въ этомъ состоялъ самый процессъ дыханія. Въ этой апатіи онъ казался не чувствительнымъ ко всему, даже къ капризамъ потухающаго камина, который въ эту минуту доказывалъ, что если не можетъ быть огня безъ дыма, то, по крайней-мѣрѣ, можетъ быть дымъ безъ огня.

Нѣкоторые изъ принадлежностей комнаты показывали, что хозяинъ ея не безъ сопротивленія впалъ въ эту безчувственность. Съ пиюитра, поставленнаго у окошка, коцертъ Виотти краснорѣчиво, хотя молча, призывалъ къ скрипкѣ, брошенной на одномъ изъ креселъ. Возлѣ камина, стоялъ столикъ, покрытый ящичками съ красками, альбомами, эскизами, кистями, между которыми акварельный эскизъ ожидалъ, казалось, руки художника. Наконецъ, посреди комнаты стояло бюро гигантскаго размѣра, заваленное множествомъ фоліантовъ и огромныхъ манускриптовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ вокругъ письменнаго прибора, царя въ этомъ хаосѣ. Видно было, что провинціалъ употребилъ противъ скуки всѣ средства, какія были въ его власти—и серьезную работу и легкія развлечения: на кистяхъ не засохла еще краска, не засохла еще чернила на концѣ пера, а онъ самъ, вѣроятно, безъ намѣренія, держалъ еще въ рукѣ смычокъ. Но ни музыка, ни живопись, ни ученіе, не могли побѣдить мрачнаго сплина и молодой

человѣкъ совершенно покорился ему, перепробовавъ безъ успѣха вся эти три средства.

Скучающій молодой человѣкъ вдругъ всталъ, прошелся по комнатѣ, взглянулъ, не дотрогиваясь, на начатую акварель, отбросилъ ногою въ библіотеку книгу, унавшую съ бюро, наконецъ, съ мрачнымъ видомъ взялъ скрипку, и помѣстясь передъ пюпитромъ, сталъ пробовать двойные пассажи; но на седьмомъ кадансѣ положилъ инструментъ и снова упалъ въ кресло.

—И нынче послѣдній день карнавала! вскричалъ онъ, скрестя трагически руки.

—Мертвый городъ, окаменѣлый городъ! Проклятіе на всѣхъ твоихъ жителей до третьяго кольва! Ну, вотъ масляница кончилась, и ни одного бала, ни одного вечера, ни одного маскарада! Облать и спать—вотъ все, что умѣютъ дѣлать эти мужчины и эти женщины. Если я говорю «женщины», то это только привычка заставляетъ меня такимъ образомъ выражать мысль свою, потому-что въ сущности здѣсь нѣтъ женщинъ, и я унижаю это имя, придавая его этимъ твореніямъ безъ граціи, безъ турнюры и безъ ума. Да будетъ проклятъ тотъ день, когда написано было: «Викторъ Деландъ назначается помощникомъ королевскаго прокурора въ Д*.» Что я буду дѣлать на этой галерѣ, я, рожденный для искусствъ, для общества и осужденный прозябать между этими двуногими животными? Да, какъ назвать жизнь, которую я веду здѣсь вотъ уже восемнадцать мѣсяцевъ, какъ не прозябеніемъ? Да, я день ото дня прихожу болѣе и болѣе въ растительное состояніе, если еще не пришелъ совершенно. Однако-жъ, здѣсь есть что-то!

И помощникъ королевскаго прокурора ударилъ себя по лбу, подобно Андрею Шенье, плущему на эшафотъ.

—Сегодня заговѣнье и ни одного бала! Кто бы изъ нашихъ богачей умеръ отъ этого? По совѣсти, я не могу дать танцевальнаго вечера; я холостякъ и простой магистратскій чиновникъ; но начальники, но подпрефектъ, но сборщикъ податей!... Подпрефектъ—скряга, подобный всѣмъ нынѣшнимъ администраторамъ, которые подъ предлогомъ большихъ семействъ изрядно побираютъ взятки. Меръ—ханжа, который сочтетъ себя погибшимъ, если у него въ домъ будутъ танцовать! Президентъ—тугой ростовщикъ; но это мой начальникъ и я не хочу говорить о немъ худо. Сборщикъ податей... но онъ болѣвъ, следовательно-

но, ему извинительно. Ну, а прочіе... Подумаешь, что я у дикихъ. Что я говорю? вѣдь дикіе пляшутъ... Какъ провести вечеръ? Не пойти-ли играть въ трикъ-тракъ съ г-мъ де-Луазеле или проигрывать деньги въ бостонъ у г-жи Вернанъ? Тритракъ! бостонъ! Какія сатурналіи! какія глупыя, истертые наслажденія, какъ говорятъ въ Парижѣ! Въ-самомъ-дѣлѣ, я переобразуюсь и позабуду всѣ наслажденія. Идя этою дорогою, я кончу тѣмъ, что съѣлаюсь Геліогабаломъ.

Викторъ Деландъ горько улыбнулся, какъ человекъ, который одну только пронию можетъ противопоставить несчастію. Не успѣвъ онъ еще принять на себя свою обычную флегму, какъ служанка, пережившая лѣта, положенныя уставами для служанокъ холостяковъ, вошла въ комнату, съ письмомъ въ рукахъ.

— Господи Іисусе! ну есть ли разумъ надѣлать такъ въ комнату! вскричала старуха, открывая окно и зажигая огонь въ каминѣ, съ видомъ полной власти, которою обыкновенно пользуются управительницы у старыхъ и молодыхъ холостяковъ.

Помощникъ прокурора съ жадностію схватилъ письмо. Въ его положеніи, малѣйшее развлеченіе было благодѣніемъ. Не распечатывая письма, онъ съ удивленіемъ осматривалъ его, и посмотрѣлъ еще на адресъ, съ почтовымъ клеймомъ *Парижъ*.

— Такъ точно, это рука Блондо, сказалъ онъ самъ себя. Но откуда, чортъ возьми, взялъ онъ этотъ великолѣпный гербъ? Ужъ, не отыскалъ-ли онъ его на дровяномъ дворѣ своего дѣдушки, торговавшего дровами, или между кожами своего пра-дѣда съ материнской стороны — честнаго кожевника. Крестъ съ лапами въ серебряномъ полѣ, круглый щитъ, рычащій левъ! Чортъ возьми, вотъ феодалъ-то! Всякой скажетъ, что это щитъ высокороднаго барона временъ крестовыхъ походовъ!... Назалъ тому два мѣсяца, Блондо довольствовался только коронованною литерою, теперь онъ полный дворянинъ; въ слѣдующій разъ, я, безъ сомнѣнія, увижу его графомъ или маркизомъ. Bravo Блондо! Однако, не забылъ-ли онъ, среди своего величія, прислать мнѣ долгъ?

Прокурорскій помощникъ развернулъ письмо и не нашелъ ожидаемаго векселя.

«Любезный Виктор! писалъ парижскій корреспондентъ; теперь шесть часовъ утра; я прямо съ бала отъ англійскаго посланника, и какъ распоряженія мои на счетъ нынѣшняго дня не позволяютъ мнѣ лечь спать, то я и принимаюсь писать къ тебѣ, потому-что теперь мнѣ, пресыщенному удовольствіями этой волшебной ночи, все другое, кромѣ бесѣды съ тобою, показалось-бы слишкомъ невкуснымъ блюдомъ. Впрочемъ, если я не напишу къ тебѣ теперь, то когда же найду возможность слѣлать это? Время летитъ съ такою ужасающею быстротою; дѣла и удовольствія въ перегоовку спѣшатъ другъ за другомъ; надобно ловить случаи, а то всякая минута имѣетъ свое высокое назначеніе. Не обвиняй же меня за нерадніе. Если моя переписка съ тобою не была всегда такъ постоянна, какъ я хотѣлъ бы, то виною этого вихрь свѣта, который противъ воли увлекаетъ меня. Впрочемъ, ты не одинъ, у кого я въ долгу; напротивъ, ты находишься въ большой и, смѣю увѣрить, въ прекрасной компаніи. Сегодня я поклялся посвятить часа четыре пополненію моихъ недоумокъ. Тебя я всѣмъ предпочитаю, даже герцогинѣ де-Санъ-Северино, прелестной итальянкѣ, съ которою я, къ моему блаженству, познакомился прошедшимъ лѣтомъ на водахъ въ Э. У меня есть еще дѣло съ Луи-Рено, однимъ изъ денежныхъ князей; но нужды нѣтъ, я все-таки начну тобою. Дружба—прежде любви и денегъ. Покончивъ мою переписку, я долженъ ѣхать верхомъ съ маркизомъ де-Гриньеръ, графомъ Каетьяръ и лордомъ Кербгэмъ, чтобы, готовясь къ завтраку, который проигралъ намъ де-Гриньеръ, возратить апетитъ, потерянный нами на балъ у англійскаго посольства. Надобно согласиться, что на этомъ балѣ все было превосходно. Представь себя: вмѣсто столовой—оранжерея, обитая бѣлымъ бархатомъ, лампы закрыты густою зеленою дѣревя, буфеты въ кустарникахъ! А общество! общество все изъ прелестнѣйшихъ женщинъ и изъ знаменитѣйшихъ мужчинъ въ цѣломъ Парижѣ. Герцоги Орлеанскій и Немурскій кушали и танцовали, какъ простые смертные. Словомъ, Альбюиъ умѣетъ жить, и я питаю къ нему уваженіе.

«Тутъ я кладу перо, звоню и приказываю камердинеру подать чаю. Я чувствую, что у меня тяжела голова, и нисколько не намѣренъ схватить мигрень... Подавая чай, этотъ дуралей Фредерикъ разбилъ мою чашку, настоящую японскую. Глупецъ

ничего не умѣеть сдѣлать порядкомъ; вчера еще немилосердно пзмялъ мою серебряную челиннѣвскую вазу, уронивъ ее на мраморъ; одна отдѣлка ея стоила мнѣ триста франковъ. Я принужденъ буду прогнать его, чтобы спасти свои вещи отъ разбойничьихъ рукъ. И вслѣдствіе этого, полезнаго для государства распоряженія, мой грумтъ Эвасъ, смѣлый негренокъ, умный какъ говорятъ, не по лѣтамъ, вѣроятно, поступитъ въ камердинеры. Но на чемъ я остановился?... Кажется, я заговорилъ о завтракѣ съ устрицами, къ которому приглашена славная компанія по возвращеніи изъ лѣса. Выйдя отъ Бореля, мы отправимся на травлю посмотреть бульоговъ, выписанныхъ лордомъ Кебгэмомъ изъ Англій. Одинъ изъ нихъ О'Коннель (лордъ Кебгэмъ — тори) съ такими славными челюстями, что я, надеясь на нихъ, держу десять дулоровъ пари съ Кастьяромъ. Послѣ травли, мы возвратимся въ обыкновенное мѣстопробываніе свое, въ *Cafe de Paris*, одно изъ публичныхъ мѣстъ, гдѣ можетъ обѣдать человекъ, дорожающій своимъ достоинствомъ. Потомъ мѣсто сапоговъ и сюртуковъ заступятъ фраки и чулки à jour. *Prima sera* я отправляюсь соснуть часа два въ оперъ, гдѣ присутствіе мое необходимо, потому—что Коралія, прелестная и много общающаяся *крыса*, переходитъ въ этотъ вечеръ въ ряды *тигровъ* въ *ras de trois*, въ «Храмолгъ Вльсь», и наша ложа покровительствуетъ этому дебюту. Послѣ балета, я отправлю обрядъ представленія себя въ двухъ или трехъ задахъ предмѣстія Сент-Оноре; потомъ, исполнивъ все обязанности въ отношеніи къ свѣту, я начну пользоваться правами карнавала. Въ два часа назначено свиданіе въ залъ Вантадуръ. Львы, тигры, весь нашъ звѣринецъ будетъ тамъ; рыканія, скачки, вакханалія, сатурналія, алекій галопъ..... Рѣшено дурачиться до невозможности. Въ заключеніе, ужинать у Кастьяра. Оргія будетъ какъ только возможно безумнѣе.

«Потомъ..... потомъ день и время спать.

«Въ послѣднемъ письмѣ своемъ ты требуешь отъ меня подробностей о моей жизни. Вотъ онъ безъ всякой прикрасы. Я надеюсь, что твое черное одьяніе не слишкомъ оскорбится и драгоценный мехъ твоей мантіи не оцѣтвинется отъ рассказовъ о моихъ шалостяхъ. Впрочемъ, ты жестоко ошибешься, если будешь судить о моемъ поведеніи по этому разсказу. У меня, любезный Викторъ, какъ и у многихъ другихъ, одинъ день не

похлѣть на другой. Сегодня удовольствія, завтра дѣла. Не правда-ли, умныя рѣчи? Онъ послужать мнѣ естественнымъ переходомъ къ предмету моего письма, о которомъ я было совсемъ забылъ. Ты знаешь, что я долженъ тебѣ 3000 франковъ. Вотъ уже восемнадцать мѣсяцовъ, какъ я прѣхалъ въ Парижъ, рѣшившись поискать въ немъ счастья. Твои деньги были мнѣ очень полезны, потому-что безъ посъва не бываетъ и жатвы, и чтобы вести съ успѣхомъ компанію, которую я рѣшился открыть, мнѣ необходимы были денежныя фонды и этими фондами я обязанъ твоей дружбѣ.... Теперь, благодаря моей воли или, можетъ быть, моему счастью, я вышелъ изъ того, такъ сказать, сомнительнаго положенія, которымъ я началъ; теперь я собираю плоды моихъ стараній, и мнѣ легко бы съ тобою расплатиться и я расплатился бы сейчасъ же, если бы не спекуляція, выгоды которой представляетъ мнѣ Луи Рейнаръ въ такомъ обольстительномъ видѣ... Дѣло влетѣть о покупкѣ значительной земли, отъ которой, при искусномъ управленіи, съ перепродажею части, по самымъ умѣреннымъ вычисленіямъ, можно получать двѣсти на сто. Одна перепродажа части земли покрываетъ покупку, такъ-что, получа обратно сумму, мы останемся владельцами недвижности, которая не смотря на перепродажу части должна удвоить капиталъ въ искусныхъ рукахъ. Ты понимаешь, что отъ подобныхъ спекуляцій не отказываются. Теперь я собираю нужный капиталъ и долженъ призвать на помощь кошелекы друзей. Я не хочу имѣть дѣло съ честными капиталистами, обыкновенно налагающими жидовскія условія. Я тотчасъ подумалъ о тебѣ, любезный Викторъ. Съ твоею привычкою къ порядку, тебѣ не возможно въ Д* прожить свои доходы. Да и самый отчаянный мотъ тамъ не проживется. Ты, безъ сомнѣнія, экомомничалъ съ вступленія своего въ должность, и я увѣренъ, что кошелекъ твой набитъ чрезвычайно туго. Что, еслибы ты ссудилъ мнѣ нѣсколько тысячъ изъ этихъ суммъ, которыя лежатъ у тебя безъ всякаго употребленія?—Ты оказалъ бы мнѣ большую услугу. Я требую безъ всякихъ церемоній, я слишкомъ хорошо знаю твою дружбу, чтобы прибѣгать къ нимъ.

Если ты можешь сдѣлать что — нибудь для меня, ты сдѣлаешь, какъ разъ уже и сдѣлалъ, въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь. Впрочемъ, если ты захочешь имѣть небольшую выгоду

въ нашемъ дѣлѣ, то деньги, которыя ты мнѣ пришлешь, съ прежними 3000 фр. я присоединю къ моему капиталу и поведу съ тобою счетъ; если же, по какому-нибудь помѣщичьему предразсудку, ты не хочешь пуститься въ спекуляцію, которая, по всей вѣроятности, утроитъ твой капиталъ, то я останусь просто должникомъ твоимъ и по полученіи первыхъ доходовъ возвращу тебѣ деньги. Отвѣчай мнѣ, прошу тебя, съ слѣдующею же почтою, чтобы не упустить дѣла, и если не можешь оказать мнѣ требуемой мною услуги, то дай мнѣ знать; мнѣ надо будетъ взять свои мѣры..... Если ты истинный другъ, то возьмешь отпускъ у твоихъ черныхъ мантий и приѣдешь на мѣсяць или на два сюда. Я буду твоимъ руководителемъ въ этомъ новомъ Вавилонѣ, и не смотря на постъ, мы проведемъ время весело. Я представляю тебя моей маленькой герцогинѣ и познакомлю со многими важными лицами, которыя могутъ быть тебѣ полезны по службѣ. Подумай объ этомъ, любезный Викторъ, и върь моей неизмѣнной дружбѣ. *Густавъ.*

«P. S. Послѣ послѣдняго моего письма я перемѣнилъ квартиру. Вотъ мой теперешній адресъ: М. Блондо де-Густанъ, или просто, М. де-Густанъ, въ улицѣ Godot-de-Mauroy, № 15.»

Прочитавъ это письмо, молодой чиновникъ испыталъ ощущение, подобное тому, какое испытываетъ птица въ клеткѣ, глядя на подругъ летающихъ и поющихъ на свободѣ. Безчувствіе, въ которомъ онъ до-сихъ-поръ находился, уступило мѣсто одному изъ тѣхъ внутреннихъ волненій, во время которыхъ тѣло невольными движеніями, кажется, хочетъ гармонировать съ чрезвычайнымъ волненіемъ духа. Походивъ несколько времени скорыми и неровными шагами, онъ взялъ снова письмо и перечиталъ его съ громкими замѣчаніями, въ которыхъ невольно просвѣчивала тайная зависть.

— *Англійскій посланникъ... герцогиня де-Санъ-Северино... маркизъ де-Гриньеръ..... лордъ Кеблэмъ...* Боже мой, какими-бы глазами посмотрѣлъ добрый старикъ Блондо, еслибы съ того свѣта увидѣлъ сына въ такомъ обществѣ! Да, онъ называется теперь господиномъ де-Густанъ и пишетъ объ этомъ безъ всякихъ изъясненій, какъ-будто это вещь самая обыкновенная..... а говорятъ, правы клонятся къ республикѣ! Мольтеръ, гдѣ ты? Всего забавнѣе то, что, облагороживаясь по своей волѣ, пріятель Альфредъ не счелъ за нужное поучиться грамма-

тикъ. Впрочемъ, онъ, вѣроятно, вспомнилъ, что некогда, владельцы замковъ считали за честь не знать грамоты, и уродуя языкъ, вѣроятно, воображаетъ составить тѣмъ себѣ право дворянина.... и что за слогъ, что за языкъ! Какая жалкая игра словъ! Что онъ хочетъ сказать своими *крысами* превращенными въ *тирицъ*. Но! если этотъ языкъ въ модѣ между знаменитостями Парижа, то я отъ души ихъ поздравляю.... Хмы! его камердинеръ..... его негръ, его лошади, японскій фарфоръ, челиннѣвскія вазы.... Ясно, что разсказъ объ этой роскоши вставленъ для эффекта. Понимаю: онъ съблался парижаниномъ и значительнымъ господиномъ, и потому хочетъ немножко ослѣпить бѣдняка низшаго разряда, который, по простотѣ своей, остался мѣщаниномъ и провинціаломъ.

Заносчивый языкъ счастливаго обожателя герцогини де-Санъ-Северино возбудилъ зависть и недоувѣрчивость прокурорскаго помощника; мысль, что пышныя подробности въ письмѣ его пріятеля могли имѣть тѣсную связь съ просьбою денегъ, которою окончивалось это письмо, ни на минуту не приходила ему въ голову. Онъ видѣлъ только удовольствованное тщестлавіе въ тѣхъ фразахъ, въ которыхъ дальновидный человѣкъ подозрѣвалъ бы расчетъ, тѣмъ болѣе изученный, что средства употреблены были, по наружности, совсѣмъ не благо-разумныя. Съ доувѣрчивостью честнаго чловека, который, для всегда прямою дорогою, не легко предполагаетъ, чтобы и другіе избирали проселки, онъ принялъ за чистую истину этотъ родъ позолоченнаго объявленія, въ которомъ Блюдо де-Густанъ, по обыкновенію всѣхъ, кто занимаетъ деньги, разукрасилъ, и, надо признаться, разукрасилъ превосходно свое двусмысленное положеніе. Воображая блистательную жизнь своего пріятеля, молодой чиновникъ не могъ не обратить печальнаго взора на свое монотонное существованіе.

—Я очень понимаю вѣру во влияніе звѣздъ на судьбу чловека, сказалъ онъ задумчиво, глотая уже давно простывшій кофе. Вотъ чловекъ, безъ денегъ, безъ имени, безъ воспитанія, — въ школѣ онъ никогда не могъ добиться хотя какой нибудь награды, — безъ всякихъ талантовъ; и что же! этотъ чловекъ сказалъ себѣ: «мнѣ удастся, я составлю свое счастье, я стану въ уровень съ лучшимъ обществомъ Парижа, и все это сбылось! Ему все улыбается; онъ бросаетъ деньги въ окно и

деньги возвращаются въ двери; онъ ужинаетъ у посланниковъ, успиваетъ у герцогинь.... и этотъ человекъ не знаетъ правописанія... А я... имя мое уже нѣсколько поколѣній — извѣстно на поприщѣ юстиціи, я обладаю не большимъ, но независимымъ состояніемъ, у меня нѣтъ недостатка ни въ познаніяхъ, ни въ талантахъ, ни въ умѣ, — и что — же!.. я быственню гублю лучшіе годы въ грязномъ городишкѣ!.. Положимъ еще, что если бы я былъ честолюбецъ и въ будущемъ предвидѣлъ какую — нибудь великолѣпную награду за свое самоотверженіе, я могъ бы безъ ропота переносить свое положеніе, и то, въ тридцать — пять лѣтъ — я буду королевскимъ прокуроромъ, въ пятьдесятъ — президентомъ трибунала! Красная мантия совѣтника или главнаго адвоката, вотъ мой маршальскій жезлъ. А Блондо, идя своею дорогою, въ сорокъ лѣтъ будетъ милліонеромъ и блистательно женится. Почему — же, начавъ гораздо ниже меня, онъ достигъ такъ высоко? Не ужели я хуже его въ чемъ — нибудь? безъ всякаго тщеславія, мнѣ можно, я думаю, сказать: нѣтъ. Я во всемъ превосхожу его. Отчего — же онъ идетъ такими исполненскими шагами, а я употребляю тысячи усилій для того, чтобы подняться хоть на одну ступеньку. Онъ въ Парижъ, а я — въ Д*.. вотъ въ чемъ загадка. Парижъ! Парижъ!..

Викторъ Деландъ положилъ на столъ хлѣбъ съ масломъ, который хотѣлъ было ѣсть, и, не думая больше о завтракѣ, впалъ въ задумчивость, прекратившуюся только съ первымъ ударомъ стѣнныхъ часовъ, пробившихъ девять.

— Девять часовъ! вскричалъ онъ, какъ — будто пробудясь отъ сна: меня ждуть въ присутствіи.

Помощникъ прокурора наскоро окончилъ свой туалетъ, укладъ нѣсколько бумагъ въ чернѣйшій сафьянный портфель, взялъ его подъ мышку и отправился къ должности. Вышедъ на улицу, онъ направилъ шаги къ большому зданію на другой сторонѣ площади, ворча сквозь зубы:

«— Не ужели я всю жизнь буду запряженъ въ эту проклятую роботу?»

II.

Домъ, куда вошелъ Блондо, принадлежалъ къ разряду тѣхъ зданій, неизвѣстныхъ въ Парижъ, въ которыхъ провинціальное

начальство соединяетъ всѣ свои потребности, истощивъ какъ можно больше воображенія и какъ можно меньше денегъ; что-то въ родъ архитектурной шарады, гдѣ цѣлое заключаетъ въ себѣ самыя разнородныя части, которыя подъ предлогомъ, что служатъ для разныхъ цѣлей, не годятся ни для одной. Присутственныя мѣста въ Д... были любопытнымъ образчикомъ этого рода провинціальныхъ памятниковъ и основатели ихъ имѣли полное право похвастать ими, какъ образцовымъ произведеніемъ правительственной экономіи. Съ перваго взгляда, казалось невѣроятнымъ, чтобы въ одномъ зданіи средней величины, находилось столько удобствъ къ помѣщенію. Не говоря уже о караульнѣ, въ нижнемъ этажѣ находились хлѣбный амбаръ, сарай съ пожарными инструментами и хранилище театральныя декораций. Мерство и префектура по-братски раздѣлили между собою бель-этажъ, куда входили по лѣстницѣ, славившейся на 10 миль въ округности. На границахъ властей законодательной и исполнительной, въ четырехъ стѣнахъ, окрашенныхъ охрою, находилась нейтральная земля, извѣстная подъ общимъ названіемъ залы *des Pas Perdus*, и служившая для самыхъ разнообразныхъ потребностей. Во всякое время года, меръ или его помощникъ совершили тамъ брани. Три лѣтніе мѣсяца, странствующая труппа давала тамъ свои представленія.—Потомъ, къ концу августа, на той-же сценѣ, гдѣ Буриданъ размахивалъ своимъ толедскимъ кинжаломъ или Лукреція составляла свой ужасный ядъ, появлялись избранные школьники получать лавры и награды изъ рукъ подпрефекта и другихъ мѣстныхъ властей. Эта неоцѣненная зала служила кромѣ того для тысячи другихъ потребностей, нечислять которыя было бы слишкомъ долго и утомительно. Тамъ собиравлись избиратели, тамъ мѣстная промышленность дѣлала выставки своимъ произведеніямъ; національная гвардія давала пирушки, проѣзжіи артисты концерты, и при началѣ каждой зимы, самыя любезныя изъ обитателей Д... пробовали составлять балы по подпискѣ, но до-сихъ-поръ эти попытки не удавались отъ нерасположенія и скудости общества.

Викторъ прошелъ залу *des Pas-Perdus*, гдѣ, въ ожиданіи открытія присутствія, прохаживалось нѣсколько просителей, съ своими адвокатами, вполне вооруженными. Шляпки и шляпы преклонялись передъ помощникомъ прокурора, который

отвѣчалъ одинаково на всѣ привѣтствія и направилъ шаги въ корридоръ, гдѣ хранятся судейскія мантии. Облекшись въ судейскую тогу, которая никогда еще не казалась ему такъ тяжелою, какъ теперь, онъ вошелъ въ присутствіе, гдѣ уже собралась всѣ три члена трибунала.

—Пожалуйте, пожалуйста, г-нъ помощикъ прокурора! вы опоздали цѣлымъ полчаса, сказалъ ему маленькій старичекъ съ искаженною физиономіею.

— Меньше пяти минутъ, президентъ, холодно отвѣчалъ Деландъ.

— Двѣнадцать минутъ съ половиною, сказалъ, посмотря на часы, длинный, худощавый человекъ, который по милости лысины на головѣ, очковъ и важнаго тона въ разговорѣ о вещахъ самыхъ ничтожныхъ, слылъ въ народѣ за великаго дѣльца.

— Дѣла государственныя не должны замедляться и двѣнадцати секундъ, сухо сказалъ президентъ.

— Однакожь, вчера дѣла государственныя дожидались гораздо долѣе, чѣмъ сегодня, съ горячностью возразилъ помощникъ прокурора.

— Точность есть одна изъ обязанностей чиновника, замѣтилъ догматическимъ тономъ плѣшивый судья.

— Съ-этихъ-поръ, сказалъ президентъ съ ироніею, въ которой ясно выказалась какая-то тайная мѣсть: присутствие будетъ открываться ровно въ 9 часовъ. Позволяемъ г-ну помощнику прокурора разыгрывать дома концерты, вмѣсто того, чтобы быть на своемъ мѣстѣ. Это нисколько не помѣшаетъ намъ исполнять свою должность.

Тронутый за живую струну, какъ музыкантъ и какъ чиновникъ, Деландъ покраснѣлъ и, кусая губы, ворчалъ:

— Концерты! Бетховенъ, Онслоуъ, Боччерниа. Margaritas ante porcos!

Замѣтивъ огорченіе на лицѣ юнаго товарища, третій судья, физиономія котораго выказывала больше доброты, чѣмъ ума, вытащилъ изъ кармана огромную табакерку и, съ намѣреніемъ заключить перемиріе, сталъ поочередно подчивать товарищей.

Гнѣвный президентъ взялъ щепотку табаку, перепачкалъ ужасно носъ и позвонилъ. Деландъ, стоя прямо и неподвижно у камина, старался казаться презрительно-безвѣщнымъ. При зво-

въ колокольчика, что-то въ родѣ швейцара, съ красной рожей, отворило дверь залы, и присутствіе началось.

Религія заключаетъ величіе сама въ себя и сообщаетъ его самымъ маловажнымъ вещамъ, къ ней относящимся. Бѣдная, голая деревенская церковь внушаетъ столько же благочестія и благоговѣнія, какъ и богатый соборъ. Господь великъ и жилище его не можетъ быть мало; но человекъ ничтоженъ и слабость его отпечатывается на всѣхъ дѣлахъ рукъ его. Чтобы заставить уважать себя, правосудіе вмѣетъ необходимую нужду въ наружной пышности. Въ дурной оправѣ его вліяніе исчезаетъ. Словомъ, для судьи нужна важность римскаго претора. Хотя королевскій судъ въ Парижѣ и даже сулъ кассаціонный не представляютъ величественнаго зрѣлища, особенно въ сравненіи съ старымъ парламентомъ, но заседающіе въ томъ и другомъ едва ли могутъ составить идею о некоторыхъ низшихъ судьяхъ въ провинціяхъ, и о лохмотьяхъ, въ какихъ тамошняя Фемида раздаетъ свои приговоры.

Д....скій трибуналъ имѣлъ засѣданія свои въ узкомъ и мрачномъ паралелограммѣ, раздѣленномъ на двѣ неравныя части перилами, за которыми сѣдѣли адвокаты и ихъ кліенты. Въ той же части паралелограма, которая побольше и нѣсколько возвышена, прямо противъ дверей, находился судейскій столъ, въ правой сторонѣ отъ него, столъ прокурорскій. Въ отдѣленіи, назначенномъ для посѣтителей, единственною мебелью была желѣзная печка, труба которой, образуя локоть въ нѣсколькихъ футахъ отъ основанія, протягивалась горизонтально вдоль залы и выходила сквозь которую-то изъ стѣнъ, ни мало не заботясь объ изяществѣ. Большую картину, висѣвшую надъ президентскими креслами, и изображавшую Спасителя на крестѣ, со времени іюльской революціи замѣнили разныя украшенія, на которыхъ между кучею трехцвѣтныхъ знаменъ, видѣлись, подлѣ именованнаго хартіи 1830 года, таблицы Моисеевыхъ заповѣдей; въ ковчегный кодексъ, вырѣзанный на камнѣ, слѣдался, по какой-то насмѣшливой аллегоріи, эмблемою этихъ ломкихъ твореній, которыя во Франціи называются конституціями. Бумажныя обои претерпѣли также измѣненіе, не менѣе характеристическое: вмѣсто позлащенныхъ лпій, которыми первоначально былъ усыпанъ голубой королевскій фонъ, заступали мириады пѣтуховъ, гальскихъ по имени и остроготскихъ по фигурѣ, которыми патриотизмъ,

экономный даже и въ своемъ усердіи къ славы отечества, об-
лѣпилъ всякую отдѣльную часть ниспровергнутаго герба. Этотъ
вымыселъ, возникшій въ головѣ пльшиваго судьи, не имѣлъ
заслуженнаго успѣха въ глазахъ жителей Д...., которые съ той
поры непочтительно прибавляли къ имени святилища правосудія
метафорическое имя, какое парижскіе мальчишки придали
верхней части бульварныхъ театровъ.

Сверхъ адвокатовъ, ихъ кліентовъ и членовъ судилища,
включая туда и краснорожаго швейцара, который громкимъ,
но хриплымъ голосомъ кричалъ: дѣло Жавъ-Батиста Вашена
съ наслѣдниками Буа-Робертъ, — избранная публика, наполняв-
шая судилище, состояла изъ довольно-тучнаго каноника, при-
командированнаго отъ духовной власти къ судилищу, который,
забывшись въ уголокъ на почетной скамьѣ, терпѣливо выслу-
шивалъ статьи Колекса при помощи Поль-де-Кокова романа. За
перегородкою стояли, за немѣніемъ на чемъ сѣсть, трое или
четверо бѣдняковъ, обычныхъ посѣтителей, особливо зимою,
когда судъ служить имъ на три часа убѣжищемъ отъ холода, и
гдѣ, грѣясь на счетъ правительства, они слушаютъ въ добавокъ
даровой курсъ юриспруденціи. Простирая еще dalje изобрѣтатель-
ность бѣдности, мальчишка, такой же гордецъ въ отреченьяхъ, какъ
нищій Мурильо, нашелъ кухню тамъ, гдѣ другіе наши только
убѣжище отъ холода. Сидя по-восточному передъ печкою, онъ
потихоньку пекъ въ ней полдюжину картофелей, и въ оживле-
ніи, пока будетъ готовъ завтракъ, царапалъ ножомъ полъ, ста-
раясь вырѣзать свое имя. Плутъ былъ изъ грамотныхъ и, въ
прежнее время, ходилъ въ школу взаимнаго обученія.

Викторъ Деландъ сѣлъ на свое мѣсто съ мрачнымъ ви-
домъ, что произвело такое безпокойство между подсудимыми,
которые обыкновенно привыкли читать ходъ дѣлъ своихъ на
лицахъ чиновниковъ. Помощникъ прокурора изучилъ у себя въ
кабинетѣ дѣло, которымъ долженъ былъ теперь заняться; мнѣ-
ніе его было сдѣлано и, по обыкновенію большаго числа ему
подобныхъ, онъ былъ слишкомъ увѣренъ въ безошибочности
своихъ рѣшеній, чтобы подумать, что они могутъ измѣниться
отъ выслушанія адвокатовъ, которые, можетъ быть, промѣютъ
новый свѣтъ на дѣло. Въместо того, чтобы терять время на вы-
слушаніе адвоката подсудимаго, который началъ рѣчь болѣе
крикливымъ, чѣмъ мелодическимъ голосомъ, онъ предался одно-

му изъ тѣхъ мечтательныхъ порывовъ, увлекательный потокъ которыхъ далеко уноситъ воображеніе, не переставая разсвѣчивать неподвижный образъ наружныхъ предметовъ. Въ то время, какъ умъ его, возбужденный письмомъ де-Блондо, вызывалъ на сцену всѣ очаровательныя наслажденія парижской жизни, глаза его, блуждая тамъ и сямъ, съ невольнымъ презрѣніемъ разсматривали зрелище, къ которому его не могла приучить даже и восемнадцати-мѣсячная привычка, и грязная сторона котораго никогда еще не была такъ пошла и отвратительна, какъ въ этотъ разъ. Закончѣная зала, грязное убранство аудиторіи, видимая спячка судей, поочередное клохтанье адвокатовъ, старающихся выиграть болѣе горлою, чѣмъ логикою; въ придачу, нѣсколько вишенъ, разсаженныхъ около забора, въявное движеніе толстаго швейцара, который входилъ и выходилъ изъ святилища безъ всякихъ церемоній, какъ будто дома, словомъ, все, даже невинныя пернатые на обояхъ, рождали въ немъ чувство отвращенія.

—Нѣтъ, я больше не въ состояніи выдержать этой муки, думалъ онъ, судорожно ворочаясь на стулѣ... Эта куриная клетка, въ которую меня засадили, походить на воздушный насосъ: я въ ней задыхаюсь. Мнѣ нуженъ другой воздухъ, горизонтъ гораздо обширнѣе. Продолжать вести такую жизнь все равно, что непрерывное самоубійство. Да, я назначенъ къ чему-нибудь другому, а не жевать поля и разбирать границы сосѣдей. Всякому существу своя стихія: рыбу вода, земля четвероногому, а птицамъ воздухъ. Я чувствую, что у меня есть крылья, за чѣмъ же пресмыкаться, вмѣсто того, чтобы летать! Что-то дѣлаетъ Блондо въ эту минуту? Теперь только десять часовъ; онъ еще, безъ сомнѣнія, спитъ, но потомъ, какая жизнь, полная дѣятельности, блистательная, полезная! Онъ, можетъ-быть, обѣдаетъ у этого англійскаго посла, можетъ быть, еще лучше—обѣдаетъ съ этою герцогинею де-Сантъ-Северино. И всѣ эти успѣхи, всѣ эти удовольствія, всѣ эти почести не разстриваютъ состоянія, а напротивъ, приносятъ пользу. Вотъ жизнь—а я?..

Мечты Деланда вдругъ были прерваны слѣдующею таинственною фразою, которую произнесъ высокопарнымъ тономъ президентъ:—Слово прокурора...

Покоряясь этому воззванію, какъ солдатъ командѣ, молодой

помощникъ прокурора отряхнулъ свою меланхолю, потомъ медленно привсталъ и съ важностію накрылъ голову своимъ судейскимъ токомъ. Въ рѣчи своей, менѣе обыкновеннаго красно-рѣчивой, принявъ одну сторону, онъ старался доказать, что оба адвоката равно неполно и ошибочно защищали дѣло, что они привели много фальшивыхъ доказательствъ, и что нельзя оставить этого безъ изслѣдованія. Потомъ, онъ привелъ множество постановленій королевскаго суда, распоряженій суда кассационнаго, и наконецъ, доказательство, кажется, самое сильное и искусно приравненное къ концу рѣчи: рѣшеніе самого этого судилища въ подобномъ же случаѣ. При этой, нѣкъмъ не ожидаемой ссы-лкъ, судьи съ удивленіемъ взглянули другъ на друга.

— Вы не помните, рѣшали ли мы подобное дѣло? спросилъ вопоголоса президентъ своихъ товарищей.

Судья съ лысиною снялъ очки, опрокинулся на спинку стула и сидѣлъ нѣсколько времени съ закрытыми глазами, въ положеніи чловѣка, размышляющаго о чемъ-нибудь серьезномъ. Третій же членъ судилища нѣсколько разъ принимался нюхать табакъ и потомъ оба, тѣсно припоминая, отвѣчали отрицательнымъ жестомъ.

— Судъ, сказалъ тогда президентъ съ кисло-сладкою миною: позагасть, что г. помощникъ прокурора впалъ въ заблужденіе; онъ не помнитъ, чтобы рѣшалъ когда-нибудь дѣло, сходное съ теперешнимъ.

Въ это время, толстѣйшій швейцаръ, стоя на кольяхъ у печки, клалъ въ нее дрова, законфисковавъ, при этомъ случаѣ, почти совсѣмъ готовый завтракъ маленькаго бѣдняка.

— Извините г-нъ президентъ, сказалъ онъ, вдругъ приподнявъ голову. Г-нъ помощникъ прокурора правъ. Вы рѣшили такъ, какъ онъ говоритъ, назвалъ тому восемь лѣтъ, дѣло Марло съ Бушаромъ; я это очень помню, потому-что у этого Марло была такая гадкая собака; разъ еще она, въбѣжавъ въ присутствіе...

— Швейцаръ, прервалъ его президентъ строгимъ тономъ: почему вы не сядите на мое мѣсто, а я пойду хлопотать о печкѣ. Вы не видите, что зала полна дыму.

При этомъ замѣчаніи начальника, швейцаръ замолчалъ, и, уложивъ въ печку дрова, затворилъ дверцы; потомъ всталъ и, обращаясь къ маленькому кругу зрителей, въ глазахъ кото-

рыхъ онъ былъ столь же важное лицо, какъ и самъ президентъ, сказалъ вполголоса:

—Вотъ каковы они! сегодня бѣлое, а завтра черное; черезъ двѣ недѣли забываютъ все, что рѣшили и сердятся, если у кого-нибудь найдется памяти побольше ихъ.

—Вашъ президентъ крутаго характера, сказалъ одинъ изъ слушателей.

—Ужъ не говорите, отвѣчалъ швейцаръ, пожавъ плечами. Но хотите ли знать настоящую причину: г-ну Бешерину хотѣлось выдать дочку за г-на Деланда, а тотъ, кажется, и не думаетъ объ этомъ, и я очень понимаю: дочка г-на президента чертовски не хороша. Съ-тѣхъ-поръ, г-нъ Бешеринъ сдѣлался хуже жабы и я всегда терплю отъ этого. По моему, онъ не правъ. Если служишь правосудію, обиженъ ты или вѣтъ, никогда не долженъ сердиться и обижать другого.

—Господинъ Матье, пожалуйста отдайте мнѣ мой картофель, умолялъ мальчикъ, потерявшій свой завтракъ.

Швейцаръ схватилъ плутишку за ухо и потащилъ къ двери.

—Вонъ отсюда, мерзавецъ! вскричалъ онъ громнымъ голосомъ и хотѣлъ присоединить къ этому еще ударъ ногою, но, благодаря проворству преступника, ударъ этотъ пропалъ въ пространство воздуха.

По выраженію швейцара Матье, судилище сдѣлало изъ бѣлаго черное, провзнеся рѣшеніе, совершенно противное тому, которое провзнесло оно при подобномъ обстоятельствѣ нѣсколько лѣтъ назадъ. Такое противорѣчіе нѣсколько не удивительно. Подобныя вещи каждый день повторяются во Франціи: рѣшивъ извѣстнымъ образомъ какой-нибудь спорный предметъ, рѣдко случается, при другомъ такомъ-же случаѣ, чтобы не рѣшили его совершенно въ противномъ смыслѣ. Это называется обратнымъ правосудіемъ и полезнѣе, нежели какъ полагаютъ, потому-что если въ одинаковыхъ случаяхъ, приложение законовъ было-бы не измѣняемо, то со-временемъ источникъ споровъ истощился бы и прекратилъ-бы тяжбы; чтобы сталось тогда съ юрисъ-консультами, адвокатами и судьями. Немножко непостоянства не мѣшаетъ правосудію, это практикуетъ ябедниковъ, какъ кокетство привлекаетъ еще болѣе обожателей къ прекрасной женщинѣ.

Это рѣшеніе, противное мнѣнію молодаго помощника прокурора, довершило въ немъ дурное расположеніе духа.

—Нѣтъ, я и двухъ недель не останусь съ этими набитыми ослиами, сказалъ онъ самъ себѣ, возвратясь домой: рѣшено. Довольно послужилъ, подамъ въ отставку, долой мантию и въ Парижъ. Кто осудитъ меня за это? вѣчно проживать въ городишкѣ, гдѣ нѣтъ ни одной хорошенькой женщины, ни одного порядочнаго мужичины, гдѣ, за недостаткомъ четвертаго музыканта, принуждены разыгрывать квартетъ Гайдна безъ второй скрипки, точно играть въ вистъ съ болваномъ. Нѣтъ, клянусь, это не выносно! я здѣсь какъ Овидій у сарматовъ; но Овидій былъ изгнанникъ, а я свободенъ. Дѣйствительно, живутъ только въ Парижѣ. И такъ, въ Парижъ и какъ можно скорѣе!...

Деландъ провелъ все утро, укрѣпляясь въ давно—предпринятомъ и часто обсуживаемомъ намѣреніи. Послѣ обѣда дѣло было рѣшено совершенно; онъ сталъ думать о средствахъ привести его въ исполненіе, и отправился къ единственному обитателю городка, знакомство котораго зантресовало его и съ которымъ онъ вступилъ въ частныя и дружескія сношенія.

Г. де-Луазеле, къ которому онъ отправился, былъ старый эмигрантъ, довольно-свѣжій старикъ, безстрашный охотникъ, веселый собесѣдникъ, славный игрокъ, любезникъ съ женщинами и отъявленный врагъ романтической литературы. Онъ ходилъ по воскресеньямъ въ церковь, постился по пятницамъ и держалъ дома хорошенькую 22-хлѣтнюю экономку. Со времени июльской революціи, онъ не носилъ больше креста св. Людовика, которой окарнали, какъ онъ говаривалъ, отломавъ лиліи; не являлся также между избирателями, подъ предлогомъ, что присяга все—такъ присяга; за исключеніемъ другихъ журналовъ, онъ подписывался на Gazette de France и Charivari; наконецъ, чтобы вѣрнѣе обрисовать его характеръ, скажемъ только, что 1789-мъ году онъ былъ въ Кобленцѣ, 1815-мъ въ Гентѣ, въ 1830-мъ въ Голирудѣ.

Войдя въ гостиную, обитую обоями въ лицахъ, обычное мѣстопробываніе стараго дворянина, Деландъ напелъ его у каминна, передъ маленькимъ столикомъ, на которомъ разставлены были шашки.

—Видите, что я васъ дожидался, сказалъ г. де-Луазеле,

положивъ на каминъ томъ «Записокъ Казановы». Мнѣ сказывали, будто вы поссорились съ президентомъ?

—И да и вѣтъ, отвѣчалъ прокурорскій помощникъ. Я не хочу ему зла; я думаю, онъ самъ не можетъ сказать этого.

—За что — же онъ на васъ сердится?

—За дурной вкусъ; почему я не влюбился по уши въ его дочку.

—Васъ стоило бы разжаловать, если бы вы это сдѣлали, сказалъ, смѣясь, г-нъ Луазеле: эта малютка Бешеринъ чрезвычайно безобразна и не имѣетъ на васъ ни какого права. Что у нея есть? тысячь восемьдесятъ, не больше. Съ такимъ приданымъ надо быть хорошенькою, а безъ этого оставаться въ дѣвкахъ. Въ нынѣшнее время не легко выдавать дочерей. Я кое-что въ этомъ понимаю. Изаура, моя единственная дочь, которая со-временемъ олучить славныхъ двадцатипяти тысячь ливровъ годового дохода, и три четверти въ недвижимомъ имѣннн, вышла замужъ на 27-мъ году и за кого? за г-на Піара. Правда, за челоуѣка съ кредитомъ, государственнаго совѣтника и на пути къ министерству, все, что вы хотите, но за всѣмъ тѣмъ, все таки за г. Піара. Этимъ я хочу сказать, что претензіи президента, кажется мнѣ, немного велики. Безъ комплиментовъ, вамъ можно мѣтить куда — нибудь лучше дѣвицы Бешеринъ.

—Если вы такъ добры ко мнѣ, то признаюсь вамъ, я и самъ того же мнѣнія.

—Впрочемъ, кто васъ принуждаетъ жениться, возразилъ старый эмигрантъ: у васъ еще десять лѣтъ впереди, чтобы серьезно подумать объ этомъ. Начните свою карьеру съ теперешняго времени, переѣньте черную мантию на красную, сдѣлайтесь главнымъ адвокатомъ,

—Хранителемъ печати, прервалъ, смѣясь, прокурорскій помощникъ.

—Не торопитесь, возразилъ въ свою очередь г. де-Луазеле: вы хотите соперничать съ моимъ знаменитымъ зяткомъ, Піаромъ, и если онъ узнаетъ, что я поощряю васъ къ этому, то никогда не проститъ мнѣ.

—Послушайте, сказалъ Делацъ, помолчавъ съ-минуту: ваше расположеніе ко мнѣ заставляетъ меня вполне исповѣдаться передъ вами.

—Слушаю, любезный Деландъ, отвѣчалъ де-Лаузеле, съ благосклонностію, которую обыкновенно внушаетъ старикамъ довѣренность юности.

—Я честолюбивъ, сказалъ помощникъ прокурора робкимъ тономъ,

—Absolvo te. Это не смертный грѣхъ. Конечно, въ ваши лѣта, я сказалъ бы: я влюбленъ; но теперешняя молодость несколько не походитъ на молодежь моего времени. И такъ, вы честолюбивы. Дальше?

—Кто хочетъ достигнуть цѣли, тотъ ищетъ средствъ. Съ однимъ честолюбіемъ, что я могу здѣсь сдѣлать? Умереть отъ умственной сухотки, которая гораздо ужаснѣе физической. Я въ самомъ дѣлѣ боленъ и хочу по лечиться.

—Ступайте въ Парижъ, сказалъ г. де-Лаузеле.

—Я думалъ объ этомъ, отвѣчалъ Деландъ, пародируя навѣрный отвѣтъ стариннаго рыцаря крестовыхъ походовъ королевы французской.

—Что-же васъ удерживаетъ?

—Во-первыхъ, у меня нѣтъ въ наличности денегъ, а ихъ надобно много.

—У моего натаріуса 20,000 фр. Они къ вашимъ услугамъ.

—Премного благодаренъ. Я надѣлся на вашу обязательность... Я дамъ вамъ закладную на мое Шарньерское имѣніе.

—Что за закладная! Это только введетъ васъ въ безполезные убытки. Между честными людьми довольно записки, и то для того, что мы всѣ смертные, и чтобы дѣла были въ порядкѣ.

—Двадцать тысячъ слишкомъ много будетъ для меня, замѣтилъ прокурорскій помощникъ.

Но какъ г. де-Лаузеле, по деликатности дворянца, а можетъ-быть и потому, что онъ зналъ о хорошемъ состояніи Деланда, отказался уже отъ закладной, то, разумѣется, и по давню не думалъ уменьшить предложенную сумму.

—Если вы хотите успѣть, сказалъ онъ заемщику: такъ не жалуйте нѣсколькихъ тысячъ франковъ. Ничто такъ не помогаетъ, какъ деньги, истраченные съ умомъ. Въ Парижѣ непременно надо быть или казаться богатымъ. Безъ этого нѣтъ спасенія, тамъ даютъ только тѣмъ, кому, кажется, ничего не нужно. Искатель въ кабриолетѣ всегда опередитъ искате-

ля пѣшкомъ, а искатель въ богатой каретѣ обгонитъ ихъ обоихъ. Я докажу вамъ это собственнымъ своимъ примѣромъ. По возвращеніи моемъ изъ эмиграціи, у меня не было ни гроша наличныхъ денегъ, большая часть моихъ имуществъ была уже продана, одни лѣса, по-счастію, оставались подъ секвестромъ. На эту хрупкую надежду одинъ жилъ далъ мнѣ въ займы десять тысячъ франковъ. Эти десять тысячъ провертылись у меня въ Парижѣ не болѣе трехъ мѣсяцевъ; но за то въ эти три мѣсяца я галлопировалъ на отличнѣйшихъ скакунахъ возлѣ колясокъ г-жи Таленъ, или трехъ или четырехъ другихъ женщинъ, бывшихъ тогда въ силѣ; задавалъ отличные завтраки чиновникамъ, у которыхъ находилось мое дѣло; извлекалъ всевозможную пользу изъ моей личности—тогда я не былъ вѣдь еще съдымъ старикомъ—однимъ словомъ, я такъ распорядился, что получилъ обратно свои лѣса. Какъ вы думаете, жалѣлъ ли я о 10,000 франковъ?

—Да, я вижу, что вы правы, отвѣчалъ помощникъ прокурора: и если вы хотите ссудить меня означенною суммою, я буду вамъ очень благодаренъ.

—Кончено; я предупрежу моего нотаріуса и онъ вручитъ вамъ вексель на парижскаго банкира.

—Теперь мнѣ остается просить у васъ еще одной услуги. Я надѣюсь, что вы будите такъ добры, дадите мнѣ рекомендательное письмо къ г-жѣ Піаръ.

—Еслибы вы не подумали объ этомъ, я имѣлъ бы не очень-выгодное мнѣніе о вашихъ талантахъ, какъ некателя, отвѣчалъ съ лукавою усмѣшкою г. де-Луазеле. Дочь моя имѣетъ вѣсъ и силу; если она приметъ въ васъ участіе, то успѣхъ вашъ вѣренъ. Я дамъ вамъ дружеское письмо къ ней и не сомнѣваюсь, чтобы, при помощи вашей любезности, вы не привлекли ее на свою сторону. Когда вы поѣдете?

—Какъ скоро получу отставку, сказалъ Деландъ.

—Отставку! глупо! возразилъ старикъ. Вы, вѣроятно, никогда не видывали, какъ волтижеры у Франкони однимъ скачкомъ, не касаясь земли, перескакиваютъ съ одной лошади на другую; точно такъ должно поступать и съ мѣстами. Знайте, что гораздо труднѣе найти другое мѣсто, чѣмъ первое. Не подавайте въ отставку до-тѣхъ-поръ, пока не будете обнадежены,

что получите другое мѣсто. А въ ожиданіи, почему не попроситься просто въ отпускъ. Вотъ, скоро праздничныя вакансіи, а мѣсяца для васъ слишкомъ довольно, чтобы устроить дѣла свои въ Парижѣ.

—Вашъ совѣтъ столько-же справедливъ, сколько вы сами добры, отвѣчалъ Деландъ: и я въ точности посылаю всему, что вы говорили.

—Вотъ скромность и послушаніе, тѣмъ болѣе достойныя похвалы, что онѣ не обнаруживаютъ тѣхъ добродѣтелей, которыми хвалится нынѣшняя молодежь. Знаете-ли, я долженъ очень интересоваться вашею судьбою, чтобъ рѣшиться потерять такого собесѣдника, котораго мнѣ трудно будетъ замѣнить. Что будетъ съ моими шашками? Кстати о шашкахъ, развѣ вы не хотите отыграться?

—Я только было хотѣлъ вамъ напомнить объ этомъ, отвѣчалъ прокурорскій помощникъ, очень довольный результатомъ этаго разговора, онъ не могъ лишиться удовольствія старика, такъ обязательнаго къ нему.

Собесѣдники замолчали, засѣли за шашки, и Деландъ, развлеченный своими проэктами, проигралъ сряду двѣ партіи.

—Вы играете точно влюбленный, сказалъ ему г. де-Луазеле, недовольный своею легкою побѣдою.

—Влюбленный! подумалъ честолюбивый прокурорскій помощникъ съ тайнымъ презрѣніемъ: душа походитъ на песочные часы: голова и сердце образуютъ двѣ стеклянки, если одна наполнена, другая пуста. У меня, слава Богу, наполненъ мозгъ.

III.

Нельли черезъ двѣ послѣ этой бесѣды, въ одномъ изъ дилижансовъ, приходящихъ изъ провинціи въ Парижъ, голова, обязанная желтымъ фуляромъ, торчала изъ дверецъ, отъ самой Фонтенеблской заставы вплоть до конторы дилижансовъ. Это былъ Викторъ Деландъ. Глаза его съ жадностію разсматривали шумную картину Парижа, и вдыхая испорченный, удушливый воздухъ парижскихъ улицъ, ему казалось, что онъ дышетъ чистымъ, бальзамическимъ воздухомъ Италіи.

Дилижансъ прибылъ на мѣсто; прокурорскій помощникъ выскочилъ на мостовую, не касаясь подножки, подобно тому, какъ Христофоръ Колумбъ устремился на новооткрытую землю. Согласясь на убѣжденія одного изъ тѣхъ промышленниковъ, которые подкарауливаютъ въ конторахъ дилижансовъ высадку неопытныхъ путешественниковъ, онъ былъ приведенъ въ одну изъ самыхъ дрянныхъ гостиницъ, не смотря на обещанія ея краснорѣчивой вывески. Тамъ, не разсмотрѣвъ даже темной и грязной канурки, въ которую помѣстили его за три франка въ сутки, не спросивъ и позавтракать, потому что нетерпѣвѣ отняло у него весь аппетитъ, онъ немедленно перемѣнилъ дорожное платье на костюмъ столь пышный, какъ-было бы ему необходимо было представляться хранителю печати, вице-канцлеру, своему главному начальнику, и велѣлъ привести фіакръ. Первый визитъ его былъ къ корреспонденту нотаріуса г-на де-Луазеле. Тамъ получилъ онъ по векселю деньги, и запрятавъ въ бумажникъ двадцать банковыхъ билетовъ—зародыши будущаго счастья—бросился въ фіакръ и громкимъ голосомъ закричалъ кучеру: въ улицу Голо-Мороа, № 15.

—Синьоръ де-Густавъ никакъ не ожидаетъ меня, подумалъ онъ. Я думаю, въ эти полтора года онъ совершенно перемѣнилъ нравъ и привычки. Можетъ быть, встрѣтивъ провинціальнаго пріятеля, простаго гражданина, такого же, какимъ былъ недавно самъ, онъ вздумаетъ корчить герцога и пера. Но ему не удастся ослѣпить меня своими неграми и англійскими скакунами. У кого въ карманѣ 20,000 франковъ, тотъ ни чему не удвляется.

Возставая заранѣе противъ преимущества, которое воображалъ онъ, выкажетъ передъ нимъ его пріятель. Делавъ невольно чувствовалъ эту волшебную силу, которою не чувствительно окружилъ себя этотъ пріятель со времени ихъ разлуки.

Въ письмахъ своихъ къ помощнику прокурора, Гюставъ Блондо, теперь уже Густавъ де-Густавъ, такъ часто посещалъ важныя лица, столько выгонялъ лакеевъ, обольстилъ столько маркизъ, загналъ столько лошадей, задалъ такіе дивныя обѣды, обдѣлывалъ такія чудесныя дѣла на биржѣ, во всемъ достигалъ такихъ блестящихъ успѣховъ, наконецъ, выходилъ побѣдителемъ въ столькихъ дуэляхъ, что молодой помощникъ

прокурора невольно чувствовалъ мало-по-малу, что короткая дружба, связывавшая его съ его корреспондентомъ, превращается въ уваженіе, смѣшанное съ завистью. Въ присутствіи подобнаго Гамилькара, онъ началъ сомнѣваться въ собственномъ достоинствѣ. Это сознаніе своего относительнаго ничтожества утвердилось еще болѣе при видѣ изящнаго дома, въ которомъ жилъ Блондо; онъ приостановился на-минуту на площадкѣ третьяго этажа, у двери, на которую указалъ ему привратникъ.

Блондо живетъ довольно высоко, подумалъ онъ, вытирая ноги о подстилку: правда, въ Парижѣ дома настоящія вавилонскія башни; этотъ походить на дворець.. Да что въ-самомъ-дѣлѣ.. Въдъ онъ долженъ мнѣ 3000 фран. И послѣ этого разсужденія онъ дернулъ звонокъ, однако гораздо скромнѣе, нежели, какъ обыкновенно звонятъ завмодавцы.

Послѣ довольно-долгаго ожиданія, въ полуотворенную дверь выглянули не бѣлый и не черный лакей, какъ ожидалъ Деландъ, а старуха, въ сравненіи съ которою управительница его въ Д... показала бы просто красавицею. Эта сестрица совы, вмѣсто атрибута, держала не большой полунзломанный вѣничекъ, крѣпко сжимая его кривыми руками, какъ-будто приготовившись къ защитѣ. Вмѣсто того, чтобы пропустить прокурорскаго помощника, она недовѣрчиво осмотрѣла его съ ногъ до головы и грубо отвѣчала.

—Никого дома нѣтъ.

Деландъ по виду отгадалъ, что старуха жлетъ.

—Отнесите это вашему барину, сказалъ онъ, доставая визитную карточку: мы съ нимъ хорошіе пріатели, и я знаю, что онъ не станетъ отъ меня прятаться.

Старуха прочла по складамъ карточку, посмотрѣла искоса на магистратскаго чиновника и, казалось, колебалась, потомъ рѣшившись, покачала головою, какъ будто говоря: что будетъ, то будетъ, пошла въ покой. Деландъ послѣдовалъ за нею, разсматривая, дорогою, святилище дружбы, въ которое онъ вступилъ почти насильно. Первая комната, которую онъ проходилъ, была обита обоями — черезъ чуръ богатыми для передней. Слѣдующая за нею гостиная представляла взорамъ тьму украшеній, которыми гордилась бы любая кофейная на бульварѣ. Занавѣсы, драпри, ковры, обои, все было роскошно и ослѣпляло глаза яркими, хотя нѣсколько не гармоническими цвѣ-

тами. Въ малѣйшихъ принадлежностяхъ замѣтно было желаніе блеснуть за какую бы то ни было цѣну, хотя бы даже этому наружному блеску принесено было въ жертву внутреннее достоинство. Это убранство, съ перваго взгляда столь великолѣпное, имѣло свои слабыя стороны, которыя легко открываетъ глазъ опытный: стулья были набиты больше мочаломъ, чѣмъ волосомъ, картины въ великолѣпныхъ рамахъ едва ли бы гѣдлись на вывѣски къ порядочному трактиру, люстра деревянная, обои бумажные, коверъ плюсовый, китайскія вазы изъ папки, а на этажеркахъ, поставленныхъ по угламъ, преобладала та же картонная бумага подъ видомъ мрамора и бронзы. Но чтобы вдругъ замѣтить все это, надобно быть искуснымъ наблюдателемъ или казеннымъ цѣновщикомъ. И такъ, обозрѣвая все быстро и мимоходомъ, Викторъ Деландъ принялъ за наличную монету всю эту роскошь и невольно сталъ сравнивать ее съ своимъ скромнымъ стариннымъ жилищемъ.

— Да, Густавъ живетъ по-княжески, подумалъ онъ, кусая губы.

Старуха, подобно ужу, скользнула подъ коверъ, которымъ завѣшена была дверь, ведущая въ третью комнату. Прокурорскій помощникъ удвоилъ шаги и очутился, почти вмѣстѣ съ ней, при входѣ въ эту комнату, гдѣ все представляло самый странный и неожиданный контрастъ съ двумя первыми. Въ углу постель безъ занавѣсокъ, окно, завѣшенное тряпкою, когда-то служившею скатертью, и безъ которой оно походило бы на кровать, нѣсколько соломенныхъ стульевъ, больше или меньше переломанныхъ, коженые инструменты, разбросанные по полу или развѣшанные по стѣнамъ, обитымъ сальною и законченою бумагою—вотъ что встрѣтили взоры Деланда въ этой комнатѣ. На порогѣ ея, казалось, излихала роскошь и возникалъ отвратительный беспорядокъ. Да, подобно тому чудовищу съ женскою головою и рыбимъ хвостомъ, о которомъ говоритъ Гораций, жилище человека, которому завидовалъ Деландъ, начиналось дворцомъ, а оканчивалось хлѣвомъ,—порядокъ, общій многимъ домамъ въ Парижѣ, гдѣ дружески царствуетъ тщеславіе и бѣдность.

Посредствъ этой лачуги, въ которой не было даже и кампана, у хромоногаго стола, на которомъ лежали зазубренный ножикъ, кусокъ хлѣба и цинковая ложка, молодой человекъ въ

ярко-красномъ фланелевомъ халатъ, уединенно завтракалъ, если можно почтить названіемъ завтрака нѣсколько корочекъ хлѣба и стаканъ молока, и то безъ сахару. Блондо де-Гюстанъ—это былъ онъ самъ—мужчина не высокаго роста, блондинъ, худой; съ изрядными и правильными чертами лица, но на которомъ уже ясно были видны слѣды, оставляемые жизнью, проведенною безпорядочно. Постоянныя морщины на лбу придавали ему видъ чело­вѣка озабоченнаго. Глаза его, отличавшіеся быстрымъ, часто неумовимъ выраженіемъ, казалось, одолжены были горячкѣ своимъ блескомъ, который, время отъ времени, затемнялся какимъ-то выраженіемъ утомленія и безчувствія. Блѣдность и сухость изобличали ужасныя каждодневныя страданія. Улыбка его была насмѣшлива или печальна, но всегда принужденная. Длинные волосы, обыкновенно завитые по модѣ, въ это время были въ такомъ безпорядкѣ, какъ у чело­вѣка, который въ отчаяніи, судорожными движеніями немилосердно разрушаетъ трудъ парикмахера.

Замѣтивъ позади качающейся головы старухи улыбающуюся фигуру прокурорскаго помощника, Блондо вско­чилъ, какъ тигръ, котораго застали въ его логовищѣ. Бросить салфетку на столъ, чтобы скрыть свой скудный завтракъ, грозно взглянуть на старуху, осмѣлившуюся нарушить его приказаніе, устремиться на-встрѣчу другу, схватить его въ объятія и, обнимая, стараться увлечь въ гостиную—было для него дѣломъ одной секунды. Деландъ дружески отвѣчалъ на эти из­явленія радости, но вмѣсто того, чтобы выдти въ гостиную, онъ ут­вердился на порогѣ.

—Нѣтъ, какъ хочешь, останемся здѣсь. Я пришелъ какъ нельзя болѣе кстати, потому-что, въ нетерпѣніи видѣть тебя, я позабылъ позавтракать; садись, я помогу тебѣ.

Блондо готовъ былъ душить въ объятіяхъ своего друга, чтобы избавиться отъ такого безвременнаго помощника въ своемъ скудномъ завтракѣ; но такъ-какъ это намѣреніе было неудобноисполнительно, то онъ рѣшился настоять на своемъ.

—Молоко!... да это мой обыкновенный завтракъ, возразилъ помощникъ прокурора: но путешествіе придало мнѣ славный аппетитъ и я чувствую, что не откажусь отъ порядочнаго куска пирога или ветчины.

—Ты таки со вкусомъ, подумалъ чело­вѣкъ на діетѣ. Не знаю,

сказалъ онъ въ слухъ: найду-ли то, что тебѣ надобно; вотъ уже нѣсколько дней, какъ я на діетѣ и кухня моя въ совершенномъ растройство.

— Пошли чело­вѣка, принести мнѣ что-нибудь изъ трактира. Я знаю, что въ Парижѣ въ одну минуту найдется все, что захочешь.

— Правда, возразилъ Блондо, кусая усы. Вы слышите г-жа Тавернье, прибавилъ онъ вѣжливымъ голосомъ, обращаясь къ старухѣ: потрудитесь принести все, что угодно этому господину.

Уходившая было, старуха воротилась и, высунувъ голову изъ подъ ковра, вмѣсто отвѣта посмотрѣла выразительно на хозяина и перебирала большимъ и указательнымъ пальцами правой руки. При видѣ этой нескромной пантомимы, глаза Блондо заблестали, какъ молнія, и чтобы не дать замѣтить этого своему гостю, онъ стремительно вышелъ въ гостиную; тамъ, перемѣня фюзіономію, онъ обхватилъ рукою параболическій станъ старухи и потащилъ ее въ переднюю.

— Умоляю васъ, милая г-жа Тавернье, сказалъ онъ ей вѣжливымъ голосомъ: окажите мнѣ эту маленькую услугу, повѣрьте, вы не будете раскаиваться. Принесите поскорѣй завтракъ, это чрезвычайно важно для меня.

— А деньги? проворчала г-жа Тавернье. Въ долгъ не повѣрять.

— Вы такъ добры, возразилъ молодой чело­вѣкъ, болѣе и болѣе смягчая голосъ: я увѣренъ, что вы не покинете меня въ этомъ затруднительномъ положеніи. — Мой пріятель ужасно богатъ; онъ привезъ мнѣ деньги, которыхъ, вы знаете, я давно уже дожидаюсь! Сегодня вашъ маленькій счетъ будетъ уплаченъ, съ какими хотите процентами.

— Если онъ богатъ, такъ пусть заплатитъ за завтракъ, замѣтила старуха.

— У меня — то! какъ можно... Это обезчестило — бы меня.

— Ну, ну... Что тутъ говорить, когда нѣтъ денегъ. Знаете ли, что за вами уже 27 франковъ.

— 27 франковъ, кусокъ пирога и крылышко дуропатки составляютъ 30 франковъ; я заплачу вамъ черезъ два часа.

— Можете похвастаться, что вы славный обольститель, отвѣчала г-жа Тавернье, смягченная такимъ любезнымъ обращеніемъ молодаго человека и прельстясь надеждою большихъ процентовъ. — Ну, не терзайтесь, сейчасъ принесу все, что надобно.

Старуха взяла свою корзину и вышла. Успокоенный этимъ первымъ успѣхомъ, Блондо возвратился въ спальню, гдѣ ждалъ его пріезжіи.

— У тебя оригинальная столовая, сказалъ ему Деландъ, съ увлеченіемъ разсматривая обветшалую каморку, въ которой они находились. Проходя черезъ твою великолѣпную гостиную, кто не изумится при видѣ подобнаго Капернаума.

— Настоящей Капернаумъ, отвѣчалъ хозяинъ, стараясь улыбнуться: вотъ въ чемъ дѣло: я переезжаю; въ этой комнатѣ сняли обои и вынесли мебели и потому, придя въ первобытную наготу, я согласенъ — она не очень — красива.

— Ты часто мѣняешь квартиры, замѣтилъ прокурорскій помощникъ, понавъ, безъ намѣренія, на одну изъ болячекъ своего пріятеля.

— Мнѣ здѣсь немного тѣсно, да притомъ же я переселяюсь поближе къ Сенъ-Жерменскому предместью, гдѣ у меня много связей; люди мои все заняты въ новой квартирѣ, и потому — ты нашелъ меня на попеченіи этой старой цыганки, которая отворила тебѣ двери и услугами которой ты долженъ теперь довольствоваться.

— Такъ ты былъ боленъ? Въ-самомъ-дѣлѣ, ты блѣденъ и псудалъ. Для чего тебѣ предписали такую строгую діету?

— У меня было воспаление въ желудкѣ, отвѣчалъ Блондо, обвиняя желудокъ для спасенія чести кошелька: но оставимъ мое здоровье. Скажи, какой счастливый случай привелъ тебя въ Парижъ?

— Не случай, отвѣчалъ помощникъ прокурора; а намѣреніе, давно предвзятое и зрѣло обдуманное, намѣреніе, въ которомъ и ты участвовалъ.

— Я?

— Да, ты. Жизнь въ Д... въ-самомъ-дѣлѣ, убійственна, и послѣ жизни твоей здѣсь, показалась мнѣ совершенно не-

сносною. Лавры Мильтиада не давали заснуть Оемпистоклу, я не могъ больше выдержать, и вотъ я здѣсь.

—Ты въ отставку?

—Покуда нѣтъ еще, но это не уйдетъ; а въ оживленіи я взялъ отпускъ, которымъ и хочу воспользоваться, чтобъ осмотрѣть поврище, на которомъ я долженъ отнынѣ подвизаться. Я полагаю, что въ Парижѣ есть мѣсто всѣмъ искателямъ успѣха, и вотъ я въ Парижѣ.

—И такъ ты пріѣхалъ нажить состояніе?

—Ошибаешься, возразилъ прокурорскій помощникъ, у котораго самолюбіе было чрезвычайно раздражительно: я не блденъ, чтобъ искать состоянія; я занимаю почетную должность, имѣю порядочное состояніе и былъ-бы очень доволенъ судьбою, еслибы дѣятельность моя не требовала сферы высшей и обширнѣйшей, нежели та, въ которой я дѣйствую теперь. Между нами, я думаю, что въ 27 лѣтъ я могу быть чѣмъ-нибудь лучше прокурорскаго помощника. И такъ, мое путешествіе имѣетъ цѣль очень важную, и не думай, что я дѣйствую на удачу и что я не знаю, какія встрѣчать меня затрудненія. Я очень хорошо знаю, что для успѣха нужно.....

—Для успѣха, прервалъ Блондо: нужны покровители или деньги

—Покровители? они у меня будутъ; деньги у меня есть. Молодой чиновникъ вынулъ изъ бумажника сначала письмо, запечатанное большою гербовою печатью.

—Не знакомо ли тебѣ это имя? сказалъ онъ.

—Г-жѣ Піаръ, урожденной де-Луазеле, прочелъ Блондо на адресъ: чортъ возьми, вотъ въ-самомъ-дѣлѣ отличное покровительство! г-жа Піаръ одна изъ женщинъ самыхъ могущественнѣйшихъ въ нынѣшней политикѣ; если она займется тобою, ты уйдешь далеко.

—Теперь видишь ли ты это? продолжалъ Деландъ, вертя передъ глазами пріятеля двадцатью банковыми билетами.

Взглянувъ на эти магическіе клочки бумаги, Блондо заложилъ, какъ плотоядный звѣрь, почувявъ запахъ крови. Зрачки глазъ его расширились, судорожная улыбка искривила ротъ и онъ съ невыразимою жадностію схватилъ билеты.

—Двадцать тысячъ франковъ! сказалъ онъ отрывисто, пересчитывая билеты.

— Двадцать тысячъ, повторилъ помощникъ прокурора: какъ ты думаешь достаточно-ли для того, чтобы сорвать банкъ!

— Ставки достаточно, отвѣчалъ парижанинъ, стараясь казаться спокойнымъ; а выигрышъ зависитъ много отъ искусства игрока.

— Я полагаюсь на твою опытность, ты будешь руководить мною, сказалъ простодушво Деландъ.

Въ эту минуту вошла г-жа Тавернье и окаменѣла при видѣ кучи банковыхъ билетовъ, которыми Блондо обмахивался вмѣсто вѣера. Удивленіе и замѣшательство старухи были такъ велики, что она уронила корзину и сама принуждена была опереться объ стѣну, чтобы не упасть. За этими симптомами слабости послѣдовала такая расторопность, которая сдѣлала почти баснословными морщины на чель ея. Въ двѣ минуты она накрыла столъ, устала ея принесенною провизіею, вышла и, такъ сказать, слетѣла съ лѣстницы.

— Вотъ чудеса-то! думала она, идя такъ скоро, какъ только могла, въ съѣстную лавку не подалеку отсюда: любезный Густавъ три дня питался однимъ хлѣбомъ да молокомъ, такъ, что у меня, право, сердце надрывалось, а теперь обмахивается такой кучей банковыхъ билетовъ, что изъ нихъ можно сдѣлать поллушку. Поблѣднѣлъ ли то онъ, взявши ихъ въ руки? гмъ... это тронетъ хоть кого. У меня у самой какъ-будто голова не на мѣстѣ. Славно бы я сдѣлала, еслибы не впустила этого честнаго господина въ черномъ фракѣ. Вотъ одинъ изъ порядочныхъ людей; а я подала къ завтраку только ветчины, а для питья просто воду...

Спустя нѣсколько минутъ, г-жа Тавернье вошла съ улыбкою въ комнату, гдѣ сидѣли друзья, и съ триумфомъ поставила на столъ холодную курицу, стразбургскій пирогъ, плоды и другія лакомства, и въ довершеніе всего двѣ бутылки съ виномъ, за красною печатью.

— Вы мнѣ перескажете, шепнула она на ухо хозяйину.

При видѣ этого неожиданнаго подкрѣпленія, прилававшаго очень порядочный видъ завтраку, Блондо совершенно оправился.

— Ты извинишь меня, сказалъ онъ небрежно, если я заставлю тебя ѣсть не на серебрѣ; всѣ мои приборы у гравера, а теперь здѣсь вѣтъ порядочной вилки.

—Ты отдашь вырывать свои гербы, отвѣчалъ Деландъ съ насмѣшливою улыбкою, которая однако пропала по пустому, потому, что Амфитріонъ, утомленный долговременнымъ постомъ, съ рѣшительнымъ видомъ присѣлъ къ столу и принялся рѣзать курицу съ такимъ рвеніемъ, о которомъ можетъ дать понятіе только фигура ненасытнаго обжоры на вивѣскѣ.

—Это для одного меня ты такъ хлопчешь? спросилъ помощникъ прокурора, саясь тоже къ столу.

—Для тебя и для себя, отвѣчалъ Блондо, продолжая рѣзать.

—А твоя діета?

—Къ чорту діету! если слушаться докторовъ, то умрешь съ голоду.

—Однако, если у тебя было воспаленіе въ желудкѣ...

—Во-первыхъ, я голоденъ; во вторыхъ, я думаю несогласно съ законами гостепріимства заставить тебя ѣсть одного.

Où, puisque je retrouve un ami si fidèle,

De ce poulet rôti je veux manger une aîle.

Сопровождая слова самымъ дѣломъ, Блондо нарѣзалъ другу и потомъ себѣ, и принялся ѣсть съ удовольствіемъ, понятнымъ только тому, кто нѣсколько дней былъ на такой строгой діетѣ. Только поднесъ онъ ко рту первый кусокъ, какъ вдругъ раздался громкій звонъ колокольчика. Услышавъ это, хозяинъ задрожалъ, вспыхнулъ и, бросивъ салфетку, поспѣшно вышелъ въ гостиную.

—Не принимать никого, сказалъ онъ г-жѣ Твернье, готовой отворить дверь.

Хотя приказаніе это было отдано въ полголоса, однакожъ достигло до слуха того, кто былъ его предметомъ. Въместо того, чтобы покориться ему, онъ оттолкнулъ старуху, загораживавшую ему дорогу, и, пройдя переднюю шагомъ гренадера, идущаго на приступъ, вошелъ въ гостиную съ шляпою на головѣ и съ шнуркомъ отъ колокольчика въ рукахъ.

При видѣ этого маленькаго, толстенькаго человѣка въ синемъ сюртукѣ и въ желтомъ жилетѣ, Блондо нахмурился, судорожно сгибая въ рукахъ вилку, захваченную со стола.

—Завтракай, я въ одну минуту ворочусь, сказалъ онъ Деланду сквозь дверь, стараясь тщательно притворить ее.

Принявъ эту предосторожность, онъ съ веселымъ видомъ

подошелъ къ нецеремонному посѣтителю, у котораго лицо воспалилось отъ насильственнаго движенія.

IV.

—Чортъ побери! я очень радъ, сударь, что нашелъ васъ, кричалъ низенькій толстякъ, вотъ уже десять разъ приходилъ я къ вамъ все безъ — толку, да и теперь ваша старуха не пустила было меня.

—Она ошиблась, г-нъ Бигаре, отвѣчалъ Блондо, нимало не оскорбляясь тономъ крикуна: я всегда къ услугамъ такихъ людей, какъ вы; но я былъ въ деревнѣ, и по этой-то причинѣ вы не заставляли меня дома.

—Знаемъ, проворчалъ Бигаре: они всегда въ деревнѣ, когда придешь за деньгами.

—Смѣю спросить, что доставляетъ мнѣ удовольствіе васъ видѣть? спросилъ съ неизмѣнною уступчивостію хозяинъ.

Низенькій толстякъ вытащилъ изъ жилета бумагу, сложенную вчетверо.

—Вотъ, сударь, сказалъ онъ, ударяя на каждое слово: счетецъ въ 1830 фр. за серебрянную посуду, слѣзанную мясою для васъ, и за которое вы хотѣли заплатить черезъ двѣ недѣли: теперь уже прошло пять мѣсяцовъ.

—Но вѣдь еще не годъ, а гдѣ видано, чтобы свѣтскій человекъ платилъ наличными по счетамъ. Что за чортъ, любезный Бигаре! что я за ростовщикъ такой, чтобы въ одну минуту отсчитать вамъ 1800 франковъ?

—1830, если вамъ угодно. Уступки ни одного сантима.

—Хорошо. Я не буду спорить, съ условіемъ, что вы будете благоразумнѣе.

—То-есть съ условіемъ, что вы мнѣ не заплатите. Благодарю покорно, сказалъ серебряникъ, грубо садясь въ кресло... Объявляю вамъ, что не выйду отсюда безъ денегъ; теперь мѣсяць подходитъ къ концу; мнѣ самому надобно платить, а я не привыкъ измѣнять своему слову.

—Не горячитесь, отвѣчалъ Густавъ, понижая голосъ по мѣрѣ того, какъ займолавецъ возвышалъ его: тамъ, въ другой комнатѣ, есть гость, онъ можетъ услышать васъ.

—А мнѣ что за дѣло?.. сказалъ Бигаре сердито. Я ищу своего и при всѣхъ скажу вамъ, отдайте мнѣ деньги.

—Пожалуйста, потише, прошу васъ! этотъ человекъ, о которомъ я вамъ говорю, очень-богатъ и кошелекъ его къ моимъ услугамъ, но подобная сцена можетъ повредить расположенію его ко мнѣ. Если вы хотите получить ваши деньги, то положите еще три дня; я не требую у васъ двухъ недѣль; только три дня.

—Ни трехъ часовъ! отвѣчалъ серебряникъ. Въ три дня вы улизнете изъ Парижа; я знаю эти уловки.

Блондо вооружился терпѣніемъ, этою добродѣтелью, нужною иногда должникамъ и почти всегда кредиторомъ.

— Будемъ говорить разсудительно; к чему горячиться? сказалъ онъ вполголоса. Вы должны понять, что я не могу нахрапомъ взять въ займы почти 2000 франковъ у этого человека; отсрочка, которой я прошу у васъ, необходима. Если вы откажете, что выйдетъ изъ этого? Вместо того, чтобы получить деньги черезъ три дня, вы ихъ вовсе не получите.

—Въ такомъ случаѣ, я засажу васъ въ тюрьму, отвѣчалъ Бигаре, взбѣшенный этимъ объявленіемъ.

—Ошибаетесь, замѣтилъ должникъ спокойнымъ тономъ: за просрочку уплаты по простому счету не сажаютъ въ тюрьму. Мнѣ помнится, я вамъ не давалъ векселя.

—Если я не могу принудить васъ къ платежу арестомъ, я прибѣгну къ другому средству: я захвачу ваши мебели, онъ довольно хороши еще; увѣряю васъ, что я не замѣшкаю.

—Опять ошибаетесь и я долженъ вразумить васъ, тихо отвѣчалъ молодой человекъ: ни одна вещь изъ всего, что вы здѣсь видите, не моя; вся мебель безъ исключенія принадлежитъ обойщику, на имя котораго, по особому между нами условію, нанята эта квартира. И потому вы не имѣете права захватить мебель, если я нанялъ мебелированную квартиру.

При этомъ неожиданномъ объясненіи, г. Бигаре смутился.

—Эти черти обойщики горазло-умнѣ насъ, сказалъ онъ, наконецъ, раздирающимъ голосомъ. Но принимая, что ваши мебели остаются залогомъ у тѣхъ, кто ихъ далъ вамъ, то и я точно также имѣю право на серебро, которое я вамъ продалъ. Если вы не можете заплатить мнѣ, такъ отдайте назадъ серебро.

Чтобы скорее кончить — я теперь понимаю, съ кѣмъ имѣю дѣло, — я соглашаюсь, продолжалъ съ тяжкимъ вздохомъ купецъ: я соглашаюсь принять на себя убытокъ отъ того, что оно было пять мѣсяцевъ въ употребленіи. Теперь оно годно только въ ломъ. Ну, такъ и быть, я перенесу эту потерю: впередъ наука.

— Вотъ это предложеніе гораздо разсудительнѣе вашего упрямства, но мнѣ очень жаль, что я не могу имъ воспользоваться.

— Какъ — такъ? сказалъ съ большимъ безпокойствомъ серебряникъ.

— Такъ — какъ я началъ свою исповѣдь, то надо ужъ и кончить, продолжалъ Блондо спокойнымъ и рѣшительнымъ тономъ. Признаюсь, что мнѣ нельзя исполнить вашего желанія, потому что мое серебро, или, если вамъ угодно, ваше серебро — въ закладъ.

— Въ закладъ! — съ яростію закричалъ г. Бигаре, вскакивая со стула.

— Это огорчаетъ васъ? клянусь, что и меня тоже; но это одно изъ тѣхъ маленькихъ несчастій, которыя случаются и съ самыми честнѣйшими людьми: надобно умѣть ихъ переносить. Повторяю вамъ, что вы должны теперь адресоваться съ вашими требованіями въ Mont-de-piété: все, что я могу сдѣлать за вашу услугу — это изъяснить вамъ свою искреннюю благодарность.

— Это невозможно, сказалъ серебряникъ, стараясь усомниться въ своемъ несчастіи. Если бы подобный грабежъ былъ возможенъ, то вы бы отреклись отъ него, а не сознавались.

Блондо рѣшился употребить послѣднія средства, чтобы смягчить кредитора, на котораго не дѣйствовали политическія ласкательства. Быстрымъ и рѣшительнымъ движеніемъ онъ представилъ его взору желѣзную вилку, которую онъ совершенно изогнулъ во время этого разговора.

— Посмотрите, сказалъ онъ ему: не ужели человекъ, у котораго было бы хоть сколько-нибудь серебра, рѣшился бы жсть такими приборами.

Увидѣвъ неоспоримое доказательство несчастія, которому онъ все еще отказывался вѣрять, Бигаре покраснѣлъ, потомъ по-

блѣднѣлъ, наконецъ позеленѣлъ; глаза его, казалось, хотѣли выскочить изъ своихъ орбитъ.

—Мое серебро! сказалъ онъ голосомъ, почти удушаемымъ злобою: сейчасъ-же мое серебро! или я все перебыю, зеркала, часы, фарфоръ, все! все! все.

Отнять у человѣка послѣднюю надежду значитъ раздражить, а не смягчить его. Движенія Бигаре, послѣдовавшія за этими послѣдними фразами, убѣдили въ этой истинѣ должника, который невольно почувствовалъ безпокойство, близкое къ страху. Въ случаѣ битвы, всѣ шансы были противъ него: не говоря уже, что гнѣвъ увеличиваетъ силы человѣка, Бигаре, при его маленькомъ ростѣ, имѣлъ формы атлета. Впрочемъ, побѣдителемъ или побѣжденнымъ, Блоудо всегда претерпѣвалъ отъ сраженія, которое угрожало такою опасностью его мебели. Это размышленіе заставило его тотчасъ-же перемѣнить тактику.

—Деньги ваши! Я не отказываюсь отъ платежа и вы немедленно получите ихъ, сказалъ онъ увѣреннымъ тономъ: общайтесь только сидѣть спокойно, и подождите меня. Я поговорю съ моимъ другомъ; чрезъ пять минутъ я возвращусь.

—Дожидаюсь, сказалъ Бигаре, сядясь съ мрачнымъ виломъ, и обозрѣвая кругомъ, гдѣ-бы, въ случаѣ не платежа, затѣваемое имъ опустошеніе могло быть чувствительнѣе.

Далѣе откладывать рѣшительно невозможно. Уступая необходимости, Блоудо вошелъ въ комнату, гдѣ, въ продолженіи этой распри, помощникъ прокурора преспокойно завтракалъ.

—Этотъ господинъ что-то гордо поговариваетъ; что, раздѣлялся-ли ты съ нимъ?

—Напротивъ, я въ большомъ затрудненіи, отвѣчалъ хозяинъ съ озабоченнымъ видомъ.

—Что такое!

—Это одинъ изъ товарищей Луи Бернара, ты знаешь, того знаменитаго банкира. Онъ пришелъ ко мнѣ по тому дѣлу, о которомъ я писалъ тебѣ въ последнемъ письмѣ; дѣло это принимаетъ блистательный оборотъ. Мнѣ надобно сегодня внести небольшую часть капитала, но денегъ, на которыя я надѣялся, я не получилъ, а въ кассѣ у меня нѣтъ этой суммы.

—А сколько наобно? спросил Деланъ, наливая себѣ стаканъ вина.

—Двѣ тысячи франковъ; наши акціи раздѣлены на такія суммы.

Прокурорскій помощникъ выпилъ свой стаканъ, съ важностію досталъ бумажникъ, вытащилъ два банковыхъ билета и отдавая ихъ хозяину, сказалъ: вотъ онъ.

—Спасибо, сказалъ небрежно Густавъ; я отдамъ тебѣ черезъ два или три дни.

Уходя изъ гостиной, Блондо присмирѣлъ и повѣсилъ голову, но теперь явился туда съ гордымъ видомъ, съ самоувѣренностью и съ улыбкою. Увидя банковые билеты, которые молодой человекъ небрежно мямъ въ рукахъ, Бигаре всталъ, чтобы воздать должную почесть этому великому двигателю всего на свѣтѣ, и мрачное лицо его отцвѣтилось улыбкою, которую классическій поэтъ сравнилъ бы съ радугою послѣ бури.

—Вы принесли деньги, сказалъ онъ ласково: я право не знаю, есть ли со мною сдача.

Должникъ остановился передъ кредиторомъ и, измѣря его грознымъ взглядомъ, сказалъ важнымъ тономъ:

—Господинъ Бигаре, прежде, нежели мы разотчемся, я хочу сдѣлать вамъ нѣсколько замѣчаній: во — первыхъ, скажу вамъ, что ваша манера входить и оставаться здѣсь въ шляпѣ мнѣ кажется вовсе неприличною. Моя гостиная не лавка. Замѣтьте это.

Несмотря на высокопарность этой рѣчи и обидное имя лавки, данное тому, что всякій купецъ, торгующій въ первомъ этажѣ, гордо называетъ: магазиномъ, серебряникъ снялъ шляпу и спѣшилъ украдкою спрятать въ карманъ кончикъ снурка, который онъ оторвалъ у звонка, и въ жару спора много разъ употреблялъ вмѣсто бича.

—Извините, сказалъ онъ, я немного простудился.

—Однакожь, это не даетъ права разбивать колокольчики, возразилъ Густавъ. Грубостями у меня ничего не возьмете; я предполагалъ въ васъ болѣе благоразумія, г-нъ Бигаре. Вы должны бы знать, что крикъ и шумъ совершенно излишни въ подобныхъ случаяхъ. Изъ двухъ одно: или я могу вамъ заплатить, или не могу; если могу, то шумѣть бесполезно, если не могу, то и подавно.

Выслушивая это поученіе, серебряникъ не сводилъ глазъ съ билетовъ, они-то и заставили его терпѣливо и съ покорностью глотать пилюли, которыми угощаль его должникъ.

—Вы не знаете, что такое послѣднія числа мѣсяца, сказалъ онъ, стараясь сколько-нибудь оправдаться.

—Я докажу вамъ, что очень-хорошо знаю, прервалъ Блондо, съ величайшимъ хладнокровіемъ. Видите эти банковые билеты? знайте-же, вы ихъ теперь не получите.

—Не получу! вскричалъ Бигаре, измѣняясь въ лицѣ.

—Да, да, мой любезнѣйшій; я хотѣлъ только показать вамъ, что я въ состояніи заплатить вамъ, и что если я не плачу теперь-же, то на это есть другая причина, а не то, чтобы у меня не было денегъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Сегодня 27 марта; 31-го мнѣ надобно платить, это дѣло священное, какъ вы сами-же говорите, и въ этомъ отношеніи я также точно совѣстливъ, какъ и вы. Хотя я и не купецъ, но люблю аккуратность въ дѣлахъ. Вы попали въ слѣдующій разрядъ 5-го апрѣля у меня будетъ полученіе, 6-го получите вы, согласны?

—Эти деньги не ваши, вамъ дали ихъ въ займы, возразилъ Бигаре, пораженный неожиданнымъ оборотомъ разговора.

Блондо усмѣхнулся проницески.

—Повѣрьте, что эти билеты взяты изъ моей кассы, отвѣчалъ онъ. Особа, которая находится въ боковой комнатѣ, женщина, а не мужчина, а у женщинъ я не беру денегъ.

—Но если вся ваша мебель принадлежитъ обойщику?..

—Я немножко позабылся на вашъ счетъ, мой любезнѣйшій. Согласитесь сами, что ваши глупости дали мнѣ на это право.

—А серебро мое въ закладъ? согласитесь также, что все это не слишкомъ утѣшительно.

—Опять шутка, ваше серебро теперь въ рукахъ одного изъ вашихъ товарищей, у котораго, между нами, вырѣзываютъ не много лучше вашего, и которому я принужденъ буду передать всю нужную для меня работу, если вамъ не нравятся мои условія.

Въ большихъ городахъ коммерческая промышленность, изъ жадности къ пользѣ, часто прибѣгаетъ къ сдѣлкамъ, зависящимъ отъ случая и дѣлается жертвою ихъ, нисколько не исправляясь. У парижскаго купца въ природѣ вѣрить въ долгъ

при самой малѣйшей надеждѣ на платежъ, и считать несчастіемъ уменьшеніе покупателей. Банковые билеты, которые ему только показали, почти совершенно успокоили Бигаре; перспектива заказовъ, которые перейдутъ къ его сопернику, причиняла ему столько же досады, сколько безпокойствъ его неплатежъ. Самолюбіе и жадность купца заставили, наконецъ, замолчать опаснаго кредитора.

—Правда, сударь, сказалъ онъ: въ моемъ заведеніи рѣзба до сихъ поръ была не такъ хороша; но теперь я нанялъ лучшаго мастера въ Парижѣ и не боюсь соперничества; мнѣ очень досадно слышать то, что вы говорите; я не привыкъ терять покупателей, которые почтили меня своею довѣренностью.

—Вы сами принуждаете меня оставить васъ, холодно отвѣчалъ Густавъ: мнѣ нужно дополнить мое серебро. Кромѣ разныхъ мелочей, которымъ я составлю реэстръ, мнѣ нуженъ новый приборъ на двадцать персонъ.

—У меня есть аплике, живо возразилъ серебряникъ: чудеснѣйшій составъ, лучше серебра.

—Я не намѣренъ имѣть аплике на моемъ столѣ, прервалъ Блондо съ презрительною улыбкою: съ вашего позволенія, я предпочитаю серебро.

—И вы совершенно правы, черезъ полгода аплике покраснѣетъ, в сервизъ никуда не годится; ничего нѣтъ лучше, какъ серебро. У меня есть все, что вамъ угодно, сударь.

—Сомнѣваюсь; мнѣ надобно что-нибудь такое, чего до сихъ поръ нѣтъ въ лавкахъ; мнѣ хочется какое-нибудь произведеніе искусства, а не люжинная работа. Шевенаръ сдѣлаетъ мнѣ рисунокъ—это рѣшено, а Бари обѣщали мнѣ три группы животныхъ, посрединыя и по концамъ.

—Чортъ возьми, сказалъ Бигаре, разинувъ ротъ: рисунки Шевенара, группы Бари! тутъ есть чѣмъ обезсмертить сервизъ.

—Который сдѣлалъ бы честь фабриканту.

—Это была бы чудесная вещь для выставки.

—И отличная рекомендація для вашего магазина. Такъ и быть, если вы будете разсудительны сегодня, я тоже не буду спорить и предоставляю вамъ работу сервиза, въ родѣ награды.

Г. Бигаре долго находился въ недоумѣніи.

—Если-бъ не эти проклятыя послѣднія числа мѣсяца, сказалъ онъ наконецъ, почесывая голову.

—Оставимъ это, сказалъ сухо Блондо: вамъ это тяжело и я не хочу, чтобы ваши векселя были протестованы. Между нами, я полагаю, что вашъ кредитъ не зависитъ отъ послѣднихъ чиселъ мѣсяца. Пожалуйте мнѣ сдачи сто семьдесятъ франковъ.

Съ гордымъ видомъ подалъ онъ два банковые билета купцу, самолюбіе котораго было задѣто за живое, какъ заранѣе уже предвидѣлъ должникъ.

—Протестъ на меня! съ негодованіемъ вскричалъ Бигаре: за кого вы меня принимаете?

—За человѣка, который нуждается въ деньгахъ; не сами ли вы сейчасъ говорили. Такъ какъ ваши дѣла позапутались, то мнѣ совѣстно было бы не расплатиться съ вами. Вотъ ваши деньги, я увольняю васъ отъ работы.

Эти слова произвели магическое дѣйствіе. Серебряникъ, который протягивалъ было уже руку къ деньгамъ, вдругъ отдернулъ ее вазалъ, какъ будто эти билеты были электрическаго свойства.

—Я не лошелъ еще до этого, сказалъ онъ: вы общаете мнѣ заплатить эту малость 6-го апрѣля—я подожду.

—Какъ хотите, возразилъ Блондо, съ удивительнымъ хладнокровіемъ: стало быть, я повидуюсь съ Шевенаромъ и Бари, и мы покончимъ наши предположенія; это будетъ чудеснѣйшая вещь, и надѣюсь, что если я предпочитаю васъ другимъ, то вы съ честью выйдете изъ этого испытанія вашего искусства. Вы знаете, что о цѣнѣ я не торгуюсь.

—Надѣюсь, что вы останетесь довольны, отвѣчалъ серебряникъ, пятясь къ дверямъ, къ которымъ нечувствительно отъскакивалъ его должникъ.

—И такъ, конечно, продолжалъ Блондо, провожая кредитора своего въ переднюю: шестаго апрѣля, въ 11-ть часовъ утра, деньги будутъ у васъ.

Бигаре входилъ къ должнику своему съ самыми ужасными намѣреніями, не снимая шляпы, съ угрожающимъ видомъ, и, напротивъ того, вышелъ съ самою ласковою миною, и пройдя болѣе словенныя лѣстницы, все еще не рѣшался надѣть шляпу.

Оставшись одинъ въ гостиной, Блондо сталъ разсматривать

банковые билеты, которыхъ онъ былъ теперь полнымъ хозяиномъ, съ видомъ, польстившимъ бы любовницѣ.

— Да, безъ сомнѣнiя, есть Провидѣнiе, подумалъ онъ, съ жадностию разсматривая ихъ нѣсколько минутъ. Какую глупость сдѣлалъ бы я, застрѣлившись сегодня по утру.

Чтобы понять всю важность этого восклицанiя, необходимо приподнять уголь завѣсы, за которою для прокурорскаго помощника была скрыта жизнь его корреспондента.

Между прочими классами народонаселенiя Парижа, открытато для всѣхъ искателей приключенiй и похожего на караванъ-сарай, есть многочисленный классъ людей, существованiе которыхъ сбиваетъ съ толку наблюдателя и представляетъ неразрѣшимую задачу для всякаго, кто не привыкъ смѣло проникать въ самые сокровенные изгибы современныхъ нравовъ. Пришедшiе неизвѣстно откуда, и неизвѣстно какъ, безъ имени, безъ состоянiя, безъ должности, владея землею только въ цвѣточныхъ горшкахъ, эти пари живутъ по-княжески. Удивительная, но очень обыкновенная вещь. Подобно тѣмъ лилiямъ въ долину, о которыхъ говоритъ священное писанiе, они не тружуются, не прыдутъ, и, не смотря на то, поспорятъ въ великолѣбiи съ принцами. Всегда на отличномъ скакунѣ, въ великолѣбной каретѣ, за пышнымъ столомъ, въ оперѣ или за большою игрою, онъ разыгрываютъ роль, какую позволяетъ только огромное богатство. Пойщите источникъ этой золотой рѣки и вы, безъ сомнѣнiя, увидите, что это одинъ изъ самыхъ грязныхъ источниковъ. Прежде, этотъ классъ рѣзко отдѣлялся отъ общества, но духъ демократiи провелъ уровень надо всѣмъ, что пахло феодализмомъ. То, что при старомъ порядкѣ называлось плутовствомъ, теперь носить скромное имя промышленности. Человѣкъ остался, но названiе его исчезло въ революционномъ переворотѣ. Кто осмѣлится утверждать, что во Францiи есть еще благородство, когда даже у порока нѣтъ болѣе грамоты.

Ненавидя трудъ и родясь для происковъ, Блонло де-Густинъ, вмѣсто того, чтобы избрать какое-нибудь званiе, вступилъ въ число подобныхъ промышленниковъ, которымъ парижское общество представляетъ обширное и плодоносное поле дѣйствiй подъ покровительствомъ законовъ. По этому-то пути, усыпанному цвѣтами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пропастями, онъ цѣлый годъ, то ступая по роскошнымъ коврамъ, то валяясь

въ грязи, сегодня пилъ тодайское, завтра чистую воду, попеременно богачъ и нищій, въ торжествъ и въ отчаяніи, заряжая пистолеты при каждой катастрофѣ и выбрасывая пули за окно при первой попавшейся ему колѣйкѣ. Въ это время, источникъ его секретнаго богатства вдругъ изсякъ, по причинѣ, которую мы объяснимъ послѣ. Блондо, опутанный долгами, безъ денегъ, безъ довѣрія и почти безъ куска хлѣба, начиналъ въ десятый уже разъ монологъ о самоубійствѣ, хотя и не столь поэтическій, но за то яснѣе выражающій причины, нежели монологъ Гамлета.

—«Умереть съ голода, или застрѣлиться: вотъ въ чемъ воспрось?» — говорилъ онъ самъ себѣ, видя, что нѣтъ средства выйти изъ этой пропасти нищеты.

Не подозревая этого, Деландъ послужилъ средствомъ, котораго искалъ гибнущій парижанинъ. Этотъ руками и ногами ухватился за это средство къ спасенію, такъ кетати посланное ему фортуною. Истинные друзья въ Лафонтеновомъ *Мономатана* показались бы блѣдны и холодны, передъ знаками дружбы, расточаемыми Блондо своему старому товарищу, у котораго кошелекъ находился въ такомъ хорошемъ состояніи.

—Эта квартира слишкомъ мала, ты не можешь жить у меня; досадно, что ты не пріѣхалъ попозднѣе, я бы уже перенесся на новую; по-крайней-мѣрѣ, мы должны каждый день видѣться и вмѣстѣ обѣдать.

—Только не сегодня, отвѣчалъ прокурорскій помощникъ: мнѣ необходимо сдѣлать важный визитъ, и думаю, что меня не отпустятъ безъ обѣда.

—И такъ, завтра; но я хотѣлъ бы сегодня видѣться съ тобою. Гдѣ ты будешь вечеромъ?

—Хочу сходить въ Оперу. Дюпре поетъ сегодня?

—Поеть; сегодня идетъ «Вильгельмъ Тель».

—Ты будешь?

—Что за вопросъ; можетъ ли безъ меня существовать Опера, сказалъ Блондо, которому два банковые билета возвратили всю веселость. Послѣ спектакля, мы сойдемся въ фойе и я повезу тебя въ одинъ домъ, гдѣ ты получишь понятіе о парижскомъ обществѣ.

—Кончено, сегодня вечеромъ! отвѣчалъ прокурорскій помощникъ, и, простясь съ своимъ двусмысленнымъ другомъ,

сѣлъ въ карету и велѣлъ ѣхать въ улицу de la Planché, гдѣ жила г-жа Піарь.

V.

Выйдя за г. Піара, челоуѣка, принадлежащаго новому порядку, придворнаго плебея и госуларственнаго совѣтника польскаго правленія, д-ца Изаура поставила себя въ одно изъ тѣхъ положеній, въ которомъ, для защиты отъ насмѣшекъ свѣта, нужно много ума, такта и характера. Между отцомъ и мужемъ, раздѣленными политическими мнѣніями, и твердыми, каждый въ своихъ правилахъ, молодая женщина должна была занять роль Херзиліи между Ромуломъ и Таціемъ. Шестдесятъ миль разстоянія горола Д* отъ Парижа отнимали предлоги къ разногласію, которое иначе могло-бы выйти изъ должныхъ границъ. Но такъ-какъ люди, самые задорные на словахъ, вообще бывають самые смиренные на письмѣ, да и переписка у тестя съ зятемъ была не слишкомъ частая, то это было также значительною помѣхою къ спорамъ.

Между тѣмъ кругомъ, въ которомъ дѣвица де-Луизеле выросла, и тѣмъ, въ которомъ находился ея супругъ, протекала рѣка, слѣвавшаяся еще глубже и шире отъ прошедшей революціи; быстрота ея затрудняла сообщеніе обоихъ береговъ. На чемъ утвердится, на которомъ берегу основаться? Должно выбрать между предмѣстьями St. Germain и Chaussée d'Antin. Изъ десяти женщинъ, которымъ былъ-бы представленъ этотъ выборъ, девять, вѣроятно, нисколько-бы не колебались: аристократическій кругъ очаровываетъ воображеніе новичковъ. Изаура тоже, безъ сомнѣнія, повиновалась бы инстинкту тщеславія, безъ одного ничтожнаго случая, который произвелъ большое вліяніе на ея рѣшеніе. За нѣсколько дней до свадьбы съ госуларственнымъ совѣтникомъ, она сообщила это намѣреніе одной изъ своихъ пансіонскихъ подругъ, такъ же недавно вышедшей за наследника знатной аристократической фамиліи прежняго двора. Въ отвѣтъ на это, новая маркиза писала будущей гражданкѣ, что почитая всегда дѣвицу де-Луизеле за любимую подругу, но повинувшись приличіямъ, этому тираву сердца, она принуждена будетъ прервать короткость съ г-жею Піарь. Это объясненіе, подслащенное изящными фразами, хотя и не перемѣнило намѣренія Изау-

ры—ей было 27 лѣтъ и не слишкомъ нравилось состояніе старой дѣвы — но нанесло ей самолюбію жестокія раны. Съ гордою наивною говорила молодая маркиза о неравенствѣ браковъ; г-жа Піаръ очень поняла смыслъ этого обветшалого, но еще сильнаго слова: покинутая старою подругою, она представляла себѣ пріемъ, ожидающій ее въ гостиныхъ, на входѣ въ которыя давало ей право рожденія и запрещало замужство. Она рѣшилась лучше разорвать всѣ связи съ аристократіей, чѣмъ подвергнуться ея гоненію или, что еще ужаснѣе, презрѣнію. Этимъ рѣшеніемъ, основаннымъ на тонкомъ расчетѣ самолюбія, она умѣла придать себѣ достоинство. Хитрые люди всегда изъ слабостей умѣютъ дѣлать добродѣтели. По пріѣздѣ въ Парижъ, она вѣжливо отвѣчала г. Піару, когда онъ сталъ совѣтоваться на счетъ визитовъ.

—Я поѣду, куда вы хотите; развѣ вы не мужъ мой?

—Благодаря настоящей конституціи, господъ болѣе не существуетъ, отвѣчала, любезничая г. Піаръ: ваша фамилія имѣетъ связь въ С. Жерменскомъ предмѣстьи, и я нисколько не нахожу страннымъ, если вы тотъ кругъ предпочтете нашему. Благосклонный пріемъ въ вашей гостиной для моихъ друзей, вотъ все, что я отъ васъ требую; а впрочемъ, составляйте себѣ общество, какое вамъ угодно, я заранее на все согласенъ.

—Нѣтъ, другъ мой, возразила Изаура: я не хочу употреблять во зло этой благосклонности, о которой вы, можетъ-быть, послѣ сами будете жалѣть. Ваше политическое положеніе имѣетъ свои требованія, которымъ, повѣрьте, я всегда буду умѣть пожертвовать моими личными чувствами. Сношенія съ кругомъ, неприязненнымъ новому правленію, могутъ послужить для васъ препятствіемъ, а мой долгъ—отстранять ихъ. У меня нѣтъ близкихъ родственниковъ въ С.-Жерменскомъ предмѣстіи, и по справедливости я могу уволить себя отъ этихъ визитовъ: пускай меня осудятъ, но я рѣшилась не ѣздить туда. Ваши выгоды всегда дороже для меня моихъ желаній. Пускай ваши друзья будутъ моими друзьями, ваше общество моимъ обществомъ. Я не поѣду нигуда безъ васъ, а съ вами вездѣ, куда вамъ угодно, даже ко двору.

Последнія слова тѣмъ болѣе понравились Піару, что

онъ нимаю не сомнѣвался встрѣтить въ своей супругѣ надменность и неповиновеніе — обыкновенное приданое двѣнадцати дворянскихъ фамилій, выходящихъ за недворянина. Мужъ возгордился успѣхомъ, котораго никакъ не ожидалъ и причину котораго, въ простотѣ сердца, находилъ въ любви къ его особѣ. Поведеніе молодой супруги было повсюду признано и выставлено за образецъ супружеской привязанности. Дальновидный расчетъ принять за благоразумное пожертвованіе; нѣкоторымъ это казалось истиннымъ геройствомъ; такъ-то въ глазахъ свѣта пожертвованія тщеславію принимаются за истинныя жертвы добродѣтели.

Трудно, чтобы намъ правилось въ другихъ то, чего нѣтъ въ насъ самихъ, хотя бы мы сами даже и не хотѣли имѣть этого. Безхвостая лисица, насмѣхающаяся надъ хвостами сестеръ своихъ, останется смѣшнымъ типомъ зависти, питаемой сожалѣніемъ. Самые безпристрастные характеры не всегда успѣваютъ искоренить чувство, которое глубоко пустило корни въ человеческой натурѣ. Послѣ своего отреченія Силла не могъ терпѣть диктаторства; въ монастырь св. Юста, Карлъ V злословилъ королей, которые имѣли слабость предпочесть корону клобуку. Какъ только г-жа Піаръ объявила намѣреніе прервать сношенія съ аристократіею, тотчасъ же явилась у ней къ этому классу ненависть, гораздо бѣльшая той, какую питаютъ къ нему плебеи. Сдѣлавшись гражданкою по мужу, она, съ ревностію новообращенной, усвоила всѣ мѣщанскія мнѣнія. Съ-тѣхъ-поръ, ее бѣсило различіе классовъ въ обществѣ, она презирала славу, основанную на рожденіи, и находила смѣшнымъ гордиться предками, хотя ея предки были одни изъ славнѣйшихъ. Гербы на каретахъ или лакей въ гербовой ливреѣ заставляли ее нахмуриться или вызывали улыбку сожалѣнія, но больше всего титулы знакомыхъ ей жеманницъ сдѣлались для нея предметомъ сграшной антипатіи.

—Во Франціи нѣтъ другаго достоинства, кромѣ заслугъ, часто говаривала она.

—Однакожъ, не худо имѣть какой-нибудь титулъ, особенно въ гостиныхъ дипломатовъ, замѣтилъ Піаръ, которому, съ нѣкотораго времени, очень хотѣлось получить титулъ барона.

—Баронъ! вскричала молодая супруга, узнавъ объ этомъ

намъреніи: нѣтъ, я не допущу до того, чтобы вы сдѣлались посмѣшищемъ.

Она больше боялась за себя, нежели за мужа. Мысль сдѣлаться конституціонною баронессою взволновала гордую кровь стариннаго дворянства; стать на полувозвышеніи, казалось ей гораздо унижательнѣе, чѣмъ упасть совсѣмъ; офицеръ безъ позора можетъ быть разжалованъ въ солдаты; но не въ капралы Баронство было запрещено рѣшительнымъ veto, которому, хотя и съ досадою, но принужденъ былъ покориться государственный совѣтникъ.

—Если такъ, я добуду орленъ почетнаго легіона, подумалъ онъ въ утѣшеніе: но я не могу понять г-жу Піаръ, дѣвица знатнаго рода, воспитанная въ феодальныхъ правахъ, сдѣлалась такою демократкою, что ужасъ!

Напитанная духомъ демократіи, Изаура, безъ сомнѣнія, оправдала—бы опасенія мужа, предаваясь пошлостямъ этого раликализма уборныхъ, обыкновеннаго приѣжища женщинъ, у которыхъ больше гордости, нежели достоинства; но здравый умъ спасъ ее отъ этой глупости. Воскликанія объ успѣхахъ гражданственности, свободѣ своего пола, нравственности развола и т. п., возбуждали въ ней только холодное презрѣніе, которымъ опытные умы встрѣчаютъ глупыя и невыполнимыя теоріи. Она не допускала въ свой будуаръ ни синихъ чулокъ, ни красныхъ шапокъ. Въмѣсто того, чтобы неискусно изливать зависть, свирѣпствовавшую въ ея сердцѣ, она, заглушивъ негодованіе, стала искать лекарства и скоро нашла его. Искусный земледѣлецъ удобряетъ поля самымъ неплодороднымъ, выбирая сѣмена, годныя для известной почвы. Г-жа Піаръ сдѣлала приложеніе этой методы къ своему положенію. Принужденная отказаться отъ золотой жатвы аристократическихъ привилегій, она ничуть не рѣшалась обнаружить свою досаду, проводя жизнь въ бездѣйствіи. Польза ея брака оказалась безплодною для тщеславія, она посѣяла на ней честолюбіе, растеніе долговѣчное, скоро и повсюду растущее.

—Дворянами родятся, престоловъ достигаютъ, сказала она самой себѣ: у г-на Піара, правда, нѣтъ предковъ, но онъ въ ходу, а это важнѣе всего, важнѣе пустой славы происхожденія. Сегодня онъ государственный совѣтникъ, завтра можетъ быть

министромъ, а жена министра не знаетъ выше себя никого, кромѣ королевы.

Сестры-близнецы тщеславіе и честолюбіе проявляются совершенно различно: первое ходитъ на ходуляхъ, второе опирается на клюку, одно сопровождаетъ величіе, другое довольствуется однимъ только блескомъ его. Г-жа Піаръ, честолюбивая по обстоятельствамъ, приняла всѣ свойства этой новой страсти. Подобно Сиксту V-му, она сдѣлалась старухой, хитрость, которая стоитъ женщины гораздо-больше, нежели священнику. Предоставивъ существамъ легкомысленнымъ заботы кокетства, претензіи на остроуміе, занятіе туалетомъ и всѣми этими глупыми мелочамъ, которыя мода налагаетъ на своихъ послѣдовательницъ, она, съ удивительнымъ некуствомъ, согласовала всѣ свои поступки съ тою цѣлью, къ которой стремилась. Такимъ образомъ, она изгнала у себя блестящую роскошь и живописныя прихоти, несовмѣстныя съ строгимъ достоинствомъ. У нея не было ни мебели отъ Буля, ни будуара à la Pompadour, ни китайскаго фарфора, ни статуэтокъ, ни теплицы, ни готической часовни, ни егеря съ салтаномъ, ни грумовъ, одѣтыхъ въ шелковыя куртки. Два лакея, одѣтые попросту и скромные, составляли всю ея мужескую услугу. У нея была только одна карета темнаго цвѣта. Прозванный экипажемъ вдовы, отказавшейся отъ свѣта, это былъ, напротивъ, экипажъ женщины, которая хотѣла приступомъ взять власть.

При вступленіи въ тотъ не много разнородный кругъ, въ которомъ она съ-этихъ-поръ должна была дѣйствовать, г-жа Піаръ съ самаго начала цовела себя такъ, что совѣты мужа сдѣлалась совершенно-безполезны. Въ выборѣ связей она смотрѣла больше на пользу, нежели на удовольствіе. Модныя красавицы, эти кумиры, которымъ поклоняются плебен гостивыхъ, возбуждали въ ней только любопытство, смѣшанное съ отвращеніемъ, но она умѣла скрывать эту антипатію подъ личиною холодности. Ни сколько не стараясь искать успѣховъ, что очень легко было бы при ея прекрасной наружности, она напротивъ облеклась въ скромность, которую одни называли гордостью, а другіе благоразуміемъ, и которая была полезна подъ обоими этими названіями.

Съ перваго дебюта, г-жа Піаръ прослыла сердцемъ не чувствительнымъ и умомъ глубокимъ, слава для женщины, сколь-

ко лестная, столько и рѣдкая. Ловко, безъ униженія и даже безъ видимыхъ стараній, она успѣла сблизиться съ тремя или четырьмя изъ тѣхъ политическихъ женщинъ, которыми можетъ еще гордиться Парижъ, съ этими свѣтилами, которыя во времена Фривды или Директоріи сіяли-бы въ полномъ блескѣ и которымъ угрожалъ совершеннымъ затмѣніемъ не много-сторонній успѣхъ системы представительной. Въ этомъ-то потокѣ важныхъ и мелкихъ интригъ, жена государственнаго совѣтника была, какъ говорится, въ своей сферѣ. Она тотчасъ стала скромно и неумоимо обращаться около высшихъ планетъ, которыя, принимая ее въ спутники, очищали ей тѣмъ дорогу. Мало-по-малу, ея собственная орбита привлекала спутниковъ меньшаго размѣра. Политическій кредитъ обладаетъ магнитною силою, и потереться около могущества, значитъ воспринять часть его свойства. Играя нѣмыя роли у принцессы Д** и роли наперстницы у герцогини Де**, г-жа Шаръ скоро могла занять роль царицъ на театрѣ низшаго разряда. Гостинная ея, обыкновенно открытая ежедневно съ 4-хъ и до 6-ти часовъ, скоро наполнялась придворными, столько же усердными, какъ и она сама у лицъ высшаго разряда. И такъ, покровительствуемая и покровительница въ одно и тоже время, она быстро и не сбиваясь шла къ назначенной цѣли. Она даже превзошла надежды мужа. Шаръ отказался отъ холостой жизни, потому-что политикъ не можетъ существовать безъ гостинной, а гостинная не можетъ существовать безъ хозяйки. Не прошло году со свадьбы, какъ депутаты, перы, дипломатическій корпусъ, даже министры начали посѣщать его домъ, полюбили и составили, наконецъ, около Изауры кружокъ болѣе и болѣе тѣсный и значительный; тогда онъ понялъ, какимъ обладаетъ сокровищемъ, и личное его честолюбіе получило новую нищу отъ честолюбія жены.

—Это г-жа Роландъ съ отличными манерами и религіозными правилами, сказалъ онъ самъ себѣ, поглаживая подбородокъ: съ такой помощницей я достигну всего... Тѣмъ больше, что и я не такъ грубъ, какъ протакъ Роландъ.

Государственный совѣтникъ съ самодовольствіемъ посмотрѣлъ на свои башмаки, блестящій лакъ которыхъ оскорбилъ бы стараго министра Людовика XVI. Потомъ, сталъ думать, какой бы портфель годился ему въ случаѣ перемѣны мини-

етровъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія или финансовъ. Подумавъ нѣсколько, онъ рѣшилъ, что весь годились ему, и онъ годился для всѣхъ. Что касается до министерствъ политическихъ, какъ напримѣръ, дѣлъ внутреннихъ или иностранныхъ дѣлъ...

— Увидимъ, сказалъ онъ самъ себѣ. Хорошо тому, кто умѣетъ выжидать. Пятть половиною своихъ успѣховъ одолженъ терпѣнію.

Между-тѣмъ, какъ Піаръ мечталъ о портфеляхъ, жена его съ неуспѣшною дѣятельностью продолжала столь искусно начатое дѣло. Ласточка, составляя по волоску себѣ гнѣздо, не печется столько, сколько она заботилась, созидая гнѣздо для честолюбія. Она мало посѣщала женщинъ, сколько потому, что считала ихъ бесполезными и даже опасными, столько и потому, что легкомысленная беседа не имѣла никакой привлекательности для ума серьезнаго. Поэты, художники, романисты, такъ хорошо принятые въ другихъ гостиныхъ, не занимали у нея никакой изъ тѣхъ первостепенныхъ ролей, къ которымъ они привыкли. Она принимала ихъ безъ особеннаго благоволенія; ея непремѣнный планъ былъ дать своей гостиной видъ политической, чему мѣшаетъ этотъ литературный колоритъ. Но за то людей дѣловыхъ принимала она съ усердіемъ, въ надеждѣ ими воспользоваться. Она была любезна со всеми, не исключая самыхъ мелкихъ, которые могли возвыситься; самыхъ скучныхъ награждала она улыбкою; она знала, что это одни изъ тѣхъ людей, которые скорѣе всѣхъ успѣваютъ.

Г-жа Піаръ мало-по-малу пріобрѣтала надъ важными лицами своего круга власть, въ которой люди, правящіе кормиломъ государства, рѣдко отказываютъ женщинъ молодой, прекрасной собою, умной и хитрой. Рѣшившись воспользоваться этою властію, она прежде искусно попробовала, какъ далеко она простирается. Бюро клеймъ, отданное по ея рекомендаціи одному извѣстному попрошайкѣ, о которомъ она даже и не заботилась, было первымъ началомъ благосклонностей, которыя посыпались на нее безъ счету. Тогда, увѣренная въ своемъ вліяніи, она не упускала случая имъ пользоваться; мѣста административныя, чины военные, повышенія гражданскія, все было въ ея рукахъ, словомъ, ея кредитъ сдѣлался съ той поры извѣстнымъ и неоспоримымъ.

— Ей ни въ чемъ не откажутъ!

Эта фраза съдѣлалась аксіомою въ сферѣ, къ которой принадлежала жена государственнаго совѣтника.

Таково-то было исключительное положеніе, котораго, при помощи ума, твердой воли и неутомимости, достигла г-жа Піаръ, родъ министра въ чепцѣ и безъ ответственности, въ то время, какъ Викторъ Деландъ пріѣхалъ въ Парижъ. Ясно, что между этими двумя лицами, прежде нежели они познакомились, существовала тайная симпатія, подобная сродству кремня съ сталью—оба твердыя и холодныя тѣла, а между—тѣмъ оба производятъ огонь.

VI.

Когда Викторъ Деландъ вошелъ въ гостиную г-жи Піаръ, тамъ были три лица, замѣчательныя по своей разнородности: депутатъ, любившій вознаграждать себя въ свѣтъ за молчаніе, обыкновенно хранимое имъ въ палатѣ; усатый старикъ, украшенный черною и голубою лентами, и наконецъ молодой человекъ въ искусно подвязанномъ галстукѣ, съ серебряными шиорами и въ желтыхъ перчаткахъ; онъ самъ заслужилъ крестъ почетнаго легіона, находясь въ національной гвардіи. Первый декламировалъ рѣчь, второй слушалъ, а третій лорнировалъ хозяйку дома, которая не замѣчая этого созерцанія, и не слишкомъ внимательно слушая оратора, небрежно перелистывала брошюрку Корменена. Хотя не было еще пяти часовъ, но г-жа Піаръ была уже въ черномъ атласномъ платьѣ, туалетная ошибка, общая всемъ женщинамъ, занятымъ политикою; имъ не знакома прелесть negligé, и потому онъ всегда и въ собственной гостиной, какъ—будто—бы въ гостяхъ. Увидя подходящаго къ ней провинціала, она положила черепаховый ножичекъ, которымъ разрывала листы брошюрки, и праставила къ глазу черепаховый лорнетъ. Деландъ выдержалъ безъ смущенія этотъ обзоръ, въжливо поклонился и подалъ рекомендательное письмо.

—Сударыня, сказалъ онъ: я лишь нѣсколько часовъ, какъ пріѣхалъ изъ Д — и не осмѣлился откладывать до завтра врученіе вамъ новостей отъ г. де-Луазеле.

—Письмо отъ батюшки? прервала г-жа Піаръ, стараясь

выказать дочернюю вѣжливость. Вы, господа, позволите? вотъ уже двѣ недѣли, какъ батюшка не писалъ ко мнѣ.

Она посадила прокурорскаго помощника, распечатала отеческое посланіе и прочла его съ начала до конца. Потомъ поднявъ глаза на молодаго человѣка, рекомендуемаго ей, снова осмотрѣла его, но на этотъ разъ безъ лорнета. Употребляя въ дѣло свое могущество, г-жа Піаръ придерживалась неизмѣнныхъ правилъ: чтобы пріобрѣсти ея покровительство, надлежало быть молодымъ, учтивымъ и хорошо воспитаннымъ. Въ этой системѣ не было никакой тайной мысли, какую бы могло подозрѣвать злословіе. Племя просителей многочисленно; предпочитать кандидатовъ грубыхъ, необразованныхъ, смѣшныхъ или устарѣлыхъ, показывало — бы скорѣе дурной вкусъ, нежели добрую душу, тѣмъ болѣе, что покровительство — не милосердіе. И такъ, Изаура употребляла въ выборѣ своихъ кліентовъ пурризмъ модной женщины при выборѣ спензеровъ. Не-смотря на вышедшій изъ моды покрой платья, несчастной выборъ перчатокъ, зеленовато-бронзоваго цвѣта, и блескъ брилліантовой булавки въ галстухъ, Деландъ съ честью вышелъ изъ этого осмотра, хотя онъ нисколько не подозрѣвалъ его важности. Фигуру его нашли, хотя провинціальною, но выразительной пріятной взгляда, провинциальнымъ, ростъ прекраснымъ, словомъ, онъ показался человѣкомъ, которымъ можно заняться. Обозрѣвъ наружность, надобно было узнать внутреннее достоинство. Въ этомъ случаѣ, покровительница никогда не придетъ въ затрудненіе; первый попавшійся предметъ къ разговору, послужить ей къ своему испытанію, какъ-бы онъ ни казался странецъ и неудобенъ, обсудить, не колеблясь, и никогда уже не переменить своего рѣшенія.

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о г. де-Луазеле и другихъ своихъ знакомыхъ въ Д., г-жа Піаръ слѣдила разговоръ общимъ, обратясь къ молодому человѣку съ красною ленточкою.

—Кстати, сказала она: что, вы роздали всѣ свои билеты на балъ?

—Всѣ, отвѣчалъ штабъ-офицеръ, граціозно улыбаясь; и если вамъ угодно, я могу раздать еще два билета. Г-жа Піаръ взяла съ маленькаго столика пачку билетовъ, половину зеленыхъ и половину розовыхъ.

—Полковникъ Днявскерскій, сказала она, показывая ихъ

старыку, видите, что мы не забываемъ вашихъ соотечественниковъ. Нашъ балъ, надѣюсь, дастъ намъ средства помочь многимъ изъ благородныхъ семействъ; но видимо, онъ будетъ гораздо-многолюднѣе, нежели въ прошедшую зиму, я съ своей стороны не болѣе, какъ въ два дни роздала уже болѣе ста билетовъ.

Польскій эмигрантъ молча поклонился.

—Вы дадите двадцать франковъ въ пользу нашей подписки, прервала Изаура, подавая депутату зеленый билетъ.

—Развѣ въ мои лѣта танцуютъ? возразилъ народный представитель, не протягивая руки! съ съюю головою я буду смѣшонъ въ кадрили; мѣсто красоты—на балъ, мѣсто депутата—въ палатъ.

—А вы, сударь, тоже устарѣли? спросила г-жа Піаръ кусая губы, и бросивъ испытательный взглядъ на Деланда.

Не будучи наблюдателемъ, помощникъ прокурора имѣлъ однакожъ довольно благоразумія, изощреннаго еще болѣе желаніемъ достигнуть успѣха. Рѣшившись понравиться той, на которую онъ смотрѣлъ уже, какъ на свою покровительницу, онъ нисколько не намѣренъ былъ упускать этого удобнаго случая. Впрочемъ, довольно было и одного тщеславія, уколотаго проницательною улыбкою на губахъ штабъ-офицера, чтобы заставить его выказать щедрость, хотя бы рассчитать и не позволялъ этого.

—Сударыня, отвѣчалъ онъ: у меня есть въ Парижѣ много друзей; они, какъ и я, безъ сомнѣнія, почтутъ за счастье участвовать въ такомъ прекрасномъ дѣлѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть въ избранномъ обществѣ. Позвольте мнѣ просить васъ принять меня въ число своихъ должниковъ, доверивъ мнѣ до вечера десять билетовъ.

—Онъ умѣетъ жить, подумала г-жа Піаръ: онъ выражается прекрасно, и недостаетъ только портнаго, чтобы сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка.

Деландъ догадался, что вытащить изъ кармана бумажникъ, туго набитый банковыми билетами, положить на столъ и дожидаться сдачи, былъ бы такой же смѣшной поступокъ, какъ и поступокъ молодаго человѣка съ красной ленточкой. Притомъ, отсрочка, которой онъ, шутя, требовалъ, доставляла ему случай написать письмо, въ которомъ онъ постарается употребить бо-

лѣе ума, нежели сколько возможно выказать его при первомъ визитѣ.

Честолюбивый прокурорскій помощникъ получилъ первый успѣхъ, что и возвѣстила ему пріятная улыбка, оживившая холодную физиономію Изауры. Правда, эта улыбка стоила двѣсти франковъ, но, вспомни наставленія г-на де-Луазеле, онъ находилъ это не слишкомъ дорогимъ.

—Эго деньги, отданныя за большіе проценты, подумалъ онъ, убирая въ карманъ бальные билеты. Я вижу, ей нравится мое обращеніе; да впрочемъ, и Блондо знакомъ со всѣмъ Парижемъ; онъ избавитъ меня отъ этого труда.

Въ это время отворились двери и въ гостиную вошелъ мужчина лѣтъ пятидесяти, плотный, не высокаго роста; его полныя и цвѣтущія здоровьемъ щеки составляли рѣзкій контрастъ съ сѣдыми волосами, проскакивающими на его черной головѣ, гладко обстриженный, вѣроятно съ намѣреніемъ скрыть эту смѣсь. Этотъ свѣженькій старичокъ былъ одѣтъ въ черное платье, сверхъ котораго былъ надѣтъ длинный сюртукъ свѣтлаго цвѣта. Онъ держалъ подъ мышкою портфель изъ фіолетоваго сафьяна съ серебрянымъ замкомъ; на пуговицахъ у него были вырезаны звѣзды почетнаго легіона. При входѣ его, всѣ поднялись, исключая хозяйки; онъ подошелъ къ камину, подаль руку депутату, дружески поклонился польскому полковнику; непримѣтно нахмурилъ брови при взглядѣ на штабъ-офицера, и наконецъ, остановивъ взоръ на прокурорскомъ помощникѣ, онъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, какъ будто спрашивая: А ты, кто такой?

—Другъ мой, сказала г-жа Піаръ, обращаясь къ новопришедшему: рекомендую тебѣ г-на Деланда, который обязалъ меня, доставивъ мнѣ письмо отъ батюшки.

Государственный совѣтникъ отвѣчалъ легкимъ поклономъ на привѣтствіе молодого провинціала, и принявъ тотчасъ важный видъ, къ которому онъ, казалось, привыкъ уже, спросилъ насмѣшливо.

—Каково поживаетъ г. де-Луазеле? Попрежнему ли онъ любитъ шашки и ожидаетъ возвращенія Генриха V?

—Г-нъ де-Луазеле постояненъ во вкусахъ и мнѣніяхъ, отвѣчалъ Деландъ, которому съ перваго разу не понравились гордые манеры государственнаго совѣтника.

Завязался общій разговоръ. Черезъ нѣсколько минутъ, депутатъ и штабъ-офицеръ откланялись. Старый полякъ скоро послѣдовалъ за ними, и Деландъ остался одинъ съ хозяевами.

— Батюшка пишетъ мнѣ, сказала тогда г-жа Піаръ, что удовольствіи моего роднаго города не могли удержать васъ въ немъ.

— За три года, мой поступокъ былъ неизвинителенъ, отвѣчалъ прокурорскій помощникъ, намѣкая на то, что въ то время Изаура находилась еще подъ кровлею родительскою.

— Я не упрекаю васъ, перебила молодая женщина: въ Д... дѣйствительно скучнѣе, нежели сколько позволительно быть скучно въ маленькомъ городкѣ. Я постигаю духъ эмиграціи, который распространяется между его жителями. Вы полагаете остаться въ Парижѣ?

— Я больше желаю, нежели надѣюсь, съ скромностію отвѣчалъ Деландъ.

— Никогда не должно покидать надежды, сказала Изаура съ одобрительною улыбкою.

— И такъ, я буду надѣяться; если вы не считаете это дерзостью.

— Для успѣха нужно еще кое-что.

— Научите, сударыня, сказалъ помощникъ прокурора.

— Трудъ и стараніе, сказала г-жа Піаръ поучительнымъ тономъ. Посланный отъ герцогини Д* прервалъ этотъ разговоръ. Письмо оказалось важное и нетерпящее отлагательства. Дѣло шло о мѣстѣ подпрефекта, котораго вдругъ добивались обѣ пріятельницы. Г-жа Піаръ, желая оказать покровительство, льстившее ея самолюбію, осмѣлилась вступить въ соперничество съ политикою высшаго разряда. Получа выговоръ за эту дерзость и угрожаемая лишиться благоволенія этой высшей власти, письмо которой, казалось, было писано перомъ Бомарше, жена государственнаго совѣтника, дрожа отъ злости, увидѣла, что надобно уступить, съ опасностію, въ противномъ случаѣ, повредить своему кредиту еще не совершенно прочно основанному.

— Партія очень сильная, сказала она сама себя, жестоко изтерзавъ въ рукахъ письмо герцогини: ея глупость торжествуетъ, хорошо! пускай торжествуетъ, послѣ я ей докажу, что меня нельзя обидѣть безнаказанно.

Въ эту минуту, Деландъ не существовалъ болѣе для гордой женщины, хотя за минуту до этого она, казалось, расположена была слушать его съ удовольствіемъ; углубясь въ размышленіе о нанесенномъ безчестіи, она удалилась въ кабинетъ, чтобы писать герцогинѣ, и разсѣянно отвѣчала на произвольныя привѣтствія молодого провинціала, немного разстроеннаго этою неожиданною выходкою.

Оставшись наединѣ съ хозяиномъ, который, до тѣхъ-поръ, сидя съ диктаторскою миною въ креслахъ, казалось, не принималъ никакого участія въ разговорѣ, Викторъ Деландъ испыталъ родъ невольнаго замѣшательства, и старался побѣдить его... Уйти тотчасъ-же было не ловко; молчать передъ человѣкомъ, который тоже, кажется, не рѣшился начинать первый, было бы смѣшно, и такъ, во что бы то ни стало, надобно завязать разговоръ. Тайно обиженный холоднымъ приѣмомъ и спѣсью, смѣшанною съ выраженіемъ скуки на лицѣ хозяина, помощникъ прокурора призвалъ на помощь скрытность, покровительницу честолюбцевъ. Онъ улыбнулся вмѣсто вступленія и въ тоже время прискивалъ въ головѣ предметъ для разговора. Картины, развѣшенныя по стѣнамъ гостиной, дали, наконецъ ему средства.

—Въ кабинетъ г. де-Луазеле, сказалъ онъ вкрадчивымъ тономъ: есть нѣсколько произведеній фламандской живописи, которыми онъ очень хвастаетъ, но я бы не посоветовалъ ему выставлять ихъ здѣсь; здѣсь есть двѣ или три вещи, сосѣдство которыхъ повредило-бы имъ; особенно это «Поклоненіе Волхвовъ»,—оно совершенно въ стилѣ венеціанской школы.

Воздавая такимъ образомъ похвалы болѣе нежели посредственнымъ произведеніемъ живописи, Деландъ думалъ, что онъ достигъ почти совершенства въ благопристойной лести. Онъ скоро увидалъ свое заблужденіе.

—Очень естественно, что въ Джорджоне видѣнъ венеціанскій стиль, отвѣчалъ насмѣшливо г. Піаръ.

Это блюдо шиннату, подумалъ Деландъ и, подойдя къ картинѣ, разсматривалъ ее съ жадностію и, казалось, постепенно переходилъ отъ удивленія къ восторгу.

—Мнѣ отсвѣчивало и я не разсмотрѣлъ, сказалъ онъ, наконецъ, обращаясь къ государственному совѣтнику: те-

перь я узнаю кисть художника; здѣсь во всякой чертѣ видѣнъ Джорджоне.

—Тутъ точно все образцовыя произведенія, сказалъ г. Піаръ: это—Святое семейство, Себастіана дель-Піомбо; этотъ Пейзажъ Гамра; эту «Свадьбу Фетиса» приписываетъ Эспаньолету, а я почитаю ее за работу Луки Йордана: онъ превосходенъ въ подражаніи, и, вѣроятно, въ этомъ произведеніи хотѣлъ подражать своему первому учителю. Здѣсь нѣтъ ни одного произведенія, которое бы одно не стоило всѣхъ претензій Фанъ-Остада и всѣхъ Тербурговъ, апокрифовъ г-на де-Луазеле, у котораго, между нами сказать, только однѣ лубочныя картинки.

—Каковъ тесть, таковъ и зять, подумалъ провинціалъ, отнюдь не рѣшившись, однакожъ, изъявить сомнѣніе на счетъ славнаго происхожденія котораго-нибудь изъ этихъ образцовыхъ произведеній; онъ постепенно переходилъ отъ одного къ другому, сознаваясь внутренно, что онъ низкій лстецъ, хвалилъ все и приходилъ въ безграничный восторгъ. Одно критическое замѣчаніе, которое онъ рѣшился сдѣлать, состояло въ томъ, что въ Св. Семействѣ, приписываемомъ Себастіану дель-Піомбо, онъ, казалось, находилъ кисть Микель-Анджело; эта догадка вызвала благосклонную улыбку на устахъ хозяина.

—Микель - Анджело, тогда какъ его нѣтъ въ Музеѣ, это было-бы слишкомъ великолѣпно; однако, въ вашемъ предположеніи нѣтъ ничего несбыточнаго. Я никакъ не предполагалъ, чтобы въ Д** былъ такой знатокъ въ живописи. Вы художникъ?

Не смотря на любовь къ изящнымъ искусствамъ, Деланду не очень польстило это названіе.

—Правда, я занимаюсь въ свободное время живописью, отвѣчалъ онъ: но не имѣю права на званіе художника: я служу въ магистратѣ.

—Судью? отрывисто спросилъ г. Піаръ.

—Помощникомъ королевскаго прокурора.

—Какъ же прежде ваканція вы оставили свою должность?

—Это мой первый отпускъ и, надѣюсь, послѣдній: я хочу выйти въ отставку.

Деландъ, для котораго разговоръ сдѣлался интереснымъ, хотѣлъ прочесть на лицѣ своего собесѣдника, какой эффектъ

произвело слово отставка, которое всегда кажется ужаснымъ дѣловымъ людямъ; государственный совѣтникъ даже не поморщился.

—Вы хотите жить доходами, сказалъ онъ холодно: это самое умное дѣло; счастливъ, кто можетъ жить такъ. Цѣпи, хотя бы онѣ были и золотыя, все-таки цѣпи, я это не много знаю. Не пройдетъ дня, чтобы я не сказалъ съ поэтомъ:

O rus, quando ego te aspiciam? quandoque licebit.
Nunc veterum libris; nunc somno et inertibus horis
Ducere sollicitae jucunda obliviae vitae?

Люди, которые между дѣлами серьезными мѣшаютъ претензіи литературныя, вообще считаютъ необходимою пристрастіе къ Горацию. Это ихъ поэтъ, какъ Тацитъ, ихъ историкъ. Согласно этому обычаю, освященному недавно даже королевскою властію, г-нъ Пиаръ снабдилъ память сотнею стиховъ латинскаго поэта, и украшалъ ими свой разговоръ, хотя бы и не совсѣмъ кстати.

—Я худо выразился, замѣтилъ Деландъ: мое состояніе не позволяетъ мнѣ вести эту свободную жизнь, которой завидуетъ Гораций. Если я рѣшился выйти въ отставку, такъ это въ надеждѣ найти новую службу, болѣе согласную съ моимъ вкусомъ, приказныя работы, по-крайней-мѣрѣ, въ низшихъ слояхъ, чрезвычайно сухи и внушаютъ мнѣ отвращеніе. Мнѣ кажется, если я не заблуждаюсь, что въ Парижѣ я долженъ найти средства лучше употребить мое усердіе и познанія. Г-нъ де-Лаузеле, которому я сообщилъ свое намѣреніе, одобрилъ его и далъ мнѣ надежду, что вы, сударь, не оставите меня своимъ покровительствомъ.

Между-тѣмъ, какъ прокурорскій помощникъ говорилъ тихимъ голосомъ, выбирая выраженія съ такою заботливостію, какъ-будто бы находился на аудіенціи, лицо государственнаго совѣтника постепенно дѣлалось мрачнѣе. Не бесполезно будетъ изъяснить причину этого измѣненія.

Съ нѣкотораго времени г-ну Пиару перестало нравиться поведеніе его супруги.

—Расточая вашъ кредитъ для всякаго встрѣчнаго, говорилъ супругъ: вы не оставите ничего для насъ самихъ. Вы жалуе-

те въ префекты, даже въ епископы, а я не могу перейти въ комитетъ юстиціи, что необходимо, если я хочу утвердиться въ моемъ политическомъ положеніи. Я увѣренъ, что раздавая мѣста мирныхъ судей и прочихъ сельскихъ властей, вы роздали цѣлое министерство, и какое министерство? мое, можетъ быть, отдали на съѣденіе этой кучѣ голодныхъ, которая васъ окружаетъ.

На это г-жа Піаръ отвѣчала поучительно, что кредитъ походить на здоровье, которое отъ упражненія укрѣпляется, а не слабѣетъ, и что успѣхъ даетъ право на новыя требованія. Принужденный покориться, не сознавая справедливости этого рѣшенія, государственный совѣтникъ получилъ къ толпѣ просителей, которая, какъ онъ видѣлъ, безпрестанно возрастала болѣе и болѣе около его супруги, ненависть, какую питаетъ поселянинъ къ кроликамъ, опустошающимъ его сады. Всякое новое лицо въ гостиной жены причиняло ему припадокъ нерасположенія духа, такъ, что съ трудомъ онъ могъ соглашать эти припадки съ приличіями. Слѣдовательно, Деландъ, какъ искатель, произвелъ на него непріятное впечатлѣніе, въ половину было разсѣянное осмотромъ картинъ, но снова и сильнѣе пробудившееся при послѣднихъ словахъ молодаго прокурорскаго помощника. Выслушавъ его съ холоднымъ видомъ, г. Піаръ прислонился къ камину, закинулъ руки на спину и началъ важнымъ голосомъ:

— Милостивый государь, сказалъ онъ Деланду: я позволю себѣ сдѣлать вамъ нѣсколько замѣчаній на ваши слова: одобряя ваше намѣреніе выбрать себѣ другое состояніе, г-нъ де-Луазеле поступилъ, по моему, не благоразумно. Это меня не удивляетъ, тѣмъ мой принадлежитъ къ числу людей, которые никогда не отличались хорошимъ познаніемъ дѣлъ и свѣта. Считаю долгомъ опровергнуть идеи, почерпнутыя вами въ его школѣ. Изъ всѣхъ услугъ, которыя я готовъ вамъ оказать, эта будетъ не бесполезнѣйшая, если вы захотите ее принять. Вамъ кажутся сухими судейскія дѣла; но какая же карьера усыпана розами при вступленіи на нее. Посмотрите на званіе военное, административное, медицинское, литературное, — вездѣ для дебютантовъ есть разрядъ сверхъ-комплектности, разрядъ столько же трудный, какъ и вашъ. Такъ должно ли при первомъ утомленіи терять мужество; неужели, повинуясь

капризамъ скуки, солдатъ долженъ сдѣлаться адвокатомъ или медикъ литераторомъ? Нѣтъ, сударь, нѣтъ! у человѣка въ натурѣ быть недовольнымъ своимъ положеніемъ и завидовать положенію своего ближняго.

Особенно во Франціи эта манія ужасный бичъ. Въ настоящее время, общество рѣшительно заражено зломъ, которое кончится тѣмъ, что сдѣлаетъ ничтожнымъ все доброе, чѣмъ мы обязаны торжеству демократическаго духа, которому оно, къ-несчастію, тоже обязано своимъ существованіемъ. Зло это именно необузданное честолюбіе, проникло во всѣ классы и производитъ продолжительное броженіе, безъ всякихъ послѣдствій. Нынѣ, не выйдя еще изъ школы, каждый требуетъ уже мѣста. Парижъ наводненъ молодыми людьми, которые хотятъ быть префектами или секретарями посольствъ; самые скромные претендуютъ на мѣста сборщиковъ податей. Это уже черезчуръ, и я думаю, сударь, мнѣ не нужно давать вамъ замѣтить всю нелѣпность этихъ требованій. Что касается до васъ, вы принадлежите къ другой категоріи, вы занимаете почетную должность; повѣрьте мнѣ, откажитесь отъ этого ложнаго намѣренія. вмѣсто того, чтобы играть роль просителя, возвратитесь къ своей должности, побѣдите отвращеніе наукою; работайте, исполняйте свою обязанность, не только съ аккуратностью, но даже съ рвеніемъ; однимъ словомъ, отличитесь — вотъ вѣрное средство возвыситься.

Піаръ кончилъ рѣчь однимъ изъ тѣхъ маленькихъ привѣтствій, которыя у земныхъ властей, означаютъ окончаніе аудіенціи, пожалованной кому-нибудь; но видя, что прокурорскій помощникъ, оглушенный этой рѣчью, которая однимъ ударомъ разрушала всѣ его воздушные замки, не думалъ ни отвѣчать, ни распрощаться, онъ снова привѣтствовалъ его образомъ имѣющимъ еще болѣе значенія, взялъ со стола портфель и ускользнулъ вонъ.

VII.

—Надмѣненъ, какъ вельможа, декламаторъ, какъ академикъ, и грубъ, какъ кучеръ! сказалъ Деландъ, выходя отъ Піара. И я имѣлъ низость удивляться этимъ вывѣскамъ, которыя онъ выдаетъ за произведенія великихъ художниковъ! Клянусь

тѣню Микель-Анджело, я не достоинъ болѣе приниматься когда — нибудь за кисть! Правда, его сужденія не совсѣмъ несправедливы, и вообще совѣты его были — бы не дурны, но к чему они мнѣ? я довольно выросъ для того, чтобы знать, какъ вести себя. Мнѣ нужна помощь, а не проповѣди... Какъ смѣшонъ онъ съ своими цитатами изъ Горация! Держу пари, что онъ не въ состояннн переводить Корнелія Непота. Ва! да о чемъ мнѣ печалиться! если я не имѣлъ счастья понравиться мужу, то жена, можетъ — быть, не будетъ такъ разборчива. А она, впрочемъ, очень не дурна! такая благородная осанка, пронизательный взоръ, и такой живой разговоръ! не удивительно, что она приобрѣла такую власть, я не больше часа побылъ съ нею, а чувствую, что невольно покоряюсь ея влiянiю. Для успѣха должно надѣяться и трудиться — совѣтъ хорошъ и я ему послѣдую. Съ завтрашняго дня, отсылая ей двѣсти франковъ, я вступлю съ нею въ переписку, напишу ей маленькое письмо, въ которомъ докажу, что хотя я и провинциаль, однакожъ, не дуракъ и не худо воспитанъ. Такъ-какъ г-ну Пиару угодно было найти меня недостойнымъ своихъ милостей, то я поневолѣ долженъ обратиться къ его супругѣ; для него — же хуже.

Утѣшаясь вполонину въ своей неудачѣ, надеждѣ понравиться г-жѣ Пиаръ, Деландъ отправился въ Палеройаль и зашелъ ошибкою въ ресторацію Вефура, по примѣру всѣхъ провинциаловъ, для честолюбiя которыхъ необходимо обѣдать непременно гдѣ-нибудь, поближе къ Верн. Къ началу спектакля онъ отправился въ Оперу, гдѣ очаровательный «Вильгельмъ — Тель» разсѣялъ послѣднiя облачка въ головѣ его. Восхищаясь музыкой, какой онъ уже давно не слышалъ, ослѣпленный блескомъ залы, при видѣ ложъ, наполненныхъ множествомъ дамъ, украшенныхъ, по большей части роскошью и природою, — зрѣлице за одинъ разъ вознаграждавшее его за всѣ претерпѣнныя въ этомъ родѣ лишенiя, — помощникъ прокурора чувствовалъ, что кровь быстрѣе и лучше обращается въ его жилахъ; прекрасныя ноты Дюпре потрясли его голову и грудь, подобно звуку трубы, призывающей солдата къ сраженiю, у людей съ музыкальною организацiею тоническiя впечатлѣнiя имѣютъ сильное и непосредственное влiянiе на мысли. Къ концу третьяго акта, Деландъ,

чувствуя собственное возвышеніе, по мѣрѣ того, какъ возвышается голосъ Дюпре, готовъ былъ поднять на плечахъ цѣлый міръ. Права его, въ которыхъ онъ, за минуту, едва самъ-себѣ сознавался, сдѣлались вдругъ неоспоримыми, словомъ, если можно такъ выразиться, его честолюбіе, которое, до-тѣхъ-поръ, пѣло только вполголоса, сдѣлалось унисономъ Арнольда и стало брать тоже грудное ит.

—Для твердой воли все возможно, сказалъ онъ самъ-себѣ, выходя изъ партера, гдѣ помѣстился изъ экономіи..... *За мной! за мной!*.. Да, я чувствую въ себѣ силу, способную побѣдить всѣ препятствія!... *Спасемъ Вильгельма!*... Какой чудный голосъ у этого Дюпре! за однимъ этимъ стоитъ пріѣхать сюда.... О, я буду государственнымъ совѣтникомъ, и этотъ глупецъ Піаръ лопнетъ съ досады!.. *Друзья, друзья, ко мнѣ на помощь!*..

Такимъ образомъ, размышляя и напѣвая, онъ вошелъ въ фойе, гдѣ тотчасъ же встрѣтилъ Блондо, который уже заставилъ его удивляться своимъ желтымъ перчаткамъ, манжетамъ, лорнеткѣ, жилету гранатнаго бархата, трости съ золотымъ набалдашникомъ, нафабренымъ усамъ и завитой головѣ, важно присутствуя во второмъ ярусѣ ложъ, на аванъ-сценѣ. Послѣ завтрака, Блондо съ пользою употребилъ свое время. Заплатить самыя воиющіе долги, замаскировать нѣсколько обветшалость своей квартиры, скрыть г-жу Тавернье, спасительницу его въ плохихъ обстоятельствахъ, достать кабриолетъ и наемнаго слугу—на все это достаточно ему было нѣсколькихъ часовъ. Замазавъ такимъ образомъ свою нищету, онъ безъ замедленія принялся поправлять свою славу. Друзья его, полагавшіе его квартирующимъ въ улицѣ де-Клиши или находящимся въ западнѣ Сен-Клу, впрочемъ, неслишкомъ заботившиеся объ этомъ, вдругъ увидали его, съ торжествомъ появившагося въ *café de Paris* и въ оперѣ. Всѣ ясно увидѣли, что затмившаяся на минуту звѣзда Блондо де-Густана, не исчезла еще въ тѣхъ мрачныхъ пропастяхъ, гдѣ исчезаетъ каждый день такъ много подобныхъ ефемерныхъ свѣтилъ.

И такъ другъ прокурорскаго помощника снова занялъ свое мѣсто въ рядахъ себѣ подобныхъ. Гордо расположась въ толпѣ витязей своего рода, онъ городилъ чепуху громкимъ и яснымъ голосомъ, когда Деландъ ударилъ его по плечу. Во всякомъ другомъ случаѣ г. де-Густанъ худо бы принялъ

подобную короткость, и несколько — бы не посовѣстился отречься отъ человѣка, который, къ смѣшному костюму, вышедшему изъ моды, присоединялъ еще вину, не меньше важную, а именно, что вошелъ въ фойе изъ партера; но двадцать тысячъ франковъ въ портфейлѣ заставляли его простереть свою дружбу до нѣжности. Онъ съ жаромъ схватилъ руку прокурорскаго помощника и пошелъ съ нимъ съ лѣстницы, рискуя быть осмѣяннымъ своими изящными друзьями за эту мѣщанскую компанію.

—Что за опера «Вильгельмъ-Тель», и что за пѣвецъ Дюпре, сказалъ Деландъ, у котораго не простылъ еще восторгъ.

—Дюпре надоѣдаетъ, да и «Вильгельмъ-Тель» немного поустарѣлъ, отвѣчалъ Блондо, думая, по обыкновенію, довольно распространившемуся, выказать свое превосходство, все ругая и ничему не удивляясь.

Два друга сѣли въ первый попавшійся кабріолетъ.

—Ты мнѣ не сказалъ, куда ты хочешь везти меня, продолжалъ прокурорскій помощникъ: если къ герцогинѣ де-Сенъ-Северино, то я желалъ-бы отложить это представленіе до тѣхъ поръ, пока я не посѣщу твоего портнаго.

Г-жа де-Сенъ-Северино была одна изъ тѣхъ химеръ, которыя часто порождаетъ воображеніе людей, живущихъ на удачу, искусственное солнце, назначенное блеснуть и погаснуть. Блондо создалъ ее, чтобы возвысить себя во мнѣніи своего друга и сдѣлать его сговорчивѣе на-счетъ займа. Полезная до-тѣхъ-поръ герцогиня, сдѣлалась теперь излишнею. Тотъ, кто далъ ей жизнь, въ правѣ былъ и отнять ее, потому что она была ему въ тягость.

—Ты невольно растравляешь мои раны, отвѣчалъ онъ съ улыбкою: бѣдная Корнелія!

—Что, она больна? спросилъ помощникъ прокурора.

—Умерла, сказалъ плачевнымъ голосомъ Блондо.

—Умерла! такъ скоро! вскричалъ Деландъ съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ участіемъ.

—Жестокая горячка... въ три дни... и я не принялъ послѣдняго ея вздоха! Не напоминай мнѣ объ этомъ; одно имя ея причиняетъ мнѣ вредъ. Вотъ жизнь, бѣдный другъ мой. Если бы я послушался первымъ порывамъ моей печали, я бы застрѣлся; но надобно быть твердымъ и умѣть переносить.

Я стараюсь развлечься и заглушить свое сердце въ этомъ вихрѣ свѣта. Прочь эти печальныя мысли. Довольно ночей не спалъ я отъ нихъ. Мы ѣдемъ къ очень любезной женщинѣ, г-жѣ де-Марманкуръ, вдовѣ одного морскаго капитана. Между нами, я не вѣрю, чтобы ея добродѣтель простиралась до безчеловѣчія. Будь я женатъ, я бы не повезъ къ ней г-жи де-Густанъ; но мы, молодежь, выше этой разборчивости. Мы требуемъ только отъ женщинъ — чтобъ онѣ были молоды, хороши и любезны; не правда-ли, ты одного со мною мнѣнія.

—Безъ сомнѣнія, чортъ возьми! отвѣчалъ Деландъ: я пріѣхалъ въ Парижъ не за тѣмъ, чтобы вступить въ семинарію. Довольно долго видѣлъ я ханжей, богомолкъ и безобразныхъ, и очень буду радъ побесѣдовать съ женщиною, которая не принадлежитъ къ этому роду и можетъ понимать меня.

—О, это совсѣмъ другое; ну, да ты увидишь. Ты встрѣтишь людей, знакомство съ которыми будетъ тебѣ не бесполезно.

Блондо велѣлъ кучеру остановиться у одного довольно хорошенькаго домика, въ улицѣ Св. Лазаря.

—Вотъ, мы и пріѣхали, сказалъ онъ, вылѣзая изъ экипажа.

Деландъ послѣдовалъ за нимъ, и они, срыгнувъ съ подножки, пошли по лѣстницѣ, ведущей въ комнаты женщины, которой прелести и челоуѣколюбіе такъ расхваливалъ парижанинъ.

Мы съ сожалѣніемъ должны признаться, что г-жа де-Марманкуръ принадлежала къ тому двусмысленному классу женщинъ, для которыхъ нѣкогда изобрѣли аллегорическое названіе сиренъ, къ тому непросвѣщенному и многочисленному обществу, которое въ особенности населяетъ въ Парижѣ кварталъ между улицами de Provence и la nouvelle Athènes. Хотя она никогда не была за-мужемъ, но называлась вдовою, по обыкновенію женщинъ этого разряда, которыя непремѣнно носятъ трауръ по полковникѣ или по морскомъ капитанѣ. Г-жа де-Марманкуръ предпочла моряка; сухопутное войско казалось ей ниже достоинствомъ, особенно, вспомни огромное число полковниковъ, похороненныхъ другими Арта-мизами.

Г-жѣ Феодосіи Марманкуръ, урожденной Катеринѣ Буашаръ, было 29-ть лѣтъ, но она выдавала себя за 20-ти лѣтнюю, а на будущій годъ рѣшилась даже сдѣлаться и еще моложе. Средняго роста, худощавая, довольно хорошо сложенная, то есть, при небольшой помощи искусства, съ довольно правильными чертами лица, съ скромнымъ взглядомъ, нѣжнымъ голосомъ, дѣвственною физиогноміею, довольно остроумная, совершенно необразованная, она, что касалось до ея дѣла, умѣла вести его съ такою ловкостью и хитростью, которая внушила бы зависть самому ловкому изъ дипломатовъ. Жизнь ея была вѣдена въ такомъ порядкѣ, назначеніе каждаго дня такъ вѣрно рассчитано, время употреблялось съ такою чудесною пользою, что она могла имѣть нѣсколько интригъ вдругъ, нисколько не спутываясь. Въ побѣдную колесницу ея всегда была впряжена четверка, а иногда и шестерка рьяныхъ или не рьяныхъ коней, но въ такой искусно расположенной упряжи, что каждый изъ нихъ полагалъ, что у него отнюдь нѣтъ помощниковъ.

Друзья г-жи де-Марманкуръ дѣлились на три разряда: почетныхъ, дѣйствительныхъ и сверхъ-комплектныхъ. Далѣе всякій разрядъ имѣлъ главнаго начальника и помощниковъ. Она принимала ихъ всѣхъ въ своей гостиной, куда разъ въ мѣсяць они всѣ вмѣстѣ собирались обѣдать. Такимъ образомъ прошедшее, настоящее и будущее находились въ добромъ согласіи. Природная слѣпота, модное обыкновеніе и философская терпимость, заставляли всѣхъ этихъ людей, молодыхъ и старыхъ, но непременно богатыхъ, покоряться законамъ дома, гдѣ царствовала неограниченная женская власть. Если друзья были многочисленны, за то подруги рѣдки; чтобы имѣть право на это титуло необходимо принадлежало быть или старухой или безобразной. Этого правила, общаго многимъ женщинамъ, строго придерживалась Феодосія, слишкомъ благоразумная для того, чтобы допустить къ себѣ соперницъ въ красотѣ и молодости. Между обычными посѣтителями безплатный входъ имѣлъ только одинъ, и именно Блондо; онъ занималъ мѣсто человека, въ которомъ любятъ его самого, этого вампира, который, какъ будто посланный истинною судьбою, рано или поздно высосетъ все золото покушниковъ любви.

Пройдя переднюю и столовую, посредственно освѣщенныя, два друга вошли въ гостинную, обитую шерстяными обоями темнаго цвѣта. Тамъ были человѣкъ съ десять мужчинъ, большею частію кавалеровъ какого-нибудь ордена. Одни играли въ бульотку, другіе, столпившись около каминна, бесѣдовали съ хозяйкою, возлѣ которой сидѣли двѣ женщины, имѣвшія самое законное право на ея дружбу. Одной изъ нихъ было 43 года, и она недавно стала брать уроки на фортепіано, какъ средство болѣе правиться; другая, гораздо моложе, но безобразная въ полномъ смыслѣ этого слова, и красная, какъ піонъ, хотя каждое утро пила уксусъ для блѣдности, потому-что живой цвѣтъ лица вышелъ изъ моды.

Г-жа де-Марманкуръ едва обратила вниманіе на прокурорскаго помощника, представленнаго ей г-мъ Блондо, и отвела послѣдняго въ сторону, съ какимъ-то тайнымъ безпокойствомъ.

—Я съ утра ни жива, ни мертва, сказала она ему: это варварство, писать такія письма. Угрожать застрѣлиться, если я не найду денегъ! Но ты знаешь, что у меня осталось; брилліанты и серебро въ закладѣ; я не могу дать обѣда, и мнѣ уже говорили комплименты на счетъ прически, значить—замѣчаютъ что я не ношу брилліантовъ. Клянусь тебѣ, у меня ничего нѣтъ, рѣшительно ничего; а то, неужели бы я оставила тебя въ этомъ положеніи! Застрѣлиться! Какая глупость! Я помирилась съ Жюлемъ.

—А, А! сказалъ Блондо: курочка съ золотыми яйцами воротилась; это измѣняетъ весь ходъ дѣла. Этотъ высокій провинціалъ, съ которымъ я пріѣхалъ, далъ мнѣ средства къ жизни на нѣсколько дней, но потомъ....

—Потомъ, это мое дѣло, съ живостію возразила Феодосія. Богатъ этотъ высокій брюнеть? Онъ немного простовать съ своими зелеными перчатками. Ахъ! да у него чудесный брилліантъ въ галстухѣ! Онъ богатъ? повторила она такимъ тономъ, какимъ-бы другой спросилъ: уменьли онъ.

—Если бы у меня былъ его бумажникъ, отвѣчалъ Блондо: то я знаю одну женщину, у которой завтра-же была бы коляска четвернею.

Феодосія не спрашивала болѣе, и, подойдя къ камину, къ которому прислонился прокурорскій помощникъ, чувствуя ка-

кое-то замѣшательство среди этого, совершенно незнакомаго ему общества, гдѣ никто не обращался къ нему ни съ однимъ словомъ, она ласково начала съ нимъ одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, въ которыхъ общія мѣста выводятся изъ затрудненія.

—Вы музыкантша, сударыня? спросилъ ее тотчасъ Деландъ, который, при видѣ отличнаго фортепіано, поставленнаго промежь оконъ, полагалъ, что онъ нашелъ удобную дорогу выказать собственныя достоинства.

—По - крайней - мѣрѣ была ею, отвѣчала съ жеманствомъ Феодосія: я обожаю музыку, но она такъ сильно дѣйствуетъ на мои нервы, что я съ сожалѣніемъ должна была отъ нея отказаться. Это обворожительное искусство! Какое несчастіе родиться съ такою чувствительною организаціею.

—Какъ, сударыня! Слѣдовательно я не буду имѣть удовольствія васъ послушать? продолжалъ помощникъ прокурора.

—Какова дерзость! сказала сорока-трехъ-лѣтняя ученица музыки своей сосѣдкѣ: она отъ роду не дотрогивалась до фортепіано, и я увѣрена, что она не различитъ ни одной нотки.

—Это не мѣшаетъ, если она хочетъ казаться сантаментальною, отвѣчала охотница до укуса: но она глупо дѣлаетъ, что румянится, это придаетъ ей мѣщанскій видъ.

Истопявши музыку, Деландъ, чтобы поддержать разговоръ, принялся за танцы. Г-жа де-Марманкуръ очень сожалѣла, что постъ прекратилъ балы въ оперѣ, и двѣ подруги присоединились къ ней.

—Но скоро будетъ блестящій балъ, сударыня, замѣтилъ Деландъ: въ пользу польскихъ выходцевъ; развѣ вы тамъ не будете?

—Надобно достать билеты, отвѣчали въ одинъ голосъ всѣ три женщины.

—Я могу вамъ услужить, потому - что на меня возложена обязанность раздать ихъ нѣсколько, продолжалъ прокурорскій помощникъ, стараясь дать замѣтить, что и онъ не чуждъ моднаго свѣта, и вытащилъ изъ кармана билеты, за которые онъ остался долженъ супругѣ государственнаго совѣтника.

Обѣ подруги г - жи де Марманкуръ, не колеблясь протянули руки, но Феодосія ловко успѣла завладѣть всею пачкою.

—Здѣсь есть для мужчинъ и для дамъ, сказала она съ при-

дною улыбкою: не угодно — ли будетъ господамъ раздѣлить ихъ и мы предоставимъ имъ удовольствіе, поднести намъ розовые. Вотъ аккуратно три этого цвѣта.

Разсматривая билеты, она увидѣла подпись г — жи Піаръ, въ качествѣ учредительницы; сначала она выразила удивленіе, потомъ начала смѣяться, другія женщины тоже и начали шептаться между собою; мужчинамъ, раздѣлившимъ между собою билеты, также скоро сообщилась эта непонятная Деланду веселость. Деландъ разслушалъ только нѣсколько разъ повторенное имя Жюль.

—Что это за г — нъ, Жюль? спросилъ онъ у своего пріателя.

—Домашній другъ, отвѣчалъ Блондо, кусая губы.

Деландъ видѣлъ, какъ, кончивши дѣлежку, многіе изъ мужчинъ отдали г — жѣ де-Марманкуръ деньги за билеты.

—Славно, подумалъ онъ, довольный этимъ началомъ: вотъ мои 200 франковъ возвращены назадъ. Но удовольствіе его продолжалось не долго; Феодосія и не думала считаться съ нимъ, и, вмѣсто того, чтобы подойти къ нему, какъ онъ ожидалъ, она небрежно подошла къ Блондо и тихонько сунула ему въ руку полученныя ею деньги. Не смотря на свою находчивость, другъ прокурорскаго помощника покраснѣлъ и потушилъ глаза; потомъ, по мгновенному вдохновенію, подефълъ къ карточному столу, откуда только — что всталъ одинъ изъ игроковъ.

—Эти деньги принесутъ мнѣ счастье, сказалъ онъ самъ себѣ, кладя передъ собою на столъ двѣсти франковъ, которыя еще надѣялся получить его другъ.

—Вотъ чрезвычайно — разсѣянная женщина, подумалъ этотъ послѣ получаса тщетнаго ожиданія: нельзя — же мнѣ напомнить ей, что она не отдала мнѣ денегъ. По — крайней — мѣрѣ, хотя бы она оставила мнѣ одинъ билетъ, а то захватила весь десятокъ, и теперь, если я захочу быть на балѣ, то снова долженъ адресоваться къ г — жѣ Піаръ, и мнѣ билетъ будетъ стоить двѣсти двадцать франковъ. Чортъ возьми! это дорого. Я истратилъ только три франка и двѣнадцать су, чтобы послушать Дюпре.

Помощникъ прокурора долженъ былъ подвергнуться еще другому испытанію, котораго онъ тоже никакъ не ожидалъ. Такъ — же, какъ и у супруги государственнаго совѣтника, у г — жи де-Марманкуръ былъ свой оселокъ для испытанія, какой степени уваженія достойны были люди, вновь представляемые въ ея

гостиную. Подали чай; съ пріятною улыбкою подала она чашку молодому чиновнику, и когда тотъ привсталъ, чтобы пріять ее, она непримѣтно толкнула его руку. Нѣсколько капель чая вылились на платье опытной женщины, и она, подавшись назадъ, вскрикнула жалкимъ голосомъ.

— Ахъ, Боже мой! я испортила платье.

— Отъ чаю не можетъ быть пятенъ, сударыня, сказалъ Деландъ, который, испугавшись этого толчка, вылилъ еще полчашки чаю на коверъ.

— Я вамъ говорю, сударь, что мое платье испорчено, никуда не годится, продолжала Феодосія, стараясь платкомъ увеличить пятно на платьѣ: а я въ другой разъ надѣваю его.

— Это ужасно. милая, сказала сосѣдкѣ старшая изъ трехъ подругъ: вотъ уже больше года я знаю это платье, и въ третій разъ она играетъ эту комедію съ нимъ; она черезъ это ужъ добыла бархатную мантилью и бирюзовый уборъ.

— Эти мужчины всегда такъ глупы, отвѣчала другая подруга, пожимая плечами и въ тоже время хватая вдругъ три маленькихъ пирожка съ тарелки.

Между свидѣтелями этой сцены, многіе, которые прежде подвергались какому-нибудь испытанію въ этомъ родѣ, злобно улыбались, смотря на прокурорскаго помощника, истощившагося въ разсужденіяхъ, извлеченныхъ изъ химіи, стараясь доказать г-жѣ де-Марманкуръ, что нѣсколько капель чая не могутъ сдѣлать пятенъ на шелковой матеріи.

— Осмѣлюсь вамъ противорѣчить, сударь, съ важностію сказалъ низенькій, худенькій человѣчекъ, лѣтъ около шестидесяти, украшенный ленточками разныхъ иностранныхъ орденовъ и извѣстный подъ именемъ г. Эрнеста: зеленый чай не портитъ, это правда, но черный чай, особливо сіамскій, который сушатъ на мѣдныхъ доскахъ, имѣетъ неоспоримо такое свойство. Г-жа де-Марманкуръ всегда пьетъ этотъ сортъ чая, и онъ ужасно портитъ, я это знаю.

— Къ чему еще мѣшается этотъ старый сіамецъ? подумалъ Деландъ.

— Ну сударыня, продолжалъ старикъ, обращаясь къ Феодосіи: забудьте это маленькое несчастіе. Ваше платье испорчено, всѣ согласны съ этимъ; но въ парижскихъ магазинахъ оста-

лись еще платья, вы это знаете, да, думаю, и вмѣ это не безъ-извѣстно.

Г-жа де-Марманкуръ отвела въ сторону патріарха Эрнеста, опасаясь, чтобы онъ не простеръ слишкомъ далеко свою насмѣшку; между-тѣмъ, какъ она бранила его потихоньку, рачая эти маленькія угрозы, которыя такъ плѣняютъ стариковъ, помощникъ прокурора, немного сконфузившійся отъ этого происшествія, искалъ убѣжища у карточного стола. Тамъ онъ увидѣлъ, что игроки ставили въ ставку золото кучами, и что далеко было отъ этой парижской бульотки до пятикошечнаго виста, къ которому онъ привыкъ въ провинціи. Слишкомъ тщеславный, чтобы попятиться, онъ вмѣшался въ число игроковъ, но на короткое время, потому-что послѣ трехъ туровъ у него ничего не осталось, и онъ всталъ, облегчивши кошелекъ пятнадцатю луидорами. Въ это время человѣкъ почтенныхъ лѣтъ вошелъ въ залу и былъ встрѣченъ всеобщимъ восклицаніемъ:

—А! вотъ и Жюль! Здравствуй Жюль! Почему ты такъ поздно, Жюль?

Деландъ обернулся, любопытствуя видѣть этого г-на Жюля, который, казалось, былъ всѣмъ знакомъ, и о которомъ за вѣсколько времени предъ тѣмъ говорили съ какою-то тайною, и окаменѣлъ, ставъ лицомъ къ лицу съ Піаромъ, который, казалось, оставилъ на днѣ своего фіолетоваго портфейля всю свою важность. Государственный совѣтникъ подошелъ къ хозяйкѣ съ улыбкою, и вынувъ изъ бумаги, поднесъ ей, съ ловкостью записнаго волокиты, прекрасный букетъ; потомъ пожалъ руки знакомымъ, разсказалъ нѣскольکو вечернихъ новостей, налилъ самъ, по домашнему, чашку чаю и отправился къ камину.

—Послѣ невѣжливаго поступка его со мною, подумалъ прокурорскій помощникъ, низко было бы мнѣ кланяться ему.

—Однако, продолжалъ Деландъ: мнѣ нельзя же подать видѣ, что я незнаю человѣка, съ которымъ я сегодня утромъ былъ вмѣстѣ, и съ которымъ я навѣрное еще не одинъ разъ встрѣчусь, по связямъ моимъ съ г-мъ де-Луазеле.

Убѣдившись такимъ образомъ въ неприличіи продолжительнаго гнѣва, молодой магистратскій чиновникъ подошелъ къ

г — ну Пиаръ. Увидя его, государственный совѣтникъ поспѣшно поставилъ чашку на каминъ; безпечная веселость на лицѣ его замѣнилась выраженіемъ непріятнаго удивленія; онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы оборотиться спиною къ неотвязному искателю; но мгновенное и важное размышленіе остановило его. Однимъ изъ тѣхъ первическихъ усилій, къ которымъ часто должны прибѣгать люди свѣтскіе, онъ скрылъ досаду подъ улыбкою, въ которой, разумѣется, участвовали только губы его.

—Тысячу извиненій, сказалъ онъ Деланду, отдавая его поклонъ: я очень близорукъ, я не узналъ васъ. Я никакъ не ожидалъ увидѣть васъ такъ скоро, и очень радъ этой встрѣчѣ. Знаете — ли, вы очень разсѣянны! Вы забыли оставить намъ свой адресъ. У насъ во вторникъ будетъ кой — кто обѣдать, и г-жа Пиаръ желаетъ, чтобы и вы были у насъ. Прекрасно, что мы встрѣтились, а то мы не знали, какъ переслать вамъ приглашеніе.

—Какъ онъ учтивъ, сказалъ самъ-себѣ помощникъ прокурора, отъ-чего-бы произошла эта перемѣна?

—Извините, что я сегодня утромъ такъ неучтиво васъ оставилъ, продолжалъ г. Пиаръ тономъ, болѣе и болѣе и ласковымъ: я былъ занятъ необходимымъ дѣломъ. И притомъ, признаться ли, я не читалъ еще письма моего тестя; я предполагалъ, что это одна изъ тѣхъ рекомендацій, которыя ни къ чему не обязываютъ тѣхъ, кто ихъ получаетъ, и, по чести, такъ и дѣйствовалъ. Теперь я думаю совсѣмъ иначе и знаю, что мнѣ дѣлать. Замѣчанія, которыя я вамъ высказалъ, конечно, справедливы, но нѣтъ правила безъ исключенія. Если вы хотите посѣтить меня завтра утромъ въ моемъ кабинетѣ, мы поговоримъ о вашихъ дѣлахъ, и попробуемъ устроить ихъ.

Удивляясь болѣе и болѣе этой неожиданной учтивости, Деландъ смѣшался и пробормоталъ какую-то фразу благодарности. Условаясь о завтрашнемъ свиданіи, онъ отошелъ отъ государственнаго совѣтника и долго ломалъ голову, стараясь отгадать эту загадку. Вдругъ свѣтлая мысль блеснула въ головѣ его; онъ отвелъ въ сторону Блондо, который пожиналъ плоды, посѣявъ деньги своего друга.

— Скажи откровенно, сказалъ онъ ему: г-нъ Піаръ, или какъ его здѣсь вазываютъ, г-нъ Жюль, кажется здѣсь довольно коротокъ. Нѣтъ-ли у него дружескихъ сношеній съ г-жею де-Марманкуръ?

— Злословіе говоритъ это, отвѣчалъ Блондо, съ видомъ совершеннаго равнодушія.

— А ты какъ думаешь? продолжалъ прокурорскій помощникъ.

— По чести, я одного мнѣнія съ другими, но почему это тебя такъ интересуетъ.

— Ничего..... Мнѣ нравится слѣдить за этимъ, вотъ и все. А, да ужъ третьяго полчаса. Я двѣ ночи не спалъ и у меня невольно смыкаются глаза. Поѣдемъ.

— Поѣдемъ, сказалъ Блондо.

Два друга вышли изъ гостинной и отыскали кабріолетъ парижанина, который взялся довести Деланда до гостинницы, въ которой онъ остановился.

— Вотъ день, славно проведенный, сказалъ помощникъ прокурора, перебирая въ головѣ, какъ онъ употребилъ время съ пріѣзда въ Парижъ. Введя меня въ этотъ странный домъ, Блондо, самъ не зная, оказалъ мнѣ услугу выше всѣхъ моихъ желаній. Еще сегодня утромъ я рисковалъ заблудиться въ этомъ лабиринтѣ, а теперь у меня есть для этого нить, которую я никакъ уже не выпущу. Ясно, какъ день, что г-нъ Піаръ, съ своими пятидесятью годами, съдою головою, и очками на носу, ни что — иное, какъ маленькій Донъ — Жуанъ, не слишкомъ уважающей супружескую вѣрность; онъ боится, чтобъ я не открылъ этотъ секретъ жецъ его, и вотъ почему онъ кажется такъ расположенъ въ мою пользу. Конечно, я не способенъ быть доносчикомъ изъ мщенія; но неужели я долженъ отвергнуть это средство къ успѣху, само-по-себѣ нисколько не унижительное? А, г-нъ Піаръ боится меня! Хорошо, я повелу это дальше; онъ не думай запугать мнѣ комплиментами и прекрасными фразами. Надобно, чтобы онъ служилъ мнѣ, онъ долженъ помочь мнѣ сѣсть въ сѣдло, а сѣвши разъ на лошадь, я стумью держаться на ней и безъ помощи другаго.

Въ этихъ мечтахъ честолюбивый прокурорскій помощникъ заснулъ и скоро увидѣлъ во снѣ, что, облеченный въ званіе хранителя печати, онъ пѣлъ съ г-жею Піаръ дудѣ изъ Вильгельма — Теля.

VIII.

Не смотря на усталость, Деландъ, уснувши только нѣсколь-
ко часовъ, и то безпокойнымъ сномъ, не замѣшкалъ явиться
на свиданіе, назначенное накачувъ. Аккуратно въ полдень онъ
отправился къ г-ну Піаръ и былъ введенъ въ кабинетъ, гдѣ
государственный совѣтникъ завтракалъ и читалъ журналы.

—Вы знакомы съ г-жею де-Марманкуръ? спросилъ его
Піаръ, поглядывая изъ поллюбья.

—Только со вчерашняго дня, отвѣчалъ Деландъ: одинъ изъ
моихъ друзей ввелъ меня къ ней.

—Довольно пріятный домъ, продолжалъ свободные совѣт-
никъ. Катонъ былъ — бы тамъ не на мѣсть, но Горацій, вѣро-
ятно, частенько посѣщалъ бы его. Можетъ — быть, въ мои лѣ-
та и на моемъ мѣстѣ, мнѣ должно — бы скорѣе слѣдовать
строгости философа, чѣмъ быть поэтомъ; но когда каждый день
заваленъ работою, то, я думаю, позволительно посвятить вече-
ромъ нѣсколько минутъ развлеченію и удовольствіямъ... Да
мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что здѣсь не нужно про-
износить имя г-жи де-Марманкуръ. Я посѣщаю эту женщину
съ самыми невинными намѣреніями; но часто и прекрас-
ные поступки толкуютъ въ дурную сторону.

—«А супруга Цезаря не должна быть подозрѣваема!»
прервалъ помощникъ прокурора, съ короткостію настоящаго
повереннаго.

—Справедливо, сказалъ Піаръ.

—Я знаю, что скромность есть одна изъ обязанностей чело-
вѣка, который хочетъ возвыситься.

—У васъ прекрасныя правила... Но поговоримъ о вашихъ
дѣлахъ. Изъ письма г-на де-Луазеле я видѣлъ, что вы, ка-
жется, хотите служить въ государственномъ совѣтѣ; попасть
туда очень трудно.

—Если бы это было не трудно, сказалъ улыбаясь Деландъ,
то я и не осмѣливался-бы утруждать васъ.

—Вы понимаете, что, постаравшись услужить вамъ, я по-
ставляю себя въ дѣйствительную отвѣтственность передъ мини-
стромъ. Я нисколько не сомнѣваюсь въ вашихъ способностяхъ; но
въ всякое званіе требуетъ особенныхъ, такъ сказать практиче-
скихъ знаній; надобно много имѣть талантовъ, чтобы съ успѣ-

хотѣ занимать нѣкоторыя должности, требующія частныхъ познаній.

—Испытайте меня, сказалъ съ самоувѣренностію прокурорскій помощникъ.

—Я объ этомъ-то и думалъ. Вотъ, продолжалъ Шарль, взявъ связку бумагъ, перевязанныхъ розовою лентою: вотъ дѣло, о которомъ я долженъ подать отношеніе въ духовное министерство. Дѣло идетъ о спорѣ у духовенства города Ліона съ дорожнымъ управленіемъ. Составьте отношеніе.

—Въ какой формѣ? спросилъ Деландъ, хватая бумаги.

—Составьте отъ моего лица. Можете-ли вы кончить это ко вторнику? Три дни, можетъ-быть мало; дѣло претрудное, и вамъ понадобится сдѣлать много справокъ.

—Еслибы мнѣ пришлось не спать ночи, во вторникъ дѣло будетъ въ вашемъ распоряженіи.

—Прекрасно, это рвеніе мнѣ чрезвычайно нравится и напоминаетъ мою молодость; и такъ, во вторникъ. Не забудьте однако, что вы у насъ сегодня обѣдаете.

Хотя связка дѣловыхъ бумагъ государственнаго совѣтника очень походила на связку дѣловыхъ бумагъ Д....ской палаты, но помощникъ прокурора, прижалъ ее къ груди съ важностію матери, прижимающей къ сердцу своего первенца. Откланившись Піару, онъ сѣлъ въ карету и поехалъ къ Блоню, котораго засталъ въ шлафрокъ, небрежно развалившася на диванъ, съ сигаркою въ зубахъ.

—Я думалъ, что ты будешь завтракать со мною, сказалъ ему Густавъ: я больше часу дожидался тебя.

—Мнѣ нѣкогда было, отвѣчалъ Деландъ съ озабоченнымъ видомъ: извини меня, ты знаешь, что дѣла важнѣе всего.

—Что за чертовщина, что у тебя; это, вѣрно, оригиналъ по-крайней-мѣрѣ двутоннаго романа.

—Это кипа дѣлъ по Государственному Совѣту; я долженъ составить отношеніе.

—Чортъ возьми, вчера пріѣхалъ и сегодня уже въ должности.

—Каково, любезный, отвѣчалъ прокурорскій помощникъ съ тщеславною усмѣшкою: мнѣ надобно заняться работою, и такъ, поговоримъ коротко и ясно. Я пришелъ просить у тебя совѣта. Вчера у г-жи де-Марманкуръ случилось со мною маленькое

несчастіе. Я облилъ ей платье чаемъ; правда, она больше виновата, чѣмъ я, она подтолкнула меня, и она же претендуетъ, что платье испорчено. Я готовъ передъ цѣлою Академіею Наукъ утверждать, что нѣсколько капель чаю не сдѣлаютъ пятнѣнъ на шелковой матеріи. Но не въ томъ дѣло, мало или велико, зло сдѣлано, и, вмѣсто того, чтобъ отчаяваться, я хочу извлечь изъ этого пользу. Вотъ какая мысль пришла мнѣ въ голову, а сейчасъ объясню тебѣ.

— Слушаю, сказала Блондо.

Для меня очень важно покровительство г. Піара. А такъ какъ г. Піаръ, по твоему признанію и потому, что я самъ видѣлъ, слишкомъ привязанъ къ г-жѣ де-Марманкуръ, то мнѣ и слѣдуетъ заслужить ея расположеніе.

— Вотъ неопровержимая дилемма.

— Это силлогизмъ, а не дилемма. Вообще всѣ женщины дорожатъ туалетомъ, и я увѣренъ, что г-жа де-Марманкуръ ужасно зла на меня, по случаю этого несчастнаго пятна, и я ищу средства истребить такое вредное для меня впечатлѣніе; какъ ты думаешь, хорошенькій подарокъ, поднесенный съ учтивою манерою и со всеми приличіями, не будетъ-ли пріятнымъ вознагражденіемъ? Но не покажется-ли ей это дерзкимъ и не обидится-ли она?

— Отъ чего-же? сказалъ простосердечно Блондо: этого рода вниманіе можетъ обидѣть только лицемѣрку, а я тебѣ сказалъ, что она не изъ такихъ.

— Въ такомъ случаѣ, сдѣлай оложеніе, одѣвься, покуда я напишу ей письмо по-умнѣе; потомъ ты свезешь меня въ какой-нибудь модный магазинъ, я вѣдь не имѣю объ нихъ никакого понятія. Какъ тебѣ кажется, можно будетъ послать, на примѣръ, бархатное платье, тѣмъ болѣе, что теперь зима? А?

— Безъ сомнѣнія; впрочемъ, это будетъ дороговко.

— И ты увѣренъ, что она не разсердится.

— Она такъ добра, отвѣчалъ Блондо, кусая губы, чтобъ не расхохотаться. Между-тѣмъ, какъ провинціалъ сочинилъ посланіе, парижанинъ одѣлся, и оба отправились въ магазинъ. Тамъ молодой человѣкъ, учтивый, улыбающійся, причесанный и одѣтый, хотъ сейчасъ на балъ, отмѣривъ, отрѣзалъ, сложилъ и завернулъ ловко и скоро такое количество черного бархата,

что Деланду казалось, что этого-бы довольно было на обоях въ траурной капеллѣ.

—Двадцать аршинъ по двадцати пяти франковъ, итого триста франковъ, вскричалъ Деландъ, просматривая счетъ. Чортъ возьми, это дорого! Воображалъ-ли ты, что столько матеріи будетъ нати на платье?

—Во времена рукавовъ à gigot этого было-бы мало, отвѣчалъ Блонло, утѣшая его.

Отославъ по адресу тщательно завернутую посылку и письмо, Деландъ оставилъ своего друга, подъ предлогомъ работы, и отправился въ свою гостиницу.

—Двести франковъ за бальные билеты, сказалъ онъ самъ себя дорогою, пятнадцать лудировъ, проигранные въ бульотку, и теперь еще пятнадцать за этотъ дьявольскій бархатъ. Въ Парижѣ деньги бѣгутъ изъ рукъ. Господинъ де-Луазеле шутилъ, рассказывая о десяти тысячахъ франковъ, прожитыхъ имъ въ три мѣсяца. Если я буду продолжать, какъ началъ, мнѣ двадцать тысячъ франковъ станетъ не больше, какъ на двадцать пять дней. Чортъ возьми; надобно поудержаться. Ну, да что такое восемь сотъ франковъ. Эта связка, которая у меня подъ мышкою, принесетъ мнѣ вдвое. А, господинъ Шаръ хочетъ испытать меня; согласенъ, я доставлю ему во-вторникъ небольшое творенье, отъ котораго онъ разинетъ ротъ, и божусь, что онъ усыновитъ его и будетъ хвастаться имъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Мое положеніе прекрасно, и дорога мнѣ открыта.

Деландъ принялся читать эти бумаги, перевязанныя розовою ленточкою, съ жаромъ, похожимъ на азартъ солдата, идущаго на приступъ; но скоро увидѣлъ, что бастионъ укреплень лучше, нежели онъ ожидалъ. По прошествіи часа онъ согласился, что ему невозможно сдѣлать брешь съ однимъ разсудкомъ и памятью, и что необходимо призвать на помощь все кодексы, уложенія и прочую осадную артиллерію, оставленную имъ, къ несчастію, въ Д.....

Подумавъ, онъ пообѣдалъ на скорую руку, и забрался въ кабинетъ чтенія въ латинскія владѣнія, гдѣ, отыскавъ всѣ нужныя книги, провелъ цѣлый вечеръ въ выпискахъ и справкахъ, и къ концу этого засѣданія увидѣлъ, что онъ едва-едва подвинулся впередъ, и что много еще надобно было трудиться. Онъ храбро принялся за работу; на завтра посвятилъ почти

цѣлый день, исключая нѣсколькихъ минутъ для обѣда. Наконецъ, на третій день, перерывъ всю книжную мудрость и утвердѣясь въ мнѣніи, онъ принялся за составленіе отношенія. Чтобы не развлекаться, и чтобы никто не мѣшалъ ему, онъ велѣлъ принести обѣдать въ свою комнату и заперся въ ней, рѣшась твердо не выходить, пока не кончитъ своей работы.

Въ это время прокурорскій помощникъ служилъ самымъ очевиднымъ доказательствомъ теоріи Фурье о чудесныхъ дѣйствіяхъ пріятной работы. Выкладки, усипавшія числами, казавшимися ему сухими и противными, когда въ перспективѣ было разсматриваніе ихъ палатою первой инстанціи, сдѣлались работою занимательною и исполнялись съ усердіемъ, при магическомъ словѣ: Государственный Совѣтъ. Въ теченіе восьми часовъ онъ писалъ безъ остановки, безъ усталости и безъ скуки, чего съ нимъ никогда не случалось въ службѣ по магистрату. Но наконецъ, голова утомилась, пальцы не дѣйствовали; онъ открылъ окно, чтобы освѣжить нѣсколько испорченный воздухъ своей кѣлки. Взоры его встрѣтили, въ двадцати шагахъ отъ окошка, уголъ стѣны, на которомъ, вмѣсто архитектурныхъ украшеній, протягивались двѣ желѣзныя трубы, изъ которыхъ одна служила для стоку дождя, а другая для выливанія помой изъ всѣхъ этажей. Эта, не очень живописная перспектива, невольно напомнила ему о той, которою онъ наслаждался въ Д*, изъ окна своего кабинета; онъ припомнилъ почтенную наружность почеркѣвшаго собора, правильный фасадъ присутственныхъ мѣстъ, героическую позу великаго челоуѣка изъ бронзы, тихій шумъ фонтана и пріятную для глазъ зелень липъ, разсаженныхъ по площади.

—Надобно признаться, подумалъ онъ, что одно не стоитъ другаго. Если у меня есть много работы, то я соглашусь лучше работать у себя, въ своемъ уголкѣ, чѣмъ въ кабинетѣ, гдѣ нѣтъ ни свѣту, ни солнца; но, слава Богу, часа черезъ два все будетъ кончено. Деландъ затворилъ окошко и съ усердіемъ присѣлъ опять къ маленькому столику, который служилъ ему вмѣсто бюро. Едва онъ успѣлъ написать полстраницы, какъ сильный стукъ въ дверь заставилъ его содрогнуться, онъ съ досадою отворилъ дверь.

—Ахъ, это ты, сказалъ онъ, увидя Блондо? Что ты, нездоровъ?

Въ-самомъ-дѣлѣ Блондо де—Густавъ былъ очень блѣденъ;

красные глаза, разстроенное лицо и платье въ беспорядкѣ, были слѣдствіемъ катастрофы, какой никакъ не воображалъ молодой чиновникъ, и которую можно объяснить въ двухъ словахъ. Вѣрный своимъ смѣлымъ привычкамъ, фравтъ, въ желтыхъ перчаткахъ пришелъ прямо изъ игорнаго дома, гдѣ, послѣ трехъ-часовой борьбы, погибли двѣ тысячи франковъ, занятые у Деланда и обѣщанные господину Бигаре. По обыкновенію игроковъ, Блондо не спасъ изъ этого кораблекрушенія ни одного франка, и увидѣлъ себя опять въ томъ-же затруднительномъ положеніи, въ какомъ засталъ его другъ, пріѣхавши въ Парижъ. Въ этомъ несчастіи онъ вознамѣрился посѣтить Деланда, или лучше, семнадцать банковыхъ билетовъ, набитыхъ въ бумажникъ прокурорскаго помощника.

—Если я блѣденъ, ты еще блѣднѣе, отвѣчалъ Блондо съ принужденною безпечностью. Что за чертовщину творишь ты здѣсь три дня? Это все твое маранье?

—Маранье, отвѣчалъ Деландъ: говори съ уваженіемъ объ образцовомъ произведеніи логики и изученія. Хочешь, я прочту тебѣ?

—Ты знаешь, что я не силенъ въ законахъ. Но образцовое-ли это произведеніе или нѣтъ, а я не думалъ, что ты пріѣхалъ въ Парижъ за тѣмъ, чтобы заператься на-единѣ съ чернилицею.

—Чего ты ищешь, сказалъ Деландъ своему другу, который съ озабоченнымъ видомъ осматривалъ всю комнату.

—Я разсматриваю твою яму; слишкомъ много было-бы, называть это комнатою, отвѣчалъ Блондо, вставая: что за мысль пришла тебѣ въ голову, поселиться здѣсь.

—А что, развѣ эта гостиница имѣетъ худую славу?

—Я бы не рѣшился здѣсь оставаться, особливо, если сомною значительная сумма денегъ. Куда ты убираешь свой бумажникъ?

—Вотъ сюда, сказалъ Деландъ, указывая на старинный ореховый шкафъ съ мраморною доскою, раздробленною на три части.

Блондо подошелъ къ нему и подергалъ рукою, какъ будто-бы пробуя, крѣпокъ ли замокъ.

—Вотъ деньги въ безопасности, сказалъ онъ, пожимая плечами: держу пари, что однимъ ударомъ кулака можно стшибить

замки. Эти гостиницы въ услугахъ у мошенниковъ; у нихъ есть ключи ко всемъ ящикамъ. Пучекъ банковыхъ билетовъ такъ привлекателенъ.....

Деландъ поспѣшно всталъ, открылъ шкафъ и вынулъ изъ ящика бумажникъ въ цѣлости.

—Ты испугалъ меня, сказалъ онъ: но я не думаю, чтобъ это была правда.

—Что случилось со мною сегодня, можетъ съ тобою случиться завтра, сказалъ Блондо.

—Такъ ты думаешь, неблагоприятно съ моей стороны, имѣть при себѣ столько денегъ.

—Въ домѣ, открытомъ для всѣхъ, набитомъ двусмысленнымъ народомъ, который то-и-дѣло приходитъ да уходитъ; по чести, лучше положить деньги на тумбу на улицѣ и доверить чести публичной.

—Въ такомъ случаѣ, ты долженъ оказать мнѣ услугу, сказалъ прокурорскій помощникъ.

Блондо невольно потупилъ глаза; на поснѣвшихъ щекахъ его показалась краска.

—Я оставлю одну или двѣ тысячи на расходы, продолжалъ Деландъ: а остальные ты сълаешь мнѣ удовольствіе и запрешь въ свое бюро, тамъ онъ будутъ въ безопасности.

Эта добровольная довѣренность, превзошедшая ожиданія, которыя осмѣлился предполагать игрокъ, не смотря на привычку, пробудила въ его душѣ угрызеніе совѣсти, этого свѣтильника чести, который въ душѣ испорченной, готовясь погаснуть, проливаетъ еще свѣтъ, довольно сильный для того, чтобы показать пороку все его безобразіе, но слишкомъ слабый, чтобы воспламенить снова добродѣтель.

—Подъ сохраненіемъ! сказалъ съ волненіемъ Блондо: съдай милость, отдай лучше кому-нибудь другому.

—Ты не можешь отказать мнѣ въ этой услугѣ, продолжалъ съ живостію Деландъ: ты знаешь, что кромѣ тебя у меня нѣтъ знакомыхъ въ Парижѣ, кому бы я могъ вѣриться. Послѣ того, что ты мнѣ говорилъ, мнѣ кажется, ты правъ, мои деньги здѣсь не въ безопасности.

—Я такъ думаю.

—Такъ съдай же то, чего я требую, продолжалъ помощ-

никъ прокурора, и подалъ бумажникъ своему другу, вынувъ изъ него два банковые билета.

—Если ты этого требуешь, изволь, сказалъ Блондо, который, видя у себя въ рукахъ пятнадцать тысячъ франковъ, внезапно почувствовалъ жажду къ игрѣ, принадлежность всѣхъ безъ исключенія проигравшихся понтеровъ.

—Я увѣренъ, подумалъ онъ, что адскій рядъ красныхъ истощится, и что теперь хороши черныя. Ты торопишься работать, сказалъ онъ вслухъ: такъ я тебя оставлю. Прощай! Завтра ты объедаешь со мною?

—Нѣтъ, я объедаю у г. Піаръ, съ важностію отвѣчалъ Деландъ.

Блондо простился съ гордымъ другомъ, и отправился скорыми шагами опять къ тому дому, откуда за два часа онъ вышелъ въ видъ блуднаго сына. У дверей онъ приостановился; остатокъ совѣсти нѣсколько времени боролся съ искушеніемъ. Но демонъ игры очень силенъ, а добродетель игрока довольно слаба.

—Если игра все еще противъ меня, сказалъ онъ самъ себѣ: то клянусь, я больше тысячи франковъ не буду проигрывать.

Между тѣмъ, какъ, несмотря на обещаніе, невѣрный казначей проигрывалъ билетъ за билетомъ, Деландъ, рвеніе котораго ни на минуту неохладилось, кончилъ свою работу, и, перечитывая ее, пришелъ въ восторгъ.

—Если г. Піаръ ожидаетъ чего нибудь ученическаго, подумалъ онъ: то это заставитъ его иначе думать обо мнѣ.

На другой день молодой чиновникъ явился къ своему покровителю за нѣсколько времени до обѣда; съ скромнымъ видомъ вручилъ онъ ему связку съ розовою лентою, увеличенную отношеніемъ, которое онъ, просидя почти всю ночь, переписалъ своимъ мастерскимъ почеркомъ.

—Вы аккуратны, сказалъ ему государственный совѣтникъ: въ дѣлахъ это важное качество; у насъ остался еще часъ до обѣда, прочтите мнѣ свою работу, и я откровенно скажу вамъ свое мнѣніе.

Деландъ повиновался, сначала съ невольною робостію, но потомъ ободряясь болѣе и болѣе и декламируя свое произведеніе, какъ будто бы среди засѣданія. Піаръ слушалъ чтеніе съ

важнымъ и безстрастнымъ видомъ педагога, выслушивающаго урокъ ученика.

—Мнѣ не нужно перемѣнять ни одной строчки, сказалъ онъ про себя, довольный этою экономіею работы; онъ однако нисколько не думалъ изъяснить это тайное удовольствіе.

—Идурно, сказалъ онъ Деланду, когда тотъ окончилъ чтеніе; лучше, нежели я ожидалъ; видно, что вы изучили предметъ. Изысканія ваши совѣстливы, и въ цѣломъ нѣтъ недостатка ни въ порядкѣ, ни въ послѣдовательности, ни въ вѣрности взгляда. Вотъ похвала; что касается до критики, то вашъ слогъ слишкомъ изобиленъ, слишкомъ цвѣтущъ. Въ серьезныхъ бумагахъ надобно уметь отказаться отъ всякихъ украшеній, простота всего лучше, какъ для тяжёбныхъ дѣлъ, такъ и для отношеній, въ которыхъ прежде всего требуется точность и ясность. Половину вашего труда можно отбросить безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій. Это порокъ, сказалъ Гораций, что излишне, не годится. Берегитесь изобилія словъ; это рѣдко означаетъ изобиліе мыслей. Есть прекрасныя мѣста въ томъ, что вы мнѣ прочли; но, повторяю, цѣлое длинно и утомительно: это отзывается провинціею. Однако, такъ-какъ это первый опытъ, то я доволенъ и держу пари, что въ другой разъ вы сдѣлаете еще лучше. Вотъ, продолжалъ Піаръ, протягивая руку къ бюро и взявъ свертокъ вдвое толще перваго, вотъ дѣло совершенно въ другомъ родѣ: это процессъ между префектурою Севы и компаніею подрядчиковъ; изучите его и составьте отношеніе, стараясь воспользоваться моими совѣтами.

Смутясь немного отъ того, что, вмѣсто ожидаемыхъ комплиментовъ, получилъ такое посредственное одобреніе и столько критическихъ замчаній, Деландъ взялъ свертокъ бумагъ, стараясь улыбнуться. Онъ почувствовалъ, что этотъ свертокъ былъ тяжелѣе перваго, и на этотъ разъ онъ невольнo почувствовалъ усыпительный запахъ, подобный запаху старыхъ бумагъ своей палаты, отъ которыхъ онъ нѣсколько разъ звывалъ.

—Вотъ что! Этотъ педантъ воображаетъ, что я буду составлять для него отношенія, сказалъ онъ самъ себя, поглядывая на бюро, заваленное подобными свертками бумагъ: это забавно! Онъ не любитъ изящества — вотъ славная причина! Если у меня пріятный и изящный слогъ, такъ я, по его жела-

нью, долженъ съдѣлаться сухимъ и грубымъ, чтобы понравиться ему; можетъ быть, надобно писать по простонародному.

— Вотъ первый изъ извѣстныхъ мнѣ просителей, изъ котораго можно извлечь пользу, думалъ въ тоже время государственный совѣтникъ: это истинная находка, я сдѣлаю его секретаремъ безъ жалованья; онъ будетъ вмѣсто меня готовить отношенія и избавить меня отъ скучной работы—наводитъ справки. Впрочемъ, это выгоднѣе ему, нежели мнѣ, ему надо — же привывать къ ходу дѣлъ.

Постепенный прїездъ гостей прервалъ разговоръ собесѣдниковъ, и они перешли изъ кабинета въ гостинную. Понимая необходимость казаться любезнымъ, помощникъ прокурора успѣлъ побѣдить дурное расположеніе духа. Онъ не упускалъ случая приблизиться къ Изаурѣ, которая, по милости десяти билетовъ, вмѣ взятыхъ, приняла его съ замѣтною благосклонностью. Оскорбленное самолюбіе Деланда успокоилось отъ подобнаго пріема. Отличаемый, по—крайней—мѣрѣ ему такъ казалось, женщиною высшаго достоинства, онъ почувствовалъ сильное желаніе ей понравиться; за столомъ онъ разрѣзалъ перигорскую индѣйку, невысыпавъ изъ нея половины трюфлей — талантъ и ловкость, которыя всегда цѣнятъ хозяйка дома. Въ залѣ онъ принималъ такое живое участіе въ разговорѣ, что заставилъ депутата лѣвой стороны вѣсколько разъ нахмуриться, угрожая ему совершеннымъ затмѣніемъ. Онъ казался поочередно веселымъ, сатирическимъ, глубокомысленнымъ, искалъ остроумія и иногда находилъ его, словомъ, получивъ одинъ изъ тѣхъ успѣховъ, которые съ десяти часовъ вечера до полуночи, на пространствѣ отъ фортеціано до стола съ вистомъ, дѣлають замѣчательнымъ челоуѣка, о которомъ на другой день и не думаютъ.

Придя домой съ ношею бумагъ нумера втораго, Деландъ сталъ испытывать свою совѣсть и нашель, что если онъ не влюбленъ въ г-жу Піаръ, то непременно рѣшился влюбиться, не смотря на то, что вообще нѣжныя страсти зарождаются безъ сознанія и узнаются уже въ нѣкоторой степени зрѣлости. Страсть помощника прокурора предупредила собственное существованіе, предупредила себя, еще неразвившись. Довольно, если для любви есть одна причина, у него было двѣ—важнѣйшая польза. Очевидно, что понравиться покровительницѣ есть лучшее средство снискать ея расположеніе. И такъ, частію по расчету,

частью по влечению, Деландъ объявилъ себя влюбленнымъ. — Ложась спать, онъ еще сомнѣвался немного въ этой импровизированной страсти, но поутру повѣрилъ ей серьезно; такъ-то справедлива пословица: утро вечера мудренѣе.

IX

Жизнь просителя чрезвычайно трудолюбива; но не говоря о заботахъ, труды ея чисто физическіе. Утромъ толочься въ приемныхъ вельможъ, надоблять покровителямъ, слыть за соперниками, распѣвать на различные тоны просительныя пѣсенки; вечеромъ съ постоянною улыбкою вертѣться въ гостинныхъ людей значительныхъ, словомъ, сдѣлаться настоящимъ просительнымъ письмомъ, исполненнымъ почтенія; все эти подробности повторяются каждый день, безъ малѣйшаго измѣненія, и требуютъ больше здоровья, нежели таланта. Чтобы успѣть въ ремеслѣ этого рода, должно прежде всего быть проворнымъ и терпѣливымъ; умъ при этомъ роскошь, часто даже это излишество бываетъ вредно. Деландъ однако иначе думалъ объ этомъ и старался, какъ можно болѣе употреблять хитрости въ поступкахъ, которымъ нѣжное чувство открыло поле гораздо обширнѣйшее, но за то и труднѣйшее.

Вотъ каковъ былъ образъ жизни честолюбиваго прокурорскаго помощника, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Въ шесть часовъ утра онъ бодро поднимался и немедленно прилагалъ все умственныя способности свои къ одному изъ этихъ огромныхъ свертковъ, которыми постоянно снабжалъ его государственный совѣтникъ. Исключая полчаса на завтракъ, въ этой умственной работѣ проходило все утро, хотя первый жаръ молодаго чиновника значительно уменьшился, и хотя онъ, работая, часто дремалъ, подобно доброму старику Гомеру; однако онъ съ преданностію стоялъ продолжалъ трудиться, въ надеждѣ получить въ награду участіе и уваженіе своего покровителя.

Въ три часа, утомясь, съ тяжелою головою, Деландъ, не думая объ отдыхѣ, перемѣнялъ только доспѣхи, юрисконсультъ превращался въ моднаго человека. Исправивъ рачительно все мелочи туалета, въ которомъ парижская промышленность уничтожила уже весь наготизмъ провинціи, онъ отправлялся воло-

чаться за госпожею Пиаръ, ловко успѣвъ сдѣлать свои посѣщенія весьма частыми. Сначала онъ являлся въ гостиной улицы De la planche одинъ разъ въ недѣлю, потомъ черезъ день, а наконецъ сталъ являться каждый день, не всегда встрѣчалъ ласковый приѣмъ у политической женщины.

Такъ какъ вечеромъ Деландъ не могъ слѣдовать за Изурою въ гостиныя чуждаго ему общества, то онъ присоединился къ толпѣ искателей, безпрерывно порхавшихъ около госпожи де-Мармакуръ. Всякій разъ почти онъ оставилъ на этомъ свѣтильникъ часть крыльевъ; бульотка, спектакли, обѣды, словомъ, всѣ эти маленькія издержки, которыя, подобно цвѣтамъ, распускаются подъ стопами извѣстныхъ красавицъ, безъ отдыха истощали кошелекъ его; но онъ философически переносилъ это денежное кровопусканіе. Въ этомъ родѣ осалы, въ которомъ онъ вознамѣрился держать своего покровителя, чтобы онъ не измѣнилъ обѣщанію, госпожа де-Мармакуръ занимала позицію слишкомъ выгодную, чтобы не постараться овладѣть ею, во что-бы то не стало.

— Эти деньги принесутъ славные проценты, повторялъ онъ, припоминая наставленія господина де-Луазеле.

И такъ, Деландъ съ терпѣніемъ переносилъ чахотку кошелька. Но онъ не могъ привыкнуть къ какой-то несчастной судьбѣ, упорно преслѣдовавшей его въ гостиной госпожи де-Мармакуръ; казалось, какой-то злобный демонъ раставлялъ ему сѣти и онъ дѣлалъ глупость за глупостью. То статуйка, китайскаго происхожденія, впрочемъ очень сомнительнаго, падетса неумышленно ему подъ руку, если онъ хотѣлъ облокотиться; то, садясь въ креслы, по наружности незанята, онъ изомнетъ шляпку довольнаго зрѣлаго возраста, что заставитъ Феодосію произносить жалобныя восклицанія.

— Меня словно околдовали, сказалъ про себя прокурорскій помощникъ: рѣшительно я не могу здѣсь сдѣлать ни малѣйшаго движенія, чтобы чего-нибудь не разбить или не испортить; я никогда не бывалъ такъ ужасно неловокъ.

Стыдясь своей неловкости, онъ употреблялъ для извиненія средство, такъ хорошо удавшееся ему въ первый разъ. Поправка всѣхъ этихъ маленькихъ несчастій, которыя онъ такъ простоудшно принималъ на себя, прибавила къ бюджету его издержекъ статью, не входившую въ его соображеніе сначала его

пріѣзда, и заставила его скорѣе, нежели онъ думалъ, прибѣгнуть къ казнохранилищу, находившемуся у его друга.

Воюя на зеленомъ столѣ, Блондо находился уже на два шага отъ совершенной погибели, какъ вдругъ, по капризу фортуны, онъ поправился, и съ-тѣхъ-поръ продолжалъ подвизаться противъ красныхъ съ переменнымъ счастьемъ. Къ счастью, онъ былъ съ выигрышемъ, когда прокурорскій помощникъ потребовалъ у него денегъ. Не безъ досады смотрѣлъ игрокъ на уменьшеніе двумя тысячами суммы, на которой основывались всѣ его надежды, и которую онъ считалъ вѣрнымъ средствомъ воротить свой проигрышъ.

—Знаешь ли, ты ужасно много тратишь денегъ, сказалъ онъ Деланду съ видомъ участія. Чортъ возьми, не должно бросать деньги.

—Это легко говорить, отвѣчалъ прокурорскій помощникъ, качая головою: не знаешь ли ты средства, жить не тратя денегъ; я очень буду обязанъ, если ты научишь меня ему. Непостоянныя издержки такъ разорительны, а непредвидѣнные случаи.... Чтобы дать тебѣ объ этомъ понятіе, на примѣръ, еще вчера, въ замѣну того, что я по неизъяснимой неловкости, разбилъ эту, буколку, столько-же китайскую, сколько и мы съ тобою китайцы, я послалъ къ госпожѣ де-Марманкуръ двѣ чудесныя статуйки изъ настоящаго японскаго фарфора. Знаешь-ли, что онѣ мнѣ стоили? Только четыреста франковъ.

—Вотъ безумный! вскричалъ Блондо, котораго эгоизмъ игрока заставилъ забыть отношенія къ госпожѣ де-Марманкуръ: за буколку, которая не стоитъ больше ста сантимовъ.

Она утверждаетъ, что она, какъ рѣдкость, для знатока стоитъ, по крайней мѣрѣ, сто ливровъ.

—Если ты будешь вѣрить всему, что тебѣ скажутъ женщины, то онѣ скоро увѣрятъ тебя, среди бѣлаго дня, что теперь ночь. Привыкнувъ считать своими деньги прокурорскаго помощника, и подвергая ихъ самымъ опаснымъ волненіямъ рулетки, Блондо видѣлъ дѣйствительный вредъ для себя въ этой расточительности; но онъ вдругъ придумалъ средство вознагражденія.

Это Феодосія, подумалъ онъ, разыгрываетъ полюбвыя штуки съ бѣднымъ Викторомъ, и отнимаетъ у меня деньги; она должна по всей справедливости возвратитъ мнѣ все назадъ.

Изъ всѣхъ средствъ, употребленныхъ Деландомъ въ дѣло

для достиженія успѣха, какъ-то: прележной работы безкорыстной любви и щедрости, волокитство было одно изъ тѣхъ, на которое онъ употребилъ больше всего старанія и ловкости; по скользкому возвышенію, на вершинѣ котораго царствовала госпожа Піаръ, облеченная въ стройную броню суровости, гордости и честолюбія, онъ шелъ шагомъ умѣреннымъ, благоразумнымъ, не прежде поднимая другую ногу, какъ хорошо утвердившись на первой, и хватаясь обѣими руками за растущій кой гдѣ кустарникъ на этой бесплодной почвѣ. При всякомъ успѣхѣ необходимо было удваивать предосторожности. Подобно всѣмъ женщинамъ съ обдуманною добродѣтью, у Изауры былъ свой готовый планъ защиты, въ случаѣ нападенія. Предугадывая по инстинкту стратегію страсти, хотя еще неиспытанной ею, она поняла, что вѣрнѣйшее средство избежать опасности, — быть отъ ней на приличномъ разстояніи, потому что твердость женщины дѣйствительнѣе издала, нежели вблизи. Главное, она уничтожила вокругъ себя малѣйшія позиціи, гдѣ обыкновенно укрываются любовники, подобно тому, какъ инженеры, въ случаѣ осады крѣпости, безжалостно предають огню на нѣкоторомъ разстояніи жилища и другія зданія форштадтовъ, гдѣ могъ-бы укрѣпиться неприятель. Госпожа Піаръ не танцовала, не вальсировала, не ѣздила верхомъ, рѣдко посѣщала спектакли; у ней не было альбома, ее никогда нельзя было застать за романсомъ или за фортепяно; и такъ, прокурорскій помощникъ лишенъ былъ всѣхъ случаевъ волокитства, какими любятъ окружать себя кокетки. Объявить вдругъ свою страсть передъ такою женщиною, было-бы вѣрнымъ средствомъ погубить себя безвозвратно. Не одинъ гордый парижанинъ сокрушился объ этотъ подводный камень. Молодой провинціалъ успѣлъ избежать его.

Между всѣми средствами, дать замѣтить женщинѣ страсть свою къ ней, Деландъ выбралъ самое ложное по наружности, и самое искусное въ дѣйствительности. Въмѣсто того, чтобы сдѣлаться дерзкимъ, подобно Ловеласу, предвидящему побѣду, или подобно Вертеру жалобно вздыхать, выставка изъ кармана дула пистолета, или, еще лучше, приходиль въ бѣшенство и клясться небомъ и землею, подобно Антонію, прокурорскій помощникъ усвоилъ характеру своей роли робость, скромность, осторожность, покорность, преданность, самоотверженіе, страсти совершенно въ другомъ

родь. Изъ этихъ—то цвѣтовъ души, пріятныхъ при всей ихъ простотѣ, онъ составлялъ мало-по-мало сантиментальный гербарій, запахъ котораго съ наслаженіемъ вдыхаетъ самая строгая женщина, какъ наслаждаются запахомъ букета невинныхъ фіалокъ. Словомъ, чтобы твердо идти своею дорогою, Деландъ сталъ на колѣна, хотя это и не лучшее средство идти скорѣе, но за то въ этомъ положеніи нѣтъ ничего неудобнаго, и это служить самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сдѣлать ручною добродѣтельную женщину, дикую лань въ своемъ родѣ.

Несмотря на хлопоты честолюбія и холодныя привычки положительной жизни, госпожѣ Піаръ нельзя было не замѣтить этой страсти, столь умѣренной, которая являлась предъ нею каждый день въ такомъ нежномъ, тихомъ и скромномъ видѣ. Привыкнувъ презирать обожаніе искателей ея покровительства, она свачала не обратила почти вниманія на эту новую побѣду, но мало-по-малу стала замѣчать въ ней качества, заслуживающія вниманіе по своей рѣдкости. Почтительное усердіе Деландъ, его деликатность, его готовность на всякое испытаніе, составляли такую противоположность съ многочисленною толпою его предшественниковъ, что Изаура невольно замѣтила это различіе и была чрезвычайно имъ довольна. Она полагала найти въ молодомъ искателѣ одну изъ тѣхъ богатыхъ, и вмѣстѣ простыхъ душъ, которыя, какъ думаютъ въ Парижѣ, есть еще въ провинціяхъ, и ея гордость, волнуемая при малѣйшей дерзкой выходкѣ, смягчилась въ пользу чувства, скромное проявленіе котораго, казалось, ручалось за самый мягкій характеръ.

Чтобы овладѣть кокеткою, можетъ-быть, прекрасно употребить всю силу; но чтобы обезоружить суровую добродѣтель, должно стараться скрывать ее. Не очень опасный на самомъ дѣлѣ, Деландъ боялся однако показаться слишкомъ опытнымъ. Подобно людямъ, склоняющимся, чтобы пролѣзти въ дверь шести футовъ вышины, онъ старался уменьшиться, боясь испугать свою покровительницу, развернувъ вполнѣ свои достоинства, которыя онъ считалъ гигантскими. Эта уловка удалась ему, хотя унизила немного его самолюбіе. Онъ оказался безпримѣрно почтительнымъ, и ему позволено было любить, потому что добродѣтельную женщину обижаетъ не желаніе, а домогательство. Этимъ неяснымъ согласіемъ, которое почти всегда служитъ началомъ

страсти въ Парижѣ, Деландъ былъ утвержденъ въ должности покорнаго и безкорыстнаго любовника. Въ его глазахъ это положеніе покуда было только сверхкомплектнымъ, а Изаура видѣла въ немъ окончательное распоряженіе. Въ надеждѣ, что по обыкновенію, время покажетъ, что надобно дѣлать, прокурорскій помощникъ старался постепенно овладѣть всеми невинными преимуществами своей новой должности. По милости безпрестаннаго пребыванія въ гостинной госпожи Піаръ, онъ скоро приобрѣлъ тамъ право домашняго чловѣка, право, которое по военнымъ законамъ принадлежитъ солдату на постовъ у обывателя. Въ ожиданіи большаго, онъ входилъ безъ доклада, свободно бросалъ шляпу, стоялъ или сидѣлъ, бралъ на колѣна любимую собачку, перечитывалъ книгу, если былъ кто-нибудь изъ докучливыхъ посѣтителей; въ другой разъ запечатывалъ письма госпожи Піаръ, которая, ведя обширную переписку, писала ихъ почти каждую минуту. Наконецъ, онъ звалъ слугъ по имени, рвалъ за столомъ кушанье, и, кромѣ того, обременялъ себя тысячами препорученій, тяжесть которыхъ облегчала для него надежда получить въ награду улыбку своей прекрасной покровительницы. Деландъ, который слѣдуя своей политикѣ, до-сихъ-поръ еще безъ ропота и безъ награды служилъ секретаремъ государственному совѣтнику, сдѣлался у госпожи Піаръ въ родѣ адъютанта, услугами котораго она пользовалась не только безъ зазрвія совѣсти, но даже съ некоторымъ удовольствіемъ. Честолюбивыя женщины имѣютъ вообще духъ властительный, предпочитающій въ чловѣкѣ покорность смѣ; онъ охотнѣе опираются на тростникъ, чѣмъ на твердый дубъ, потому что мужественныя и смѣлыя, онъ требуютъ игрушку, а не опору. Испытанная покорность прокурорскаго помощника послужила ему больше въ пользу, нежели бы какія-нибудь геройскія качества. Госпожа Піаръ мало-по-малу принимала въ немъ участіе, какое принимаетъ учитель въ ученикѣ; она подавала ему совѣты, исправляла ложныя мнѣнія, составленныя имъ въ провинціи, иногда даже, въ родѣ дружеской заботливости, спрашивала о его занятіяхъ и требовала отчета въ томъ, какъ онъ проводитъ время. Что касается до главной цѣли прокурорскаго помощника, Изаура не забыла своего обѣщанія, но не торопилась его исполнить. Съ ея стороны это не было отказомъ, а только отсрочкою, и это очень понятно; часто исполняютъ

просьбы неотвязныхъ, чтобы только освободиться отъ нихъ и откладываютъ удовольствованіе чловѣка любезнаго за тѣмъ, чтобы подольше насладиться его просьбами. И такъ, Деландъ съ одной стороны долженъ-бы отнестись къ успѣху это самое замедленіе, противное его выгодамъ. Но отъ того — ли, что онъ сомнѣвался въ странной причинѣ этого препятствія, однако тщеславіе его, немевше сильное честолюбія, видимо не утѣшало его.

Недѣль почти черезъ пять, по пріѣздѣ въ Парижъ, въ одно ненастное утро, располагающее душу къ меланхоли, помощникъ прокурора задумался серьезно о своемъ положеніи. Составивъ балансъ между дѣйствительнымъ и страдательнымъ состояніемъ своего я, онъ взвѣсилъ употребленныя имъ успія съ пріобрѣтенными выгодами, и нашелъ, что послѣднія были гораздо легче первыхъ. Что онъ пріобрѣлъ за цѣну работы по восьми часовъ въ день, любезничанья не мнѣе продолжительнаго и почти пяти тысячъ франковъ, истраченныхъ на мелочи?

—Общанія, сказалъ онъ, отвѣчая на этотъ заданный самому себя вопросъ: общанія, то есть, вещь, которую вездѣ раздаютъ даромъ, сколько хочешь и кому угодно. Мнѣ начинаетъ казаться, что я выбралъ ложную дорогу. Въместо того, чтобы возвыситься надъ этими людьми, я самъ прислуживаю имъ. Чортъ возьми! Я не за этимъ пріѣхалъ въ Парижъ. Надобно теперь-же перемѣнить тактику, я не намѣренъ всю жизнь составлять рапорты за г-на Шара, быть нажемъ его жены и возобновлять постепенно всю мебель г-жи де-Марманкуръ. Будетъ вести траншеи, пора на приступъ. Неожиданное и довольно забавное происшествіе представило Деланду удобнѣйшій случай, произвести рѣшительную атаку, необходимость которой онъ наконецъ увидѣлъ. Однажды вечеромъ, взойдя въ гостиную г-жи де-Марманкуръ, онъ засталъ хозяйку дома и даму зрѣлыхъ лѣтъ, берущую уроки на фортепіано, въ большой ссорѣ. Сильные эпитеты, которые расточали Гомеровы герои въ сраженіи, показались-бы безцвѣтными послѣ комплиментовъ, которыми мѣнялись двѣ собесѣдницы. Дружба извѣстныхъ женщинъ походить на пузырь, откуда при первомъ небольшомъ отверстіи съ шумомъ вырывается спершійся воздухъ ненависти. Присутствіе прокурорскаго помощника прекратило борьбу краснорѣчія, готовую превратиться въ рукопашныя доказательства. Феодосія,

занимавшая выгоднѣйшую позицію, потому—что она была у себя дома, приказала своей подругѣ выдти, и та повиновалась, произнося клятву мщенія.

На другой день въ домъ г-жи Пяръ получены были по городской почтѣ два безъимянные письма. Первое уведомляло Изауру о преступномъ поведеніи ея мужа, подтверждая доносъ свидѣтельствомъ Деланда. Другое, адресованное на имя государственнаго совѣтника, содержало каталогъ почти такой-же длинный, какъ и каталогъ Донъ-Жуана, гдѣ по-порядку числа вписаны были все предполагаемые и дѣйствительные соперники, на которыхъ имѣлъ право жаловаться пятидесятилѣтній любовникъ. Эта обширная роспись заключалась именемъ прокурорскаго помощника, объ которомъ сказано было, что онъ почти около мѣсяца уже бываетъ у г-жи де-Марманкуръ и взмошелъ въ такую короткость, что развѣ только слѣпой не пойметъ постоянного смысла въ этомъ. Безъимянный корреспондентъ входилъ во все подробности поведенія молодаго чиновника и извлекалъ изъ нихъ слѣдующее заключеніе, принятое въ обществѣ этого рода за аксіому: Любовь расточительная, любовь счастливая.

Не прошло часа, по полученіи этихъ двухъ посланій, какъ Деландъ явился къ государственному совѣтнику. Хотя онъ и принесъ съ собою огромный свертокъ бумагъ; но вмѣсто того, чтобы отправиться въ кабинетъ своего покровителя, онъ прошелъ въ гостиную, гдѣ надѣялся встрѣтиться съ Изаурою, что и случилось. Г-жа Пяръ была совершенно одна и прохаживалась медленными шагами по комнатѣ, привычка, которую дѣловыя женщины охотно перенимаютъ у мужчинъ. Услышавъ шаги позади себя, г-жа Пяръ быстро обернулась, и прокурорскій помощникъ увидалъ на ея лицѣ; вмѣсто обыкновенной холодности, выраженіе сильнаго волненія.

Если правда, какъ сказалъ Рошфуко, что мало добродѣтельныхъ женщинъ, которыя-бы не скучали своею добродѣтелью; то эта скука навѣрное откроется при первой измѣнѣ со стороны мужа. Добродѣтельная безъ усилія, (слѣдовательно безъ достоинства) Изаура не менѣе того почитала себя въ правѣ хвастаться прекраснымъ поведеніемъ, которое ей почти ничего не стоило. Вѣрность къ пятидесятилѣтнему старику, казалось ей, заслуживала вѣчную благодарность

старого мужа, который никакъ не долженъ былъ ожидать этого. Найдя тамъ измѣну, гдѣ предполагала найти признательность, измѣну себѣ, женщины молодой, прелестной, умной и ласкающей старика, который, такъ сказать, созданъ для того, чтобы быть обманутымъ, г-жа Пиаръ почувствовала одно изъ тѣхъ сильныхъ негодованій, слѣдствіемъ которыхъ бываетъ непосредственное приложеніе законовъ возмездія. Гордость мгновенно побѣдила ея раненое сердце, чего-бы не могла сдѣлать страсть самая нѣжная.

Если это безчестіе справедливо, сказала она сама себѣ: я не замедлю мщеніемъ!. Въ это-то мгновеніе вошелъ въ гостиную прокурорскій помощникъ, въ отлично подвязанномъ галстухѣ, въ сюртучкѣ, какъ будто вылитомъ, въ блестящихъ сапогахъ, съ приглаженными волосами, съ страстными глазами, съ улыбкою на устахъ, словомъ, столь любезный, что всякая обиженная женщина, при взглядѣ на него, должна сказать себѣ:

«Вотъ мой мститель!...

X.

Деландъ такъ часто поддѣрживалъ свою покровительницу въ мнѣніи о безграничной власти, которую она будто-бы налѣгала на немъ имѣла, что Изаура въ-самомъ-дѣлѣ повѣрила своему могуществу. Она была увѣрена, что ей стоитъ только приказать и все будетъ исполнено. Однако въ этомъ случаѣ она окружила ораторскими предосторожностями рѣшительный вопросъ, внушенный ей безымяннымъ письмомъ. Призвавъ на помощь скрытность, она постаралась придать своей физиогноміи потерянное спокойствіе и сѣла съ небрежнымъ видомъ, въ-то-время, какъ помощникъ прокурора подходилъ къ ней.

—А, вы кстати пришли, сказала она ему съ принужденною улыбкою: я хочу васъ исповѣдывать, и такъ, непытайте свою совѣсть.

—Я испытываю каждое утро и нахожу всегда одинъ и тотъ же грѣхъ, отвѣчалъ Деландъ, сопровождая этотъ таинственно-глухой языкъ нѣжнымъ взоромъ.

Дѣло не въ этомъ, я видѣлась вчера съ хранителемъ печати, и напомнила ему обѣщаніе, которое онъ далъ мнѣ на прошлой

недѣль. Къ удивленію моему, онъ показался мнѣ въ этотъ разъ не такъ расположенъ въ вашу пользу. Я хотѣла знать причину этой переменны, и вотъ, что я узнала. Правда, что вы были на хорошемъ замѣчаніи въ министерствѣ юстиціи. Но когда стали собирать свѣдѣнія о образѣ вашей жизни по пріѣздѣ вашему въ Парижъ, то эти свѣдѣнія не соответствовали моей рекомендаціи.

—Въ чемъ могутъ упрекать меня? спросилъ помощникъ прокурора.

—Повторю опять, испытайте свою совѣсть.

—Жизнь моя такъ правильна, что я могу назвать ее монашескою. Исключая краткія мгновенія, въ которыя я имѣю счастье видѣть васъ, утро мое все занято работою; въ этомъ можетъ удостовѣрить васъ г-нъ Піаръ.

—Опять дѣло идетъ не объ утреннихъ занятіяхъ, а объ вечернихъ.

—Вечеромъ, сказалъ Деландъ голосомъ, не такъ уже увѣреннымъ: не имѣя надежды васъ видѣть, я стараюсь убить время; бываю въ спектакль или у кого-нибудь изъ друзей; а чаще всего сижу печально дома.

—Видите-ли, какая клевета, сказала г-жа Піаръ, стараясь насмѣшливо улыбнуться: увѣряютъ, что вы, вмѣсто-того, чтобы убивать время, напротивъ, проводите самымъ пріятнымъ образомъ возлѣ женщины любезной, умной и прекрасной. Не правда-ли, какая гадкая ложь?

Прокурорскій помощникъ тотчасъ же подумалъ о Феодосіи, и почувствовалъ маленькое замѣшательство; но оно разсѣялось отъ удовлетвореннаго тщеславія.

—Эта принужденная провія значитъ, что она ревнуетъ, сказалъ онъ самъ себѣ: а если она ревнуетъ, то значитъ, она меня любитъ. Но что за дьяволъ, почему она узнала, что я бываю у г-жи де-Марманкуръ? Неужели она за мной подсматриваетъ?

—Сударыня, сказалъ онъ громко: точно есть женщина прелестная, умная и любезная, съ которою время, вмѣсто того, чтобы длиться, кажется мнѣ, летитъ на крыльяхъ; но это къ ней не относится, потому-что я, пріѣхавъ въ Парижъ, не имѣлъ еще счастья, провести съ нею ни одного вечера въ ея гостиной.

—Комплименты, болѣе или менѣе справедливые, не оправдаютъ васъ, возразила Изаура съ нетерпѣніемъ: повторяю вамъ, рѣчь идетъ не обо мнѣ, а объ особѣ, съ которою я не желаю ника-

кимъ образомъ стать въ параллель. Должна-ли я назвать ее, или вы сдѣлаете, наконецъ, мнѣ удовольствіе, поймете, что я хочу сказать.

Выраженіе, съ какимъ сказаны были эти послѣднія слова, заставили понять прокурорскаго помощника, что бесполезно, а можетъ быть, и не благоразумно было-бы избѣгать точнаго отвѣта.

—Ахъ! я угалываю, сказалъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ: держу пари, что рѣчь идетъ о г-жѣ де-Марманкуръ.

—Такъ правда, что вы знакомы съ этою женщиною! вскричала г-жа Піаръ, мгновенно одушевившись.

Деландъ приписалъ эту живость ревности, польстившей его самолюбію. Онъ нѣсколько времени соображалъ, что было-бы для него полезнѣе, возбудить безпокойство въ Изауръ, или успокоить ее. Довольный и тѣмъ, что подумалъ дурно, онъ поступилъ, какъ человекъ совѣстливый.

—Сударыня, отвѣчалъ онъ пріятнымъ голосомъ: я не знаю, какой глупый толкъ дали этимъ самымъ невиннымъ посѣщеніямъ. Позвольте мнѣ представить дѣло въ настоящемъ видѣ. Правда, одинъ изъ моихъ друзей ввелъ меня къ г-жѣ де-Марманкуръ, и я бываю иногда у этой дамы; но тамъ бываютъ люди лучшаго общества.

—Вотъ это еще подвержено сомнѣнію, снова прервала г-жа Піаръ: увѣряютъ, что даже мужское общество въ этомъ домѣ чрезвычайно дурно, и удивляются, видя ваше присутствіе тамъ, гдѣ нельзя встрѣтить ни одного человека, который принять въ порядочномъ обществѣ.

—Я могъ-бы однако сослаться на нѣсколько лицъ, которыя показали-бы ложность подобнаго заключенія.

—Говорите, сказала жена государственнаго совѣтника съ видомъ вызова: оправдайтесь; я больше ничего и не желаю.

Деландъ проглотилъ имя Піара, готовое соскочить у него съ языка.

—Малѣйшей нескромности, сказалъ онъ про себя: не проститъ мнѣ этотъ старый Донъ — Жуанъ; я обѣщался ему сохранить тайну. За всѣмъ тѣмъ это объясненіе между мною и ею; за чѣмъ мѣшать въ него мужа.

—Сударыня, продолжалъ онъ, вы не знаете ни одного изъ лицъ, которыя часто посѣщаютъ этотъ домъ, и потому имена,

которыя вы услышите въ первый разъ не объясняютъ вамъ ничего.

Г-жа Пиаръ обернулась прямо къ прокурорскому помощнику и взглянула на него самымъ пронзительнымъ взоромъ.

— Вы поклянетесь мнѣ, сказала она: что я незнаю ни одно-го изъ тѣхъ, которые бываютъ у этой дамы?

Въ эту минуту лицо и голосъ Изауры были слишкомъ выразительны, чтобы Деландъ не могъ понять своего заблужденія. Онъ увидѣлъ, что его спрашивали не какъ обвиненнаго, что было для него лестно, но какъ свидѣтеля. Это скорбило его. Къ этой ошибкѣ присоединилось въ ту-же минуту чувство не менѣе не пріятное. опасности, которой онъ подвергается въ такомъ затруднительномъ положеніи. Онъ былъ между двумя подводными камнями, равно опасными. Солгать, значитъ навлечь гнѣвъ чпокровительницы, сказать правду, значитъ возбудить ненависть въ государственномъ совѣтникѣ; а какъ онъ имѣлъ нужду въ обоихъ, то какое избрать средство, чтобы не оскорбить ни того, ни другаго. Въ этомъ недоумѣніи, Деландъ, вмѣсто отвѣта, кусалъ палецъ перчатки и уставилъ глаза въ потолокъ, какъ будто справлялся съ памятью, боясь ошибиться, поклявшись легкомысленно.

— Кажется, вы приготавливаете отвѣтъ, сказала ему г-жа Пиаръ, съ гордою улыбкою: точно, размыслите прежде о томъ, что будете отвѣчать; отъ этого зависѣтъ будетъ мое рѣшительное мнѣніе объ васъ. Чтобы избавить отъ труда вашу память, я объясню свои вопросы. Со времени вашего знакомства, выдали ли вы г-на Пиара у особы, о которой мы говоримъ.

Наставленный на путь посредствомъ преступленія мужа, отъявленной оболъститель ни-мало не поколебался бы; опасность была далека и невѣрна, а польза близка и очевидна. Къ несчастію, Деландъ похожъ былъ на вертопраха, только какъ ворона на павлина — по перьямъ. Въ обыкновенныхъ случаяхъ эта заемная одежда довольно хорошо шла къ нему; но при малѣйшемъ испытаніи, его тяготила природная честность, и тогда онъ не думая скидывалъ перья павлина и оставался въ вороньихъ. Прокурорскій помощникъ взошелъ въ залу, рѣшившись завоевать какія-нибудь дѣйствительныя выгоды, употребляя къ тому, если нужно, самыя Макіавельскія сред-

ства; но онъ потерялъ всю свою рѣшимость, какъ скоро представился случай къ ея исполненію.

Въ припадкѣ разборчивой совѣсти, онъ подвергнулъ сторону, которую долженъ былъ принять, нравственной оцѣнкѣ, рѣдко полезной въ подобномъ случаѣ. Онъ вообразилъ, что ему меньше всѣхъ прилично открывать Изаурѣ преступленія мужа, и что впрочемъ было-бы столько-же низко, какъ и неблагоразумно, измѣнить скромности, обѣщанной съдовласому измѣннику. Можетъ быть, она знаетъ все подробно и спрашиваетъ только за тѣмъ, чтобы узнать мой характеръ, въ такомъ случаѣ результатъ извѣстенъ: марасть для своей пользы ея мужа, топтать его, когда онъ уже почти въ землѣ — это было-бы подлость, и ей, безъ сомнѣнія, это не понравилось-бы; между тѣмъ, какъ благородная осторожность, великодушная ложь, непременно возвыситъ меня въ глазахъ ея. Она пойметъ, что чело-вѣкъ съ душою презираетъ должность доносчика.

Деландъ, передумавшій все это гораздо скорѣе, нежели мы написали, принявъ видъ серьезный, въ которомъ просвѣчивала законная гордость, означающая иногда величіе души.

—Сударыня, сказалъ онъ: могу васъ увѣрить, что я никогда не встрѣчалъ г-на Піара у г-жи де-Марманкуръ.

Предполагая, что эта ложь будетъ принята за прекрасный поступокъ, прокурорскій помощникъ очень ошибся. Женщины вообще удивляются героизму до-тѣхъ-поръ, пока онъ имъ не мѣшаетъ, но ничто имъ столько не досажаетъ, какъ высокія чувства въ то время, когда ими овладѣваютъ низкія. Привыкнувъ читать на лицѣ покровительствуемаго ею, г-жа Піаръ тотчасъ отгадала, что онъ ее обманываетъ, несколько не думая приписать эту ложь какому-нибудь благоразумному намѣренію. Она искала этого намѣренія между самыми прозаическими слабостями человеческого сердца.

—Онъ боится, сказала она сама себя: боится г-на Піара.

Последній порокъ, который женщина прощаетъ любовнику, это боязнь мужа. Когда Изаура рѣшилась мстить, то прежде всего вздумала о Деландѣ. Она полагала найти въ немъ союзника усерднаго, рѣшительнаго; обманувшись въ своей надеждѣ, она вдругъ почувствовала сильное презрѣніе къ этому провин-

ціалу, который, безпрестанно толкуя о своей преданности, по безвременной робости, упускаетъ случай доказать ее. Гордость, уязвленная этою непредвидимою ошибкою, отняла у Изауры охоту продолжать добрось, не оправдавшей ее довѣренности. Она встала, и обращаясь къ прокурорскому помощнику съ церемоннымъ видомъ, сказала ему:

—Извините, мнѣ надобно сдѣлать нѣсколько визитовъ; я спѣшу одѣваться.

Деландъ понялъ, что онъ сдѣлалъ ошибку; но не находилъ средствъ поправить ее.

—Суларья, вскричалъ онъ въ свою очередь: я вѣрно огорчилъ васъ чѣмъ-нибудь; на вашемъ лицѣ, которое я хорошо знаю, это написано; ради Бога, если я, въ чемъ не сомнѣваюсь, обидѣлъ васъ, скажите мнѣ, дайте мнѣ средство убѣдить васъ въ моей невинности. Вы не сомнѣваетесь, надѣюсь, въ почтительной привязанности, которую я оказываю вамъ съ того времени, какъ имѣлъ счастье васъ узнать. Много разъ вамъ угодно было говорить мнѣ, что вы мнѣ довѣряете; эту довѣренность я готовъ оправдать съ опасностію жизни. Ради Бога, велите мнѣ побѣдить какую-бы-то-нибудь опасность, принести, какую угодно жертву, и вы увидите, заслуживаю-ли я благосклонность, которую вы до-сихъ-поръ мнѣ оказывали; да, я желаю кровью.....

—Э! сударь, оставимъ вашу кровь, прервала съ сардоническимъ смѣхомъ Изаура! я въ ней не имѣю никакой нужды, что я съ нею буду дѣлать. Впрочемъ, мнѣ не вѣрится, чтобы вы также готовы были пролить ее, какъ говорите.

—Испытайте меня....

—Я испытала уже... Но я задерживаю васъ. По этой связкѣ бумагъ я вижу, что вы пришли къ г-ну Піару; вы найдете его въ кабинетѣ.

Не дожидаясь отвѣта прокурорскаго помощника, Изаура величественно встала и ушла въ свои комнаты.

Деландъ нѣсколько минутъ оставался неподвиженъ, сконфуженный результатомъ этого разговора.

Она разсердилась, сказалъ онъ послѣ долгаго размышленія: можетъ быть, мнѣ-бы надо было ожидать этого. Все равно, я прекрасно поступилъ. Я велъ себя благородно, ловко; вѣрно

она, пораздумавъ, отдастъ мнѣ справедливость. Въ моемъ положеніи, мнѣ не приходится таскать изъ огня каштаны, есть ихъ я готовъ. Да, она узнала измену мужа. Вотъ что чертовски повинетъ мои дѣла. Однакожъ, надобно поступать осторожнѣе. Пойти посмотреть, что-то поддѣлываетъ совѣтникъ; я увѣренъ, что простакъ ничего не подозреваетъ.

Деландъ прошелъ изъ гостиной въ кабинетъ, гдѣ нашелъ Піара мрачнаго, угрюмаго, сиплящаго у камина. Увидя его, государственный совѣтникъ спряталъ въ карманъ письмо, которое мля въ рукахъ, и отвѣчалъ холоднымъ наклоненіемъ головы на привѣтствіе Деландъ.

—Вотъ работа моя по дѣлу о центральномъ каналѣ, сказалъ Деландъ, кладя на бюро бывшія у него въ рукахъ бумаги. Я цѣлые пять дней работалъ и надѣюсь, что вы найдете этотъ трудъ совершеннѣе первыкъ моихъ опытовъ.

Піаръ мрачно поглядѣлъ на молодого просителя.

—Милостивый государь, сказалъ онъ принужденно: я видѣлся вчера съ хранителемъ печати.

—Они всѣ видѣлись съ хранителемъ печати, подумалъ Деландъ.

—Всѣ вакантныя мѣста въ Государственномъ Совѣтѣ общаны; и такъ, вамъ нѣтъ надежды. Мнѣ остается сожалѣть, что такъ худо удались мои старанія, и посоветовать вамъ возвратиться въ свою палату; вашъ отпускъ скоро кончится, если не кончился уже, а вы знаете, что частыя отлучки вредятъ.

Удивясь этому непредвидѣнному объясненію, Деландъ смотрѣлъ съ изумленіемъ на покровителя.

—Я знаю, кто возстановилъ противъ меня хранителя печати, сказалъ онъ, нѣсколько подумавъ: это посѣщенія мои г-жи де-Марманкуръ. Вы, сударь, лучше нежели кто другой, можете судить, важенъ ли этотъ поступокъ.

—Что это, насмѣшка сударь? вскричалъ государственный совѣтникъ.

—Насмѣшка! повторилъ прокурорскій помощникъ, разинувъ ротъ.

—Она быма-бы глупа и неумѣстна, продолжалъ Піаръ, покраснѣвъ: вы думаете, что я слѣпъ, сударь. Можетъ-быть, вы принимаете меня за одного изъ тѣхъ опекуновъ, надъ которыми

безнаказанно смѣются въ комедіяхъ. Если вы такъ думаете, то вы скоро перемените свое мнѣніе; клянусь вамъ, я знаю все.

—Вы предупредили меня, сударь, отвѣчалъ молодой человекъ: потому — что я рѣшительно ничего не понимаю въ вашемъ неудовольствіи. Вѣроятно, я безъ намѣренія сдѣлалъ что-нибудь вамъ не угодное?

—Безъ намѣренія! драгоценное слово. Вѣроятно, вы обольщаете женщинъ безъ намѣренія, какъ Журданъ писалъ прозою безъ намѣренія.

Деландъ покраснѣлъ въ свою очередь; онъ воображалъ, что мужъ Изауры открылъ тайную страсть его.

—Что-же! сударь, отвѣчалъ онъ спокойнымъ голосомъ: кто осмѣлится утверждать, что я когда-нибудь уклонялся отъ глубокаго почтенія, которымъ я обязанъ г-жѣ Піаръ?

Кто вамъ говорить о г-жѣ Піаръ? отрывисто сказалъ совѣтникъ: вотъ забавная увертка!. Не думаете-ли вы, что я дозволю обмануть себя этимъ притворнымъ недоразумѣніемъ. Впрочемъ, вы должны понять, что не прилично вмѣшиваться въ этомъ случаѣ имя жены моей.

—Я ошибся, подумалъ Деландъ, освободясь отъ ложнаго страха: за что же онъ сердится? Если дѣло идетъ не объ Изауръ, такъ что-же онъ хочетъ сказать этимъ?

Піаръ нѣсколько времени сидѣлъ, углубясь въ кресла, свистя сквозь зубы и ворочая коверъ ногами.

—Чортъ возьми, любезный наследникъ, сказалъ онъ вдругъ съ принужденною веселостію: если мнѣ не удалось помѣстить васъ въ Государственной Совѣтъ, такъ я хочу услужить вамъ, научивъ васъ узнавать женщинъ. Сдѣлайте милость, прочтите вотъ это. Онъ вытаскилъ изъ кармана безымянное письмо и подалъ его собесѣднику. Тотъ взялъ бумагу, которую гнѣвъ Піара обратилъ въ комъ, и прочелъ сначала до конца, съ трудомъ удерживая хохотъ. Дойдя до главы, относящейся лично къ нему, онъ сдѣлался тотчасъ серьезнѣе.

—Какъ сударь, сказалъ онъ совѣтнику: вы вѣрите безымяннымъ письмамъ? Вы не бросаете ихъ въ огонь?

—Одно слово, возразилъ Піаръ: эти фарфоровыя вазы, это бархатное платье и другія подобныя вещи, справедливы?

Деландъ, которому ложь такъ худо удалась у Изауры, счелъ за благоразумное, на этотъ разъ испытать истину.

— Это не больше, какъ простыя учтивости, отвѣчалъ онъ, и такъ, какъ они были самыя безкорыстныя, то я не думаю, чтобы вы поставили ихъ мнѣ въ вину.

Піаръ поспѣшно всталъ, прошелся по комнатѣ и, остановившись предъ прокурорскимъ помощникомъ, сказалъ:

— Всего ужаснѣе то, что ваши учтивости, безкорыстныя или нѣтъ, въ отношеніи ко мнѣ были чистыми пріобрѣтеніями на мой счетъ, и теперь, подумавъ, я полагаю, что Эрнестъ въ томъ же положеніи, какъ и я. Вы знаете Эрнеста изъ ***скаго посольства. Какая адская хитрость. Эта женщина играетъ роль Талейрана. Счастливаго успѣха, сударь! Объявляю, что я не соперникъ вамъ болѣе, и безъ всякаго условія уступаю вамъ свои права.

— Но я сударь, не имѣю никакихъ намѣреній, отвѣчалъ Деландъ: повторю вамъ, что касается до меня лично, это письмо есть вельпая ложь.

— Оставьте.....

— Клянусь вамъ.....

— Клянитесь другимъ!

— Однакожь, когда я утверждаю вамъ.....

— Послушайте, прервалъ сухо государственный совѣтникъ: я очень знаю, что въ намѣреніи воспользоваться моею довѣренностью, вы никогда не признаетесь въ поступкѣ, на который я имѣю причины жаловаться. Вы имѣете право отпираться, отъ чего вамъ угодно; я имѣю право вѣрить и дѣйствовать по убѣжденію. И такъ, вы меня осудите, если я разрѣшу себя отъ этого, такъ сказать, обязательства въ отношеніи къ вамъ. Хотя вы и оказали мнѣ услугу, доставивъ мнѣ случай узнать хорошенько характеръ женщины, однакожь, у меня нѣтъ столько великодушія или простоты, чтобы благодарить васъ за это покровительство у министра. И такъ, довольно понятно, что, съ нынѣшняго дня, я не мѣшаюсь болѣе въ ваши дѣла.

— Это рѣшено? отрывисто спросилъ Деландъ, придя въ негодованіе отъ подобнаго разговора.

— Непремѣнно, сказалъ Піаръ, сопровождая это рѣшеніе свѣлымъ звономъ въ колокольчикъ.

Слуга вошелъ въ комнату.

— Я не объѣду дома, сказалъ ему Піаръ: вели заложить карету и приходи одѣвать меня.

Въ подобномъ положеніи дѣль, эти слова означали отбуксъ. Не говоря болѣе ни слова, Деландъ взялъ шляпу, поклонился жаксъ-покровителю, съ видомъ обиженнаго достоинства, и вышелъ изъ кабинета. Въ столовой онъ догналъ слугу.

— Барыня дома? — Спросилъ онъ у него.

— Уѣхала, отвѣчалъ камердинеръ.

— Досадно откладывать до завтра мщеніе этому наглецу, сказалъ Деландъ, отправляясь домой: вотъ, поступай благородно! Мнѣ стоило сказать одно слово—и это былъ погибшій мужъ. Какъ человекъ разборчивый, я солгалъ въ его пользу, не думая о своей—и вотъ благодарность..... Чортъ возьми, очень хорошъ я съ своимъ великодушіемъ. Онъ разрѣшаетъ себя отъ обязательства въ отношеніи ко мнѣ, и я разрѣшаю себя отъ совѣстливости въ отношеніи къ нему. Правду сказать, этотъ разрывъ нисколько не огорчаетъ меня; во-первыхъ, совѣтникъ не будетъ наваливать на меня больше своихъ бумагъ, во-вторыхъ, мое положеніе сдѣлалось гораздо свободнѣе; я теперь буду знать одну Изауру, тѣмъ болѣе, что для помѣщенія меня въ Государственный Совѣтъ, ей нисколько нѣтъ надобности въ помощи мужа.

На другой день, прокурорскій помощникъ явился къ г-жѣ Піаръ, и получилъ въ отвѣтъ, что ее нѣтъ дома. Онъ пришелъ на третій день; въ этотъ разъ слуга сказалъ ему съ замѣшательствомъ, что госпожа не принимаетъ.

— Нѣтъ дома?.. не принимаетъ?.. сказалъ онъ съ неудовольствіемъ: она никогда не вызжаетъ поутру, и принимаетъ каждый день. Ну, она дуется. Что я ей сдѣлалъ. Не принимать меня, это становится довольно важнымъ.

Отставленный и выключенный изъ списковъ, Деландъ отправился къ своему другу, и пришелъ къ нему въ ту минуту, когда тотъ готовился ѣхать верхомъ.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней, Блондо выпгрывалъ, то-есть, онъ былъ въ это время тѣмъ, что на его прекрасномъ языкѣ называется *ужасающій, громовый и молніеносный*. Левъ рыскалъ изо всей силы. Увидѣвъ прокурорскаго помощника, который, напротивъ того, казался безпокоенъ и задумчивъ, Блондо взялъ хлыстикъ и шляпу.

— Меня ждуть, сказалъ онъ Деланду: ты, я думаю, видишь на дворъ моего жокея и лошадей, я ѣду за городъ и не могу ни минуты посидеть съ тобою. Но завтра мы увидимся на балъ; ты, безъ сомнѣнія, будешь?

— А ты навѣрно знаешь, что будетъ балъ, будетъ завтра?—живо сказалъ прокурорской помощникъ, которой, при мысли увидѣть тамъ г-жу Пьеръ, получилъ опять веселое расположеніе духа.

Я повѣду съ г-жею де-Марманкуръ и множествомъ другихъ прекрасныхъ сиренъ, продолжалъ смѣясь Блондо.... Это славная штука. Нѣкоторыя знатныя барыни высохнутъ съ досады. Я устроилъ эту потѣху съ нѣсколькими изъ своихъ друзей, жертвами благотворительнаго бала; мы рѣшились сыграть комедію господамъ учредительницамъ; не хочешь-ли и ты быть въ нашемъ числѣ?

— Благодарю, я не врагъ господамъ учредительницамъ, отвѣчалъ прокурорской помощникъ съ простодушною улыбкою.

— А, сказалъ онъ самъ себя, уходя отъ Блондо: кажется, завтра г-нъ Пьеръ, не ожидая этого, будетъ находиться между женою и г-жею де-Марманкуръ... Сцена можетъ сдѣлаться въ-самомъ-дѣлѣ любопытною, особенно, если я вышаюсь въ это. Хорошо! г-нъ государственный совѣтникъ, я докажу вамъ, что лучше имѣть меня другомъ, нежели врагомъ.

ФИЛОСОФІЯ ИСКУССТВА.

—
СОФОКЛЪ

—
ГРЕЧЕСКАЯ ТРИЛОГІЯ.

—
(Статья Вино).
—

По мѣрѣ того, какъ въ обществѣ масса знаній увеличивается, они группируются по естественному сходству, распределяются по классамъ, и образуютъ собою отдѣльные, опредѣленные участки въ области мысли. По мѣрѣ того, какъ каждая группа обогащается, она подраздѣляется въ свою очередь; наука раздробляется на вѣсколько наукъ. Это законъ необходимости, законъ человѣческаго разума, проистекающій изъ того, что разумъ конечный не можетъ содержать въ себѣ безконечнаго.

Въ древности, философія заключала въ своей сферѣ всѣ науки, которыя могли быть приведены въ систему: космологію, астрономію, физику, медицину, мораль, политику. Когда въ каждой изъ этихъ частей накоплялось достаточно идей для того, чтобы ихъ можно было оцѣнивать отдѣльно отъ другихъ, онѣ отдѣлялись отъ философіи, предоставивъ ей мѣрѣ чисто-нравственный.

Поэзія Гомера была для искусства тѣмъ-же, чѣмъ философія была для науки: исходною точкою. Впослѣдствіи, это огромное эпическое тѣло раздѣлилось на различные роды, — исторію, краснорѣчіе, разсказъ и драму. Но было ли это распаденіемъ искусства? Нѣтъ; каждый изъ этихъ родовъ увеличился въ свою очередь, а нѣкоторые приняли размѣры еще болѣе колоссальныя, нежели первое зданіе, которое служило имъ основою, потому-что въ этомъ зданіи была жизнь, былъ разумъ, и если оно и распалось, то распалось отъ избытка жизни, которая стремилась организовать новыя тѣла, наполнить собою новыя міры. И такъ, различные роды въ искусствѣ не суть изобрѣтенія критики, послѣдствія тѣсной школы или разслабленія духа; напротивъ, они — проявленіе силы, средство необходимое для того, чтобы расширить область, назначенную нашему разуму.

Изъ всѣхъ родовъ искусства, которые начались въ поэзіи Гомера, драматическій родъ яснѣе другихъ обнаружилъ въ себѣ распространилъ духъ и направленіе этого творца всемірной эпопеи.

Празднества Бахуса, среди которыхъ появилась въ самомъ началѣ греческая драма, имѣли въ себѣ серьезную сторону, именно мистеріи, совершаемыя только въ извѣстныхъ священныя мѣстахъ, и сторону смѣшную, — народные увеселенія, которые особенно на поляхъ являлись въ обнаженной непринужденности. Разсказы или разговоры, которые подъ именемъ *эпизодовъ*, были введены въ промежутки между священными кантами и служили первою канвою греческой драмы, и сцены, въ которыхъ потомъ главную роль занимали Сатиры и Силены, соединили въ себѣ этотъ двойной характеръ комическаго и серьезнаго. Изобрѣтатели этой новости оправдывали себя примѣромъ Гомера — и справедливо: *Иліада* и *Одиссея* заключаютъ въ себѣ комическій элементъ такъ же точно какъ, и трагическій, и первые драматурги почерпали свои вдохновенія или въ этихъ поэмахъ, или въ свободномъ и критическомъ духъ своего времени. Говорятъ, будто Сомонъ, для поддержанія религіи, противился введенію этихъ *эпизодовъ*. Въ-самомъ-дѣлѣ, ризвратъ и насмѣшка въ нихъ доходили до крайности; но кто же былъ виноватъ въ этомъ? Развѣ фаллическіе хоры и символы, которые исполнялись жрецами, были достойны уваженія? И когда народу выставляли подобныя

эмблемы, когда нравственность забывали для мистерій, очень естественно, что неудержимый смѣхъ поднимался среди самыхъ религіозныхъ церемоній.

Вскорѣ, этотъ траги-комическій родъ, вътвь поэзиі Гомера, развѣтвился въ свою очередь; элементъ серьезный отдѣлился отъ элемента комическаго; изъ драматическаго зародыша, развились два различныя между собою существа — трагедія и комедія.

Хоры на празднествахъ Бахуса сопровождались двумя, различными по самой своей природѣ, драматическими эпизодами; съ одной стороны, — поэзія высокая, поэзія героевъ, поэзія аристократическая; съ другой, — поэзія демократическая, веселая, насмѣшливая, — пища для громкаго народнаго хохота. Сначала это была сатира, которую играли, какъ дивертисманъ, послѣ трагедіи; эта маленькая сатира произвела, впоследствии, драму, болѣе облуманную, получившую имя комедіи.

Между этими двумя родами драмы и поэзіею Гомера находится очень осязательное сходство: у Гомера, комедія разыгрывается между богами, а въ трагедіи дѣйствуютъ люди; у Гомера, самыя великія сцены Олимпа почти всегда разсказаны съ ироническою улыбкою, и часто смѣшная ихъ сторона выставлена очень ясно и выразительно, но человечество постоянно является благороднымъ, прекраснымъ и религіознымъ; видно, что оно думаетъ о божествѣ болѣе возвышенномъ, нежели боги мифологіи. На этомъ-то основаніи, древняя драма раздѣлилась на трагедію и комедію. На долю комедіи остались существа мифологическія, боги; трагедія, напротивъ, занялась изученіемъ человѣка; боги являлись въ ней, какъ лица, совершенно-лишнія или вводныя, особенно послѣ Эсхила. Правда, основная мысль трагедіи была религія, но религія мало-по-малу очищенная отъ пустыхъ преданій, и которая употребляла эти преданія, какъ символы идей, потому-что невозможно было вырвать съ корнемъ эти преданія, въковое наслѣдіе народа

«Греческая комедія, — говоритъ А. В. Шлегель, — при самомъ началѣ и въ рукахъ Эпихарма Дорійскаго, заимствовала содержаніе преимущественно изъ мифологіи, и, кажется, не совсѣмъ отказалась отъ этого выбора, даже и въ періодъ своей зрѣлости, что доказывается названіемъ многихъ, потерянныхъ для насъ, комедій Аристофана или его

современниковъ. Еще позже, въ періодъ между старою комедіею и новою, она, по особеннымъ причинамъ, возвращается къ баснословнымъ преданіямъ.»

«Если обратиться къ названіямъ пьесъ,—говорятъ Бартеlemi,—которыя остались намъ отъ этого времени, трудно будетъ представить себѣ идею, какую, въ то время, поэты составили себѣ о комедіи. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ названій: *Прометей*, *Триптолемъ*, *Бахусъ*, *Вакханки*, *Ложный Геркулесъ*, *Данаиды*, *Ніоба*, и проч. Они обрисовывали, только другими красками, тѣ же предметы, какіе избирали себѣ поэты трагическіе. Народъ плакалъ надъ *Ніобою* Эврипида, и смѣялся надъ *Ніобою* Аристофана; боги и герои были переодѣты, и смѣхъ рождался именно изъ противоположности между одеждою боговъ и ихъ достоинствами. Бахусъ и Геркулесъ стоятъ въ заглавіи различныхъ пьесъ; осмѣивая характеръ этихъ боговъ, поэты позволили себѣ выставить на позоръ толпы жалкую трусость перваго и невѣроятную жадность втораго. Эпихармъ, чтобы утолить голодъ Геркулеса, велитъ подавать ему всѣ роды рыбъ и раковинъ, извѣстныхъ въ то время. Нельзя было-бы повѣрить такой дерзости, если бы доказательства ея не остались въ комедіяхъ Аристофана. Однакъ, въ это время, комедія сдѣлала большіе успѣхи: она перестала быть простою прихотью воображенія; она обратилась къ человѣческой жизни, критикѣ характеровъ, по крайней-мѣрѣ, порывы фантазіи увлекали ее тогда только, когда она осмѣивала боговъ. Въ пьесѣ *Плутусъ*, Меркурій—этотъ шутъ, обжора и воръ, является типомъ слугъ, изображаемыхъ въ новѣйшей комедіи. *Птицы* — комедія самая возмутительная, какая когда-либо являлась въ литературѣ; она изгоняетъ боговъ изъ новаго государства, заставляетъ ихъ рѣшительно отказаться отъ своей власти и низвергаетъ Прометея, этого титана, который, въ трагедіи Эсхила, такъ смѣло осуждаетъ Юпитера и угрожаетъ свергнуть его съ престола. Въ *Лягушкахъ*, Геркулесъ, Эакъ, Харонъ и особенно Бахусъ, пострадали еще больше, нежели самъ Эврипидъ, противъ котораго, кажется, направлена эта пьеса. Вообще, Аристофанъ нападаетъ на жертвы, приносимыя богамъ, и безжалостно обвиняетъ послѣднихъ въ обжорствѣ; это ненасытныя пасти, для которыхъ мало барановъ и быковъ. Но жертвоприношенія составляли главную сторону въ религіозныхъ обрядахъ древнихъ; напа-

дать на жертвы, значило — разрушать все до основанія. Нелегко понять такую дерзость у народа, который считал неприкосновенными религиозные вопросы и не одинъ разъ строго наказывалъ славнѣйшихъ изъ людей полъ предлогомъ, что они были богохульниками. Бартеlemi объясняетъ это, говоря, что греки позволяли представлять смѣшную сторону боговъ, съ тѣмъ только, чтобы не нападать на ихъ существованіе. Но развѣ это въ сущности не тоже самое? и могла ли нація, столь образованная, какъ греческая, допустить подобное различіе? Одновременное существованіе столь противоположныхъ между собою фактовъ покажется не такъ страннымъ, если вспомнимъ, что въ Греціи, какъ вездѣ, гдѣ человѣческая мысль находится въ броженіи, движеніе и реакція, духъ нововведенія и усилія консервативной партіи, между которыми волнуется масса народа, приходили въ взаимное столкновеніе и противодействовали одно другому, смотря по интересамъ и страстямъ тогдашняго общества. Нѣтъ сомнѣнія, что политика не мало участвовала въ осужденіи Сократа и Алквіада. Во всякомъ случаѣ, насмѣшка надъ богами продолжалась по-прежнему; одни искали въ мифологіи аллегорическаго олицетворенія несознанной идеи, другіе, болѣе рѣшительные, принимая народныя вѣрованія въ буквальномъ смыслѣ, заставляли ихъ плясать подъ безжалостнымъ хлыстомъ комедіи.

Такимъ образомъ, комедія своимъ критическимъ и отрицательнымъ направленіемъ разрушала внѣшнюю форму вѣрованій; нападки и насмѣшки надъ богами перестали являться на сценѣ тогда только, какъ народъ рѣшительно потерялъ вѣру въ своихъ боговъ, и богопочитаніе нашло себѣ опору въ лучшихъ, болѣе чистыхъ символахъ, именно, послѣ Сократа, въ періодъ чисто-философскій, когда Меландръ довершилъ дѣло, начатое Аристофаномъ, и ввелъ въ комедію истинное человѣчество, вмѣсто мифологическихъ фантазій.

Что-же дѣлала, въ это время, трагедія? Между — тѣмъ, какъ ея сестра осмѣиваетъ ложное, мелочное, уродливое; она, серьезная, по самой природѣ своей, изображаетъ дѣйствительное, великое, прекрасное. Живя въ той же философской атмосферѣ, напитанная идеями того же времени и той же страны, трагедія также обратилась къ религіи но только въ смыслѣ положительномъ и утвердительномъ;

оставляя мифъ, или смотря на него, какъ на принадлежность второстепенную, она извлекаетъ изъ него смыслъ, идею, и вноситъ ихъ въ картину человѣческой жизни. Здѣсь-то и заключается главная сторона догматической философіи грековъ. Но, чтобы яснѣе выразить нашу мысль объ этомъ предметѣ, мы необходимо должны сойти къ временамъ болѣе отдаленнымъ и взглянуть на религіозный горизонтъ Греціи.

Древняя трагедія родилась изъ мистерій, и духъ ея можетъ быть объясненъ только духомъ мистерій. Поэтому, необходимо отыскать тонкую нить, которую онъ соединены, и тогда легко будетъ увидѣть, что въ трагедіи выразилась вся религіозная система древности. Трагедія публично вывела на театръ систему, долгое время скрытую завѣсами храмовъ. Изобрѣтеніе трагедіи не было дѣломъ чисто-литературнымъ, это былъ религіозный фактъ, въ которомъ участвовали философія и исторія. Съ этой точки мы и будемъ смотрѣть на трагедію. Посмотримъ сперва, что такое были мистеріи?

Мистеріи древности можно разсматривать, какъ церемоніи въ одно время религіозныя и сценическія. Постороннія принадлежности мистерій, — время, имена, лица, измѣнялись, смотря по обстоятельствамъ; но сравнивая эти мистеріи, мы находимъ, что основаніе мифа, который служитъ имъ содержаніемъ, вездѣ одинаково: въ Египтѣ, Финикіи, Элевзисѣ, въ Фивахъ, Самоеракии, канва мистеріи всегда одна и таже.

Это основаніе всегда имѣетъ форму *трилогіи*, три отдѣла которой, одни только остаются всегда неизмѣнными. Значитъ, легко отдѣлится основаніе мифа отъ обстоятельствъ, которыя воображеніе народа, вліяніе мѣстности или поэзія присоединяютъ къ нему.

Египетская исторія Озириса, послужившая источникомъ для греческихъ мистерій, раздѣляется на три части, очень ясныя; во-первыхъ, — время славы и благоденствія, ознаменованное успѣхами земледѣлія, покореніемъ Индіи, изобрѣтеніемъ искусствъ, счастіемъ и радостью народа; потомъ, — время страданій, когда чудовишный Тифонъ, этотъ огромный змѣй, символъ симуна Аравіи, напалъ на Озириса, разрубилъ его въ куски и бросилъ ихъ въ ящикъ въ волны Нила; наконецъ, — время возрожденія и славы, когда Изида, послѣ долгихъ и напрасныхъ усилій отыскать Озириса,

нашла его, соединила его разрозненные члены, и воздвигнула ему храмы.

Мистеріи Бахуса, которыя введены въ Грецію, какъ полагають, Орфеемъ, и доставили своими дивирамбическими пѣснями первую рамку для трагедіи,—эти мистеріа основаны совершенно на тѣхъ-же началахъ. Сперва,—побѣды въ Индіи, время счастья и удовольствія; потомъ,—разгнѣванная Юнона преслѣдуетъ Бахуса, на котораго напалъ змѣй, и въ спорѣ съ титанами, принадлежащими къ тому-же племени, какъ и Тифонъ, Бахусъ изрубленъ ими на части, подобно Озирису; наконецъ,—Минерва, какъ вторая Изиды, приноситъ его члены Юпитеру, этотъ соединяетъ ихъ и воскрешаетъ, послѣ трехдневнаго пребыванія въ аду.

Элевзинскія таинства, называемыя таинствами, по преимуществу, эти празднества, на которыя народъ собирался изъ всѣхъ областей, основаны на исторіи Цереры и Перзефоны или Прозерпины: три составныя части этой мистеріи слѣдующія: сначала,—невинныя радости дѣвочки, которая играетъ на цвѣтущихъ поляхъ Сициліи; потомъ,—ее похищаетъ Плутонъ; мать бѣдной дѣвочки, въ отчаяніи, бѣгаетъ по свѣту, какъ Изиды, отыскивая предметъ своей нежной любви; наконецъ,—торжество Прозерпины: она нашлась и возвращается изъ мрачнаго царства смерти въ свѣтлую область живыхъ.

Таинства Кабирійскія, въ Самоеракіи, столь-же славныя, какъ и первыя, отличались отъ нихъ только именами дѣйствующихъ лицъ и нѣкоторыми незначительными особенностями. Церера является въ нихъ подъ именемъ Аксіероса, Плутонъ называется Аксіохерзосомъ, а Прозерпина—Аксіохерзою. Четвертое лицо, Казмилъ, представлялъ жреца, или, можетъ-быть, онъ олицетворялъ собою цѣлое сословіе жрецовъ. Кабирійскія мистеріи, кажется, переселились прямо изъ Египта, и потомъ распространились во Фракіи и южной Греціи, подъ именемъ *Дионисіевыхъ*.

Финикійскія празднества Таммуза, Адонаи или Адониса, основаны на приключеніи, подобномъ первымъ: Адонисъ, похищенный аравійскими нимфами, уходитъ къ Ливану, и тамъ наслаждается блаженствомъ съ Венерою; потомъ, его убиваетъ кабанъ, и Венера, подобно Изидѣ и Церерѣ, желая вырвать своего любимца изъ рукъ смерти, умоляетъ боговъ сжаляться надъ несчастнымъ; наконецъ, она спасаетъ Адониса и онъ съ торжествомъ возвращается на зем-

лю. Извѣстно, съ какимъ выраженіемъ печали о смерти Адониса совершались эти празднества въ Аѳинахъ; женщины посвящали цѣлый день самой преувеличенной скорби; онѣ били себя въ грудь, остригали свои волосы, стонали на улицахъ, и представляли погребальное шествіе, нося по городу различныя изображенія трупа. Лукіанъ сравниваетъ вопли аѳинскихъ женщинъ съ воплями египтянъ, оплакивающихъ смерть быка Аписа. На другой день, пѣли воскресеніе Адониса; въ Аѳинахъ, была всеобщая радость, подобная той, какую была въ Египтъ, когда нашелся Озирисъ.

Фригійскія мистеріи прославляли Аттиса. Сначала, счастливый, какъ Адонисъ, отъ своего союза съ богиней, Аттисъ скоро погибъ самою плачевною смертью; его оплакивали всенародно, какъ Озириса и Адониса; потомъ, Цибела подобрала его члены, такъ безчестно истерзаные; словомъ, эта мистерія имѣла столько сходства въ своемъ основаніи съ мистеріей Адониса, что, во время Тертуліана, онѣ обѣ совершенно слились въ одну.

Тотъ же мифъ возобновился въ—Уранъ, обезглавленномъ Крономъ, и даже въ Юпитеръ, который, завладевъ небеснымъ трономъ, скоро былъ возмущенъ возстаніемъ Титановъ. Тивонъ, преслѣдуя его въ Греціи и въ Аравіи, наконецъ, побѣдилъ его, разрубилъ на части, какъ Озириса, и зарылъ ихъ въ Кориційской пещеръ, гдѣ Меркурій и Панъ, а по мнѣнію другихъ, Минерва, нашли его и возвратили ему жизнь.

Вотъ рассказъ, послужившій текстомъ для самыхъ знаменитыхъ мистерій древности.

Это одна и та-же трилогія, состоящая изъ слѣдующихъ трехъ частей: 1-е, періодъ блаженства, которымъ наслаждается божество, или лицо близкое къ божеству; 2-е, страшная борьба этого лица съ чудовищемъ, которому произвольно придаются самыя ужасныя формы, чтобы выразить ими духа зла; 3-е, лицо, побѣжденное духомъ злобы и истерзанное, воскресаетъ и ему воздвигаютъ олтари.

Такая таинственная трилогія, повторяемъ, была сущностью греческой религіи, что доказывается неизмѣннымъ единствомъ мысли, облеченной въ столь разнообразныя формы. Мифы, въ которыхъ заключается эта мысль, очень древняя; все, что мы знаемъ о нихъ, заставляетъ думать, что

они введены въ Грецію въ то время, когда восточная колонизація обнаруживала еще свое вліяніе на эту страну. Но еще болѣе подтверждается наше мнѣніе о первоначальной религіи грековъ тѣмъ, что всѣ героическіе мифы, которые появились впоследствии, вылиты въ форму этого божественнаго мѣта. Множество постороннихъ подробностей, разнообразныя аллегоріи, которыми мало-по-малу обременили эти драматическія произведенія, естественно скрываютъ отъ нашихъ глазъ простой планъ этого религіознаго ученія: оно подобно зданію, котораго первообразныя линіи исчезаютъ подъ обиліемъ украшеній; отнимите эти подробности, отбросьте лишнія массы—и вы увидите три колонны святилища.

Когда народная канонизація, называемая *апологезою*, начала обоготворять лица низшія,—жизнь ихъ вливали въ ту же трилогическую форму; въ ихъ исторіи старались, сколько возможно, отыскать три грани религіознаго символа. Прометей вноситъ въ міръ знаніе и начало успѣха; жестокое наказаніе заставляетъ его узнать, что прогрессъ достигается цѣною страданія; наконецъ, Гераклъ избавляетъ похитителя изъ когтей коршуна.—Дочь Инаха зачала въ себѣ плодъ отъ Юпитера: союзъ человѣчества съ божествомъ. Преслѣдуемая Юноною, лишенная человѣческаго вида, обращенная въ телицу, которую терзаетъ злобное насѣкомое, дочь Инаха, страдая, блуждаетъ по тремъ частямъ извѣстнаго тогда свѣта, и только послѣ долгаго скитанія, опять получаетъ свою прежнюю форму, и находитъ Эпафа, этотъ божественный принципъ, возвращенный ея животной, матеріальной формѣ.—Гордость жены Цефея, царя эоіопскаго, оскорбила боговъ, и они хотѣли наказать весь ея родъ; невинная дочь должна была пострадать за грѣхъ своихъ родителей, и, для ихъ искупленія оставлена на скалѣ, какъ Прометей, въ жертву чудовищу. Персей, непобѣдимый съ тѣхъ-поръ, какъ онъ одержалъ побѣду надъ Горгонами, является на скалу и спасаетъ дочь Цефея. — Басня о Гезіонѣ, есть ничто другое, какъ перифразъ предыдущей. Эскулапъ, убитый молніею за свое желаніе сдѣлать людей безсмертными, и потомъ воскрешенный;—Эдипъ, который разгадавъ загадку человѣчества, прошелъ потомъ длинную цѣпь ужасныхъ несчастій, и наконецъ исчезъ, унесенный въ облакъ божествомъ;—Ифигенія, которая, подобно Андромедѣ и Гезіонѣ, искупаютъ

собою преступленіе своего отца, и потомъ чудесно спасена съ костра Діаною и дѣлается ея жрицею;—Альцеста, которая умираетъ для своего мужа, и возвращается изъ тартара, спасенная Геркулесомъ, — всѣ эти басни напоминаютъ собою, болѣе или менѣе, три идеи: счастье, потерянное болѣею частию за любопытство, слабость или гордость; страданія, и въ-третьихъ: искупленіе, то есть продолженіе прежней жизни или вступленіе въ жизнь новую.

При совершеніи мистерій, *герофантъ* извѣщялъ смыслъ священной трилогіи. Но какого рода были эти объясненія? Было-ли это объясненіе различныхъ отношеній между планетами, временами года и полевыми работами, какъ это утверждаютъ нѣкоторые ученые, думающіе подвести все подъ аллегорію физическихъ явленій, такъ что, по такому предположенію, эти чудесныя процессіи, приводившія въ движеніе все греческое общество, являются просто замѣтками изъ пантеистическаго календаря? Или, можетъ быть, эти таинства были однимъ критическимъ толкованіемъ, которое, доказывая непосвященнымъ въ религію, что боги были только обоготворяемые люди, разрушало вѣру, на которой утверждались эти самые обряды? Оба эти мнѣнія явно противорѣчатъ одно другому: они произошли отъ двухъ древнихъ системъ толкованія, системъ поверхностныхъ, такъ, что самые изобрѣтатели ихъ старались нѣсколько скрыть свои смѣлыя выходы авторитетомъ самого герофанта.

Всякая религія есть законодательство, правительство; каждая религія имѣетъ практическую цѣль; поэтому необходимо, чтобы религіозные символы объяснялись, какъ выраженіе практической жизни человѣка, и слѣдовательно, его обязанностей и его судьбы. Восточныя воплощенія имѣли эту же нравственную цѣль. Вишну говоритъ: «когда міръ развращается и возстаетъ несчастье, въ это время, я облакаюсь въ челоуѣчество и являюсь людямъ, чтобы сохранить добрыхъ и истребить злыхъ.» Въ Греціи, еще болѣе, можетъ быть, нежели въ Индіи, драма мистерій, имѣющихъ столько сходства съ восточными воплощеніями, пробуждала идею о высокомъ нравственномъ усовершенствованіи, что подтверждается самыми убѣдительными свидѣтельствами, начиная съ Геродота. Безъ нравственной цѣли, мистеріи никогда не приобрѣли бы вліянія,

какое онъ обнаруживали на людей государственныхъ и законодателей. Довольно прочесть слѣдующія выраженія, высказанныя людьми, которые жили въ разныя времена, были различныхъ характеровъ, и нисколько не думая о систематическомъ толкованіи вѣрованій, представили мнѣніе о нихъ своихъ согражданъ: «блаженъ, — сказано въ гимнѣ Церерѣ, приписываемомъ Гомеру, — блаженъ изъ обитателей земли тотъ, кто видѣлъ эти вещи (элевинскія таинства)! Но тотъ, кто не посвященъ въ эти святыя тайны и не участвовалъ въ нихъ, не будетъ имѣть подобной участи: онъ потеряетъ въ ужасномъ мракѣ.» — Пиндаръ восклицаетъ въ свою очередь: — «Блаженъ, блаженъ тотъ, кто сходить въ область смерти, увидѣвъ эти таинства, потому что онъ узналъ предѣлы жизни, онъ узналъ царство, дарованное Зевесомъ!» — «Церера, — говоритъ Исократъ, — научила насъ тайнамъ, которыя даютъ намъ надежду получить, послѣ этой жизни, блаженство жизни безконечной.» Даже насмѣшки и непочтительныя намеки Аристофана, подтверждають собою общественное мнѣніе о мистеріяхъ. «Тише, пусть удалится отсюда тотъ, кто не приготовленъ мудростью, кто нечистъ сердцемъ, кто жалуется на обидныя шутки, кто не уклоняется отъ гибельныхъ раздоровъ, кто не заботится о благѣ своихъ согражданъ, кто, напротивъ, дѣйствуетъ ими для своихъ выгодъ; кто, будучи поставленъ управлять государствомъ въ трудное время, позволяетъ развращать себя дарами, и проч!» Поэтъ продолжаетъ эту перечень, примѣшивая къ ней сатирическія выходы противъ людей, которые, во время своего управленія, сдѣлались извѣстны лихоимствомъ, и стали въ ряду отлученныхъ отъ общества. Этотъ отрывокъ такъ же оканчивается обѣщаніемъ лучшаго въ будущей жизни: «Пойдемте въ эти луга, усѣянные розами, будемъ предаваться нашимъ обыкновеннымъ играмъ, нашимъ играмъ и восхитительнымъ пляскамъ, руководимые благосклонными Парками. Намъ однимъ улыбаются солнце и свѣтъ, намъ, посвященнымъ, которые поступали благочестиво съ чужими и съ согражданами.» Цицеронъ также произноситъ слѣдующія религиозныя слова: «Посвященіе въ эти таинства, научило насъ не только быть счастливыми въ здѣшней жизни, но и умереть съ лучшею надеждою.» И Плутархъ: «блаженъ, другъ мой, кто посвященъ въ Элевзинскія таинства, потому что мисты — самыя счастливыя изъ тѣней!»

Прочитавъ приведенныя изреченія, можно ли сказать, что мистеріи, на которыя смотрѣли, какъ на источникъ благихъ дѣяній и на залогъ счастья въ будущей жизни, не заключали въ себѣ практической истины, нравственнаго поученія! Наконецъ, есть еще другія доказательства, есть факты и учрежденія, которые говорятъ лучше текста. Элевзинскій гіерофантъ давалъ объѣтъ цѣломудрія, умерщвлялъ свою чувственность; жертвовалъ тѣлесными побужденіями обязанностямъ души, отрѣкался отъ тѣла для духа. Къ посвященію готовились постомъ и воздержаніемъ; догматъ покаянія, слѣдовательно, есть догматъ всѣхъ религій, хотя не въ каждой изъ нихъ онъ развитъ въ равной степени. Извѣстно, въ какомъ высокомъ уваженіи была дѣвственность на празднествахъ въ честь Минервы, и съ какимъ граціознымъ торжествомъ группы дѣвицъ носили мистическія корзинки, бывшія символическимъ изображеніемъ дѣвственности при великихъ процессіяхъ панатенейскихъ. Эти вещи или не имѣютъ рѣшительно никакого смысла, или онѣ имѣютъ значеніе нравственное, а значеніе ихъ тоже, какъ и значеніе мистерій, изъ которыхъ одни выражали религіозные обряды, другія *аскетизмъ*, то-есть примѣненіе этихъ обрядовъ къ жизни дѣйствительной. Исповѣдь и отпущеніе грѣховъ у погъ *козса*, назначенныя для тѣхъ, которые хотѣли быть допущены въ общество посвященныхъ на самообрачійскихъ таинствахъ, выставляютъ приведенный нами фактъ въ новомъ блескѣ; исповѣдь эта служила залогомъ нравственнаго улучшенія въ поступающемъ. Наконецъ, священный пиръ, символъ братскаго соединенія людей въ божествѣ, представляетъ намъ моральный догматъ древнихъ еще въ большей ясности, потому - что, въ особенности на празднествахъ Бахуса, совершался обрядъ, называемый *креономія*, то-есть раздача кусковъ жертвы. Почитаніе Озириса представляетъ доказательство того-же самаго върованія; но всеобщность этой великой религіозной мысли, — что всего замѣчательнѣе, — подтверждается еще тѣмъ, что она встрѣчается даже у мексиканцевъ. У нихъ, въ честь бога Вицлипуци, совершается обрядъ, поразительно сходный съ обрядами адонисіевыхъ празднествъ: мексиканцы дѣлали изъ теста фигуру бога, посыпали себѣ голову прахомъ, въ знакъ печали; дѣвицы, въ торжественной процессіи, провозили его по городу, и, наконецъ, при звукахъ музыки,

ставили его на вершину храма. Эти факты, взятые изъ времянь и странъ столь различныхъ, не подкрѣпляются-ли одинъ другимъ? И видя, что вездѣ господствуетъ одна и та же мысль въ религіи, то-есть въ теоріи общественной жизни, видя это, не заключаешь-ли невольно о моральности этой мысли? И притомъ позволительно-ли думать, что столько образованныхъ націй возимъли сумасбродную мысль—основать свою религію на астронеміи?

Впрочемъ, какъ только мы признали въ мистеріяхъ какое-либо нравственное значеніе, то смѣло можно опредѣлить въ нихъ логически точный и ясный смыслъ. Для этого надо только избѣгать темныхъ предположеній, и просто примѣнять къ жизни человѣка мистическую трилогию, которая, какъ мы уже сказали, состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ частей: изъ идеальной стороны блаженства, изъ чувства страданій и, наконецъ, изъ надежды обновленія. Эти три факта нашего существованія до такой степени просты, ежедневны, осязательны, что нѣтъ никакой нужды въ психологическомъ анализѣ, чтобы открыть ихъ въ жизни человѣка. Вотъ почему родъ человѣческій, съ самой отдаленной древности, принялъ ихъ, и справедливо, за истинныя и существенныя задачи жизни, за оглавленіе всего знанія, за основу каждой религіи. Вѣра въ счастье, болѣе высокое, нежели животное удовлетвореніе нашихъ матеріальныхъ потребностей, покоится въ природѣ нашего существа; она есть источникъ нашей дѣятельности, нашей любознательности, нашей ненасытной жажды усовершенствованія; она укрѣпляетъ въ каждомъ человѣкѣ теплыя и неразсчитанныя отрады молодости, которая сомнѣвается даже въ самой смерти: столько въ ней идеальнаго блаженства! Впослѣдствіи житейская опытность посвящаетъ насъ въ новый порядокъ вещей; мы начинаемъ узнавать преграды, труды, битвы и безпрестанно жертвуемъ частию самихъ себя этому всеобщему движенію. Эта жертва — неизбежное условіе общества; даже самые теоретики эгоизма, не могли отъ нея избавиться, потому-что и они говорятъ, что каждый долженъ пожертвовать частию своей свободы, чтобы сохранить ея остатокъ. Это лишеніе, это страданіе, это социальное отрѣженіе отъ себя самого изображены въ религіи жертвою, и стояки развили ея философскую идею съ смѣлостью изумительною, хотя преувеличенною. Однакожъ, и за эту печальную жертвою, намъ все еще блеститъ вѣра въ счас-

тіе; безъ нея, жизнь была-бы нестерпимымъ бременемъ для большей части людей; съ нею, человечество крѣпнеть даже при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ, и смотритъ на страданія, какъ на необходимый долгъ природѣ, который, съ каждою минутой болѣе и болѣе приближаетъ насъ къ освобожденію. Вѣра эта не ослабляется и самую смертію; напротивъ, въ этомъ переходѣ отъ конечнаго къ безпредельному, человечество видитъ осуществленіе своей надежды: вотъ причина всеобщаго вѣрованія въ безсмертіе, и почтенія, съ какимъ всѣ народы, во всѣ времена, смотрѣли на обрядъ погребенія.

Эта идея блаженства, страданія и возрожденія, нравственная основа греческой и всѣхъ религій, представляется, какъ зерно греческой трагедіи, по-крайней-мѣрѣ, въ первое время ея существованія, въ періодъ Эсхила. Тогда полная драма состояла изъ трехъ частей и образовала трилогію, потому-что не должно принимать въ расчетъ четвертую часть, называемую сатирою, которая была нечто другое, какъ пародія или шутка, назначенная для того, чтобы сглаживать печальныя впечатлѣнія, оставленныя въ зрителѣ трагедіею. Такимъ образомъ, въ трилогіяхъ Эсхила изображались три части мистерій Озириса или Бахуса, только дѣйствующія лица въ нихъ были другія; вывести на сцену Бахуса или Цереру мистерій было-бы опасно; уже довольно требовалось смѣлости и для того, чтобы выставить основныя идеи подъ другими именами: однакожъ, это самое и дѣлали поэты. Прочитайте внимательно пьесы, которыя дошли до насъ отъ Эсхила, и, разложите нѣкоторыя изъ его трилогій. Откроемъ сперва трилогію *Прометей*. Первая часть называлась *Прометей-огнепосецъ* (*Προμηθεύς πυρφόρος*): это человекъ, который осужденъ на вѣчныя страданія за то, что онъ похитилъ огонь, то-есть знаніе, начало прогресса. Вторая часть — *Прометей-скованный* (*Προμηθεύς δεσμώτης*); Человекъ, обвиненный въ томъ, что онъ захотѣлъ знать все и сравниться съ Зевесомъ, прикованъ къ скалѣ. Вся природа раздвѣляетъ съ нимъ его муки; Океанъ и Нимфы, Ю или Изида, приходятъ рыдать вмѣстѣ съ нимъ. Но ничто не можетъ его утѣшить, ничто не смиряетъ его негодованія, ничто не можетъ заставить его не произносить проклятія не боговъ; Прометей предсказываетъ близкій конецъ своихъ страданій, предсказываетъ паденіе правителя міровъ и пришествіе своего избавителя Гер-

кулеса, который сокрушить его цѣпи. Третья часть *Прометей-освобожденный* (*Προμηθεύς λυόμενος*): Геркулесъ, такъ долго ожидаемый избавитель его, сынъ верховнаго бога, убилъ коршуна и освободилъ жертву. Думаемъ, что напрасно было-бы и доказывать въ этой трилогіи Эсхила три мистическіе рубежа,—потерянное счастье, искупительное страданіе и безсмертіе. Историческій фактъ, изъ котораго родилась басня о Прометѣѣ, было, какъ кажется, угнѣтеніе туземнаго племени пеласговъ вліяніемъ египетскихъ жрецовъ; Прометей—это племя пеласговъ, которое хотеть развиться независимо; Юпитеръ—это Аммонъ или Египеть, налагающій на нее цѣпи рабства; Геркулесъ—это племя эллиновъ, которое, впоследствии, противудѣйствуетъ своимъ завоевателямъ. Но преданіе сообщило всѣмъ этимъ великимъ фактамъ характеръ религіозный и общій; оно искало судьбу человечества въ судьбѣ отдельныхъ людей или народовъ, и древняя трагедія воспользовалась этими результатами, слитыми изъ философскаго созерцанія и воспомнаній историческихъ.

Кромѣ этой пеласгійской трилогіи, Эсхилъ создалъ еще трилогію египетскую. Первая часть ея называлась *Египтяне*; это старая исторія Тифона и Озириса, только съ другими именами: Египтусъ, прибывъ изъ Аравіи, свергаетъ съ престола брата своего, Даная; геній зла, бросаетъ любимца неба въ пропасть несчастій. Преобладаніе этихъ несчастій составляетъ предметъ второй части, которая называется *Умоляющіе*. Данаиды, изгнанныя изъ отечества, просятъ себѣ прибѣжища въ чужой землѣ, и насилиу получаютъ его: это безконечныя мольбы и рыданія; хоръ дѣвицъ, изгнанныхъ изъ эдема родины, превосходно выражаетъ собою идею падшаго человечества. Наконецъ, третья часть, *Данаиды*, представляетъ ихъ освобожденіе. Преслѣдуемая даже въ изгнаніи Египтусомъ, то-есть племенемъ Тифона, злобнымъ геніемъ, который хотѣлъ вѣчно ими владѣть, онъ умертвилъ его; Гипермнестра спасла одного только Линцея, сохранившаго ея дѣвственность.

Трилогія ѳивская, имѣвшая предметомъ несчастія этого священнаго города, состояла изъ частей «*Дайя*», «*Эдипъ*» и «*Семь вождей передъ ѳивами*». Преданія жрецовъ естественно должны-были представлять этотъ городъ счастливымъ и цвѣтущимъ подъ восточнымъ владычествомъ; когда же племя эллиновъ завладѣло ѳивами и позволило себѣ объяснять

гіероглифы сфинкса и измѣнять религіозныя постановленія, —это повлекло за собою бѣдствія и разрушеніе города; вотъ содержаніе первой части: Лаій убитъ Эдипомъ, древнее начало убито новымъ. Вторая часть есть олицетвореніе судьбы новаго основанія. Насилія, тиранство, развратъ, самоубійство, отпеубійство, морь, ужасающіе оракулы, всѣ кары, которыя боги посылаютъ виновному человечеству— вотъ содержаніе *Эдипа*, исторіи искупленія и мстительной судьбы. Въ третьей части, называемой «*Семь возгдѣй передъ Оивами*», священный городъ освобожденъ; боги приняли его подъ свою защиту; молнія убила враговъ на его укрѣпленіяхъ; дѣти Эдипа умертвили одинъ другаго, и Тирезій, то-есть духовенство, является въ прежней славѣ.

Наконецъ, аргосская трилогія дошла до насъ вполне; она состоитъ изъ «*Агамемнона*», «*Козфоровъ*» и «*Эвменидъ*». Здѣсь, три части мистической трилогіи, примѣнены къ фамиліи Пелопидовъ. Во-первыхъ, паденіе царя царей, побѣдителя троянцевъ, принесеннаго въ жертву измѣною женщины; во-вторыхъ, ужасное наказаніе этого преступленія новымъ злодѣйствомъ: Орестъ умерщвляетъ свою мать, Клитемнестру; наконецъ, въ-третьихъ, возстановленіе Ореста чрезъ посредничество божественной дѣвы, цѣломудренной Паллады.

И такъ, не безъ основанія обвиняли Эсхила въ томъ, что онъ обнародовалъ тайну мистерій; чтобы оправдать это обвиненіе необходимо обратиться къ чертамъ сляшккомъ рѣзкимъ какой-либо изъ его пьесъ; достаточно было вникнуть въ нравственный смыслъ всѣхъ исчисленныхъ нами трилогій. Но законъ,—хранить тайну, падалъ безъ сомнѣнія, только на нѣкоторые обряды; невозможно было, въ самомъ-дѣлѣ, скрыть духъ этихъ церемоній, потому что онъ необходимо имѣлъ сильное вліяніе на образъ жизни и мыслей каждаго посвященнаго. Этимъ-же самымъ объясняется и преданіе, будто Эсхилъ писалъ свои трагедіи по-повелѣнію Бахуса, который явился ему во снѣ, то-есть, другими словами, что догматъ діонисіевыхъ таинствъ былъ истиннымъ вдохновеніемъ для этихъ созданій. Сценическая постановка вполне соответствовала этимъ идеямъ: машины, назначенныя для явленій сверхестественныхъ, алтари, гробницы, призраки, выходцы изъ ада—все это поражало зрителей религіознымъ ужасомъ; величественныя одежды, выдуманныя самимъ поэтомъ, послужили, вполнѣд-

ствіи, если вѣрить Атенейю, образцомъ для одежды гіерофантовъ и аколитовъ. Все это служитъ подтвержденіемъ нравственнаго единства драмы Эсхила съ основнымъ догматомъ греческихъ мистерій.

Но высшее выраженіе греческой драмы должно искать у Софокла. Эсхиль, проникнувъ въ тайны святилища, схватилъ въ немъ мысль религиозную и вывелъ ее на свѣтъ, гдѣ потомъ завладѣли ею свобода философская и художественная. Это стремленіе въ Эсхиль, такъ же, какъ и въ Софокль, было слѣдствіемъ духа поэзіи Гомера, духа нововведеній, враждебнаго жрецамъ, у которыхъ онъ отнялъ исключительную власть толкованія и сдѣлалъ ее всеобщимъ достояніемъ.

Однакожъ, дѣло Эсхила, была только высокая попытка: пьесы его, чрезвычайно простыя, очень справедливо называются *эпизодами*, вставленными въ хоры; кромѣ-того, въ этихъ пьесахъ еще занимаетъ много мѣста таинственность; фантастическія сцены, подобныя *Прометею* и *Эвменидамъ*, показываютъ, что древній міръ еще имѣлъ на нихъ большое вліяніе. Явился Софокль, и, какъ Нептунъ, онъ въ три шага прошелъ безпредѣльность. У него, таинственное и гигантское—почти не являются на сценѣ; что же касается божественныхъ лицъ, которыя выходятъ на нее, какъ лица вводныя, на-примѣръ въ *Аяксы*, и *Филоклетъ*, то они близко подходятъ къ человечеству. Боги Софокла находятся въ такомъ-же отношеніи къ богамъ Эсхила, какъ боги Фидіаса къ статуямъ эгинской школы. Софокль не могъ совершенно отказаться отъ мѣта, потому что имъ были наполнены народныя преданія, но онъ удалилъ мѣта въ рассказъ, какъ будто слѣдуя правилу: *pes Deus intersit*, которое позже предложилъ Гораций. За то, Софокль выводитъ человѣческіе характеры, страсти, приключенія; онъ сокращаетъ хоры, чтобы дать болѣе простора сценамъ: увеличиваетъ число лицъ; придаетъ имъ выпуклость столкновеніемъ противоположностей; драма его еще довольно проста, но различныя положенія облуманы и введены въ нее съ такой глубиною, что самыя разнообразныя движенія души развиваются въ нихъ съ легкостью, исполненною силы и величія. Здѣсь—плодъ наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ; это—греческій духъ въ своемъ творческомъ движеніи, духъ, который мы уже изучали въ Гомерѣ: вотъ отчего, сравнивая этихъ двухъ геніевъ, назы-

вали Гомера эпическимъ Софокломъ, а Софокла трагическимъ Гомеромъ. Еще болѣе: Софоклъ первый получилъ отъ театральнаго суда позволеніе — представлять сряду только одну пьесу, то-есть онъ разбилъ священную трилогію и освободился отъ мистической формы. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ освободился отъ мысли религіозной? Напротивъ, у Софокла теряется маѳъ, матеріальная форма преданія, — и религія представляется, не въ басняхъ, но въ вещественной и моральной жизни человѣка; подобно Гомеру, Фидіасу и Моисею, Софоклъ созерцаетъ божество въ человѣкѣ, созданномъ по его образу, и изучаетъ провидѣніе въ явленіяхъ, какими оно высказывается въ сердцѣ всего человѣчества: такова философія драмы Софокла.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЯ ГРЕТХЕНЪ.

(Изъ «Фауста» Гете.) (*)

Улетѣль мой покой!

Сердцу тяжко въ груди:

Никогда мнѣ его,

Никогда не найти!

Тамъ, гдѣ милаго нѣтъ,

Вѣетъ холодъ могилъ,

Тамъ все пусто, — и свѣтъ

Безъ него мнѣ не милъ.

(*) Эта пѣсня была неоднократно переведена на русскій языкъ. Мы имѣемъ переводы Струговщикова, Губера, Вронченки, Веневитинова, Струйскаго и Кони, но переводъ, предлагаемый здѣсь, ближе всѣхъ подходитъ къ подлиннику. Намъ приятно при этомъ сообщить, что почтенный Н. П. Грековъ уже нѣсколько лѣтъ трудится надъ переводомъ всего *Фауста*. Если остальное будетъ соответствовать этому отрывку, то мы можемъ поздравить публику съ прекраснымъ и весьма вѣрнымъ переводомъ безсмертнаго творенія германскаго поэта. *Ред.*

Голова у меня
 Помышалась отъ думъ:
 Отягченъ, омраченъ
 Въ ней, бѣдняжка, мой умъ.

Улетѣлъ мой покой!
 Сердцу тяжело въ груди:
 Никогда мнѣ его,
 Никогда не найти.

Я въ окно-ли гляжу,
 Я изъ дома-ли вонь,—
 Все его я слѣжу,
 Все мнѣ видится онъ!
 Что за станъ! что за видь!
 А улыбка въ устахъ!
 А огонь, что горитъ
 Въ этихъ дивныхъ глазахъ!
 Рѣчь живая течетъ,
 Что журчаніе струй!
 Какъ онъ руку мнѣ жметъ!....
 И какой поцѣлуй!....

Улетѣлъ мой покой!
 Сердцу тяжело въ груди:
 Никогда мнѣ его,
 Никогда не найти!

Грудь изныла моя —
 Рвется имъ обладать....
 О, зачѣмъ-же нельзя,
 Мнѣ его удержать,
 Сжать въ объятяхъ своихъ,
 Цѣловать его, мѣть,
 И, цѣлуя его,
 Умереть!

Н. Грековъ.

ВЪНЕЦЪ МИРОЗДАНЬЯ.

Мощнымъ длави мановеньемъ
Миръ создавъ, Господь воззрѣлъ —
И чудеснѣйшимъ твореньемъ
Землю скрасить восхотѣлъ.
Онъ у звѣздъ взялъ блескъ ихъ чистый,
Взялъ дыханіе у розъ,
Снялъ росу съ травы душистой,
Гибкость взялъ у винныхъ лозъ.
Изъ морской скорлупки вынулъ
Онъ жемчужинъ стройный рядъ,
Яхонтъ чистый къ нимъ прикинулъ;
Снялъ съ горы живой каскадъ;
У лазури цвѣтъ небесный,
У снѣговъ взялъ бѣлизну;
Силой творчества чудесной
Въ массу сплавилъ все одну.
Вышло чудо отъ смѣшенья,
Два — творчества вънецъ,
Нѣги, страсти, упоенья —
Первобытный образецъ!
Двѣ звѣзды зажглись въ глазницахъ,
Розой вспыхнули уста,
Заиграла на рѣсницахъ
Слезъ алмазная роса.
Улыбнулись жемчугами
Губки яхонта живѣй,
И открылись небесами
Вѣки томные очей.
Полился на снѣжны плечи
Кудрей шелковый каскадъ,
Зазвучали дивно рѣчи,
Полны нѣги и отрадъ.
И съ-тѣхъ-поръ сынъ праха скудный
Немощь силъ своихъ узналъ:

Для него тотъ образъ чудный
 Вѣчнымъ пламенникомъ сталъ.
 Предъ эмблемой всей природы
 Въ воплощеніи живомъ —
 Преклоняются народы
 Очарованнымъ челомъ,
 Въ безотчетномъ упоеньи
 Тайнымъ пламенемъ горять,
 И Творца въ его твореніи
 Всею душой боготворять.

Θ. Кони.

ЧАСЪ ВДОХНОВЕНІЯ.

(Изъ Виктора Гюго.)

Есть чудный часъ въ ночи, часъ дивнаго молчанья,
 Въ которомъ все мгновенья сочтены:
 То часъ владычества воспоминанья
 И самовластія мечты.
 Въ тотъ чудный часъ молчатъ языкъ страстей живыхъ,
 Душъ понятнѣй вдохновеенья,
 Слышнвѣй созвучіе аккордовъ неземныхъ
 И внята тайна наслажденья.
 И умъ свободою, а сердце нѣгой полны....
 А изъ груди — не вырвешь словъ.
 Такъ въ бурю грозную высоко плещутъ волны,
 Не исторгаясь изъ береговъ.

М. Бибиковъ.

П О Э Т Ъ.

(Изъ Виктора Гюго.)

Поэтъ! не дорожи хвалою рукоплескавій,
Презри толпы глупцовъ холодный приговоръ:
Исчезнетъ славы мигъ, какъ сонъ воспоминаній,
Какъ на небѣ ночью блестящій метеоръ.
Поэтъ — ты царь! Въ тиши, среди уединенья,
Свободный геній свой ты думою взлелѣй,
И, выдержавъ борьбу съ дружиною страстей,
Не требуй отъ людей суда и награжденья!

М. Бибииковъ.

П Р И З В А Н І Е.

Оставя тайну старины,
Оставя рай съ его змеёю,
Намъ должно вѣровать душою,
Что мы для счастья рождены.
Не горечь слезъ, не ядъ печали,
Не иго суетныхъ заботъ,
И не страстей постыдный гнѣтъ
Намъ небеса предназначали.....
Своей фантази крыломъ
Намъ не зачѣмъ теперь напрасно
Расплескивать родникъ прекрасный
Съ воображаемымъ добромъ:
Къ чему кипящія мечтанья
Волшебно-лживыя созданья?
Къ чему тамъ вымысль и обманъ
Гдѣ есть существенное счастье?

Разгонимъ только безъ пристрастья
 Густой, губительный туманъ
 Нелпыхъ мыслей, жалкихъ мнѣній,
 Невѣрья, зла и заблужденій,
 И, правду сердцемъ полюбя,
 Вглядимся мы въ самихъ себя.....

В. Соколовскій. (*)

ИЗЪ В. ГЮГО.

Благоуханный май въ поля насъ призываетъ :
 Пойдемъ же ! Пусть тамъ все на душу навѣваетъ
 Восторги съ нѣгою : и тѣнь густыхъ дубовъ,
 И испещренный лугъ узорами цвѣтовъ,
 И теплымъ вечеромъ надъ рѣчкой мѣсяцъ полный,
 Бросающій свой блескъ на дремлющія волны,
 И исчезающій тропинки слѣдъ вдали,
 И синій небосклонъ, съ которымъ край земли
 Соединяется, какъ будто бы устами
 Прикованъ къ мантии, спущенной небесами.
 Пойдемъ ! Пускай тамъ звѣздъ лучъ двѣтвенный во мглѣ,
 Сквозь тысячи тѣней, стремящійся къ землѣ,
 Пусть лѣсъ, гдѣ кроются и ароматы и пѣнье,
 Пусть зноимъ полное зѣфира дуновенье,
 Пусть солнца яркій свѣтъ, цвѣты, земля, волна,
 И все, что принесла природа въ даръ весна,
 Заставитъ разцѣсти своей могучей властью,
 Чело твое красой, а сердце пылкой страстью.

Н. Грековъ.

(*) Покойный авторъ «Мірозданія».

ТЕАТРАЛЬНАЯ ДЪТЮШИСЬ.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Царская трость, или Деревянный ходатай. Комедія-анекдотъ, въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. А. В. В.-ва.

Модныя петербургскія леченія. Шутка-водевиль, въ одномъ дѣйствіи. Соч. Г. ***

Наказанная кокетка, или Замужняя вдова. Оригинальная (?) комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. Кн. ***

Полюбовный де(л)ежъ, или комната съ двумя кроватями. Шутка-водевиль, съ французскаго.

Четверо часовыхъ у одной будки. Драматическая шутка въ одномъ дѣйствіи, переведенная съ итальянскаго П. Г. Ободовскаго.

(Бенефисъ режиссера Куликова.)

11-го апрѣля.

Бенефисъ г. режиссера Куликова... Но, позвольте, почтеннѣйшій зритель: вы для чего спѣшите въ театръ съ такой вос-

торженной и радостной миной? Если вы торопитесь въ храмъ искусства, если вы ждете эстетическихъ наслажденій, ищите прекраснаго слова, высокихъ мыслей, благородныхъ ощущеній.... то вы въ большомъ заблужденіи съ вашимъ устарѣлымъ взглядомъ на искусство, съ вашими требованіями, несогласными съ настоящимъ направлениемъ и порядкомъ вещей, съ вашимъ изысканнымъ и щекотливымъ вкусомъ! Кто-же нынче требуетъ отъ *бенефиса* всего того, на что вы изъявляете претензіи? Взгляните на афишу: это бенефисъ для шутки, онъ весь составленъ изъ *шутокъ* и *анекдотовъ*, изъ шутокъ всѣхъ родовъ и націй, изъ шутки русской, шутки французской, шутки итальянской, это въ драматическомъ смыслѣ тоже, что въ литературномъ «Скалозубъ или пересмѣшникъ.» Здѣсь хотятъ васъ забавлять, потѣшать, заставить смѣяться, уморить со смѣху. Ну, что-же, въ добрый часъ! Лучше умереть отъ смѣха, чѣмъ отъ скуки! Лучше забавляться, чѣмъ терзаться. Вспомните француза, который сказалъ:

La joie est bonne à mille choses,

Et le chagrin n'est bon à rien!

И такъ, не ждите и отъ насъ критики, разбора, взгляда,— всѣ эти вещи требуютъ прежде всего предмета, а *шутка* не есть *предметъ*, для шутки не существуетъ ни критики, ни разбора, ни взгляда, шутка или остроумна или глупа, забавна или приторна, шутку можно пересказать, но нельзя разбирать, потому—что это мыльный пузырь, чуть до него дотронешься—разлетится и не оставитъ даже слѣда послѣ себя. Писать критику на шутку тоже, что построить дворецъ для мошки, что написать диссертацию о понюшкѣ табаку, что поставить монументъ за *польку*. Избави насъ Боже отъ подобнаго подвига! Напротивъ, мы очень рады, когда видимъ, что люди шутятъ; они тогда, по-крайней-мѣрѣ, не принимаются за дѣло; а кто любитъ шутить, обыкновенно портитъ дѣло. Стало-быть—шутка полезна: тутъ и волки сыты, и овцы цѣлы. Вы, пожалуй, на это скажете, что есть предметы, которыми не слѣдовало-бы шутить; есть вещи, крайней важности, которыя обращать въ шутку не

позволительно; что шутка должна имѣть предѣлы, за которые ей переходить не прилично.... Все это такъ, все это вѣрно, назидательно, честно, но—неумѣстно....

Мы хотимъ шутить—и шутимъ, шутимъ всѣмъ и надъ всѣмъ, шутимъ много, сильно, страшно, шутимъ, какъ русскій чело-вѣкъ, который на-веселѣ кидаетъ шапку вверхъ и, забывая все, кричить: *я гуллю!*

И такъ, вмѣсто критики, мы вамъ перескажемъ весь шутки бенефиса г. Куликова и предоставляемъ вамъ самимъ обсудить ихъ, какъ вамъ на умъ впадетъ.

Царская трость—есть анекдотъ изъ временъ Петра Великаго, котораго каждый шагъ, каждое дѣйствіе можетъ служить сюжетомъ для подобной пьесы, потому—что въ каждомъ словѣ, каждомъ дѣйствіи этого монарха проявлялась высокая человѣч-ность, стремленіе къ благу, къ истинѣ и къ порядку. Это об-щій характеръ всѣхъ великихъ людей. Содержаніе пьесы про-сто: одному вельможѣ, съ силой и властью, захотѣлось разши-рить свое помѣстье на триста десятинъ; покупать ихъ сильному чело-вѣку не приходится, это была-бы лишняя издержка. Всего лучше, по праву *сильнаго*—отнять эту землю у *бѣднаго* помѣ-щика, который не посмѣетъ и пикнуть, потому—что тягаться—у него не хватитъ денегъ, а до царя его сильные не допустятъ. Логика весьма простая и удобоприложимая для вельможи. Но при Петрѣ Великомъ, такія продѣлки не такъ—то легко схоли-ли съ рукъ. Ограбленный тамбовскій помѣщикъ Курчаевъ, со-бираетъ послѣднія свои крохи и съ дочерью отправляется въ Петербургъ. Онъ подаетъ прошеніе, но при самомъ началѣ, секретарь суда, Трухчинъ, отбираетъ у него послѣдніе сто ру-блей. Несмотря на этотъ вторичный грабежъ, дѣло рѣшаютъ, ужъ *разумѣется*, въ пользу сильнаго вельможи. Старикъ и дочь его остаются безъ куска хлѣба. Все ихъ достоиніе ограничивается только образомъ, которымъ мать, умирая, благословила дочь свою и старымъ мундиромъ въ заплатахъ, въ которомъ сынъ Курчаева убитъ подъ Полтавою. Въ отчаяніи, старикъ идетъ продать свой кафтанъ, чтобъ утолить голодъ дочери. Онъ не можетъ удержаться отъ слезъ. Въ этомъ положеніи видать его господинъ, влущій въ одноколку. Незнакомецъ останавливаетъ я и спрашиваетъ его о причинѣ горя. Старикъ открываетъ ему свою душу... «Ну, говоритъ ему незнакомецъ, я не совѣтую тебѣ без-

поковтъ государя, а вотъ возьми эту трость, она окажетъ тебѣ хорошия услуги и будетъ твоимъ ходатаемъ!» Старикъ мало утѣшенъ пріобрѣтеніемъ палки, которая ему не по-росту; онъ относитъ ее домой и спѣшитъ продать свой кафтанъ. Во время его отсутствія, является секретарь Трухчанинъ съ приказною сводочью, оскорбляетъ бывшую дѣвушку и начинаетъ описывать скучное имущество помѣщика. Доходить дѣло и до трости. Но тутъ роли мѣняются: наглые приказные—не смѣютъ къ ней прикоснуться, падаютъ перель нею на колѣна, дерутъ свою преступную опись, и сознаютъ правоту осужденнаго. Прибываетъ Балакиревъ и приноситъ разгадку—этой странности: трость — царя Петра Великаго, та самая, которая такъ благодѣтельно щупала ребра вельможныхъ негодяевъ, такъ ощутительно исправляла добродѣтель воровъ и взяточниковъ.

Авторъ этой пьески, видимо пишетъ въ первый разъ для сцены; оттого его анекдотъ страдаетъ всеми недостатками непривычной руки: въ немъ нѣтъ движенія, нѣтъ эффектовъ, нѣтъ силы, и разговоры — болѣе фразы, чѣмъ мысли и чувства. Вы угадываете развязку изъ первой сцены и вся драма теряетъ интересъ. Но несмотря на всѣ эти недостатки неопытности и сценическаго навыка, въ ней есть мѣста любопытныя и забавныя. Къ первымъ принадлежитъ артикулъ старинныхъ стрѣльцовъ, ко вторымъ сцена съ тростью и другая, въ началѣ пьесы, съ квартальнымъ надзирателемъ, который допускаетъ, чтобы у богатыхъ куницовъ ломился заборъ и не было мостковъ передъ домомъ, на томъ основаніи, что эти почтенные люди справляются, когда бываетъ его рожденіе и именины его супругицы. Сцена эта ясно доказываетъ, что не всегда справедлива поговорка:

Tempora mutantur et homines cum illos.

«Наказанная кокетка» сильно отмщаетъ зрителямъ такимъ-же наказаніемъ, заставляя ихъ напрягать все-возможное вниманіе и ничего не понять изъ ея интриги. Г-жа Терская, оставя мужа хозяйничать въ деревнѣ, обзавелась въ Петербургѣ обожателями. Главный изъ этихъ обожателей *графъ* Диверскій, который пріѣхалъ въ Петербургъ, по дѣламъ, а въ деревнѣ оставилъ жену на бездѣльи. Но г-жа Терская весьма неразборчива; неговоря уже, что она выбрала графа—самаго дурнаго тона, съ

самыми мѣщанскими манерами, она позволяет за собой волочиться, какому-то неприличному мальчику, князю Драматургину, который, по-видимому, приобрѣлъ воспитаніе въ какой-нибудь уздной школѣ, дѣлаетъ дамамъ визиты въ сюртукѣ, и входитъ въ гостиныя съ неблагопристойной палкой. Но отъ палки - то вся и бѣла. И эта пьеса, какъ и прельмущая — основана на палкѣ. Это ночной, еще непредусмотрѣнный, элементъ русской драматургіи. Драматургинѣ, пробормотавъ Терской какія-то непонятныя стихи, заставляетъ ее пропѣть куплеты—à la Віардо — Гарсія, и уходитъ, оставя свою палку. За нимъ является графъ Днѣпровскій, видитъ палку и начинаетъ разыгрывать Отелло. За нимъ, является г. титулярный совѣтникъ Цветковскій и Терская навязываетъ ему палку, чтобы смягчить ревность Днѣпровскаго. Между-тѣмъ, пріѣзжаетъ пансіонская подруга Терской, Вѣра Павловна. Оказывается, что эта подруга—жена Днѣпровскаго. Супруги мирятся—и тѣмъ наказываютъ кокетку Терскую. Тутъ всего много: есть недурные стихи, есть танцы, есть и арии Віардо, есть обмороки, снѣтны, есть карикатурный чиновникъ, есть забавная пародія хорошаго общества — недостаетъ только бездѣлицы — *смысла*. Ну, да за этотъ недостатокъ и Богъ прощаетъ, а *русская сцена* и подавно!

Роль Терской играетъ—г-жа Н. Самойлова 1; графа — г. Максимовъ 1; князя—г. Толченновъ № 4; Цветковскаго—г. Самойловъ. Онъ придавъ этой роли колоритъ и забавный характеръ. Когда онъ на сценѣ, публика утѣшена и апплодируетъ.

Авторъ имѣлъ особенную претензію на аристократическій духъ въ своей пьесѣ, и между графами, князьями и генералами, для контраста вставилъ чиновника—шуга, какъ эмблему дурнаго тона. Г. Самойловъ, своей прекрасной игрой измѣнилъ смыслъ, онъ былъ шутъ—аристократъ, и благородствомъ своей карикатуры, заставляетъ почти совершенно не жалѣть о судьбѣ Терской, у которой, подъ конецъ, онъ одинъ остается изъ толпы ея сіятельныхъ обожателей.

Недавно пріѣхалъ въ Петербургъ помѣщикъ—Бочковъ. Разумѣется, что Бочковъ—уродъ и дуракъ: это уже принятая форма для всѣхъ русскихъ помѣщиковъ, появляющихся на сценѣ. У Бочкова дочь—которую играетъ г-жа Самойлова; известно, что на русской сценѣ помѣщикъ безъ дочки былъ-бы чѣмъ-то не въ порядкѣ вещей. Далѣе, эта дочка влюблена и выво-

диль верхнія нѣтки, или, какъ говорится технически — *вирдита*. Потомъ, около нея есть уродецъ, Хрисанфъ Карычъ Миловзоръ, котораго ей, разумется, прочагъ въ женихи и котораго она, такъ-же разумется, терпѣть не можетъ. Стало-быть, до-сихъ-поръ въ шестъ все обстоитъ въ намежащемъ порядкѣ, и притомъ въ порядкѣ, принятомъ съ-поконъ-вѣку: всѣ лица русской народной *арлекинады* на-лицо, и Кассандръ-Бочковъ, и Коломбина — дочь его; и женихъ ея — Миловзоръ; и Панталонъ — избранный ея сердцемъ. Недостаетъ только Арлекина и потасовкы. Есть и это: Арлекинъ — г. Прутковъ, а потасовка воспослѣдуетъ преисправная. Всѣ арлекиналы основачы на однихъ и тѣхъ-же лицахъ и на одинакихъ событіяхъ, вся разница между ними въ развязкѣ. Здѣсь развязка слѣдующая. Бочковъ спитъ только двадцать часовъ въ сутки, и ѣсть всего пять разъ въ день, два раза закусываетъ, одинъ разъ объедаетъ, одинъ разъ полдничаетъ и разъ ужинаетъ; щеки его хотять лопнуть, шея утонула въ плечахъ, чревеса перешили мѣру человѣческаго образа и подобія; изъ всего этого онъ очень *логически* заключаетъ, что у него нѣтъ сна, нѣтъ аппетита, и что онъ страшно боленъ. Его уговариваютъ лечиться. Прутковъ — Арлекинъ, пріятель чиновника Смирнаго-Панталона беретса уладить счастье друга: онъ является докторомъ и совѣтуетъ Бочкову употребить методу гимнастики. Бочковъ, смѣшивая, для остроты, безпрестанно *гимнастику съ магнезіей*, соглашается. Глупаго жениха Миловзора, у котораго лезутъ волосы, Прутковъ лечитъ тѣмъ, что во-первыхъ треплетъ, ко всеобщему удовольствію *почтеннѣйшей* публики, за вихоръ, а во-вторыхъ обвертываетъ въ мокрую простыню, въ которой онъ и путешествуетъ по сценѣ. Потомъ, въ квартирѣ Бочкова вдругъ является цѣлое гимнастическое заведеніе, съ разными машинами и снарядами цытки и даже съ больными. Но какъ-же это сдѣлалось? спросите вы. — Очень просто, какъ и все дѣлается въ арлекинадахъ — *deus ex machina*. Здѣсь Бочкова начинаютъ бить сперва кулаками по спинѣ, потомъ *палками* по пяткамъ, потомъ, наконецъ, на огромномъ коромыслѣ поднимаютъ подъ самый потолокъ и держать тамъ до-тѣхъ-поръ, пока этотъ бѣдный, избитый Кассандръ, даетъ свое согласіе на бракъ Коломбины съ Панталономъ. Значитъ и тутъ *палки* вошли въ драматическія права свои. Недостаетъ только благодѣтельной феи на облакахъ, въ

бенгальскомъ огнѣ, чтобы повершить это замысловатое произведение великопнымъ спектаклемъ. Эта пьеса называется «*Модная Петербургскія леченія*», прибавимъ: *отъ страсти къ театру*.

Нѣсколько голосовъ потребовали автора, который не былъ поименованъ на афишѣ. Вышелъ... это литераторъ: умолчимъ его имя, изъ уваженія къ нему.

Г. Мартыновъ въ роли Бочкова—чудесенъ, но, къ сожалѣнію, это роль недостойная его высокаго дарованія. Уважая въ немъ художника, мы объ немъ жалѣмъ.

Пьеса имѣла успѣхъ и не мудрено: кромѣ разныхъ другихъ причинъ, ова есть *resumé* (сводка) всѣхъ эффектныхъ сценъ, употребленныхъ уже сто разъ въ другихъ фарсахъ. Впрочемъ, авторъ правъ, онъ послѣдовалъ словамъ Мольерова Клеона, который говоритъ:

L'amusant couvre tout, il rend tout legitime;

Aujourd'hui, dans le monde, on ne connait qu'un crime,

C'est—l'ennui; pour le fuir tous les moyens sont bons.

Это русская шутка, теперь посмотримъ французскую.

«*Полюбовный дѣлежъ*» провозводятъ между собою Флоридоръ Пишо и Исидоръ Мишо. Оба они женаты на госпожѣ Пишо—Мишо. А случилось это вотъ—какъ: Пишо любилъ кутнуть, сладко съѣсть, крѣпко выпить, а въ долгъ ему не вѣрили. Вдова самаго сочнаго возраста, пльвилась его наружностью и предложила ему порядочное состояннще съ придачею своей руки. Пишо рѣшился принести наружность въ жертву желудку, но жестоко обманулся. Ему ежелдневно отпускались полновѣсныя пощечины, но ни полушки денегъ. Такая жизнь показалась ему похожею на лихорадку, которая такъ—же бьетъ человека, и потому онъ рѣшился избавиться отъ нея моднымъ способомъ—водолеченіемъ. Онъ преисправно раздѣлся и бросился въ Сену. На противоположной сторонѣ онъ вынырнулъ, взявъ чемоданчикъ, который ожидалъ его на берегу, и пустился странствовать. Черезъ четыре мѣсяца всплылъ трупъ; маламъ Пишо признала въ немъ своего мужа, схоронила съ почестію и вышла за-мужъ за кожевника Мишо. Мишо былъ страдалецъ болѣе терпѣливый, чѣмъ его предшественникъ, и переносилъ невзгоды своей супруги съ стоицизмомъ Сократа. Въ одинъ прекрасный вечеръ, Пишо, странствуя около Парижа, заходитъ въ гостини-

вицу маленькаго городка. Ему отводить комнату; онъ ложится и вдругъ слышитъ храпъ. Открывается, что въ комнату двѣ кровати и на одной уже изволятъ почивать кто-то. Пишо будитъ своего сотоварища и проситъ его не храпеть. Слово за слово — объясняется, что товарищъ этотъ Мишо. Найдя такъ нечаянно мужа своей жены, честный кожевеникъ непременно хочетъ уступить ему свое драгоценное достояніе. Но Пишо не менее его великодушенъ — онъ отказывается отъ обладанія такимъ сокровищемъ, въ пользу втораго супруга. Сначала мужа — соперники хотятъ рѣшить споръ дуэлью на вертелъ и на пистолетъ. Потомъ, разсудивъ, что со смертью одного, другою не избавится отъ жены, они прибѣгаютъ къ другому средству. Они ставятъ свою живую половину на карту: Пишо мечетъ штокъ, Мишо понтируетъ. За выигрышъ завязывается новый споръ: карта Мишо выиграла, онъ полагаетъ, что онъ выигралъ удовольствіе отъжаться отъ жены; Пишо утверждаетъ, напротивъ, что онъ выигралъ жену. Споръ прерванъ полѣхавшимъ дилижансомъ, въ которомъ должна прибыть мадамъ Пишо — Мишо. Но вмѣсто ея является письмо; въ немъ извѣщаютъ, что эта новая Елена, за которую готова возгорѣться война, скоропостижно умерла и мужу своему завѣщала все свое состояніе. Оба мужа отъ восторга пляшутъ польку, подъ музыку Кажинскаго, и чтобы не тягаться, рѣшаются разделить полюбовно наслѣдіе.

Чувствуете-ли вы разницу *французской* шутки отъ *русской*? Чтобы понять, какое впечатлѣніе она произвела на зрителей, довольно вамъ сказать, что роли Пишо и Мишо играли г. Мартыновъ — первый комикъ петербургскій и г. Живокини — первый комикъ московскій сцены. Жаль только, что русскій переводъ украсили нѣкоторыми домашними остротами, безъ которыхъ онъ ничега-бы не потерялъ. Такъ, на-примѣръ, во время ссоры, г. Живокини говоритъ Мишо: «ты *мартышка!*» а г. Мартыновъ отвѣчаетъ Пишо: «а ты *животина!*» — Этому аплодируютъ.

(Я-бы не желалъ, чтобъ меня вызвали люди, которые этому аплодируютъ.)

Остается сказать еще слово о «*четыресть часовыхъ у одной будки.*» — Это *итальянская* шутка, въ *нѣмецкихъ* нравахъ, есть чувствительно — нравственно — назидательная пидилія въ унифор-

мъ. У солдата Фрица болѣвъ папенька, а онъ на часахъ и ждетъ свиданія съ невѣстою. Приходить принцъ и онъ отпускаетъ ему нѣсколько патріотическихъ фразъ: принцъ за это даетъ ему пару обрѣзанныхъ червонцевъ. Приходитъ Шарлотта. Перекинувъ немного любезныхъ пріятностей, Шарлотта надѣваетъ плащъ и шляпу, беретъ ружье на правое плечо и становится на часы, а Фрицъ бѣжитъ провожать папеньку. Приходитъ пьяный ночной сторожъ, докладываетъ публикѣ, что у него въ головѣ всѣ домы вертятся, закуриваетъ трубку и уходитъ. Приходитъ опять принцъ и вмѣсто часоваго находитъ дѣвушку. Она проситъ его надѣть плащъ, шляпу и взять ружье, пока она сбѣгаетъ за Фрицомъ. Приходитъ патруль, принцъ заставляетъ капитана стать вмѣсто себя на часы. Подъ-конецъ, приходятъ всѣ и принцъ, которому по ночамъ нечего дѣлать лучшаго, какъ шататься по улицамъ, послѣ назидательнаго правоученія, благословляетъ влюбленныхъ и даритъ имъ приланое. Эта фантазмагорія, въ которой люди безъ образовъ приходятъ и уходятъ безъ всякой цѣли и намѣренія, есть драматическое изложеніе слѣдующей морали: *«чти родителей своихъ, повинуйся начальству, оказывай любовь и уваженіе къ наибольшимъ, и будешь награжденъ — чиномъ и деньгами.»* Очень назидательно, но чрезвычайно скучно.

Мы знаемъ много итальянскихъ шутокъ Гольдони и Гоцци, но тѣ на эту не похожи: онѣ полны движенія, юмора, остроты и очень забавны. Притомъ онѣ всѣ въ итальянскихъ, а не въ немецкихъ, нравахъ.

Вотъ вамъ весь бенефисъ въ вѣрномъ разсказѣ. До какой степени эти милыя *шутки*, и съ палками и безъ оныхъ, достигаютъ цѣли, каждый усмотритъ самъ. Удержимся отъ всякихъ замѣчаній; кому неизвѣстно, что въ дѣлѣ искусства и самая *шутка* должна быть художественна; что и отъ нея требуется изящество для того, чтобы пѣвнать воображеніе; что шутка на сценѣ должна быть такова, какою она являлась бы въ хорошемъ обществѣ, весела, не натянута и остроумна; что непрерывная шутка — дѣйствуетъ обратно своему назначенію: она тоже, что шампанское, одинъ бокалъ — пріятенъ и веселитъ, пять бокаловъ производятъ — олушнѣе. Зритель, существо капризное и слабое, надо шадить его, чтобы онъ не воскликнулъ:

Шутить и вѣкъ шутить —

Какъ васъ на это станеть!

В. И. ЖИВОКИНИ

на петербургской сценѣ.

Судьба сценическаго артиста тѣсно связана съ судьбою общества, котораго онъ служитъ представителемъ и на которое долженъ дѣйствовать своимъ творчествомъ. Чѣмъ выше стоитъ общество на стезѣ образованія, тѣмъ выше его требованія, тѣмъ взыскательнѣе его вкусъ, тѣмъ благороднѣе его сочувствіе къ искусству. Франція нынѣ образованнѣйшая держава — ея актеры — величайшіе таланты въ мірѣ. Общественная жизнь тамъ развита вполне и упрощена до-нельзя, — актеры французскіе по преимуществу естественны и не-натянуты. Они отличные комики. Въ германскомъ обществѣ преобладаетъ мечтательность, умозрѣніе, идеализмъ: — нѣмецкіе актеры — превосходные трагики, но трагики не-натуральные, потому-что самые характеры, которые они представляютъ, не выхвачены изъ житейскаго обихода, а составляютъ олицетвореніе идеаловъ. Актеръ не можетъ преобразовать общества, въ которомъ живетъ, хотя-бы, по своимъ понятіямъ стоялъ выше его и имѣлъ, довольно таланта, чтобы увлекать толпу за собою. Вкусъ народа образовывается не усиліями одного художника, а вліяніемъ многихъ, направленіемъ всего искусства. Прежде всего актеръ старается понравиться публикѣ; для этого онъ угождаетъ ея капризамъ, поддѣляется подъ ея любимыя формы, льститъ ея временному вкусу. Это мѣшаетъ ему углубиться въ самого себя, потому-что онъ весь преданъ внѣшности, оцѣнитъ внутреннія силы, которыя онъ тратитъ на старанія стать въ-уровень съ своими зрителями, и вызвать изъ своей души новые и вѣрные образы, которые одна дають таланту отпечатокъ самобытности и могущества.

Достигнувъ первой своей цѣли — сдѣлавшись любимцемъ публики, хотя и средствами не совсемъ дозволенными художнику, актеръ могъ-бы еще остановиться и начать новый рядъ творчества, достойный его званія и могущій имѣть вліяніе и

на самых зрителей. Публика обыкновенно создает артиста по-своему, но и артист, овладев ею, могъ-бы также, в свою очередь, силою своего таланта, пересоздать свою деспотку. Влюбленный женихъ, всегда подъ властью прихотливой невесты, но съдлавшись мужемъ, онъ самъ начинаетъ надъ нею господствовать.

Къ несчастію, не все артисты постигаютъ вліаніе, которое могутъ имѣть на общество, и увлекшись своимъ потворствомъ и покорностію слишкомъ далеко, не умѣютъ или не могутъ воротиться назадъ. То, что прежде въ нихъ было дѣйствіемъ причуды и необходимости, становится привычкою, обращается въ натуру и незамѣтно поглощаетъ все прекрасныя способности и движенія души, дарованныя имъ природою. Трагическій актеръ, на-примѣръ, знаетъ, что громкими криками, сильными жестами, постояннымъ молодечествомъ, можно всего скорѣе угодить грубой массѣ, которая не постигаетъ ниаго выраженія страстей, кромѣ *неистоваго* и *залихватскаго*, свойственнаго народу въ его обыкновенныхъ явленіяхъ жизни, — и вотъ художникъ становится льстецомъ этой толпы, старается снискать себѣ ея благосклонность, становясь ей, какъ можно болѣе, по плечу. Наконецъ, онъ достигъ желаемаго: твердой ногою сталъ онъ на сценѣ, слава его сдѣлана, теперь-бы слѣдовало *творить*; но прежнія средства обратились ему въ плоть и кровь, прежніе аплодисманы сдѣлались для него неотъемлемою потребностію, и вотъ онъ во всемъ, что-бы ни выражалъ, является — размашистымъ гладіаторомъ, громогласнымъ удалцомъ, корчить, какъ говорится на-Руси, — *молодца*. Прости дарованіе, прости прекрасныя искры художническаго призванія! Онъ потухла на-вѣки: онъ неисправимъ до гроба, и для общества потерялъ артистъ, который былъ-бы его гордостью и славою, и который теперь не переживетъ даже любви той-самой толпы, въ угоду которой принесъ на жертву свои первые порывы, потому-что эта самая толпа идетъ за вѣкомъ, совершенствуется, созрѣваетъ, очищаетъ свой вкусъ и, чрезъ двадцать лѣтъ, стыдится того, что прежде ее тѣшило и льстило ея чувствамъ.

Тоже бываетъ и съ комикомъ. Поблажая неразборчивому классу публики, онъ прибѣгаетъ къ фарсамъ тамъ, гдѣ могъ-бы дѣйствовать истиннымъ комизмомъ; вмѣсто того, чтобъ создавать характеры — онъ вымышляетъ каррикатуры; вмѣсто кудорита художественно-естественнаго, онъ облакаетъ ихъ въ ко-

нія съ людей живыхъ, наиболее известныхъ этой публикѣ. Стало-быть, все его созданіе взято извнѣ, внутреннее творчество не принимаетъ въ немъ участія. Такимъ образомъ, душа его привыкаетъ къ усыпленію, а тѣло—къ этой непрерывной дѣятельности, которая, наконецъ, становится механическою и стереотипною. Походка, жесты, мины, звуки голоса, принимаютъ одинъ, общій тонъ, во всѣхъ характерахъ, несмотря на зѣта, званіе, положеніе представляемыхъ лицъ. Незамѣтно, актеръ дѣлается однообразнымъ, (а это первый признакъ художческаго паденія;) потомъ, онъ кажется приторнымъ, наконецъ — бездарнымъ. И это естественно: не всѣ характеры подходятъ къ принятымъ имъ манерамъ; часто видно между исполненіемъ его и созданіемъ автора явное противорѣчіе, и вотъ артиста обвиняютъ въ неразуміи, въ непониманіи въ характеръ, въ бездарности. А у этого человека, между тѣмъ, цѣлый тайникъ сокровищъ, опущенныхъ ему Провидѣніемъ, но онъ его заперъ и закинулъ ключъ въ эту толпу, отъ которой ждетъ награды и которая непостоянна, какъ мода, измѣнчива — какъ Цирцей, неблаголарна, — какъ разбогатѣвшій нищій. Небольшой кружокъ людей образованныхъ повялъ его положеніе и съ горестью говоритъ: «погибъ еще прекрасный даръ!»

Русскому артисту еще гораздо труднѣе противустать этому заманчивому обольщенію амплудисмановъ. Ему нужно сразу обезпечить свое положеніе, сразу произвести эффектъ и не давать ему остыть: отъ этого зависятъ и его артистическія и житейскія выгоды. У насъ только двѣ большія сцены, гдѣ онъ можетъ занять достойное мѣсто. Для него *быть* и *казаться*, становятся тождественными, и онъ выбираетъ то, что ближе ведетъ къ цѣли. Опасность утратить свое значеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сопряженныя съ нимъ преимущества, подавляютъ всякій совѣстливый порывъ. Въ Парижѣ, гдѣ каждый вечеръ наполняются народомъ восемнадцать театровъ, такая исключительная художническая природа можетъ пренебречь сильными средствами, можетъ стараться утвердить свою славу на сознательномъ дѣйствіи, на уваженіи къ себѣ и къ искусству, ежедневно, понемногу втираться въ любовь публики и привязать ее къ себѣ всею силою своего дарованія и творчества. Тамъ и публика, и пьесы, и устройство, совсѣмъ другія. У насъ пока, надо подчиняться публикѣ, которой большинство необразовано, пьесамъ, которыя не могутъ развить таланта за недостаткомъ

внутренняго достоинства, и наконецъ порядку вещей, который неизмѣнимъ. У васъ, актеръ по-неволѣ становится рабомъ своихъ зрителей.

Мы знаемъ Василія Игнатьевича Живокина болѣе двадцати лѣтъ на сценѣ, мы видѣли его первые дебюты и помнимъ минуты его полнаго торжества въ самую счастливую эпоху его сценическаго поприща. Пишущій эти строки, обязанъ его таланту даже значительной частью своихъ собственныхъ успѣховъ на русской сценѣ и сознается откровенно, что часто г. Живокинъ открывалъ въ начертанныхъ имъ характерахъ такую неожиданную сторону комизма, такія вышуклыя черты, которыхъ не подозревалъ самъ авторъ. Наконецъ, г. Живокинъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, былъ любимецъ московской публики и пріобрѣлъ себѣ славу во всей Россіи, ибо едва-ли есть театръ во внутреннихъ провинціяхъ нашего отечества, гдѣ бы онъ не торжествовалъ своихъ успѣховъ.

Ему даны природою два преимущества, которыхъ не часто достаются въ удѣлъ актеру: подвижная, выразительная физиономія и — *веселость*, — не та поддельная, натянутая и холодная веселость, которая стоитъ артисту страшныхъ усилій и достигаетъ цѣли только при неизмѣримой силѣ таланта, — но веселость живая, обаятельная, проникающая артиста насквозь, которая говоритъ въ каждомъ его взглядѣ, движеніи, словѣ, и какъ электричество, сообщается зрителю. Съ одною этою внутреннею силой, актеръ уже царь на сценѣ: по его волѣ, когда партнеръ веселъ и смеется.

Въ то время, какъ вышелъ на сцену Живокинъ, большая комедія была уже въ упадкѣ. Игались водевили кн. Шаховскаго, Хмѣльницкаго и Писарева, къ нимъ скоро присоединилось еще нѣсколько новыхъ, современныхъ намъ авторовъ. Тогда водевили имѣли еще свое значеніе: это были небольшія комедіи, хорошо веденныя, съ характерами выдержанными, съ разговоромъ живымъ и острымъ, съ цѣлью умною, съ куплетами, написанными не для оперной музыки, а для того, чтобы высказать мысль свѣжую и вѣрную, истину, выхваченную изъ жизни, и высказать ее не подборомъ однозвучныхъ словъ, но колкой эпиграммой, замысловатымъ сравненіемъ или оборотомъ. Здѣсь актеръ съ талантомъ могъ находить матеріалы для созданія: Щепкинъ, Рязанцевъ и Дюръ пріобрѣли себѣ славу такими ро-

лами, написанными для нихъ литераторами, уважавшими въ лицѣ ихъ искусство, для котораго охотно трудились.

Живокини прославили многія изъ этихъ цѣсь своими мастерскими олицетвореніями; водевили эти, въ свою очередь, прославили Живокини. Но всѣ эти водевильныя лица болѣе очерки, набросанные иногда резко, иногда небрежно, болѣе намеки на характеры, чѣмъ характеры дѣйствительные, которыхъ не допускаетъ самая сжатость рамы легкой комедіи или водевиля. Передача ихъ требуетъ отъ артиста меньше проникновенія, меньше творчества, чѣмъ роль значительная въ большой, глубоко придуманной комедіи, гдѣ характеры выработаны во всѣхъ своихъ мелочахъ, гдѣ страстямъ дано болѣе простора, гдѣ въ самомъ выраженіи болѣе света и тѣни. Въ такихъ роляхъ мы встрѣчали Щепкина и Дюра, но никогда не видали г. Живокини. Г. Живокини ограничился водевилемъ и не далъ своимъ артистическимъ началамъ обширнѣйшаго развитія.

Но мало-по-малу водевиль перешелъ въ непривычныя руки, обратился въ забаву школьниковъ, и совершенно измѣнилъ свою форму и содержаніе. Изъ комедіи онъ слѣзлся шуткой, дѣйствіе—замѣнилось утрированными фарсами, характеры—пародіями на лица и карриатурами, куплеты—пустословіемъ съ музыкой изъ оперъ. Актеру пришлось подчиниться направленію самой драматургіи; чтобы выразить утрированное дѣйствіе — онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ фарсамъ, ко всему, что неестественно, передито черезъ край, и противно образованному вкусу, изъ артиста—слѣзаться работникомъ, изъ актера—комедіантомъ, изъ лицедѣя—портретистомъ.

Въ такой сферѣ было суждено обращаться и г. Живокини, чловѣку съ..... дарованіемъ; на эти суетные вздоры онъ долженъ былъ потратить лучшія способности своей души. Трата эта, какъ и охлажденіе къ самому искусству, совершалась незамѣтно. Когда искусство перестаетъ лавать пищу для таланта, оно становится ему противнымъ. Удачныя выраженія, жесты, мины, вычурные и натянутые эффекты, повгоряемые вездѣ и во всемъ, понемногу обратились въ привычку, которая становится второю натурой. И они-то составляютъ существенный недостатокъ, въ которомъ упрекаютъ этого теплаго и усерднаго артиста. За ними, какъ непремѣнное ихъ послѣдствіе, является и другой упрекъ—въ однообразіи.

Г. Живокини поздно вздумалъ явиться на петербургской сценѣ, но все еще довольно рано, чтобы показать, что онъ — натура исключительная, не вседневная, достойная изученія и обсуждения. Онъ сохранилъ еще остатокъ своей одушевляющей веселости, своей индивидуальной наивности и простоты и той непринужденной естественности, до которой никогда не можетъ дойти за все хватающаяся посредственность. Несмотря на все свои недостатки, это артистъ, котораго имя не умретъ въ летописяхъ русскаго искусства, подобно именамъ жалкихъ ремесленниковъ сцены, смотря на претензии и немощныя усилія которыхъ, всегда хочется сказать:

Soyez plutot potier... si c'est votre métier!

Мастерство говорить куплеты доведено у Живокини до французскаго изящества и совершенства, и въ этомъ мастерствѣ выказывается во всемъ блескъ его художественный тактъ: главную мысль, силу сарказма — онъ всегда выставитъ вамъ рельефно и съ эффектомъ. Этимъ мастерствомъ, въ той-же мѣрѣ, не владеть ни одинъ изъ современныхъ нашихъ актеровъ.

Во всякомъ случаѣ, г. Живокини былъ явленіемъ отрапнымъ на нашей сценѣ, хотя дебюты его ограничились только шестью пьесами: «Хороша и Дурна», «Въ тихомъ омутѣ черти водятся», «Два мужа», «Стряпчий подъ столомъ», «Лукреція» и «Полюбовный дьяволъ». Въ лучшихъ его созданіяхъ «Отецъ деютантки», «Благородный театръ», «Крестный отецъ», и проч. мы его не видали. Роль *Жовіалл* — торжество его веселости и мастерства пять куплеты; Дюръ въ этой роли былъ выше его, потому-что въ Дюръ сверхъ качествъ, общихъ съ Живокини, проглядывалъ еще *французъ*. Въ «Хороша и Дурна» созданіе характера у обоихъ этихъ артистовъ очень близко. Здесь у Живокини преобладаетъ неподдельное добродушіе. Роль *Весельева* (въ «Тихомъ Омутѣ») оба артиста играли совершенно различно. Дюръ вѣрно схватилъ общія черты этого характера и передавалъ ихъ съ истиной неподражаемой Живокини, сверхъ того, придалъ этому лицу колоритъ мѣстности, котораго требовало самое дѣйствіе. Этотъ отставной офицеръ, который и въ статской службѣ сохранилъ часть своего гусарства, и, какъ коренный москвичъ, предался той нравственной лъни, которая усыпляетъ всякую энергію и съдѣлала

его работъ жены, — есть типъ, превосходно созданный Живокини, но котораго поразительная истина не можетъ быть такъ опънена въ Петербургѣ, какъ въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, артистъ еще не могъ вполне высказаться въ этой роли на нашей сценѣ, гдѣ половина пьесы выброшена (*) — для краткости безъ всякой пощады смысла. Конечно, пьеса оттого идетъ скорѣе, но нужна ли эта скорость, вотъ вопросъ? и стоитъ-ли она того, чтобы приносить ей на жертву мысль автора и трудъ артиста?

Geschwindigkeit ist keine Hexerei!

Скорость — не искусство! — говоритъ Боско.

Роль трактирщика-брадобрея въ «Лукреціи» есть образецъ наивности и простоты въ игрѣ г. Живокини. Роль *Пишо* создана имъ злѣе; она не представляетъ особенныхъ чертъ, въ которыхъ артистъ могъ бы выказать свой талантъ въ блестящемъ видѣ. Г. Живокини въ ней только-что забавенъ.

Вотъ все, что мы можемъ сказать о нашемъ московскомъ гостѣ, русскомъ актерѣ, по преимуществу, со всеми достоинствами и недостатками, сроднымъ русскому спеническому таланту: съ этимъ природнымъ чутьемъ — истины и натуры; съ этимъ безыскуснымъ выраженіемъ ощущеній, какъ ихъ Богъ на душу положить; съ этой односторонностію колорита, происходящей отъ незнанія характеристическихъ красокъ чужихъ національностей; съ этой безвѣчною въ созавиѣ и даже въ изученіи ролей; съ страстью жертвовать всѣмъ эффекту и гоняться за рукоплесканіями, не разбирая — изъ какихъ слоевъ зрителей они раздаются; наконецъ, съ этимъ несознаниемъ собственныхъ силъ и точки, на которую могло бы поставить его талантъ непрерывное художественное изученіе.

Но каковъ онъ есть — онъ все-таки явленіе болѣе чѣмъ замѣчательное. Мы долгомъ почли высказать злѣе правду, потому-что цѣнимъ, любимъ и уважаемъ въ Живокини художника и человека и отъ души желаемъ ему успѣховъ, но успѣховъ прочныхъ и блистательныхъ, достойныхъ тѣхъ даровъ, которыми такъ щедро наградила его природа.

Федоръ Кони.

(*) Разумѣется, не авторомъ.

ОБОЗРѢНІЕ

ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Аликса (Alix). Комическая опера въ одномъ дѣйствіи; слова гг. *Ню и Фолле*, музыка *Доша*. (Театръ Комической-Оперы).

Голландская пидлія, въ родѣ *Сюльтаны*. Дѣйствіе происходитъ въ Гарлемѣ, родинѣ прелестныхъ тюльпановъ и хорошенькихъ женщинъ, фаянсовыхъ уродцевъ и грубыхъ моряковъ. Томасъ, одинъ изъ послѣднихъ (мы говоримъ о морякахъ) любитъ прелестную Аликсу и проситъ ея руки, и еще не получивъ отвѣта, отправляется на китовую ловлю, въ надеждѣ выгнать изъ моря богатое приданое для своей невѣсты. Но едва только пропалъ изъ виду парусъ корабля, на которомъ онъ отплылъ, какъ является новый влюбленный, молодой и сантиментальный Этьень. Онъ принятъ очень ласково,—и вемудрено! Онъ такой нѣжный и робкій, онъ не мѣшаетъ вздохомъ съ грубыми поговорками, и, главное, не обѣщаетъ подарковъ, но всякій день приноситъ цѣлыя горсти брилліантовъ и свитки кружевъ. На этотъ разъ, Аликса не откладываетъ отвѣта, и не узнавъ напередъ, откуда пріѣхалъ этотъ любезникъ и откуда берутся у него богатства, соглашаетъ-

ся избрать его своимъ мужемъ. Но въ день самой свадьбы, возвращается Томасъ, и—случай еще болѣе неожиданный!—какой-то жидъ, у котораго Этьень безпрестанно дѣлалъ разные займы, является въ то-же самое время, и дерзко требуетъ у прекраснаго жениха ожерелье, въ присутствіи его невѣсты и его соперника. Томасъ въ восхищеніи, что можетъ теперь отмстить, уплачиваетъ долгъ Этьеня и сажаетъ его въ тюрьму. Но Аликса жертвуетъ всѣмъ; она продаетъ жиду всѣ драгоценности, которыя Этьень купилъ для нея, и за которыя теперь платитъ своею свободой; мало этого, Аликса продаетъ даже домъ, перешедшій ей въ наслѣдство отъ матери. Сообразивъ всѣ вышесказанныя обстоятельства и видя, что трудно идти противъ такой любви, Томасъ даритъ Аликсѣ пятьсотъ флоринновъ, отданныхъ жиду, и уѣзжаетъ.

Эта идиллія, подражаніе Беркеню и Гесснеру, имѣла успѣхъ очень сомнительный, и такъ-какъ пьесѣ не доставало только нѣсколькихъ переливовъ свирѣли, чтобы сдѣлаться совершенною буколкой, то свистки, очень удачно поправили при концѣ представленія незначительную ошибку композитора.

Альцеста, греческая пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, аранжированная для французской сцены г. *Ипполитомъ Люка*; музыка написана нарочно для этой пьесы г. *Эльваромъ*, получившимъ первую римскую премію. (Театръ *Одеона*).

Мы списали буквально извѣстіе о послѣднемъ произведеніи, которое *Одеонъ* принесть въ даръ публикѣ. Расинъ поступалъ иначе: онъ просто писалъ «*Андромаха*» или «*Федра*», представляя публикѣ узнавать, греческая-ли это пьеса или латинская, написалъ ли ее Эврипидъ, Эсхиль или Софокль. Теперь такая краткость вышла изъ моды; у насъ первое дѣло — выставить на-показъ побольше фольги да мишуры;

Faites du bruit à la porte,

Et le public est *dedans*,

цѣль Дезожье.

Но полно забавляться игрушками, разложенными у дверей; войдемъ.

Не смотря на пышное названіе: *греческая пьеса* (отчего же *пьеса*, что ровно ничего не значить, а не трагедія, что имѣетъ смыслъ? это не мое дѣло), несмотря на это названіе, мы не нашли, чтобы публика была очень взволнована желаніемъ возобновить мистификацію *театра въ древнемъ родѣ*: она ждетъ настоящую *Альцесту* Эврипида въ ея высокой простотѣ, а не *Альцесту* господина Ипполита Люка; оттого въ театрѣ все обстояло благополучно. И такъ, расскажемъ ходъ поэмы.

Аполлонъ, пасущій стада Адмета, извѣщаетъ публику, что онъ спасъ этого князя отъ смерти, обманувъ Паркъ, и предложивъ имъ принять въ жертву жизнь кого-нибудь другаго, вмѣсто жизни царя Фессалійскаго. Обратившись ко всѣмъ своимъ друзьямъ, къ отцу, къ старой матери, Адметъ нашелъ себѣ искупителя въ своей женѣ, которая рѣшилась за него умереть... И теперь, въ своемъ дворцѣ, въ объятіяхъ супруги, онъ горюетъ, потому-что судьба хочетъ, чтобы *Альцеста* сегодня разсталась съ жизнью. Потомъ приходитъ Смерть; напрасно Аполлонъ умоляетъ ее отказать отъ своей добычи: ужасное божество не внимаетъ его мольбамъ: «Хорошо-же, говоритъ Аполлонъ: какъ бы ты ни была безжалостна, ты смягчись. Уже приближается къ жилищу Фереса герой, котораго посылаю Эвристей похитить коней Діомета, въ ледяныхъ странахъ Фракіи; скоро онъ найдетъ пріютъ въ дворцѣ Адмета и силою отниметъ у тебя его супругу. Не жди отъ меня никакой благодарности, даже если ты исполнишь то, чего я желаю, ты по-прежнему будешь мнѣ ненавистна.»

По нашему мнѣнію, довольно странная постройка драмы—выставлять напередъ ея обстоятельства и развязку; но что-же дѣлать?—Вѣдь это Эврипидъ, и притомъ господинъ Люка, извѣщаетъ *греческую пьесу!*

Продолжаемъ:

Послѣ этого мифологическаго пролога, начинается дѣйствіе. Народъ собрался у воротъ дворца оплакать судьбу *Альцесты* и узнать, жива-ли она еще; служанка рассказываетъ, какія сдѣлала *Альцеста* распоряженія о самой себѣ и о своихъ дѣтяхъ, какъ она молилась богамъ, какъ прощалась съ дворцомъ, въ которомъ испытала столько блаженства, какъ Адметъ, ея супругъ, приходилъ въ отчаяніе; рассказавъ все это съ при-

личными подробностями, служанка ушла во дворецъ, и спустя минуту, опять вышла къ народу, говоря, что роковое событіе должно скоро совершиться. Въ-самомъ-дѣлѣ, вотъ Альцеста, поддерживаемая своимъ супругомъ, прощается съ нимъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, ввѣряетъ ему своего сына и свою дочь... и умираетъ. Адметъ и хоръ изъявляютъ глубокое сожалѣніе. Въ эту минуту является Геркулесъ. Герой, видя печаль на челѣ царя, спрашиваетъ о ея причинѣ. Не желая тревожить спокойствія своего гостя и заставить его искать себѣ приюта въ другомъ мѣстѣ, Адметъ скрываетъ отъ сына Алкмены свою скорбь и приказываетъ отвести его въ комнату, назначенную для чужестранцевъ. Между-тѣмъ, продолжается печальный обрядъ похоронъ: Фересъ, отецъ Адмета, приноситъ жертву подземнымъ богамъ. При видѣ его, Адметъ не можетъ удержаться отъ негодованія, отвергаетъ его дары, упрекая его въ томъ, что онъ позволилъ Альцестѣ пожертвовать своею жизнію. «Ты долженъ быть самый низкій изъ людей, когда не посмѣлъ умереть за своего сына, но предоставилъ эту честь женщинѣ, которую одну только я имѣю право считать своею матерью и своимъ отцомъ. Да, тебѣ предстояло высокое испытаніе—умереть за своего сына; тебѣ оставался короткій срокъ жить на землѣ... ты могъ вполне испытать счастье, доступное человѣку, и проч.» Въ оправданіе свое Фересъ приводитъ убѣдительныя причины. «Я далъ тебѣ жизнь, я воспиталъ тебя, чтобы ты сдѣлался, послѣ меня, властителемъ моего дома, но ни что не можетъ меня принудить за тебя умереть... Ты самъ, безстыдный, боролся съ смертію и ты живъ, ты перешелъ роковой предѣлъ, пожертвовавъ своею женою. И ты упрекаешь меня въ трусости, безчестный, побѣжденный женщиной, которая умерла за тебя, красивой молодой женщиной! Ты нашелъ счастливое средство быть безсмертнымъ, если ты всегда будешь въ состояніи убѣждать своихъ женъ умирать за тебя, и проч.»

Замѣтьте простодушіе греческаго поэта: онъ не боится выставлять передъ зрителями пороки избранныхъ имъ лицъ; какое сочувствіе можетъ возбудить Адметъ, когда онъ выкупаетъ себя цѣною днѣй Альцесты? Правда, если-бы Расинъ вздумалъ развить этотъ сюжетъ, — что, какъ утверждаетъ Лагранжъ — Шансель, онъ намѣревался сдѣлать, — Расинъ,

вѣроятно, скрылъ-бы этотъ недостатокъ Адмета, сдѣлавъ жизнь его необходимою для будущности его дѣтей, для блага народовъ, для поддержанія мира; онъ скрывалъ бы великодушное самопожертвованіе Альцесты до-тѣхъ-поръ, пока не осталось ей никакой возможности ему противиться, — какъ сдѣлали это писатели, которые пытались въ наше время поставить трагедію Эврипида на сцену, Александръ Арди, Лагранжъ, Дюжи — во Франціи; Виландъ — въ Германіи; Альфieri — въ Италіи. Но такія предосторожности, были чужды греческимъ трагикамъ, изображавшимъ фактъ во всей его простотѣ, природу — въ ея истинномъ видѣ.

Приближаемся къ развязкѣ.

Послѣ жаркаго спора сына съ отцомъ, совершается погребальная церемонія. Одинъ изъ слугъ Геркулеса, приставленныхъ къ нему во дворцѣ, не можетъ скрыть своего недовольствія при видѣ шумной радости гостя въ такую минуту. Геркулесъ, замѣтивъ печаль своего слуги, спрашиваетъ его. Наконецъ, онъ узнаетъ причину скорби, царствующей въ дворцѣ: Альцеста умерла! Геркулесъ растроганъ великодушіемъ своего хозяина, который не хотѣлъ огорчить его своимъ несчастіемъ, упрекаетъ его въ грубой безпечности, узнаетъ о мѣстѣ, гдѣ должна покоиться Альцеста, и уходитъ. Адметъ, возвратясь съ погребенія, выражаетъ вмѣстѣ съ хоромъ свою печаль, смотря на комнаты дворца, лишеннаго той, которая украшала его своимъ присутствіемъ, и дѣлаетъ себѣ тѣже упреки, какіе дѣлалъ своему отцу. «Все мои враги скажутъ обо-мнѣ: вотъ человекъ, который жилъ постыдно и не имѣлъ мужества умереть; онъ предалъ свою жену, чтобы подо спастись самому отъ Плутона!» Эти сѣтованія прерваны возвращеніемъ Геркулеса; за нимъ слѣдуетъ женщина, покрытая вуалью. «Возьми эту женщину, говоритъ онъ царю: и сбереги ее до моего прихода.» Адметъ не соглашается, Геркулесъ настаиваетъ, и послѣ долгой сцены, женщина приподнимаетъ покрывало, Адметъ, въ восторгѣ, узнаетъ свою супругу, и Геркулесъ говоритъ своему хозяину, что онъ вырвалъ ее у смерти, чтобы отплатить за гостепріимство.

Вотъ вся трагедія Эврипида. Здѣсь немного движенія, но за то наивная картина нравовъ, древнихъ вѣрованій, и три превосходныя сцены, въ высшей степени патетическія. Между-тѣмъ,

если смотрѣть на нее съ нашей точки зрѣнія на драматическія условія, то въ этой трагедіи многое покажется страннымъ, и самая развязка потребуетъ или вѣры зрителей въ древнюю Судьбу, или оперной обстановки. Понятно, когда въ Германіи, щедрый король, любитель искусствъ и литературы, доставляетъ своимъ придворнымъ и дамамъ, мало знакомымъ съ древностью, представленія нѣкоторыхъ образцовыхъ созданій драматическаго гения Греціи; но въ Парижѣ, въ театрахъ, открытыхъ для всякаго, гдѣ умѣренныя цѣны мѣстамъ, привлекаютъ публику самую пеструю, гдѣ зритель прежде всего ищетъ развлечения, и развлечения, которое—бы стояло въ—уровень съ его умомъ и образованностью, — подобная попытка, естественно, должна остаться безъ успѣха.

Однакожъ, господинъ Люка рѣшился посягнуть на Эврипида... Но, что я говорю, господинъ Люка — человекъ очень умный; онъ только поступилъ, какъ Расинъ, я хочу сказать, какъ Расинъ поступилъ съ *Федрой* и *Андромахой*. Онъ взялъ сюжетъ, избранный Эврипидомъ, нѣсколько сценъ, нѣсколько подробностей, расположилъ все это, какъ ему вздумалось, здѣсь убавилъ, тамъ прибавилъ... Много прибавилъ, даже очень много, и потомъ, чтобы очистить дорогу своему созданію, одѣлъ его въ греческую мантию. Но онъ обманываетъ васъ, онъ васъ ловитъ на удочку, добрые парижане! Пьеса его вовсе не греческая, но французская. Пускай онъ кричитъ себѣ, какъ Вольтеръ, при представленіи *Отелло*: апплодируйте, храбрые люди... римляне или аеиняне: вѣдь это Эврипидъ!... Но я смѣло могу васъ увѣрить, что это господинъ Люка.

Эврипидъ не выводитъ на сцену жрицу, предсказывающую, что Адметъ долженъ умереть, по—крайней—мѣрѣ, если кто—нибудь не рѣшится занять его мѣсто; у Эврипида, этотъ царь не ищетъ вокругъ себя, въ толпѣ подданныхъ, *подставцаго*, который рѣшился—бы прогуляться за него въ темное царство Плутона, и друзья, родные и отецъ Адмета, не разбѣгаются отъ него, какъ овцы, при появленіи волка, изъ предосторожности, чтобы онъ не просилъ ихъ оказать ему эту маленькую услугу: все это, весь первый актъ — покленъ на Эврипида. Во—второмъ актѣ тоже не обошлось безъ прибавокъ: Геркулесъ рассказываетъ свою встрѣчу съ Бахуеомъ, богомъ, котораго

онъ «очень уважаетъ,» — во время похоронъ, раздается застольная пѣсня: это еще не бѣда, пускай-бы еще пѣлъ Геркулесъ, не зная того, что вокругъ него дѣлается, но когда всѣ слуги умершей принимаются пѣть хоромъ вакхическую пѣсню,—это, какъ хотите, выходитъ за предѣлы возможнаго.

Наконецъ, въ третьемъ актѣ, атлетовская борьба Геркулеса съ смертію, выведенная на сцену, какъ-то странно уменьшаетъ величіе предпріятія, задуманнаго сыномъ Алкмены; подобныя дѣйствія очень выигрываютъ, если не являются передъ-глазами зрителей:

Multaque tolles

Ex oculis, quae tunc parret facundia praesens.

То-есть: «Скрывай отъ глазъ то, что хочешь краснорѣчиво рассказать.» Такъ поступалъ Эврипидъ. Вообще, по-нашему мнѣнію, господинъ Люка сдѣлалъ большую ошибку тѣмъ, что изящный вкусъ греческаго поэта сохранилъ для разсказа. Длинная перечень подвиговъ Геркулеса, которые предсказываетъ ему жрица, также кажется намъ неудачною прибавкою.

Изъ всего этого вышло произведеніе, которое, не будучи вѣрнымъ воспроизведеніемъ подлинника, не представляетъ интереса возбуждаемаго портретомъ знаменитаго лица, и притомъ произведеніе слишкомъ далекое отъ нашихъ нравовъ и привычекъ, и неспособное удовлетворить сценическимъ требованіямъ зрителей. Слогъ пьесы удваиваетъ ея недостатки: видно, что господинъ Люка не знаетъ по-гречески; переводъ его сдѣланъ съ перевода Арто; значитъ, это копія съ копіи: такимъ образомъ, эта пьеса не имѣетъ привлекательности ни для ученаго, которому не представляетъ состязанія переводчика съ избраннымъ имъ образцомъ, — ни для обыкновенной публики, потому пьеса лишена теплоты, увлеченія, составляющихъ почти всегда личную собственность автора. Кромѣ того, въ *Альцестъ* господина Люка, часто попадаются выраженія очень прозаическія и недостатокъ колорита, отнимающіе весь блескъ у стиховъ Эврипида. Изъ множества небрежностей, приведемъ хоть слѣдующій анахронизмъ, заставившій улыбнуться всю залу. Переводчикъ, или, если угодно, авторъ, то-есть, господинъ Люка говоритъ:

Le vieillard se cramponne aux bords du mausolée, старикъ хватается за край *мазолея*. Надобно-ли замѣчать, что выра-

женіе «Мавзолей», очень странно встрѣтить въ Эврипидовой пьесѣ, которой дѣйствіе происходитъ въ героическій и мѣологическій вѣкъ Греціи. Царица карійская, Артемиза, воздвигнувшая Мавзолу, въ память супружеской любви, знаменитую гробницу, отъ которой получили свое названіе всѣ монументы въ этомъ родѣ, жила, спустя сто-сорокъ лѣтъ послѣ Эврипида.

Остается только сказать о музыкѣ Эльвары, написанной нарочно для трагедіи господина Люка. Увертюра проникнута характеромъ и очень искусно готовится къ драмѣ патетической и религіозной. Но желаніе ввести хоры въ трагедію— вещь неисполнимая; примѣромъ тому служитъ *Говолія*: это превосходное созданіе поэзіи трагической и лирической, дѣлается нестерпимымъ, когда его исполняютъ съ хорами. Казимиръ Делавинь, который старался осуществить въ *Паріи* подобное созданіе, пришелъ къ тому же результату.

Матеріальное исполненіе новой *Альцесты* великолѣпно и роскошно... но роскошно не исторически. Комната Альцесты гораздо приличнѣе была-бы для Аспазіи, нежели для жены царя, стада котораго пасъ Аполлонъ.

Роль Альцесты прекрасно исполнена госпожею Аральд.

Наша дочь—княгиня (Notre fille est princesse). Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ. Соч. *Леона Гозлана*. (Французскій Театръ).

Негоціантъ Роже—миллионеръ, Французскій Банкъ дѣлаетъ ему кредитъ на сколько угодно; онъ счастливъ женою, счастливъ дѣтьми,—словомъ, онъ идеаль счастія этотъ Роже... Но я ошибся: въ стаканъ меду попала капля полыни, и отравила всю сладость. Миллионеръ Роже болѣвъ, да, ужасно болѣвъ; онъ страдаетъ желаніемъ выдать свою дочку за-мужъ за маркиза, графа, князя... Отчего-же не такъ? По-моему, гораздо лучше выйти за князя... «Куда ни шло, говоритъ негоціантъ: но моя Алина будетъ княгиней! Правда, акціи на князей вздорожали, поднялись на полтора миліона франковъ приданаго, но... куда ни шло: наша дочь будетъ княгиней!»

И вотъ, въ-самомъ-дѣлѣ, мамзель Роже обратилась въ княгиню де-Шарлемонъ; имя громкое, но за то оно и не дается даромъ: де-Шарлемонъ, который еще не-больше, какъ князь,

торить, однакожь, деньгами по-царски,—въ полгода, онъ успѣлъ спустить съ рукъ половину приданого. Разумѣется, при такомъ управленіи финансами, мильоны почтеннѣйшаго Роже скончались-бы очень скоро. И такъ, опасаясь слишкомъ—княжеской прыти своего зятя, Роже повернулъ ключъ въ замкъ своей кассы и спряталъ его въ карманъ жилета.

Князь поставленъ въ порядочное затрудненіе: ему надо для *steerle-chasse*, лошадь въ тысячу лундоровъ; ему надо карету, потому—что его любовница (у какого князя нѣтъ любовницы?) непременно хочетъ ѣхать въ новой каретѣ. Противъ трудныхъ болѣзней необходимы и сильныя лекарства.

«Вы торгуетесь за какую-нибудь пачку банковыхъ билетовъ, которые у васъ просить зять,—вскричалъ де-Шарлемонъ въ негодованіи: по неужели вы будете такимъ же скрягою съ отцомъ вашего внука?»

«Моего внука!» Можете судить о восторгѣ простодушнаго мѣщанина, страдающаго честолюбіемъ. Онъ, Роже, нѣкогда работникъ, купецъ, жалкій мильонеръ, видитъ себя дѣдомъ будущаго князя.

«Берите, берите все, мой сѣтельный зять! Хотите вы денегъ, золота, бланкетовъ?... Вотъ вамъ бланкеты; уполномочиваю васъ распоряжаться ими, какъ вамъ вздумается.

Вооруженный банковыми билетами, Атила-финансовъ торжествуетъ; не проходитъ дня безъ того, чтобъ онъ не возвратилъ на свободу десятокъ тысячъ франковъ, запертыхъ почтеннымъ Роже въдушную кассу банка. Между-тѣмъ, золотой родникъ замѣтно высыхаетъ, кредитъ слабѣетъ, торговый домъ Роже начинаетъ покачиваться. Госпожа де-Шарлемонъ, боясь за честь отца, бѣжитъ отыскивать своего мужа, даже въ объятіяхъ его любовницы, (до какого забвенія приличій можетъ довести порывъ дочерней любви!) упрекаетъ его въ безпорядочной жизни, въ мотовствѣ и.—совѣстно сказать,—даже въ плутовствѣ. Князь, который, вѣроятно, бралъ уроки свѣтскости въ романахъ господина Дюма, поднимаетъ хлыстикъ надъ головою своей жены... Но небо и господинъ Гозланъ очень правосудны, они спасаютъ добродѣтель и наказываютъ порока, потопивъ его, вмѣстѣ съ лошадыю, въ прудѣ Кроа-де-Берни. Вѣчная память!

Я чуть не позабылъ сказать, что де-Шарлемонъ оставилъ
Т. IV. Отд. II.

знаменитый портфель съ деньгами и векселями у одной танцовщицы. Къ счастью, вдова покойнаго князя узнала, гдѣ находится складочное мѣсто его финансовъ. Какъ *deus ex machina*, она является къ танцовщицѣ, уноситъ портфель, и разорвавъ гибельныя бланкеты, спасаетъ честь своего отца, которая навѣрно погибла-бы вмѣстѣ съ кредитомъ.

Дитя любви (l'Enfant de l'Amour). Водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. *Балра* (театръ Variétés).

Мосей Пролень, старый Донъ-Жуанъ, достойный портретъ съ этого сумасброда, выбралъ себя, неизвѣстно зачѣмъ, имя кавалера Сен-Жакъ, какъ будто Пролены хуже Сен-Жаковъ, или Сен-Жаки лучше Проленовъ. Впрочемъ, на бѣломъ свѣтѣ дѣйствительно существуетъ какой-то кавалеръ Сен-Жакъ, послѣдній потомокъ этой фамиліи.

Въ одно прекрасное утро, ложный Сен-Жакъ и Сен-Жакъ дѣйствительный, встрѣчаются въ Пале-Рояльскомъ саду. Первый, то-есть Сен-Жакъ самозванецъ, который занялъ у втораго его имя, титулъ и гербъ, предлагаетъ ему квартиру въ своемъ домѣ, поить кредитора лучшими винами, окружаетъ его весьма услугами и отдастъ, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, вѣжнымъ жрицамъ Паллоса (старинный слогъ), а потомъ изъ храма богини красоты, отправляетъ своего гостя въ Бастилію.

Однакожъ, кавалеръ Сен-Жакъ не-промахъ, онъ дерзокъ и, въ прибавку, состоитъ, подъ покровительствомъ Камарго. Онъ ищетъ себя приближца въ Оперѣ, полиція останавдвываетъ дерзкаго на порогъ ложи Камарго. Сен-Жакъ находитъ здѣсь свою невѣсту, молодую и премиленькую Клотильду, и, воспользовавшись присутствіемъ Лудовика XV въ театрѣ, проситъ защиты у короля, послѣ чего Сен-Жакъ признанъ настоящимъ маркизомъ, женится, получаетъ наследство, и проч.

Пьеска очень остроумна и велена прекрасно; сюжетъ, правда, не новый, но роль маленькаго маркиза Сен-Жака, играетъ госпожа Дежазэ, а Дежазэ, какъ свѣжій фонтанъ молодости, оживаетъ все, къ чему ни прикоснется.

Завтракъ (Un Bouillon d'onze heures). *Нѣчто* въ нѣсколькихъ сценахъ. Соч. *Сиродена* и *Моро*. (Театръ Пале-Рояля).

У мосье Рифлэ, въ старинные годы, было на головѣ три волоса, а теперь взбитъ величественный хохолъ, нехуже прически Авессалома.—Отъ чего-бы могло случиться такое превращеніе? Этотъ глубокомысленный вопросъ не даетъ уснуть нѣкому Кокнару, котораго голова, гладкая, какъ зеркало, горитъ желаніемъ проникнуть въ тайну возрожденія волосъ. Что дѣлать Кокнару? Разъ онъ подстерегаетъ Рифлэ за-работою, достойною алхимика. Рифлэ спитъ за-столомъ; передъ нимъ стаканъ съ теплою водою, гореть перловой крупы и ложка масла. Все это Рифлэ вливъ въ кастрюльку, и только-что хотѣлъ выпить, какъ ловкій Кокнаръ выхватилъ у него изъ рукъ волшебное питье, проглотилъ его, и, дрожа отъ радости, ждетъ чудеснаго дѣйствія этой жидкости. Суета, все это суета! почтеннѣйшій мосье Кокнаръ. Элексиръ, который вы проглотили залпомъ.... просто бульонъ, а прическа, которая вскружила вамъ лысую голову — просто парикъ.

Если авторы надѣялись поймать успѣхъ за-волосы, то къ сожалѣнію нашли его невозможно лысымъ.

Брегатскій маякъ (le Phare de Brehat). Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. Бьевилл. (Театръ Gymnase).

Жили мирно два пѣтуха, пришла курица — и загорѣлась война. Вотъ, кажется мнѣ, мысль, которая вдохновила автора написать эту галиматью.

Пьеръ совершенно помѣшался отъ любви, слѣлся мизантропомъ; и уходитъ отъ людей—куда-бы вы думали?—на маякъ, чтобы тамъ ворчать на все челоуѣчество. Сначала приходитъ къ Пьеру его соперникъ, Жавникъ, звать его къ себѣ на свадьбу; потомъ вѣвѣста Жавника, Мариетта, предметъ страсти Пьера, прибѣгаетъ къ нему дѣлать нѣжные глазки. Пьеръ, надо вамъ сказать, ужасный ревнивецъ. Увидѣвъ Мариетту, онъ ни за-что не соглашается ее потерять; Жавникъ тоже крѣпко стоитъ на своемъ — и вотъ загорается война. Кому изъ двухъ пѣтушковъ достанется курица? Пѣтухи и курица пьютъ, танцуютъ, смѣются, плачутъ. Курица — произноситъ рѣшеніе: она любить Пьера, и Пьеръ женится на Мариеттѣ, Жавникъ остается холостякомъ. Публика смотритъ, слушаетъ, занавѣсь опу-

скается, и маякъ гаснетъ отъ вѣтра, который начинаетъ свѣстѣть въ портѣрѣ.

Муфта (le Manchon). Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. Корделье — Делану. (Театръ Одеона).

Октавій де-Мильбергъ и Жюль Риго, живутъ душа въ душу. Оба они адвокаты, только первый основалъ свое требованіе въ Café de Paris, а второй, еще не-такъ извѣстный, занимаетъ маленькую комнату въ Magais. Два друга встрѣчаются въ Елисейскихъ поляхъ. Октавій поджигаетъ красотку, которая отдалась ему въ пьянъ на последнемъ маскарадѣ и назначила свиданіе на saignée Maigny. Онъ долженъ узнать свою прелестную незнакомку по горностаевой муфтѣ, съ голубою атласною подкладкой. Но Жюль, бѣдный Жюль, менѣе счастливъ въ любви. Эмилія де-Сенвилль, его вѣвста, отказала ему на — отръзъ, чтобы собирать лавры на одномъ изъ парижскихъ лирическихъ театровъ. Знаменитая примадонна вылила свое имя въ итальянскую форму и называется Эмилія Дольчи. Пока два вздыхателя повѣряли одинъ другому по — очереди свою любовь, они замѣтили въ роскошной коляскѣ горностаевую муфту. Между — тѣмъ, съ другой стороны мелькнули двѣ точно такія — же муфты. Такимъ-образомъ, вмѣсто одной муфты, молодой человекъ встрѣтилъ ихъ три. Которую выбрать? Божество коляски — Алина де-Пранжи — жена молодого офицера, который, какъ слѣдуетъ молному мужу, гораздо больше любитъ чужихъ женъ, нежели свою. Разумѣется, Октавій выбираетъ себѣ муфту, которая хотя и состоитъ надъ властью мужа, но не такъ недоступна, какъ золотые яблоки, въ саду Гесперидъ. Жюль, какъ слѣдуетъ, женится на Эмиліи, отставной примадоннѣ.

Вся эта пьеса — пуганица невѣроятная. Говорятъ, что она написана хорошими стихами: жаль, не стоило тратить рѣшмы.

Мастеръ Пальма (Maître Palma). Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Бокажа и Фелье. (Театръ Сен-Мартенскихъ Воротъ).

Пальма — молодой живописецъ, великій артистъ; картины его прожываются на чистое золото и лавровую славу. Но талантъ этого художника подчиненъ человѣку, который, въ продолженіи семи лѣтъ, жестоко исчерпываетъ его вдохновенія.

Интрига этой драмы — цѣлая уголовная эпопея, возбуждающая самыя мрачныя чувства.

Человѣкъ, который такъ деспотически располагаетъ гениемъ художника Пальмы — его отецъ, или, вѣрнѣе, мужъ его матери. Онъ дышетъ только мщеніемъ, и оно направляетъ весь его поступки. Онъ убійца, и хочетъ обвинить молодаго живописца въ ужасномъ преступленіи.

Месть эта родилась назадъ-тому двадцать лѣтъ, когда Христіанъ замѣтилъ связь своей жены съ барономъ Арнгеймъ: плодомъ этой преступной связи былъ художникъ Пальма.

Бѣдная мать ослѣпла и живетъ только для сына, предчувствуя опасность, которая ему угрожаютъ.

Съ другой стороны, дочь барона страстно любитъ художника, и между-тѣмъ должна выдти за-мужъ за другаго.

Вотъ канва этого романа, котораго интрига, совершенно непонятная въ первыхъ четырехъ актахъ, объясняется въ послѣднемъ съ драматическимъ жаромъ. Вся дѣйствующія лица собрались на кладбищѣ, и Христіанъ наказываетъ свою жену и барона, выстрѣливъ изъ пистолета въ художника: Пальма, пораженный пулею, падаетъ, и, умирая, прощаетъ все своей матери.

И. К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

ПИСЬМА О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ МУЗЫКИ ВО ФЛОРЕНЦІИ.

Флоренціи, 9-го января, 1847.

..... Ты употребляешь во-зло право требовать услугъ отъ друзей, и это злоупотребленіе тѣмъ неумѣстнѣе, что результатъ, котораго ты отъ него ожидаешь, не поведетъ тебя рѣшительно ни къ чему. Отъ того, что въ прошломъ году, я писалъ тебѣ о римскихъ театрахъ, ты и задумалъ, что я обязанъ нынѣ писать тебѣ о театрахъ Флоренціи, въ которой провожу карнаваль. Бранишь меня за то, что я не продолжалъ писемъ, которыя будто-бы обѣщалъ тебѣ, и въ которыхъ долженъ былъ говорить о музыкѣ *постоллий*, т. е. церковной музыкѣ, концертахъ, и проч., а не ограничиваться *временными* учрежденіями, каковы театры. Сказать тебѣ правду, я было принялся за это дѣло, но скоро убѣдился, что оно мнѣ не по силамъ, что для него требуется многихъ изслѣдованій, которыхъ я не въ состоянн дѣлать, и многихъ свѣдѣній, которыхъ я не имѣю. И такъ, я по неволѣ былъ принужденъ отказаться отъ своего предпріятія; но, чтобы не оставить

твоего желанія вовсе безъ исполненія, я поручилъ это дѣло одному общему пріятелю, который уже другой годъ роется въ библіотекахъ и архивахъ вѣчнаго города. Теперь, ты видишь, что я не совсѣмъ виноватъ; не сердись же, если я, не смотря на всѣ твои настоянія, по-прежнему оставлю въ покоѣ Сикстинскую Капеллу, и буду подчивать тебя одними театрами.

И гдѣ, какъ не во Флоренціи, говорить съ восторгомъ объ оперныхъ театрахъ? Можно-ли забыть, что этотъ городъ былъ колыбелью новой драматической музыки? что она родилась въ тѣхъ милыхъ, блестящихъ и образованныхъ обществахъ, которыя ознаменовали въ Тосканѣ вторую половину XVI столѣтія, въ тѣхъ очаровательныхъ обществахъ, въ которыхъ красовались вельможи, превосходившіе любаго государя богатствомъ и щедростью, литераторы, занимавшіеся единственно литературою, и потому не имѣвшіе гроша за-душою, музыканты, такіе-же бѣдные, но за то расточавшіе фантазіи и варіаціи; женщины, любившія своихъ любовниковъ, и между-тѣмъ не ссорившіяся съ мужьями, и проч., и проч. И все это флю, пило, пѣло, бесѣдало; женщины не судили о политикѣ, мужчины не говорили о желѣзныхъ дорогахъ.

Чудное было время!

Въ этихъ - то обществахъ, и въ особенности въ одномъ изъ нихъ, у графа *Джіакомо Корси*, толкался обыкновенно *Джіакомо Пери*, которому вообще приписываютъ изобрѣтеніе *речитатива*; въ біографіяхъ и лексиконахъ не найдется о немъ почти никакихъ свѣдѣній, что весьма прискорбно для многихъ журналистовъ, выписывающихъ свои музыкальныя статьи изъ біографій и лексиконовъ, не показывая однако-же источниковъ. Я пополню этотъ недостатокъ, благодаря ученому профессору *Додовико Пиккianti*, указавшему мнѣ драгоценный документъ, въ которомъ довольно подробно говорится о *Джіакомо Пери*. Это рукописный комментарий на оскорбительный советъ, написанный однимъ поэтомъ, который, какъ видно, былъ очень золъ на него. Хотя я обыкновенно, ровно ничего не читаю, кромѣ музыки, однако же я со вниманіемъ прочиталъ и советъ и комментарий, и сообщу тебѣ то, что могъ изъ нихъ извлечь.

Джіакомо Пери родился, вѣроятно, между 1560 и 1570 годами; трудно съ точностью опредѣлить, въ Римѣ ли, или во Флоренціи; самъ онъ утверждалъ, что родился въ Римѣ и происходилъ изъ древняго и знатнаго дома *Пери*. На заглавіи своей *Эвридики*, онъ величается флорентинскимъ дворяниномъ (*nobile fiorentino*); но это нисколько не доказываетъ его дворянскаго происхожденія; вообще, во Флоренціи считали его воспитанникомъ *Богдильми св. Екате-*

рины, называвшейся также *Домом призрыня сиротъ*. Не мудрено впрочемъ и то, что онъ родился въ Римѣ, и оставшись сиротою, отправленъ въ городъ, откуда происходили его родители, и потому отданъ въ богадѣльню св. Екатерины, въ которой не разъ воспитывались дѣти гораздо знатнѣйшаго происхожденія. Притомъ, если онъ и несправедливо приписывалъ себя къ старинному дому, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ, болѣе кого-либо изъ его членовъ, содѣйствовалъ къ сохраненію имени его отъ забвенія.

Какъ бы то ни было, Джакомо Пери былъ надѣленъ пріятною наружностью, былъ блѣдъ и румянь, имѣлъ прекрасные, рыжеватоблѣокурые волосы, которые сохранилъ до самой старости, и носилъ ихъ въ длинныхъ кудряхъ по плечамъ, что и доставило ему прозвище *Zazzarino*, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ во Флоренціи до самой смерти. Къ этимъ внѣшнимъ преимуществамъ, онъ присоединялъ, пока былъ молодъ, превосходный дискантовый голосъ, и отличную методу пѣнія, такъ-что, музыкантъ, которому нужно было устроить концертъ, считалъ за счастье, если могъ имъ завладѣть. Надо вспомнить, что въ то время, женщины почти никогда не пѣли въ обществахъ, а если и рѣшались, то развѣ только коротенькія и легкія произведенія; слишкомъ немногія довольно бойко разбирали ноты, чтобы взяться за *мадригалы*; а по сложности ихъ формы, ихъ невозможно было заучивать на память. Талантъ молодого Пери доставилъ ему входъ въ первыя флорентинскія общества, а его красота, голосъ и умная бесѣда свискали ему дружбу нѣкоторыхъ вельможъ; ихъ милость къ нему, подала даже поводъ къ недобрымъ слухамъ на его счетъ, которыхъ не могла заглушить, въ послѣдствіи, и его громкая слава, какъ пѣвца и какъ композитора, и которыхъ, разумѣется, не упускаетъ изъ виду авторъ браннаго сонета, находящагося у меня подъ рукою.

Пери приписываютъ вообще изобрѣтеніе *речитатива*; но это мнѣніе должно-бы сопровождать всегда поясненіемъ, что, по строгой справедливости, онъ былъ только исполнителемъ, орудіемъ, которымъ пользовались нѣсколько просвѣщенныхъ людей, сообщавшихъ ему свои мысли объ этомъ предметѣ, предоставляя ему осуществить ихъ. Цѣлью ихъ было—воскресить въ этой музыкальной декламации музыку древнихъ, какъ они ее себѣ представляли. Въ числѣ людей, пораженныхъ этою мыслью, первое мѣсто занималъ Джакомо Корси, композиторъ и меценатъ современныхъ музыкантовъ; ему, и поэту Оттавіо Ринуччини, принадлежитъ главная доля въ трудахъ Пери, а слѣдовательно и въ изобрѣтеніи речитатива и приложеніи его къ театру.

Первымъ плодомъ бесѣдъ ихъ и собственныхъ размышленій

Пери, была его *Дафна*, представленная въ первый разъ въ 1594 году, и игранная въ слѣдующихъ годахъ во время карнавала. Слава сочинителя стала быстро возрастать; его заслуги, а еще болѣе, покровительство Корси, доставили ему милость великаго герцога Фердинанда I и сына его Космы. Ему поручено сначала дирижировать при дворѣ представленія, въ которыя входила музыка; потомъ, онъ сдѣлался главнымъ директоромъ придворной музыки и музыкантовъ. Тутъ-то онъ написалъ второе свое произведеніе, для праздниковъ, бывшихъ по случаю бракосочетанія Маріи Медичи съ королемъ французскимъ; эта цѣса почти немедленно печатана, подъ слѣдующимъ названіемъ: *le musiche di Jacopo Peri, nobile fiorentino, sopra l'Euridice del sig. Ottavio Rinuccini, rappresentate nello sponzalizio della christianissima Maria Medici, regina di Francia e di Navarra. In Fiorenza, appresso Giorgio Mariscotti MDC.* Изъ этого видно, что Пери оставался въ связи съ поэтомъ, съ которымъ писалъ первое свое сочиненіе. Кажется, сношенія его съ музыкантами, которыхъ его званіе при дворѣ ставило въ зависимость отъ него, не всегда были такъ дружественны, и что, какъ положеніе его давало ему возможность дѣлать многимъ удовольствіе или неприятности, не все остались имъ равно довольны.

Это не помѣшало ему, впрочемъ, выгодно жениться и имѣть шесть сыновей, къ которымъ судьба была не такъ милостива, какъ къ нему. Четверо умерли почти дѣтми, отъ чахотки; старшій занимался математикою, подъ руководствомъ безсмертнаго Галилея, который такъ дивился его необыкновенной понятливости, что прозвалъ его своимъ демономъ. Его успѣхи и покровительство учителя, доставили ему кафедру въ Пизанскомъ Университетѣ, которую онъ занималъ съ честью нѣсколько лѣтъ, пока чахотка не прекратила его поприща, на тридцать-пятомъ году. Одинъ только изъ сыновей Пери, Альфонсо, занимался музыкою и показывалъ нѣкоторый талантъ. Оставшійся одинъ изъ всего семейства, онъ женился на богатой наслѣдницѣ, но вскорѣ послѣ свадьбы, въ самое время ея беременности, убилъ ее въ своемъ домѣ нѣсколькими ударами кинжала, по причинамъ, не достойнымъ повторенія, какъ говоритъ лѣтописецъ, передающій намъ эти обстоятельства. Не явившійся въ судъ, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни и конфискованію имущества, но успѣлъ бѣжать въ Римъ, гдѣ принялъ схиму и велъ нищенскую жизнь въ одномъ изъ придѣловъ Колізея.

Что касается до Джакомо Пери, онъ, вѣроятно, умеръ еще до 1650 года, и кажется, никогда не выѣзжалъ изъ Флоренціи. Въ старости, онъ возбуждалъ общій смѣхъ, каждый разъ, какъ выходилъ на улицу; онъ былъ чрезвычайно худъ и сухъ; ноги у него бы-

ли совершенно безъ икръ, и притомъ гораздо толще въ лодыжкѣ, чѣмъ въ колѣнахъ, и опирался на двѣ огромныя ступни; ходилъ онъ, выворотивъ носки врозь, такъ, что его въ насмѣшку уподобляли герою какой-то старинной сказки, котораго городская община приговорила къ уплатѣ пени за то, что когда онъ ѣздилъ верхомъ, онъ такъ оттопыривалъ ноги, что встрѣчая прохожихъ, зацѣплялъ ихъ носками.

Мое письмо уже слишкомъ длинно, чтобы приступить къ предмету, о которомъ хотѣлъ-было писать, то есть къ первому здѣшнему оперному театру, della Pergola; по-этому я лучше въ заключеніе скажу еще нѣсколько словъ о Пери и главнымъ его сочиненіи.

Прежде всего, нельзя не удивляться, какъ Пери, творецъ речитатива, написавъ *Дафну*, въ 1594 г., и *Эвридику*, въ 1600 г., послѣ того всю жизнь отдыхалъ на лаврахъ, и не написалъ ничего, кромѣ *musiche volgari* на одинъ, на два и на три голоса, которыя должны были считаться очень неважными произведеніями въ такое время, когда романсы, варіаціи и тому подобныя пьесы, которыми насъ заваливаютъ нынче, ставились рѣшительно ни-во-что. Я готовъ объяснить это тѣмъ, что Пери, открывъ новый путь, очень оскорбился, когда въ его «Эвридику» вставили новыя аріи Джуліо Каччини, и тѣмъ болѣе еще, когда другіе композиторы стали писать новую музыку, къ его «Дафнѣ», а потомъ къ «Эвридикѣ». Послѣ того, что было сказано о немъ выше, можно, кажется, довольно основательно предполагать, что такія вольности были ему не по-сердцу; къ счастью, однакожъ, на него не обращали вниманія; всѣ понимали, что ничто не можетъ такъ содѣйствовать успѣхамъ искусства, какъ эта свобода писать новую музыку на одинъ и тотъ же текстъ. Такъ поступали и прежде, съ мадригалами, и никто не жаловался; и кажется этой системѣ должно преимущественно приписать быстрые успѣхи драматической музыки въ Италіи; между-тѣмъ, какъ, на-примѣръ, во Франціи, исключительное и безсмысленное благоговѣніе передъ музыкою Люлли (который, между-прочимъ, былъ также флорентинецъ) долго держало драматическую музыку и, въ особенности, пѣніе, въ пеленахъ, отъ которыхъ она съ трудомъ освободилась. Нынѣ этотъ обычай почти не водится даже и въ Италіи; а въ другихъ странахъ, такой поступокъ повлекъ-бы за собою процессъ, какъ нарушеніе литературной собственности. Правда, это выгодно для художниковъ, но вопросъ — выигрываетъ ли отъ-того искусство? Сами художники выигрываютъ въ денежномъ отношеніи; — но не страдаетъ-ли отъ того ихъ дарованіе, предполагая, что оно есть?

Если къ «Дафнѣ» и «Эвридикѣ» писали новую музыку послѣ Пе-

ри,—то это было не потому, что его музыка была дурна, или не имѣла успѣха; а просто потому, что другимъ композиторамъ пріятно было соизвѣстаться съ нимъ въ одномъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что предметъ этотъ былъ тогда самымъ новымъ и свѣжимъ. Каждый старался написать лучше самого изобрѣтателя. Такъ дѣйствуетъ истинное дарованіе; ничто не можетъ быть для него пагубнѣе того безсмысленнаго пристрастія, которое не даетъ никому доступа къ предмету, избранному однимъ художникомъ, и объявляетъ, что лучше его уже никто не напишетъ.

Скажу еще два слова о представленіи «Эвридики». Ее не только играли при дворѣ, но нѣкоторыя роли даже исполнялись знатнѣйшими вельможами, которые такимъ образомъ участвовали въ дѣлѣ возрожденія театральнoй музыки и лирической драмы. Пери называетъ между прочими, въ своемъ предисловіи: Франческо Рафи, Антоніо Бранди, Мельхиора Палантотти. Въ оркестрѣ Джакомо Корси игралъ на клавишинѣ, Джіованни Луни—на большой лютиѣ, князь Грація Монтальво—на большой гитарѣ, а знаменитый Джакомелли (прозванный современниками Джіованъ-Батиста del violino) — на большой лирѣ. Женскіе роли исполнялись мальчиками; по-крайней-мѣрѣ, авторъ говоритъ, что роль Дафны игралъ съ замѣчательнымъ талантомъ молодой лувекскій уроженецъ, Джакомо Луни. Наконецъ, замѣчу еще, что между слушателями, были заслуженные музыканты, и между прочими Ораціо Векки, добрый моденскій каноникъ, который своими сочиненіями, и въ особенности своимъ Antipassato, такъ много содѣйствовала возрожденію лирической драмы.

Прощай.—

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Флоренція, 22-го января 1847.

Приступая къ обѣщанному отчету, я самъ дивлюсь тому, что въ сущности мнѣ почти нечего сказать о флорентинскихъ театрахъ. Число ихъ не мало; но качество нисколько не соотвѣтствуетъ количеству. Не бѣдны они и титулами; почти всѣ называются «императорскими» и «королевскими»; сверхъ того, такъ какъ всѣ театры въ Тосканѣ первоначально основаны обществами богатыхъ и образованныхъ любителей искусствъ, то всѣ они носятъ названія, подобныя названіямъ нѣкоторыхъ итальянскихъ академій. Такъ на-примѣръ, театръ Пергола, о которомъ я намѣренъ говорить сегодня, называется театромъ неподвижныхъ dei immobili, и чуть-ли не-слишкомъ старается оправдать свое

прозвище, ибо искусство на немъ рѣшительно неподвижно. Театръ построенъ въ 1637 году, но столько разъ былъ возобновляемъ, что отъ первоначальнаго зданія сохранились однѣ только капитальныя стѣны. Нельзя не замѣтить особенности всѣхъ флорентинскихъ театровъ: всѣ они снаружи просты, и даже бѣдны; только подъ этимъ условіемъ позволялось первоначально строить ихъ. Не благодаря ли этой бѣдной наружности, назначены такія умеренныя цѣны за входъ; едва-ли найдете городъ, въ которомъ-бы онѣ были такъ ничтожны, какъ во Флоренціи; въ нѣкоторыхъ платится около 28 коп. ассигн., въ другихъ вдвое; самая высокая цѣна до-сихъ-поръ, въ древнѣйшемъ театрѣ, *Пергола*; прежде платилось около 1 руб. 60 коп. асс.; но въ нынѣшнемъ году, импрессарио спустилъ цѣну на 1 руб. 10 коп., и что-же? Многіе находятъ, что эта цѣна еще слишкомъ высока. Правда, что флорентинцы славятся скупостью; нынѣшній-же импрессарио, синьоръ *Лакари*, не уступитъ въ этомъ качествѣ ни одному изъ своихъ земляковъ.

Впрочемъ, недовольныхъ можно-бы, пожалуй, извинить. Вообрази, какою новизною открылся нынѣшній сезонъ! *Севильскимъ цирюльникомъ*, на котораго больно было смотрѣть; ибо, за исключеніемъ одного *Фигаро*, едва-ли гдѣ и когда-либо такъ уродовали эту несчастную оперу. И надо-же на бѣду, чтобы этотъ *Фигаро*, одинъ способный передать мысли геніяльнаго маэстро, образовался не въ Италіи, и пѣлъ не на родномъ языкѣ, а по-шведски или по-датски. Да, *Белетри* хотя итальянецъ, но явился въ первый разъ на итальянскомъ театрѣ, и разумѣется, явился-бы еще съ большимъ успѣхомъ, если-бы его лучше поддерживали прочіе пѣвцы; потому-что, въ этой оперѣ все находится въ самой тѣсной связи, и всѣ партіи, превосходныя, каждая сама по себѣ, находятся между собою въ зависимости такъ что, слабое исполненіе одной, вредитъ всѣмъ остальнымъ.

Сколько грустныхъ размышленій внушаетъ такое исполненіе «*Севильскаго цирюльника*» тому, кто слышалъ его исполненнымъ пѣвцами, вполне достойными Россіи! Невольно вздохнешь, подумавъ, какъ они съ каждымъ днемъ становятся рѣже и какъ мѣсто ихъ заступаютъ люди, замѣняющіе пѣніе крикомъ! Да; какъ не вздохнуть и о томъ времени, когда Россіи былъ еще великимъ художникомъ, а не богатымъ и упрямымъ капиталистомъ, котораго ни какія мраморныя статуи не подвинутъ снова вступить на поприще, оставленное имъ съ 1829 года!

Кстати о Россіи! я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что только-бы онъ захотѣлъ, онъ въ состояніи еще написать втораго *Вильгельма Телла*; но я не разъ спрашивалъ, будетъ-ли онъ въ со-

стоянні создать новаго *Севильскаго цирюльника*? Миѣ кажется, нѣтъ; такія произведенія создаются только въ полномъ цвѣтѣ юности, когда поэтъ производитъ безъ труда, а по какой-то внутренней потребности, которая приводитъ въ движеніе всѣ его силы; тогда его станеть на все; воображеніе его изливается неистощимымъ родникомъ, оплодотворяетъ все, до чего ни коснется, и если создаетъ трудности и препятствія, то за тѣмъ только, чтобы шутя разрушить ихъ, не позволяя имъ останавливать своего быстрого теченія.

Какъ далеко отъ «Севильскаго цирюльника» нѣкій *Донъ-Проконто*, явившійся—было на короткое время, и скрывшійся, не возбудивъ ни въ комъ сожалѣнія; нѣкоторые злые языки поговаривали даже, что, дескать, не мѣшало-бы ему и вовсе не являться. Эта опера дается во всей Италіи, какъ произведеніе Фіораванти, хотя въ ней нѣтъ и слѣда Фіораванти; остались одніи только вставки и передѣлки, всѣхъ игравшихъ въ ней; говорятъ, не мало участвовалъ въ ней и здѣшній буффъ Камбιάджіо; здѣсь считаютъ его прекраснымъ композиторомъ, и я съ этимъ согласенъ, если онъ такой же мастеръ сочинять музыку, какъ строить рожи.

Я чуть-было не забылъ сказать тебѣ, что пытались также давать *Дочь полка*; играла та-же Анджелика Зоія, о которой я говорилъ тебѣ въ прошломъ году; по всему есть свое мѣсто, точно такъ же и актрисъ; — на театрѣ Пергола не мѣсто, ни этой пьесы, ни этой актрисы; съ перваго-же представленія никто не хотѣлъ о нихъ и слышать. Я писалъ тебѣ, что г-жа Зоія, прошлымъ постомъ, будучи въ отпуску, вздумала давать уроки пѣвія; виновать, она учила играть на барабанѣ. Она питаетъ необыкновенную любовь къ полковымъ инструментамъ; намъ обѣщаютъ оперу, въ которой она будетъ играть на трубѣ; следовательно, миѣ, вѣроятно, придется еще поговорить о ней.

Для театра Пергола, какъ видишь, были не очень блистательны. Прослушавъ три старыя оперы, я однако-же не увывалъ; авось либо, думалъ я, здѣсь пляшутъ лучше-чѣмъ поютъ, и въ балетѣ увидимъ мы что-нибудь новое. Не тутъ-то было; дали сначала старинный балетъ *Мазаньелло*, сколоченный изъ «Фенеллы,» какъ въ отношеніи сюжета, такъ и музыки. Нечего дѣлать; пришлось терпѣть, и беречь вниманіе и восторги на *Адину*, *ballo romantico di semi-carattere*, какъ гласитъ программа, печатанная въ типографіи Гаетте. Сочинитель балета—Антоніо Кортези; музыку написалъ къ нему Виценцо Скира. О музыкѣ я

не скажу ни слова;] у какого музыканта не лежит на душѣ грѣшокъ въ родѣ балета г. Сквиры, если еще не хуже! Самый же балетъ состоитъ въ слѣдующемъ: у одного отставнаго воина, разумѣется, изъ императорской гвардіи, есть хорошенькая дочка; въ нее влюбляется сосѣдъ—полковникъ и похищаетъ ее; она бѣжитъ, и онъ прѣзжаетъ за нею, и женится на ней. Какъ видите, *Линда-ди-Шамуни*, въ новомъ костюмѣ.

Этотъ балетъ не могъ долго держаться, и послѣ третьяго или четвертаго представленія, снова взялись за *Мазаньелло*. — Что сказать тебѣ о танцовщикахъ и состояніи танцованія въ Италіи? Изъ артистовъ, являвшихся въ нынѣшнемъ году на театрѣ Пергола, нѣтъ ни одного, выходящаго изъ круга посредственности, ни по части павтомимы, ни по части собственно танцованія. Въ Италіи издавна водятся какіе-то отрывистые жесты и тѣлодвиженія, означающіе не смыслъ, а музыкальный ритмъ; только въ послѣднее время, стали отъ нихъ отставать, но они еще встрѣчаются очень часто и, разумѣется, производятъ самое непріятное впечатлѣніе на зрителей.

Впрочемъ, Италія произвела, въ послѣдніе годы, нѣсколько замѣчательныхъ танцовщицъ, и если ихъ здѣсь немного въ настоящее время, то въ этомъ отношеніи нельзя по-крайней-мѣрѣ жаловаться на совершенный упадокъ, какъ въ пѣніи. — Не мѣшало бы только, на такихъ бѣдныхъ театрахъ, каковъ здѣшній, не тянуться за некоторыми эффектами, которыхъ исполненіе, хотя и просто, однако-же не такъ легко. Вотъ примѣръ: въ несчастной *Адинъ*, танцовщица въ одномъ мѣстѣ смотрится въ зеркало, и танцуетъ передъ нимъ разныя па; извѣстно, что въ такихъ случаяхъ, другая танцовщица исполняетъ тѣ-же движенія за натянутымъ газомъ; что-же можетъ быть пелѣнѣе и смѣшнѣе этой сцены, если она не исполняется съ совершенною точностью? Мудрено-ли, послѣ того, что публика остается недовольна?

На случай неудачи балета, дирекція держала въготовѣ новую оперу: *Влюбленные* (*Tutti amanti*), и основывала на ней огромныя надежды, которыя не вполне оправдались. Эта опера, которую, не смѣя величать се буффой, назвали *libretto giocoso*, представлена въ первый разъ 20-го числа. На либретто, печатанномъ по обыкновенію у Галлетте, сказано, что слова сочинены какимъ-то Ф. М. Піаве, а музыка Карло Романи. Этотъ Романи нѣсколько не родня знаменитому либреттисту, написавшему нѣсколько пьесъ

для Беллини, и который нынѣ болѣе не пишетъ, не за то бранить на-пропалую всѣхъ прочихъ либреттистовъ, затѣмъ, вѣроятно, чтобы удержать за собою первенство, котораго, впрочемъ никто у него не оспариваетъ, не потому, я думаю, чтобы оно ему принадлежало, а просто, потому, что не изъ чего спорить. Авторъ новаго либретто едва ли имѣетъ такіа притязанія; по крайней-мѣрѣ его *Влюбленные* болѣе не новы: это повтореніе давнишней сказки. Два старика, одинъ баронъ, другой докторъ, и одинъ молодой повеса, влюблены въ молоденькую вдовушку; и всѣхъ ихъ дурачить четвертый влюбленный, племянникъ барона... Старикки ссорятся, вызываютъ другъ-друга на дуэль и уже готовы драться, какъ вдругъ ихъ останавливаетъ появленіе вдовушки со всею честною компаніею. Разумѣется, любимый-влюбленный достигаетъ своей цѣли. Пьеса не задорна, какъ видишь; но я незыскательнъ къ либретто, когда оно способствуетъ композитору явить свой талантъ въ выгодномъ свѣтѣ; а въ этомъ достоинствѣ г-ну Пиаве отказать нельзя.

Какъ-же сладилъ съ своею задачею композиторъ? — Можно сказать: не дурно! Онъ былъ знакомъ съ голосами, для которыхъ писалъ, и извлекъ изъ нихъ всю пользу, какую могъ. За то пѣвица, которая была такъ нестерпима въ «Севильскомъ цирюльникѣ», въ этой пьесѣ была очень порядочна. Я не стану разбирать поштучно партитуры, это надобно — бы и видѣвшему пьесу, а тѣмъ болѣе тебѣ; скажу только общими словами мнѣніе свое о талантѣ г. Романи.

Опера безъ увертюры; этотъ обычай ввелъ Беллини, не умѣя написать порядочной увертюры; а новые композиторы рады, что могутъ сослаться на его примѣръ. Жаль, что г. Романи пошелъ по ихъ слѣдамъ; онъ владѣетъ оркестромъ, и былъ-бы въ состояніи написать хорошую увертюру. Главное достоинство его музыки заключается въ оркестровкѣ, хотя, по примѣру всѣхъ нынѣшнихъ музыкантовъ, онъ не рѣдко употребляетъ во-зло данныя ему средства. Не смѣшно-ли въ оперѣ буффъ безпреставное употребленіе трубъ и тромбоновъ и другихъ громкихъ инструментовъ? Въ гармоніи его болѣе обилія, чѣмъ искусства, — это не упрекъ, но не мѣшало-бы ей быть посвятѣе. Композиторъ силится подражать Верди, не думая о томъ, что онъ пишетъ оперу буффъ, и что поэтому, ему должно давать фразамъ совершенно другой характеръ; это не всегда удается г. Романи. Я не говорю объ обработкѣ голосовъ; нынче никто не умѣетъ пѣть: всѣ кричатъ,

а какъ на это большаго умѣнія не требуется, то всѣ успѣваютъ. Голоса, вертясь всегда около рѣзкихъ нотъ, не только скоро слабѣютъ, но утрачиваютъ даже до послѣдняго слѣда ровность и легкость; лишние изящества и чистоты, они не могутъ приступать къ быстрымъ пассажамъ и фигурамъ, составляющимъ красу музыки, такъ называемой *di semi-carattere*. Желая помочь недостаткамъ голосовъ и неудобствамъ системы Верди, приложенной къ комической драмѣ, Романи набросалъ въ оркестръ множество граціозныхъ пассажей, оживляющихъ однообразие голосовыхъ партій; однако-же, онъ тѣмъ неменше въ некоторыхъ мѣстахъ впадаетъ въ лихорадочную судорожность, восхищающую большую часть современной публики. Хоры и совокупныя мѣста вообще хорошо написаны, что вовсе не удивительно, Романи ученикъ Пикканти, одного изъ немногихъ въ пывшее время профессоровъ, которые серіозно преподаютъ музыкальную композицію. Однимъ словомъ, въ молодомъ композиторѣ видѣнъ талантъ, который, вѣроятно, разовьется со-временемъ, и оправдаетъ подаваемыя имъ надежды.

При этомъ случаѣ долженъ я еще прибавить одно очень неутѣшительное замѣчаніе. Съ некоторыхъ поръ являлось во Флоренціи не мало композиторовъ, подававшихъ блестящія надежды первыми опытами, но потомъ не оправдавшихъ этихъ надеждъ. Не должно однако-же думать, чтобы временный успѣхъ ихъ былъ слѣдствіемъ интригъ; но не мудрено, что судьи, обещавшіе имъ славную будущность, не обращали довольно строгаго вниманія на одно условіе, по моему мнѣнію, весьма важное при оцѣнкѣ молодого таланта: именно, на большую или меньшую свѣжесть его идей. Въ этомъ условіи заключается истинное и вѣчное достоинство композиторовъ, и слѣдовательно, оно одно можетъ доставить композитору громкую и прочную славу.

Прощай. Твой.

А. Г.

СМѢСЬ.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧАСЫ.

Необыкновенный случай сблизилъ въ 1770 году императора австрійскаго съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ II. Внезапное соединеніе этихъ двухъ великихъ государей придало, на нѣсколько дней, Нейштадскому лагерю, въ Моравіи, видъ пышнаго двора: праздники, ужины, увеселенія, спектакли слѣдовали тамъ за воинскими маневрами, съ великолѣпиемъ, достойнымъ вмѣстѣ и императора и короля.

Здѣсь — то знаменитый балетмейстеръ Поверръ, на замѣчанія Фридриха-Великаго сдѣлалъ отвѣтъ, достойный художника и остряка.

— У вашихъ танцовщицъ много пріятности, сказалъ ему король, но пріятности какъ — то неловкой; наша первая берлинская танцовщица не похожа на вашихъ питомицъ...

— Государь, отвѣчалъ Поверръ, оттого она и въ Берлинѣ.

По царственной вѣжливости, Фридрихъ носилъ въ Нейштадскомъ лагерѣ бѣлый австрійскій мундиръ: ему, безъ сомнѣнія, хотѣлось скрыть отъ императора синій костюмъ пруссаковъ, въ которомъ столько разъ австрійцы видѣли своихъ противниковъ въ полѣ. Но Фридрихъ, какъ ни старался, не могъ привыкнуть къ цвѣту своего церемоннаго костюма: онъ безпрестанно пачкалъ свое бѣлое заемное платье испанскимъ табакомъ, въ ожиданіи того, когда ему придетъ снова охота задымить его порохомъ: дѣйствительно, нѣсколько позже, переходя все отъ вѣжливости къ

вѣжливости, отъ церемоніи къ церемоніи, прусскій король просто вошелъ въ Богемію.

Разъ, послѣ маневровъ, обоимъ государямъ вздумалось сдѣлать инкогнито политическую прогулку въ окрестностяхъ Нейштадта, они сѣли на лошадей и — вдвоемъ, безъ свиты, поскакали рядомъ въ поле, рѣшая участь своихъ народовъ — на всемъ скаку.

Утомившись ѣздою по полю, Фридрихъ и Іосифъ сошли съ лошадей на краю тѣнистой дорожки, примыкавшей къ оградѣ деревенскаго кладбища. Неожиданное зрѣлище этого послѣдняго пріюта смертныхъ, можетъ быть, испугало ихъ; съ минуту продолжалось молчаніе: державные всадники, властвовавшіе надъ миліонами подданныхъ, задумались о равенствѣ всѣхъ у могилы.

Языческая поэзія положила конецъ этому печальному мечтанію: сядясь подъ деревомъ на дерновую скамью, Іосифъ выронилъ книгу, это было полное собраніе твореній Виргилія. Фридрихъ поднялъ драгоценную книгу и отдалъ ее императору, воскликнувъ:

—Какой великій поэтъ, но за то какой гадкій садовникъ этотъ бѣдный Виргилій! Представьте, государь, что я вздумалъ садить, сѣять и пахать съ «Георгиками» въ рукѣ; что за глупое занятіе!.. правду сказать, солнце отказываетъ во всемъ не благодарной почвѣ моего государства.

—Стало быть, отвѣчалъ Іосифъ, у васъ растутъ одни лавры? Пожилая крестьянка прошла мимо знаменитыхъ собесѣдниковъ, кадившихъ другъ другу оиміямъ. Она почтительно поклонилась имъ, не догадываясь, что кланялась императору и королю, занятымъ подъ тѣнью, у кладбища, раздѣломъ порядочной части дольнаго міра.

—Добрая женщина, сказалъ ей Фридрихъ: куда такъ торопишься, не жалѣя ногъ, какъ молодая дѣвушка?

—Я иду въ Нейштадтъ, въ лагерь.

—Видно, хочешь посмотреть на большіе маневры?

—Я хочу видѣть прусскаго короля.

—Добрая женщина, сказалъ въ свою очередь Іосифъ II: да знаешь ли, который часъ?

—У меня, какъ видите, есть часы, добрый господинъ; но они давно уже не ходятъ: состарѣлись, разстроились, какъ и я сама.

—Зачѣмъ же тебѣ такіе часы!

—Чтобъ вспоминать о томъ, чего ужъ нѣтъ.

При этихъ словахъ, крестьянка приказала къ губамъ серебряныя часы, на верхнемъ козпакѣ которыхъ былъ вырѣзанъ вензель и

гербъ королевскаго прусскаго дома; эти двѣ буквы и царственный щитъ не могли ускользнуть отъ вниманія Фридриха, который вскричалъ разстроганнымъ голосомъ:

—Откуда у тебя эти часы? гдѣ тышла ихъ? гдѣ взяла?

—Нигдѣ не брала ихъ, гордо отвѣчала старуха: и нигдѣ ихъ не находила; я получила ихъ тринадцать лѣтъ тому назадъ отъ челоѣка... отъ челоѣка...

—Котораго звали?

—Это тайна между небомъ и мною! Прощайте, господа!

—Еще одно слово, добрая женщина! тебѣ очень хочется видѣть короля прусскаго? — Ну такъ ты его увидишь, я представлю тебя ему, если ты этого желаешь... но съ условіемъ...

—Какимъ?

—Разскажи намъ таинственную исторію этихъ серебряныхъ часовъ!

—И я увижу короля? я буду говорить съ нимъ?

—Увѣрю тебя.

—Хорошо, такъ дайте же мнѣ мѣстечко возлѣ васъ, прекрасные господа; если я заикнусь, рассказывая эту исторію, простите моей старости; если вздохну, вспоминая о прошломъ, сжальтесь надъ моими воспоминаніями; если заплачу, не смѣйтесь слишкомъ надъ моими слезами.

Съ минуту, бѣдная крестьянка собиралась съ духомъ и потомъ начала потихоньку разсказъ о своей тайнѣ, устремивъ глаза на неподвижную стрѣлку серебряныхъ часовъ:

—Въ шестнадцать лѣтъ, Маргаритта была первою красавицею въ своей деревнѣ... во всѣхъ деревняхъ Моравіи; Маргаритта была гордостью и радостью своей скромной хижины; она не переставала работать съ утра до вечера; потому-что, въ шестнадцать лѣтъ, красавица, любопытная и смѣтливая, Маргаритта не имѣла времени мечтать, вздыхать и любить.

Когда Маргаритта почувствовала себя въ силахъ и стала совершенно взрослою дѣвушкой, она рѣшилась на шагъ, который, по ея благочестивымъ мыслямъ, долженъ былъ служить къ благосостоянію ея семейства; она искала, она просила мѣста служанки; за небольшую плату, она согласилась служить прекрасной дамѣ, которая не была ея матерью и молодой дѣвушкѣ, которая не была ея сестрою. Въ одинъ день, несчастный день, она простилась съ своимъ милымъ міромъ,—и вотъ она въ чужой каретѣ, на дорогѣ, которая ведетъ въ большой городъ Берлинъ. — Маргаритта была—я.

Да сохранить Богъ деревенскихъ дѣвушекъ отъ службы празднымъ городскимъ жителямъ! Въ печальномъ рабствѣ, Маргаритѣ пришлось много страдать и плакать; днемъ, заниматься самую грубою работою; часто жаловаться на жажду, голодь и холодъ; слушать брань, угрозы или насмѣшки; терпѣть, молиться и молчать; — ночью, ложиться въ сыромъ углу дома, чтобъ не спать, а скорбѣть о своемъ семействѣ, о своихъ друзьяхъ, о прошломъ счастьи: вотъ какова была жизнь Маргариты въ первую зиму, которую она провела въ Берлинѣ. —

—Но что нужды! думала я; вотъ приходитъ весна; ледъ и снѣгъ таютъ; скоро небо будетъ совсѣмъ сине, земля позеленѣтъ, сады зацвѣтутъ цвѣтами и птички стануть пѣть, не уставая! —

Судьба сжалилась надъ моею скукой, уединеніемъ и трудами: я услышала голосъ, который говорилъ со мною языкомъ, какого я никогда не слыхала; обращался къ простой служанкѣ съ самыми учтивыми, самыми нѣжными словами. Сострадательная особа, которая говорила со мною такъ ласково жила въ домѣ госпожи Бурдеръ, моей благородной госпожи; это былъ... племянникъ ея, молодой человекъ лѣтъ двадцати; онъ служилъ офицеромъ въ гвардіи послѣдняго короля, ужасной памяти... Его звали Вильгельмъ Каттъ.

Фридрихъ II внезапно прервалъ незнакомку:

—Вильгельмъ Каттъ! Его звали Вильгельмомъ Каттомъ?

—Не знакомо ли вамъ это имя?

—Знакомо ли, моя добрая Маргаритта? да, да... продолжай.

—А, тѣмъ лучше! можетъ быть я говорю съ однимъ изъ его старыхъ друзей. Я продолжаю:

Госпожу Бурдеръ, или, скорѣе, Вильгельма Катта навѣщала каждый день важная особа: прусской принцъ Фридрихъ. Наслѣдникъ престола былъ, въ это время, несчастенъ, не смотря на высокую санъ свой: говорили, что онъ былъ ненавидимъ при дворѣ стараго короля — отца своего, и мнѣ казалось вовсе не страннымъ, что онъ приходилъ искать утѣшенія къ офицеру, котораго звалъ другомъ.

Будучи полковникомъ гвардіи въ осмнадцать лѣтъ, принцъ началъ бороться съ безполезнымъ положеніемъ, противнымъ гордости его и гению; въ безмолвіи приготавлиалъ онъ торжества своей славной будущности; онъ изучалъ, наединѣ съ Вильгельмомъ Каттомъ, науку побѣждать непріятелей Пруссіи.

Я видала Вильгельма во всякое время дня: онъ покровительствовалъ мнѣ, защищалъ меня отъ угрозъ госпожи Бурдеръ и ея дочери; одного присутствія его было довольно для услажденія

моего рабства; словомъ, я любила его всѣмъ сердцемъ, не говоря ему о томъ ни слова, и была счастлива однимъ тѣмъ, что любила его; мое счастье быстро пролетѣло: скоро простилась я съ прекрасными снами, отъ которыхъ была такъ горда и довольна!.. — Я начала опять страдать, какъ служанка, какъ несчастная тварь, когда узнала, что онъ меня не любитъ.

Въ одно утро, Вильгельмъ сообщилъ госпожѣ Бурдеръ и ея дочери, что король приказалъ ему готовиться къ отъѣзду съ его начальникомъ, полковникомъ гвардіи, т. е. наследнымъ принцемъ Фридрихомъ: надобно было провожать самого короля въ его поѣздкѣ въ пограничныя провинціи королевства.

Въ день отъѣзда, г. Катъ пришелъ проститься съ своею теткою и хорошенькою кузиной; я нашла предлогъ остаться подольше въ гостиной, и вскорѣ замѣтила смущеніе Вильгельма, плакавшего при разставаньи съ Марією Бурдеръ: мнѣ казалось, что одна изъ слезъ его канула мнѣ прямо на сердце: я задрожала отъ досады! Выходя изъ залы, онъ протянулъ мнѣ руку, говоря:

—Маргаритта, возьми эти два фридрихсдора; пусть это будетъ началомъ твоего приданого, основою твоего маленькаго состоянія.

Я взяла два фридрихсдора Вильгельма, чтобы спрятать ихъ не какъ большія деньги, а какъ великолѣпный подарокъ и драгоценный залогъ воспоминанія.

Черезъ мѣсяць, распространились въ Берлинѣ странные, ужасныя слухи; говорили, что наследный принцъ, желая спастись отъ насилія, несправедливости и дурнаго обращенія съ нимъ отца, сдѣлалъ попытку оставить во время путешествія дворъ и убѣжать изъ Пруссіи.

Эти несчастныя слухи были справедливы: принцъ и Вильгельмъ Катъ, его сообщникъ, были остановлены въ пограничной деревнѣ; ихъ отвезли сначала въ Миттенвальдъ въ Бранденбургѣ, а потомъ въ Кистринскую цитадель, чтобъ запереть, судить и, безъ сомнѣнія, осудить по волѣ короля.

Не колебаясь ни минуты, я рѣшилась на отчаянное средство, чтобъ видѣться съ Вильгельмомъ, безъ его вѣдома, и служить ему, противъ его воли. При помощи двухъ фридрихсдоровъ, которые онъ мнѣ далъ, отъѣзжая изъ Берлина, я могла исполнить наскоро мой планъ, мою единственную надежду... Я была высока, видна и сильна: платье, прическа, походка, языкъ — вся грубая наружность мужика, скоро скрыли моравскую крестьянку; съ мѣшкомъ на плечахъ и палкой въ рукѣ, я скоро очутилась на большой дорогѣ; шла день и ночь по льду, по снѣгу, по грязи,—и вотъ я уже у Кистринской цитадели; смѣло стучусь у дверей и бросаюсь къ ногамъ жены коменданта; выдумываю небывалыя при-

ключенія; прошу работы и хлѣба въ замѣнъ преданности моей и жизни: эта женщина была молода и хороша; она взяла меня къ себѣ въ услуги и вотъ я въ темницѣ наслѣднаго принца... вблизи Вильгельма!—Ахъ! позвольте мнѣ вздохнуть, господа... я задыхаюсь привоспоминаніи о моей удачѣ, о моей радости, моей скорби!..

—Вильгельмъ, продолжала печально крестьянка; забылъ меня до того, что не могъ ни узнать, ни угадать во мнѣ бѣдной служанки госпожи Бурдерь: но вѣдь я пришла въ эту гадкую тюрьму не за тѣмъ, чтобъ Вильгельмъ меня видѣлъ: я была тамъ, чтобъ его видѣть и—я его видѣла.

Камендантъ цитадели заключилъ невиннаго сообщника наслѣднаго принца въ ужасную комнату безъ мебели, безъ воздуха и свѣта; онъ былъ неумолимый солдатъ, слѣпо повиновавшійся повелѣніямъ короля. Я стала думать, какъ бы пропустить въ темницу Вильгельма—ночью, свѣтъ лампы,—днемъ, хотя одинъ солнечный лучъ; неужели невозможно бросить бѣдный тюфякъ на солому узника? Утромъ, когда онъ прогуливается по-двору, нельзя ли дать ему мимоходомъ бумаги, перьевъ, табаку и книгъ? Словомъ, на что рѣшиться, чтобъ облегчить, усладить несчастія моего милаго Вильгельма?..

Нѣтъ ничего невозможнаго, ничего труднаго для женщины, которая не только выслѣдена, но и умѣетъ любить! Я была проста, несвѣдущая крестьянка; что же? я тотчасъ придумала удивительно-хитро, какъ помочь Вильгельму, точно такъ, какъ я нашла средство придти посмотрѣть на него.

Хитрость моя была достойна женщины; перемѣняя свое платье на мужское, я сохранила дѣвичье лукавство; вечеромъ, принимая приказаніе отъ своей госпожи, я осмѣлилась сказать ей самымъ невиннымъ, простодушнымъ голосомъ.

—Сударыня, вы, конечно, знаете того принца, котораго зовутъ, кажется, Вильгельмомъ Каттъ?.. Всякой день, во время прогулки, онъ не отстаётъ отъ меня... все говорить о васъ.

—Обо мнѣ? отвѣчала презрительно хорошенькая комендантша.

—Онъ хвалится, продолжала я, что кланялся вамъ издали два или три раза... Хвалится, также, что видѣлъ васъ въ Берлинѣ, въ послѣднюю вашу повозку въ прошломъ году... Онъ посмѣлъ даже сказать мнѣ, что онъ влюбленъ... влюбленъ въ васъ, сударыня!

—Какъ? Несчастный осмѣлился...

—Потому-то, что онъ несчастенъ, онъ и осмѣлился говорить мнѣ о своей любви... Можетъ быть, это утѣшаетъ его!

Хорошенькая госпожа была въ бѣшенствѣ противъ узника;

но гнѣвъ ея не продолжался и минуты и я недолго дожидалась выгодныхъ послѣдствій своей хитрости для Вильгельма. Я замѣтила, что въ женщинахъ, и знатныхъ, и простыхъ, всегда найдется сколько-нибудь жалости къ тому, кто ихъ очень любитъ!— Простите мнѣ это замѣчаніе, господа.

Утро вечера мудре: на другой день жена коменданта не знаю, какъ успѣла склонить своего мужа перевести Вильгельма въ другую комнату: въ этой, хотя и бѣдной комнатѣ, была по-крайней-мѣрѣ постель, на которой можно было спать, книги, которыя позволяли заключенному забыться и развлечься, отдушники, пропускавшія тонкую струю воздуха, родъ слуховаго окна, въ которое видны были небо и деревья; къ довершенію же всего, узнику прислуживалъ молодой, усердный слуга, по имени Францъ, и вы, конечно, догадываетесь, что этотъ Францъ—была я.

Когда Вильгельмъ, не узнававшій меня, спрашивалъ улыбаясь отъ удовольствія:

—Какая невидимая рука покровительствуетъ мнѣ?—Я отвѣчала, краснѣя отъ стыда.

—Рука молодой женщины, которая не хочетъ быть узнаваемою.

Когда госпожа моя спрашивала меня, съ любопытствомъ кокетки, увѣренной, что она любима:

—А что подблываетъ вашу узницу?—Я отвѣчала новою ложью:

—Она живеть надеждою на свиданіе съ вами, продолжаетъ обожать васъ, и ожидаетъ первой свободной минуты, чтобъ самому сказать вамъ это.

Вильгельмъ приписывалъ такую перемену своего положенія только великодушному покровительству жены коменданта; въ мысляхъ своихъ, онъ благодарилъ ее одну; онъ не замѣчалъ ни моего смущенія, ни моей нѣжности, ни моихъ слезъ... я ему прощаю.

Священныя права наследника престола должны были спасти Фридриха отъ кары законовъ, и безнаказанность преступленія, спасая виновнаго, могла уничтожить и проступокъ его сообщника; но па дѣль, какъ вы знаете, вышло иначе: безсильный въ мести наследнику престола, король хотѣлъ видѣть въ своемъ сынѣ только полковника своей гвардіи; и принцъ, и простой офицеръ должны были склониться въ одно время предъ военнымъ судомъ: Фридрихъ и Вильгельмъ Катъ были осуждены и приговорены къ смерти.

Одна мысль, одна надежда оставалась еще, какъ жень коменданта, такъ и мнѣ: она надѣялась явно, я надѣялась тайно на помилованіе наследника престола; въ нашихъ глазахъ, въ глубинѣ нашихъ сердець, существованіе Фридриха было порукою за жизнь Вильгельма; освобожденіе полковника дѣлало невозможною казнь подчиненнаго офицера.

Добрая и легковѣрная госпожа моя захотѣла дать новую силу нашей надеждѣ: жена коменданта написала къ прусской королевы, уведомляя объ осужденіи ея сына, которое могло еще не дойти до нея. Открытіе несчастія принца его вѣнчанной матери не было ли вѣрнымъ средствомъ къ соединенію судьбы Вильгельма съ помилованіемъ и освобожденіемъ Фридриха?.. Это была послѣдняя доска спасенія, брошенная рукою женщины между узникомъ и эшафотомъ; письмо отправлено въ Берлинъ и мы стали ждать...

Въ одно утро, комендантъ удалилъ жену изъ цитадели подъ какимъ-то предлогомъ... Черезъ часъ, работники построили эшафотъ, покрыли чернымъ сукномъ, и Фридрихъ могъ изъ окна видѣть ужасное орудіе, которое должно было отсѣчь голову челоуѣку.

Еще минута и — конецъ Вильгельму Катту; нельзя было терять ни одного мгновенія, чтобы спасти его отъ позорной казни... И, придумывая еще средства къ его спасенію, я говорила себѣ съ тайною надеждою: «Я спасу его.»

Господь освѣтилъ меня лучемъ чудесной мысли. Задумано — сдѣлано: я беру свой дорожный мѣшокъ, гдѣ лежало мое женское платьѣ, и бѣгу въ комнату Вильгельма; онъ спалъ; я бужу его: онъ встаетъ и я говорю ему дрожащимъ голосомъ:

—Побольше присутствія духа и — повинуйтесь мнѣ! Скорѣй, скорѣй одѣньтесь въ это платьѣ; деньги въ карманѣ... и въ путь! я пришелъ спасти васъ... по приказанію госпожи моей и — я васъ спасу!... Вы перешагнете черезъ порогъ тюрьмы, смѣясь, шауя, какъ веселая служанка, вы такъ молоды и хороши собою!.. Васъ примутъ за дѣвушку! Палачъ опоздаетъ; черезъ нѣсколько минутъ, вы будете уже далеко, а палачъ придетъ за вами не раньше, какъ черезъ часъ! —

—А принцъ, спросилъ осужденный.

—Прусская королева вымолила прощеніе своему сыну.

—Францъ! сказалъ мнѣ Каттъ, у меня есть къ тебѣ просьба

Выслушай меня: умру ли я сегодня на эшафотъ или перейду завтра за границу, все же прости отечество, прости надежда, прости любовь!..

—Любовь?...

—Вотъ немного золота... но довольно, чтобы съѣздить въ Берлинъ; ты поѣдешь въ столицу, Францъ, и отнесешь эти серебряные часы, которые подарилъ мнѣ наслѣдный принцъ, дѣвицѣ Маріи Бурдеръ; ты не забудешь сказать ей: «это послѣднее воспоминаніе о нашемъ кузинѣ, Вильгельмѣ Каттѣ!»—Окажешь ли ты мнѣ эту послѣднюю услугу, другъ мой?

Во всемъ самоотверженіи моемъ я не нашла довольно силъ, чтобъ отвѣчать на этотъ ужасный вопросъ; отчаяніе измѣнило мнѣ; я зашаталась... глаза мои закрылись... я упала безъ чувствъ на руки Вильгельма.

Пришедъ въ себя, я увидѣла Вильгельма на колѣнахъ предо мною; наконецъ—то онъ узналъ меня! Францъ исчезъ въ его глазахъ... онъ назвалъ меня Маргариттой, какъ бывало! онъ сказалъ мнѣ, цѣлуя со слезами мои руки:

—Ты здѣсь, въ тюрьмѣ, переодѣтая!.. И давно ли, моя бѣдная великодушная дѣвушка?..

Я отвѣчала, утирая его слезы и давая полную волю моимъ:

—Почти съ-тѣхъ-поръ, какъ и вы, Вильгельмъ.

—Маргаритта, продолжалъ онъ вставая, ты не пойдешь въ Берлинъ; ты не увидишь Маріи Бурдеръ... эти часы ты возьмешь себѣ.

Я снова стала говорить ему о планѣ, исполненіе котораго еще казалось мнѣ возможнымъ... Но почти въ то же время, дверь тюрьмы съ стукомъ отворилась; солдаты приближались къ Вильгельму, а я, съ грустнымъ взоромъ, который былъ прощаньемъ и упрекомъ, проговорила: «уже поздно!..»

Черезъ четверть часа была принесена жертва правосудію... ошибаюсь, — неправосудію, и Фридрихъ, наслѣдный принцъ видѣлъ смерть Вильгельма Катта, своего лучшаго друга!

Онъ взшелъ на эшафотъ въ десять часовъ... И, странное дѣло, при звукѣ топора, отсѣвавшего голову Вильгельма, часы, которые онъ подарилъ мнѣ, лишились движенія въ одну минуту—я чуть не сказала—жизни! Да, стрѣлка вдругъ перестала двигаться по циферблату и, посмотрите, на серебряныхъ часахъ Вильгельма еще и теперь — десять часовъ.»

Разсказъ крестьянки тронулъ австрійскаго императора и, конечно, слушая его, Фридрихъ удержалъ не одну слезу въ глазахъ, давно отвыкшихъ плакать. Онъ сказалъ крестьянкѣ, пожимая ей руку:

—Маргаритта, отдай мнѣ эти часы, я осыплю тебя богатствомъ!

—Отдайте и вы — отвѣчала она — моего Вильгельма; на этомъ условіи — я согласна... а на что мнѣ ваше богатство?

—Ты хотѣла, кажется, видѣть сегодня короля прусскаго?

—Да.

—Хочешь говорить съ нимъ,

—Да... я буду говорить о Вильгельмѣ.

—Хорошо Маргаритта! такъ приходи сегодня вечеромъ ко мнѣ, въ Нейштадскій лагерь.

—Ваше имя, сударь?

—Фридрихъ II.

—Король! Король! вскричала Маргаритта... О, государь! благодарю Бога; да хранитъ господь вашу старость... Вы еще помните моего бѣднаго Вильгельма Катта.

КЛАСЬ КУНСТЪ.

Чернокнижникъ.

(Фрисландское преданіе).

Класъ Кунстъ ни докторъ, ни профессоръ; онъ былъ простой мужикъ изъ села Ахлумъ (въ фрисландской провинціи); настоящее его имя Никласъ Геррицъ. Онъ былъ забавный весельчакъ и не отказывалъ себѣ въ удовольствіи подшутить надъ кѣмъ-нибудь. Если у него бывали гости, онъ ихъ забавлялъ, вызывая изъ золы чертенятъ. Иногда вздумается ему кого —нибудь приковать къ стулу и точь поневолѣ долженъ былъ стоять неподвижно, пока Класъ не освобождалъ его отъ этой неподвижности. Какой не дулъ бы вѣтеръ онъ всегда плылъ въ челнокѣ по любому направленію и ничто не могло ему помѣшать. Онъ имѣлъ большія познанія въ черной магіи и былъ за это названъ Кунетомъ (Kunst).

Однажды, зашелъ Класъ на пивоваренный заводъ и потребовалъ кружку пива. Пивоваръ торопливо нацѣпилъ изъ бочки полную кружку пива, протянувшись, чтобы, подать кружку, увидѣлъ, что она пуста. Съ удивленіемъ возвратился онъ къ бочкѣ, снова нацѣдилъ пива въ кружку, но — кружка снова

пуста. «Кой чортъ! этого со мной еще не бывало!» вскричалъ пивоваръ, нацѣдилъ еще разъ пива въ кружку и, удосто- вѣрясь, что она полна, плотно прихлопнулъ крышку; но когда захотѣлъ налить пиво изъ кружки въ стаканъ, оно снова про- пало. Догадавшись, что виною этому Класъ, пивоваръ въ ярости поднялъ кружку, чтобы бросить ее Класу въ голову, но рука его осталась неподвигною; онъ поднялъ ногу, чтобы дать Класу толчокъ, но и нога осталась въ такомъ же положеніи. Такъ стоялъ онъ, пока гнѣвъ его не утихъ совершенно; тогда приказалъ ему Кунстъ наполнить стаканъ изъ пустой круж- ки — и пиво полилось шинучею струею.

Въ другой разъ, шелъ Класъ пѣшкомъ по береговой тро- пинкѣ, ведущей въ Лейварденъ; думъ сильнѣй западный вѣ- теръ. Въ это время догнало его сулио, которое шло на всѣхъ парусахъ. «Возьмите меня съ собою,» кричалъ Класъ лоцману, но этотъ отвѣчалъ ему: «Иди своей дорогою, я тебя не знаю.» «Я пожалуй пойду и докажу тебѣ свое искусство ходить,» воз- разилъ Класъ и побрелъ далѣе, но за то корабль, несмотря на попутный вѣтеръ и на усилія лоцмана, не могъ сдвинуться съ мѣста и вечеромъ, когда Класъ возвращался домой, корабль стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. «Видишь ли, я какъ скоро умѣю ходить?» сказалъ Класъ. «Плыви дальше, но берегись въ другой разъ такъ грубо обходиться съ честными людьми.»

Разъ въ зимній вечеръ, собрались къ Класу сосѣди и толковали, потягивая дымъ изъ коротенькихъ форфоровыхъ трубокъ. Какъ ледъ былъ уже довольно крѣпокъ, то они пріѣхали на конькахъ. Бесѣда сосѣдей очень занимала хозяи- на и время прошло такъ скоро, что сосѣди не замѣтили, что пора собираться въ обратный путь. Класъ пытался было ихъ удержать, но это не помогло и гости, подвизавъ коньки, простились съ Класомъ. «Постойте же, подумалъ онъ, недалеко вы отъ меня уйдете!» Шагахъ въ двухъ-стахъ отъ его жилища дорога сворачивала; до этого поворота гости до- брались и несмотря на всѣ старанія не могли ни на шагъ подвинуться далѣе. Они работали болѣе часа, потъ съ нихъ градомъ лилъ, но видя, что всѣ усилія были напрасны, они возвратились назадъ. Класъ стоялъ у дверей и хохоталъ до упаду. «Что взяли?» закричалъ онъ имъ, «не лучше-ли бы-

ло остаться у меня? мы бы это время провели весело. Ну идите теперь домой, теперь вамъ ничто не помѣшаетъ.»

Въ другой разъ, онъ совершенно инымъ образомъ остановилъ своихъ гостей. Только что они хотѣли разойтись, какъ поднялась страшная непогода; вихрь ревѣлъ съ такою силою, что боялись за крышу дома; гредь стучалъ въ окна, молнія такъ и сверкала, а раскаты грома перепугали многихъ не на шутку. Это продолжалось довольно долго; только что буря немного утихла, одинъ изъ гостей растворилъ окно и, къ крайнему удивленію, увидѣлъ луну среди безоблачнаго неба, а сухіе камни доказывали ясно, что вовсе не было града.

Класъ не былъ самолюбивъ; онъ былъ весельчакъ, и любилъ, чтобъ и другіе веселились. Какъ-то рано утромъ онъ отправился въ Франкенеръ на праздникъ и увидѣлъ, что на пашнѣ сосѣда работали. «Богъ въ помощь, ребята!» сказалъ онъ работникамъ: «не пойдете ли на праздникъ?»— «Какой тутъ праздникъ, отвѣчалъ одинъ изъ работниковъ: хозяинъ не отпуститъ насъ, пока не скосимъ нашей пашни, а тутъ работы на цѣлый день.» Класъ засмѣялся и сказалъ: «Развѣ вы не видите, что хлѣбъ уже убрать»,—и дѣйствительно, когда они оглянулись, то не было уже ни одного колоса. «Идите же на праздникъ!» сказалъ Класъ и пошелъ своею дорогою. У работниковъ опустились руки отъ удивленія, обрадованные этимъ чудомъ они поспѣшно отправились домой. «Что это значить?» спросилъ ихъ хозяинъ. «Мы уже скосили рожь!» отвѣчали слуги и рассказали, какъ все случилось. Фермеръ сомнѣвался и удостовѣрился въ истинѣ этого показанія тогда только, когда самъ сходилъ на пашню. Весело собрались работники и пошли въ городъ на праздникъ, гдѣ и проплясали до разсвѣта. Послѣ непродолжительнаго отдыха, пошли они въ поле, съ отяжелѣвшими отъ крѣпкаго шва головами, чтобы вязать рожь въ снопы; но каково было ихъ удивленіе, когда они увидѣли, что рожь по-прежнему выросла и скошено только то, что они успѣли скосить до прихода Класа. Хозяинъ ворчалъ на это, да и работникамъ была не большая радость, за то они наканунѣ знатно повеселились въ городѣ.

Однажды, въ воскресенье утромъ, Класъ отправился въ церковь. Слуга его былъ очень любопытенъ и, вмѣсто того,

чтобы беречь домъ, вздумалъ заглянуть въ книги своего хозяина. Взявъ первую, какая попалась ему подъ руку, онъ началъ читать, но взглянувъ нечаянно въ окно, увидѣлъ, что на крышѣ амбара сидитъ множество воронъ. Испугавшись, слуга выбѣжалъ на дворъ, чтобы прогнать незваныхъ гостей, но, поздно. Класъ, стоя въ церкви, почувствовалъ, что дома не совсѣмъ ладно и, вышелъ вонъ. «Скажи скорѣе, до какой страницы прочелъ ты?» сказалъ Класъ испуганному слугѣ, и получивъ отвѣтъ, продолжалъ: «набери, какъ можно скорѣе, мѣшокъ сѣмянъ *Sinapis arvensis* и разсыпь по двору.» Сказано — сдѣлано! Класъ началъ читать тоже самое, что читалъ его слуга, и дойдя до мѣста, на которомъ тотъ остановился, началъ перечитывать тоже, только на оборотъ, отъ послѣдней страницы къ первой. Въ тоже время вороны поодиначкѣ брали по сѣмячку и улетали, и только что Класъ дошелъ до перваго слова, какъ ужъ и послѣдняя ворона слетѣла со двора. Долго послѣ смерти Класа, существовало преданіе, что на дворъ, гдѣ стоялъ его домъ, въ коровьемъ стойлѣ лежитъ на цѣпи книга, которую никто не могъ взять; а когда ее сожгли, то на другой же день она появилась на прежнемъ мѣстѣ.

Въ пользу Класа можно сказать, что онъ отличается отъ собратьевъ своихъ тѣмъ, что у его искусство никогда не служило къ дурной цѣли и желанію вреда, и что при воровствѣ онъ ходилъ въ церковь — знакъ, что онъ не боялся ни креста, ни святой воды.

КОНЧИНА Г-жѢ МАРСЬ.

И такъ, этой великой артистки не стало! Она была свидетельницею двухъ революцій, и въ четыре царствованія услаждала Францію своимъ дивнымъ талантомъ. Она заставляла забывать тяжкія раны, нанесенныя народными волненіями и государственными переворотами. Она скончалась въ мѣсяцъ, котораго

нмя носила, въ мартѣ, шагъ; полвѣка владычествовавъ на сценѣ безъ раздѣла, связывая своею славою блистательную эпоху Наполеона съ изумительнымъ вкусомъ Людовика — Филиппа. Семь лѣтъ тому, г-жа Марсъ оставила сцену *французскаго театра*, для которой служила главнымъ украшеніемъ: стало — быть для искусства она умерла уже давно, потому — что для такой артистической славы — сойти съ поприща дѣятельности — значитъ умереть. Сходя со сцены — актеръ увозитъ съ собою все, что творчество его доставляло великаго и прекраснаго, онъ исчезаетъ безслѣдно и дивныя впечатлѣнія, имъ произведенныя, не могутъ снова возродиться. Творчество и личность его нераздѣльны.

Исчезнулъ онъ,
Исчезъ и сонъ,
Которымъ упоялись!

Съ 1793-го года, когда эта великая актриса въ первый разъ выступила на сцену, до 1840, когда она ее оставила, — г-жа Марсъ была царицей, которой мановенію повиновалось всё: и прошедшее и настоящее, успѣхъ и слава, восторгъ и слезы, отживающее, настоящее, и будущее поколѣніе. Нужно ли было восхитить толпу до ослѣпленія, вдохновить поэта, дать славу начинающему писателю, спасти забытое твореніе прошлыхъ столѣтій, придать блескъ первому представленію, обогатить театр... г-жа Марсъ являлась и, какъ fortuna, сыпала все эти блага изъ неистощимой сокровищницы своего непостижимаго таланта!

И сколько ума, смѣтливости, тонкаго такта, граціи, чувства и искусства расточала она на это! Она была актрисою во всемъ, въ малѣйшемъ жестѣ, въ самой легкой улыбкѣ, въ каждой складочкѣ платья, въ выборѣ цвѣта и покроя костюма, въ каждомъ звукѣ голоса, этого трогательнаго, гармоническаго, насмѣшливаго голоса. Глубокое чувство одушевляло ее не только въ легкомъ сарказмѣ надъ людскою слабостію, но и въ минуты соболезнованія надъ бѣдствіями человѣческой природы. Въ ней было столько трогательнаго и привлекательнаго, столько милаго и наивнаго, столько важнаго и легкомысленнаго, столько глубокаго проникновенія и вмѣстѣ юности — что, при ея появленіи, все покорялось ея обаятельной силѣ, она играла зрителемъ,

какъ капризный ребенокъ играетъ мячикомъ, она льнула изъ его чувства — въ образы, какъ изъ воска: нельзя было устоять противъ этой верховной власти могучаго таланта, которая сама подчинялась всѣмъ законамъ вкуса, здраваго смысла, изящества и чувства. Вотъ почему эта давняя артистка до шестидесяти—лѣтняго возраста — была все еще молода на сценѣ и затмѣвала своимъ блескомъ и молодостью и красоту:

Душой прекрасные — не вянутъ!

Въ то самое время, какъ это необыкновенное явленіе въ области искусства, этотъ изумительный Протей — въ женскомъ образѣ, эта воплощенная мечта творчества — явилась въ первый разъ на помостахъ королевскаго театра, надъ французской монархіею разразилась гроза, которая разгромила престолъ, опустошила ея отчизну, разлилась потоками крови. Двѣ дѣвушки, однолѣтки, рожденныя въ одинъ день, подъ тѣмъ же кровомъ Версальскаго дворца, — пострадали жестоко. Одна была сорвана со сцены, на которую только-что ступила еще неопытною и робкою ногою, другая съ инаго поприща, болѣе величественнаго и блистательнаго. Въ Тампльской темницѣ, въ объятіяхъ вѣчноснаго отца, страдала эта царственная жертва, которая разцвѣтала подъ сѣнію трона, какъ новая лилія, долженствовавшая некогда украсить французскую порфиру.

..... была она

Для славы трона создана,
У этой царской колыбели,
Ужъ лесть и явга пѣсни пѣла,
Кричалъ восторженный народъ,
И сторожилъ дворцовый взводъ.
Для ней въ младенческіе годы,
Спускали царственные воли,
Давали балы и пиры,
Блнстаи въ храмахъ олтари.

И какая участь постигла этихъ двухъ женщинъ, — одну рожденную повелѣвать, съ младенчества облеченную въ пурпуръ, другую, — созданную для рабства, спеленутую въ лохмотья бѣдности! Одна въ шестнадцать лѣтъ — сирота, лишена короля и королевы, больше того — лишена отца и матери,

погибшихъ въ ея глазахъ — смертью, позорною — для Франціи; повержена изгнанію — и всѣмъ ужасамъ преслѣдованія! Дѣтство ея протекло въ темницѣ, зрѣлыя лѣта — въ бѣгствѣ, старость въ отчужденіи, въ скорби, въ молитвѣ!

Другая — пережила бурю, нетронутая грозою; изъ бѣдной нищей, вымалывавшей себѣ кусокъ хлѣба — пѣсней, стала царицей, которой мановенію повиновались всѣ сердца, которую осыпали лестью, одами и золотомъ, которой домъ былъ дворецъ, передъ которой преклонялись всѣ славы и знаменитости вѣка, которую величайшій изъ императоровъ, Наполеонъ, употреблялъ органомъ передъ народомъ.

Неисповѣдими судьбы Господни!

И эта царица искусства, эта Марсъ, которая возвращала человѣческое чувство въ сердца изверговъ, во время Революціи, которая служила органомъ самыхъ торжественныхъ минутъ Имперіи, украшеніемъ вѣка Людовика XVIII, отрадою въ царствованіе Карла X, и торжествовала въ первомъ ряду артистовъ нашего вѣка, рѣшилась отказаться отъ своей короны, отдать свой волшебный скипетръ другимъ, сложить свою мантию и удалиться въ нѣдра безъизвѣстности, забвенія!

Да; она сошла со сцены, когда владычествовала на ней самодержавно, когда еще восторги публики и ея душа не охладѣли; она сошла — зная, что замѣнить ее нельзя, что для прекраснѣйшихъ даровъ Творца есть воспоминаніе, но нѣтъ преемниковъ! Но великая артистка не разочла, что для души человѣческой нужна вседневная пища, такъ — какъ и хлѣбъ насущный для тѣла; что воспоминаніями нельзя удовлетворить жажды къ ощущеніямъ, что за недостаткомъ великихъ проявленій, человѣкъ привыкаетъ и къ посредственнымъ, что, наконецъ, вмѣсто этого художественнаго совершенства, которое, какъ римская развалина, и съ лѣтами не теряетъ своего величія и красоты, можетъ явиться на сцену — молодость, съ прелестнымъ лицомъ, съ стройной таліей, съ звучнымъ — *вытѣвающимъ* голосомъ, и этими вѣнчанными атрибутами замѣнить внутренній источникъ прекраснаго и высокаго, что въ той-же *Селиментъ*, въ той-же *Данецль*, во всѣхъ великихъ характерахъ Мольера, Реньяра и Делавиня, которые она обезсмертила своимъ мастерствомъ созданія, на той-же сценѣ, гдѣ она торжествовала свои великіе и заслуженные триумфы, — можетъ выдти — *г-жа Плесси*.

Вотъ единственный случай въ цѣлой жизни Марсъ, гдѣ она не постигла человеческого сердца; и за эту ошибку она дорого поплатилась. Лавры пріятны для отдыха, когда они свѣжи, когда общественное вниманіе ихъ орошаетъ лестью и осѣбжаетъ своей любовью. Безъ этаго, и лавры не избѣгаютъ естественнаго своего назначенія: и они становятся колючимъ сномъ. Человѣкъ неблагодаренъ ко всему, что падаетъ. И Наполеонъ, восхищавшій современниковъ на полѣ битвы, напелъ порицателей на островъ св. Елены. Больше всего мы благодарны къ сценическимъ героямъ, потому-что они не оставляютъ намъ послѣ себя наслѣдія. Рафаэль, Пиранези, Канова, Моцартъ, Шекспиръ, будутъ вѣчно жить, потому-что объ нихъ краснорѣчиво напоминаютъ намъ ихъ творенія. Но Тальма—умеръ, какъ Лекенъ и Гаррикъ, г-жа Марсъ умерла, какъ Тальма. Объ нихъ осталось одно преданіе, искажаемое, при переходѣ изъ устъ въ уста, какъ историческій фактъ неписаннаго времени. Этими преданіямъ сперва дивятся, не находя въ нихъ ничего сходнаго съ настоящимъ; потомъ начинаютъ въ нихъ сомнѣваться, а подъ конецъ, совсѣмъ не вѣрятъ:

Свѣжо преданіе, а вѣрятся съ труломъ!

Этотъ процессъ померкающей славы, г-жа Марсъ должна была испытать еще при жизни. Эта самая великая артистка, которую все прославляли, которую все хотѣли вилить, которая своимъ талантомъ соединяла два вѣка Франціи, двѣ эпохи искусства, классическую съ романтической, на которую старики смотрѣли съ сладкимъ воспоминаніемъ, а юноши—съ жалостью, желая сохранить въ себѣ память о ней, — эта самая артистка, оставя сцену, прожила семь лѣтъ въ совершенномъ забвеніи, забвеніи, тѣмъ болѣе тяжкомъ, когда человѣкъ чувствуетъ, что заранѣе застраховалъ себя отъ него заслугами блистательной жизни.

Только теперь, при извѣстіи, что эта слава, которая такъ гремѣла, которую такъ гордилась Франція, потухаетъ навѣки, всеобщее вниманіе снова пробудилось и все обратили взоръ на кумиръ, передъ которымъ преклонялись три поколѣнія. Это вниманіе, во время предсмертной болѣзни г-жи Марсъ, было истинной оваціею. Толпы осаждали ея домъ, чтобы узнать о состояніи ея здоровья; первые врачи Парижа спѣшили предложить ей свои знанія и усердіе, въ Академіи разсуждали о родѣ

и развитія ея недуга; журналы наполнялись только извѣстіями о ней; Французскій Театръ вывѣшивалъ въ своемъ фойе ежедневные бюллетени о состояніи ея здоровья, подписанные первыми знаменитостями медицинскаго факультета.

Наконецъ, 20-го марта, во время представленія «*Стакана Воды*», когда публика аплодировала госпожамъ Мантъ и Денень, актеръ Брендо вышелъ на сцену въ траурномъ фракѣ и объявилъ зрителямъ, со слезами, что самая яркая слава Французскаго Театра и театра Франціи, померкла: г-жа Марсъ скончалась. Занавѣсъ тотчасъ-же опустился и публика вышла изъ театра, молча, безропотно, поникнувъ головою.

Вотъ истинная награда великому таланту.

Послѣ набальзамированія тѣла, 26-го марта происходили торжественные похороны славной артистки. Всѣ парижскіе театры прислали депутаціи, для присутствованія при отпѣваніи тѣла и проводовъ его на кладбище. Стеченіе народа было такъ велико, что огромная церковь св. Магдалины не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ присутствовать при церемоніи, и большая часть, должны были ждать окончанія службы на бульварахъ Капуциновъ и Итальянскомъ, чтобъ воздать г-жѣ Марсъ послѣднюю почесть. Гробъ несли гг. Вьенне, президентъ авторской комиссіи; Кератри, перъ Франціи и президентъ комиссіи театральнаго управленія; композиторъ Оберъ; Лидьеръ, Тайлоръ и Сансонъ, одинъ изъ первоклассныхъ артистовъ Французскаго Театра. За гробомъ шли представители различныхъ артистическихъ учрежденій, знаменитѣйшіе драматическіе писатели, Скрибъ, Понсаръ, Дюма, Гюго, первоклассные художники и потомъ депутаціи театровъ, по старшинству, сперва Французскаго Театра, потомъ Большой Оперы, потомъ Комической Оперы и затѣмъ уже остальныхъ театровъ.

По прибытіи на кладбище отца Лашеза и по опущеніи гроба въ могилу, гг. Кератри, Сансонъ и Вьенне, произнесли по надгробному слову.

Приведемъ здѣсь рѣчь Сансона:

«Тальма и Марсъ, — вотъ два знаменитѣйшія имени современнаго театра. Прошло двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ «парижане проводили въ это обиталище мертвыхъ знаменитаго «представителя трагедіи; сегодня болѣе ста тысячъ гражданъ «сопровождаютъ сюда женщину, которая была самымъ блистательнымъ олицетвореніемъ искусства комическаго. Могу-ли я

«достойно говорить о ней? — Передъ такими явленіями рѣчь «становится немощною, похвала — несовершенною и слова «мои никогда не могутъ сравниться краснорѣчіемъ съ вашими «воспоминаніями. Какъ дать точное понятіе объ этой великой «артисткѣ тѣмъ, которые ее не видали? Что могу я сказать «имъ? Рассказывать-ли о граціи, объ этой совершеннѣйшей «граціи, которая у ней служила не замѣною красоты, но къ «красотѣ присоединяла новое обольщеніе? Какъ описать эту «юность, которая въ ней казалась неуvidaемою; ея милое при- «лиціе, превосходство ея пріемовъ; ея страстнодвижимое лицо, «которое восхищало взоры, въ то время, какъ слухъ былъ упо- «енъ чистымъ и мелодическимъ ея органомъ; эти счастливыя «выраженія, которыя, безъ ея посредства, не имѣли-бы, можетъ- «быть, цѣны, и которыя, будучи высказаны дивнымъ, неопи- «данымъ образомъ, заставляли всѣхъ зрителей затрепетать отъ «удовольствія, какъ-бы по-электрическому сочувствію? Нако- «нецъ, какъ выразить непостижимую, обаятельную прелесть, «наполнявшую всю ея личность, прелесть, которую не можетъ «дать искусство, и которую время, уносящее все земное, не «въ состояніи было отнять у нея?

«Марсъ была достойною дочерью Монвеля, достойнаго со- «товарища Лекеня и Превіля. Но не съ перваго шага достигла «она до той высоты, на которой мы ее видали: ея робкое, тем- «ное начало не предвѣщало блистательной ея будущности. Но «достигнувъ разъ до-высоты, она со славою удержалась на ней «до конца своего поприща, и пріобрѣла рѣдкое право въ «своемъ искусствѣ, явиться на судъ своего вѣка, въ неукориз- «ненномъ и всѣми признанномъ величіи. Два амбуа были ею «занимаемы съ одинакимъ успѣхомъ. Когда, блистая въ ро- «ляхъ молодыхъ невинныхъ дѣвушекъ, она вздумала перейти на «роли молодыхъ вѣтренныхъ женщннъ, на техническомъ теат- «ральномъ языкѣ называемыя *роли первыхъ кокетокъ*, со всѣхъ «сторонъ поднялись жалобы: всѣ боялись, что она не будетъ вос- «хищать зрителей такъ, какъ прежде. Совершенство, съ какимъ «она передавала наивность, заставляло опасаться, что она не «будетъ имѣть того-же успѣха въ кокетствѣ. Она должна была «бороться противъ впечатлѣній, которыя сама произвела, «противъ воспоминаній, которыя сама заронила въ души, «бороться, такъ сказать, противъ самой себя. Борьба длилась не-

«долго: *Селимена, Эльмира, Араминта*, произвели тѣ же восторги, тѣ же оваціи, какими вѣкогда пользовались *Агнеса, Генриетта и Викторина*. Никогда не изгладятся изъ моей памяти «торжественные вечера, въ которые публика съ такимъ виднымымъ счастьемъ смотрѣла и слушала Марсь, возлѣ Флери, артиста уже стараго, но котораго талантъ не старѣлся и которому новая *Селимена* возвратила всю эвергію возмужалаго возраста, весь пламень юности.

«Но Марсь, придавая новую жизнь и блескъ мастерскимъ произведеніямъ стараго репертуара, въ то же время поддерживала современныхъ авторовъ силою своего таланта, котораго «благоклонности они съ рвеніемъ искали. Присутствіе ихъ при «этой печальной и торжественной церемоніи доказываетъ, что «они не-забыли дивной переводчицы ихъ мыслей и чувствъ, съ «которой нынѣ прощаются на-вѣки. Поименовать всѣ роли, «въ которыхъ она была признана *неподражаемою* — былъ-бы «трудъ слишкомъ продолжительный; довольно сказать, что въ «теченіе полу-вѣка — она считала свое появленіе на французской сценѣ — постоянными торжествами. Какое отборное общество, какіе влики, какой восторгъ сожалѣнія, если я смѣю «такъ выразиться, встрѣтили ея послѣднее появленіе передъ «публикою, въ рѣшительную минуту ея театральной жизни! Но «и въ отставкѣ ея артистическая жизнь не прекращалась! Она «посвятила ее Консерваторіи, и ревность, съ которой она исполняла новое свое призваніе, пламенное выраженіе ея рѣчей, «доказывали, что священный огонь еще не потухъ въ ея душѣ. — «Увы! теперь все погасло! и пламеникъ разума и пламеникъ «жизни! Исчезли—и женщина и артистка, а скоро исчезнуть, «вмѣстѣ съ тѣми, которые ее звали, и слѣды, оставленные въ «памяти этимъ очаровательнымъ талантомъ, этими дивными «красками слова, этими восхитительными чувствами! Царственная жрица *Талии* — вмѣстѣ съ жизнію унесла у насъ все, «кромѣ памяти о ней, и во славу этой памяти, французская «комедія, моимъ голосомъ, говоритъ нынѣ своей царицѣ «*прости*, то прости, котораго не слышать мертвецы, но которое необходимо живымъ, для облегченія горести, для смягченія жестокой минуты, когда они расстаются на-вѣки съ «предметомъ своей любви, своего уваженія, своихъ восторговъ. «По-крайней-мѣрѣ, унесемъ отсюда и постараемся сохранить

«Какъ клать, воспоминаніе объ этой благородной артисткѣ, «потому—что память о великихъ людяхъ почти—что часть ихъ, «которая остается съ нами. Французскій Театръ почелъ дол- «гомъ прекратить все труды свои, чтобы исполнѣ предаться «своему трауру. Сегодня никто изъ насъ не осмѣлился—бы вы- «ступить на сцену, на которой знаменитая наша сотоварка яв- «лялась во всемъ блескѣ своего таланта и своей славы. От- «правляемое нами торжество, оставляетъ въ душахъ на- «шихъ глубокіе слѣды, нескоро изгладимые и съ сердцемъ, «полнымъ искренней скорби, говоримъ мы тебѣ, скрывающей- «ся съ поприща славы и слова, въ пѣдра безмолвія и вѣчнаго «покоя: Прости, знаменитая женщина; прости великая артис- «тка; прости безсмертная Марсъ!»

ПѢВЕЦЪ И КОМПОЗИТОРЪ.

Въ 1833 году, въ солнечный осенній день, бѣдный отставной пѣвецъ встрѣтился на итальянскомъ бульварѣ, въ Парижѣ, съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ и богатѣйшихъ композиторовъ. Пѣвецъ этотъ былъ Фабіани, нѣкогда отличнѣйшій теноръ, украшавшій неапольскую сцену, но вслѣдствіе пылкихъ страстей, потерявшій и голосъ и состояніе.

— «Ахъ, синьоръ маэстро! — сказали онъ композитору трогательнымъ тономъ; — жальтесь надо мною: я голоденъ; у меня нѣтъ су въ карманѣ, и я изнываю отъ тоски по родинѣ.»

— «А что—же твой голосъ.»

«Увы! погибъ навсегда!»

— «Вотъ, что значить кутить. Пѣвецъ долженъ быть умѣренъ и замѣнять существенность — воображеніемъ: вмѣсто вина пить подкрашенную воду, и вмѣсто свинины — ѣсть обжаренную булку. А сколько тебѣ нужно, чтобы возвратиться домой?»

«О, много, синьоръ!»

— «На—примѣръ?»

«Пятьсотъ франковъ.»

— «Гдѣжъ я возьму столько денегъ? зайди ко мнѣ завтра утромъ: поторгуемся, авось сойдемся.»

Пѣвецъ почтительно поклонился, а маэстро вошелъ въ лавку своего издателя.

— «Ахъ, маэстро! вотъ—что называется кстати!....» воскликнулъ потный торговецъ. «А я только, что къ вамъ собирался.»

— За чѣмъ?

«Мнѣ нужно двѣнадцать романсовъ. Нельзя-ли мнѣ ихъ сочинить?»

—Двѣнадцать романсовъ! Да это цѣлый альбомъ! Съ-ума ты сошелъ! Это испортитъ у меня желудокъ.

—«Что вамъ стоитъ сочинить двѣнадцать романсовъ. Вѣдь я знаю: присѣли — и готово. А я тотчасъ-же выплачу вамъ за нихъ 12000 франковъ.

—Ни за-какія деньги! Да, что ты, уморить меня, что-ли, хочешь?... или нѣтъ, постой.... сказалъ композиторъ подумавъ, — конечно! Давай деньги, романсы будутъ готовы.

Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ отъ лавки, какъ ему попадаетъ знаменитый пѣвецъ Лаблашъ.

—«А я сей-часъ только любовался вашими романами, любезный маэстро!» говорить ему артистъ.

—Гдѣ? какими романами? съ живостію спрашиваетъ композиторъ.

—«У насъ въ театрѣ. Директоръ досталъ альбомъ Малибранъ, и мы его сейчасъ разсматривали.»

—Безплодная мысль! Пойдемъ, Лаблашъ! Покажи мнѣ этотъ альбомъ, что я тамъ намаралъ!

Они пришли въ фойе Итальянской Оперы. Композиторъ, какъ левъ кинулся на свою добычу. Въ альбомѣ было пять его романсовъ. «Гдѣжь я возьму еще семь!» — воскликнулъ онъ съ ужасомъ; «Лаблашъ — Саміель, помоги! — Спаси мое пищевареніе.

— Вы написали три романа для Рубини, два для Нури, одинъ для Пасты, три для Албертаці....

—«Довольно! довольно!»

О мой спаситель!

И избавитель!»

И маэстро кинулся душитъ Лаблаша въ объятіяхъ. «За то я накормлю тебя макаронами съ стюфато, отъ которыхъ ты языкъ проглотишь: самъ сострипаю.»

— Но, маэстро, гдѣ-же вы соберете всѣ эти манускрипты? Это будетъ трудно.

—«Трудновато! Какой вздоръ! Мнѣ надо только знать, для кого я писалъ, а что написано, то все хранится въ архивѣ, вотъ здѣсь!» — и онъ ударилъ себя по лбу.—«Вотъ, смотри!»

Съ этимъ словомъ композиторъ схватилъ потную бумагу, перо, и менѣе чѣмъ въ полчаса, всѣ двѣнадцать романсовъ были написаны.

Въ тотъ-же вечеръ они были отправлены къ издателю и замѣнили пачкою съ двѣнадцатью банковыми билетами, въ 1000 франковъ каждый.

На другой день итальянецъ Фабьяни, сидя въ марсельскомъ дилижансѣ, рассказывалъ своимъ спутникамъ, какъ онъ вчера еще былъ нищимъ, а сегодня сталъ богачемъ, возвращается на-родину съ 12000 франковъ, и за все это обязанъ великому маэстро, въ котораго операхъ нѣкогда пѣвалъ.

— Но кто-же этотъ великодушный композиторъ! спросилъ одинъ изъ спутниковъ.

— «А, это тайна!—отвѣчалъ наивно пѣвецъ, — Россіи не приказалъ мнѣ никому объ этомъ рассказывать.»

ИМПРОВИЗИРОВАННАЯ КОМЕДИЯ СКРИБА.

Всѣмъ извѣстно, что часто самыя интересныя комедіи разгрызаются за кулисами. Тоже недавно случилось въ театрѣ Драматической-Гимназій, въ которомъ Скрибъ главный авторъ. Во-время одной изъ репетицій, молодой и искусный директоръ этого театра, г. Монтини и, отвелъ знаменитаго драматурга въ сторону и просилъ его принять участіе въ составленіи новой пьесы.

— Очень радъ! — отвѣчалъ Скрибъ. — Въ чемъ дѣло?

— Дѣло — въ новой роли для нашей прелестной актрисы, Розы Шери. Я боюсь, чтобъ у меня кто-нибудь не похитилъ мысль, какъ это каждый день случается, и потому тороплюсь. Войдемъ въ мой кабинетъ.

Монтини и Скрибъ заперлись въ кабинетѣ такъ, что даже стѣны не могли подслушать ихъ разговора. Скрибъ одобрилъ сюжетъ пьесы, положенія, интригу и взялся привести дѣло къ развязкѣ. Черезъ часъ послѣ того, онъ явился къ Розѣ Шери.

— Я пришелъ предложить вамъ новую роль.

«Ахъ, какъ вы добры, г. Скрибъ, я право не знаю....»

— Погодите благодарить прежде времени.

— «А что, развѣ роль очень трудна?»

— Очень легка, если она вамъ только понравится; но она невозможна, когда не придетъ вамъ по вкусу.

«Если она въ моихъ средствахъ, то я напередъ знаю, что она мнѣ понравится.»

— У васъ есть всѣ средства, чтобъ сыграть ее восхитительно.

«Вы мнѣ льстите; но перейдемъ лучше къ сюжету пьесы.»

— Вотъ онъ въ двухъ словахъ: героиня — актриса, скромная, милая, простодушная и полная таланта..... (здѣсь Скрибъ набрасываетъ самый поразительный портретъ Розы Шери, котораго только она не узнаетъ и тѣмъ оправдываетъ похвалу своей наивности). Она ангажирована на второстепенномъ театрѣ, гдѣ царствуетъ безъ раздѣла, но первый парижскій театръ, признавая въ ней первокласный талантъ, сильно хлопочетъ о томъ, какъ-бы ее сманить. Директоръ ея, боясь, чтобы ее у него не похитили..... тѣмъ болѣе, что онъ въ нее страстно влюбленъ....

«Ахъ, это преинтересное положеніе!»

— Не правда-ли? Узелъ еще болѣе запутывается отъ стойкости характера артистки, отъ толпы обожателей, которая около нея хлопочетъ, отъ новыхъ интригъ перваго театра и отъ робости директора, который не смѣетъ ей признаться въ своей любви.

«Безподобно! Я ужъ напередъ вижу, какъ ловко вы воспользуетесь этой интригою.»

— Теперь вы мнѣ начинаете льстить. Но поскорѣе къ развязкѣ! Директоръ, наконецъ, открываетъ свое сердце другу, драматическому писателю. Тотъ отправляется къ молодой актрисѣ, объявляетъ ей о страсти своего друга, говоритъ ей отъ души въ его пользу и, наконецъ, проситъ, чтобы она согласилась выйти за него замужъ.

«Какъ! Свадьба?»

— Да развѣ не всѣ пьесы этимъ кончаются?

«И артистка согласна?»

— Вотъ это-то вамъ и слѣдуетъ рѣшить, потому что я долженъ передать вашъ отвѣтъ г. Монтиньи, директору молодой артистки.

Роза Шери, наконецъ, поняла въ чемъ дѣло и приняла предложеніе. На-дняхъ, директоръ Театра Гимназій навсегда законтрактуетъ свою дивную артистку, посредствомъ брачныхъ узъ, на зло Французскому Театру.

Французскому Театру приходится плохо. Авторы разобрали всѣхъ его хорошенькихъ актрисъ и отнимаютъ у него подъ носомъ даже тѣхъ, на которыхъ онъ имѣетъ виды.

Мамзель Ида, съ театра Сен-Мартенскихъ воротъ, вышла за

Александра Дюма; Роза Шери — выходитъ за Монтяньи; Огюсть Арну — похитилъ у Французскаго Театра г-жу Плесси, а Роже-де-Бовуаръ миленькую мамзель Дозъ, съ которой на-дняхъ обвѣнчался въ деревушкѣ Сантени.

Теперь, недостаетъ только для окончательнаго бѣдствія этого театра, чтобы какой нибудь милордъ, эгличмень похитилъ дѣвицу Рашель, чтобы Федру превратить въ львицу Гейдъ-Парка.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ СИГНАЛЫ.

На-дняхъ вышелъ превосходный портретъ И. А. Крылова. Хорошія художественныя явленія у насъ такъ рѣдки, что невольно порадуешься, когда увидишь произведеніе русскаго карандаша и русской литографіи, подобное тому, о которомъ мы говоримъ. Здѣсь соединено все, чего только можно потребовать: изящество, вкусъ, легкость, чистота отдѣлки и главное въ портретѣ — сходство. Великій нашъ баснописецъ представленъ на этомъ портретѣ въ послѣдніе годы своей жизни, стало-быть эти почтенныя, благородныя черты еще очень живы въ памяти у всѣхъ, знавшихъ покойнаго Нестора нашей литературы или встрѣчавшихъ его. Что портретъ этотъ поразительно схожъ и передаетъ именно эту добродушную и вмѣстѣ глубокомысленную мину поэта, которая внушала къ нему невольное уваженіе и довѣріе, — не покажется удивительнымъ, когда мы скажемъ, что литографія слѣдала съ превосходнаго портрета, писаннаго К. П. Брюловымъ. Такимъ именно Крыловъ являлся въ семьѣ литераторовъ, которые называли его *дядушкою*, и съ трогательною ревностію оспаривали другъ у друга честь ему услуживать и исполнять малѣйшія желанія старца. Никогда не забуду я тѣхъ минутъ, когда дружескій кружокъ истинныхъ литераторовъ, людей преданныхъ своему искусству и благу отчизны, съ жаромъ любовницы, соединялся встрѣчать новый годъ у кн. В. Ф. О., и между ними предѣлателемъ являлся маститый старецъ, Крыловъ, озаренный славою двухъ вѣковъ, окруженный искренней любовію двухъ поколѣній, обрадованный внимательностію этой разумной семьи, которую онъ называлъ своими *дѣтьми*, которая его называла своимъ *дѣдомъ*. Всѣ окружали патриарха съ желаніями еще много лѣтъ

здравствовать, а онъ, своею гениальной рукою, благословляя ихъ на новые труды въ наступающемъ году... Присутствие его придавало особенную торжественность празднеству и переносило сближало тѣхъ, кто въ немъ участвовалъ... И вотъ великаго представителя нашей народной поэзіи не стало, семья осиротѣла... и разсѣялась.

Однихъ ужъ нѣтъ, другіе странствуютъ далече!

Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь — выбыли изъ семьи; Жуковский

На берегахъ роскошныхъ Майна,
Германской мудростью пѣвнень,
Ноль лозами съ пригорковъ Рейна,
Семьей цвѣтущей окружень.
Онъ для героевъ Одиссеи
Готовитъ новые трофеи...

Теперь каждый изъ насъ съ удовольствіемъ украситъ свой кабинетъ этимъ портретомъ поэта, который соединяетъ въ себѣ такъ много воспоминаній юности и зрѣлыхъ лѣтъ. Портретъ Крылова украшенъ бордюромъ во вкусѣ рококо, сдѣланнымъ художественно, легко, прозрачно и заключающимъ въ себѣ всѣ лучшія басни его въ лицахъ. Внизу изображена медаль, выбитая литераторами въ честь Крылова, во время его юбилея. И атрибуты и самый портретъ составляютъ нѣчто цѣлое, полное мысли и самаго счастливаго вдохновенія. Честь этого художественнаго явленія, прекраснѣйшаго изъ всѣхъ, которыя доселѣ представляла русская литографія, принадлежитъ А. Эйхену, скопировавшему его съ масляной картины Брюлова и придумавшему атрибуты, Л. Бѣлоусову, нарисовавшему его мастерски на камень и литографіи Поля Пети, которая на этотъ разъ отличилась своею художественностію. Со вѣтуетъ каждому обзавестись этимъ портретомъ, который вмѣстѣ заставляетъ насъ гордиться и лицомъ, которое представляеть, и успѣхами нашего искусства. (*)

(*) Продается по 3 р. сер. во всѣхъ магазинахъ эстамповъ и въ книжной лавкѣ Василья Полякова, въ гостиномъ дворѣ.

Русская литература понесла двѣ скорбныя утраты. Въ вѣншемъ мѣсяцѣ скончались: ветеранъ русской журналистики, *Сергій Николаевичъ Глинка*, и поэтъ *Эдуардъ Ивановичъ Губеръ*.

Сергій Николаевичъ Глинка былъ современникомъ Карамзина, Жуковского, Гнѣдича; онъ написалъ русскую исторію, прежде Карамзина; былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ драматурговъ, въ царствованія Павла и Александра, написалъ нѣсколько драмъ, трагедій, оперъ, которыя славились въ свое время; издавалъ въ Москвѣ журналъ «Русскій Вѣстникъ», который былъ народнымъ органомъ въ годы, предшествовавшіе отечественной войнѣ; сдѣлался первымъ ратникомъ при первомъ ополченіи; былъ потомъ, попеременно, наставникомъ, цензоромъ, литераторомъ—и всегда пылкимъ патриотомъ, восторженнымъ поклонникомъ своей эпохи и добрымъ, благороднымъ человѣкомъ. Онъ имѣлъ память — примѣрную, какою рѣдко кто можетъ похвалиться: голова его была тысячечомная библіотека; онъ могъ привести цитаты изъ любой современной ему книги—русской и французской литературы — не только въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, но даже съ указаніемъ страницы. Онъ прекрасно зналъ французскій языкъ, говорилъ на немъ бѣгло, писалъ краснорѣчиво. Последніе годы онъ провелъ болѣзненно, но все не переставалъ трудиться для литературы. Кто его зналъ, любилъ и уважалъ его. Когда нибудь, мы постараемся сообщить біографію этого замѣчательнаго человѣка.

Эдуардъ Ивановичъ Губеръ—нашъ современникъ, извѣстный по своему переводу «*Фауста*» Гёте и по многимъ прекраснымъ стихотвореніямъ, проникнутымъ мечтательностію, теплымъ чувствомъ и тайною грустію. Въ последнее время онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ «*Библиотеки для Чтенія*» по отдѣламъ критики и литературной льтописи. Друзья оплакиваютъ въ немъ теплаго, благороднаго человѣка, литература—писателя, который еще многое обѣщалъ впереди.

—*Карлъ Ивановичъ Морзъ*, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и усердныхъ комиковъ нашей нѣмецкой группы, 26-го апрѣля,

дастъ бенефисъ. Этотъ бенефисъ будетъ двадцати — пяти — лѣтнимъ юбилеемъ этого почтеннаго артиста. Ровно за 25 лѣтъ, въ 1822 году, въ апрѣль, Моръ, урожденный петербуржецъ и нашъ соотечественникъ, поступилъ на сцену, увлекаемый непреодолимою страстью къ театру. Старикъ Дмитревскій, будучи пріятелемъ знаменитаго трагика Яковлева, часто видалъ у него молодаго Мора еще мальчикомъ и, замѣтивъ въ немъ дарованіе, благословилъ его. Съ 1822 года, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, Моръ постоянно былъ любимцемъ нѣмецкой петербургской публики, и въ то время, какъ заграничныя его сотоварищи являлись и исчезали на нашей сценѣ, онъ удержался на ней донынѣ, несмотря на свои лѣта, до-сихъ-поръ служить ей украшеніемъ и появленіемъ своимъ всегда возбуждаетъ веселость зрителей. Будущій его бенефисъ составленъ изъ двухъ новыхъ комедій: Paragraph siben oder Ein Tag aus dem Leben eines Komikers (Параграфъ седьмой или день изъ жизни комика) соч. Валя; — Der Wetter (Своакъ) соч. Бенедикса, и наконецъ, изъ русской шуточной сцены, написанной нарочно для него въ стихахъ г. Кони, подъ названіемъ: «Толстякъ и Тошій.» Толстяка — будетъ играть Моръ, тощаго — Мартыновъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ бенефисъ у Мора — будетъ умора!

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Графъ Ферри, ревностный библіоманъ, недавно умеръ въ Падуѣ. Послѣ него осталась весьма любопытная библіотека. Она заключаетъ въ себѣ 32,000 томовъ и вся составлена изъ — *женскаго рукодѣлія, изъ сочиненій синихъ чулокъ всѣхъ націй.* Вотъ настоящій поклонникъ прекраснаго пола!

Странный и удивительный артистъ — надѣлалъ недавно много шуму въ Парижѣ. Онъ явился и исчезъ, какъ метеоръ. Исторія его похожа на событіе среднихъ вѣковъ. Артистъ этотъ, молодой испанскій офицеръ, карлистъ, который принужденъ былъ бѣжать изъ отчизны. Онъ перебрался черезъ Па-

риней пѣшкомъ и вступилъ во Францію съ обыкновенною пошею испанцевъ: плащемъ и гитарою. Дойдя до небольшой деревушки, близъ Лиможа, онъ упалъ безъ чувствъ отъ истощенія и голода. Въ этомъ положеніи нашли его крестьяне и перенесли въ ближайшій деревенскій домикъ. Ихъ заботами онъ скоро былъ воскрешенъ, но не могъ продолжать путешествія, потому — что не имѣлъ въ карманѣ ни одного су. Крестьяне, движимые состраданіемъ, совѣтовали ему дать концертъ на гитарѣ: онъ послушался и собралъ четыре франка и два су. Половину этой суммы онъ отдалъ гостепріимнымъ своимъ хозяевамъ, за ихъ попеченія, а съ другою снова пустился въ дорогу. Здѣсь познакомился онъ съ старымъ патеромъ, который наканунѣ былъ въ числѣ его слушателей и приходилъ въ совершенный восторгъ отъ его игры. Когда, къ вечеру, они остановились въ значительномъ помѣстьи, патеръ отправился въ замокъ владѣтельницы, г-жи Леомиль, и между прочимъ, рассказалъ ей о своемъ спутникѣ. Дама пожелала, чтобы артистъ сыгралъ что-нибудь въ ея салонѣ, гдѣ въ это время гостили ея сосѣди и пріѣзжіе изъ Парижа. Онъ явился — и очаровалъ всѣхъ. Г-жа Леомиль упросила его остаться въ ея домѣ, въ званіи гувернера ея дѣтей. Здѣсь провелъ онъ три года и, наконецъ, рѣшился отправиться въ Парижъ, чтобы тамъ попробовать счастья съ гитарою.

Снабженный рекомендательными письмами своей благотворительницы, онъ явился во всемірную столицу. Одно изъ этихъ писемъ было на имя баронессы Б*. Дама эта принадлежала къ высшему кругу, была принята при дворѣ, находилась въ связяхъ со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ. Хотя дѣта ея принадлежали къ тѣмъ, о которыхъ нельзя уже говорить, а тѣмъ-менѣе печатать, безъ нарушенія должнаго приличія къ прекрасному полу; хотя дочь ея уже два года была замужемъ за герцогомъ О* и пренавнымъ образомъ произвела *маменьку* свою въ *бабушки*; однакожъ, несмотря на все это, баронесса Б* не отказывалась отъ претензій на молодость, красоту и страстную любовь — къ художествамъ вообще и къ художникамъ въ особенности. Она плѣнилась инструментомъ молодаго испанца, и еще болѣе имъ самимъ. Она ревностно хлопотала объ его участи: онъ былъ введенъ въ отличнѣйшіе круги Парижа и производилъ фуроръ своей игрой на гитарѣ,

потому - что подобнаго гитариста дѣйствительно никогда еще не слышали. Баронесса Б*, чтобы вѣрнѣе обладать предметомъ всеобщихъ восторговъ и исканій, предложила ему, наконецъ, свою руку, и чтобы сдѣлать ее полноувѣреніе — все свое имѣніе. Но молодой трубадуръ, съ истинно-рыцарскимъ чувствомъ отвергъ оба дара, на томъ основаніи, что они не гармонируютъ съ его сердцемъ. Несмотря на то, обстоятельство это сильно обезпечило герцогиню О* и ея супруга, который, боясь, чтобы почтенная его теща не сыграла въ порывѣ запоздалой страсти какой-нибудь шутки, опасной для его семейства, рѣшился употребить все средства, чтобы удалить отъ нея предметъ соблазна. Молодой артистъ возвращается разъ вечеромъ домой изъ италіанской оперы; придверникъ говоритъ ему, что его ждутъ гости. Онъ входитъ въ свою квартиру, видитъ, что все его пожитки уложены въ чемоданы и четыре полицейскіе солдата просятъ его немедленно слѣдовать за ними въ префектуру полиціи. Тамъ уже готова коляска: его покорнѣе просятъ сѣсть въ нее и, подъ прикрытіемъ жандармовъ, на почтовыхъ мчатъ въ Гавръ. Тамъ ждетъ его мѣсто на пароходѣ, который переноситъ артиста на туманный берегъ Альбіона. Герцогъ О* донесъ полиціи, что молодой испанецъ—агентъ Дона Карлоса, и полиція сдѣлала нужныя распоряженія. Теперь молодой артистъ въ Лондонѣ, гдѣ не могутъ достаточно надивиться его игрѣ на гитарѣ. Онъ извлекаетъ изъ нея тоны, совершенно схожіе съ звуками арфы. Парижское его похождение ясно показываетъ, что въ мечтательно-свободной Франціи и теперь, несмотря на конституціонныя права, есть средства удовлетворять личной враждѣ, какъ и во времена, когда на мѣстѣ Июльской колонны, стояла еще Бастилія.

Извѣстный италіанскій композиторъ, Пачини, который жилъ въ полузабвеніи, пока дѣйствовалъ плодовитый Донизетти, теперь началъ играть значительную роль въ оперномъ мірѣ. Все импрессаріи италіанскихъ театровъ, въ бѣдѣ своей, ухватились за него, какъ утопающіе хватаются за соломенку. И вотъ Пачини взялъ на себя подрядъ, въ теченіе нынѣшняго года поставить на Италію пять новыхъ оперъ. Этого и

Донизетти, при всей необъятности своего таланта и воображенія, былъ не въ состояннн сдѣлать. Но Пачини рѣшился вести ремесло свое — en gros, и потому для него все возможно, даже безъ великаго таланта. Во Флоренціи — онъ подрядился поставить оперу «*Осада Лейдена*»; для театра Сан - Карло, въ Миланѣ, написать «*Меропу*»; для Турина — «*Эскупъ ди Энади*»; и сверхъ того лирическую драму для театра Дель-Фондо, въ Неаполѣ, и героическую оперу для открытія новаго театра въ Падуѣ. Для двухъ послѣднихъ, онъ даже не придумалъ еще сюжетовъ и названій. Мы, съ своей стороны, такъ-же не подберемъ названія для художника, который пускается на такого рода творчество.

Вотъ сюжетъ для драмы или повѣсти. Въ высшихъ кругахъ Лондона, теперь служить предметомъ для разговора весьма странная исторія. Недавно умершій графъ Штеръ, лѣтъ двадцать тому, когда онъ еще не былъ перомъ и носилъ простое имя мистера Дельримпля, влюбился страстно въ молодую дѣвушку, миссъ Гордонъ. Родители ея противились этому союзу, онъ увезъ свою возлюбленную и обвѣнчался съ нею въ сосѣднемъ городѣ. Но образъ жизни Дельримпля былъ не таковъ, чтобы составить счастье дѣвушки съ чистой и прекрасной душою. Она страдала; это наскучило мужу, онъ принималъ мѣры, чтобы развестись съ нею, но онѣ не удались. Между-тѣмъ онъ завелъ связь съ французскою актрисой, и чтобы жена ему въ этомъ не мѣшала, онъ придумалъ отдѣлаться отъ нея слѣдующимъ образомъ. Онъ отыскалъ франта-игрока, который былъ голъ, какъ соколъ, но дороденъ и ловокъ; сговорился съ нимъ и поручилъ волочиться за своей женою. Въ случаѣ успѣха, на которомъ-бы мужъ могъ основать просьбу о разводѣ, Дельримпль обѣщалъ своему Созн значительную сумму денегъ. Франтъ, очень хорошій актеръ, прикинулся влюбленнымъ, страстнымъ, и кончилъ тѣмъ, что совершенно вскружилъ голову молодой, покинутой мисседи. Она полюбила его со всей энергіею, къ которой благородная душа только способна. Но не желая обманывать мужа и пресушить супружескихъ обязанностей, она во всемъ призналась

Дельримплю и объявила, что сама желаетъ развода, чтобы вступить въ новый бракъ съ своимъ избранникомъ. Ихъ развели. Наемникъ получилъ обѣщанную плату отъ мужа, и очень хладнокровно объявилъ женѣ, что роль его кончена и что все это была одна шутка. Глубоко пораженная мистрисъ Гордонъ — сошла съ-ума и съ 1827 года до-нынѣ была въ домѣ умалишенныхъ. Теперь ей 45 лѣтъ. Нынѣшней зимою, она встрѣтила въ домѣ сумасшедшихъ своего обольстителя, который разбогатѣлъ и, какъ членъ Филантропическаго Общества, пріѣхалъ осмотрѣть заведеніе. При взглядѣ на него, въ душѣ ея воскресло все прошедшее, и она вдругъ пріобрѣла опять разсудокъ. Филантропъ не узнавалъ своей жертвы, но обѣщавъ свою протекцію для помѣщенія ее въ — богадѣльню.

Господа Чинизелли и Лоазеты, которые нынѣ украшаютъ собою Олимпійскій Циркъ г. Гверры, принадлежали, какъ и Камилла Леру и Каролина Лойо, къ труппѣ парижскаго національнаго цирка. Обольщенные выголами и успѣхами, которые ожидали ихъ въ Россіи, они нарушили свои контракты. Галлуа директоръ парижскаго цирка, принесъ на-нихъ жалобу, и парижскій трибуналъ, на-дняхъ присудилъ ихъ къ уплатѣ штрафа; г. и г-жу Чинизелли—42,000, а гг. Лоазеть—45,000 франковъ, по-примѣру г-жи Плесси, которой штрафъ простирается до 200,000 фр.

Князь Юсифъ Полятовскій, который составилъ себѣ уже въ-которымъ образомъ имя въ музыкальномъ мѣрѣ, окончилъ теперь новую оперу, подъ названіемъ «Эмеральда.» Она въ непродолжительномъ времени будетъ представлена въ залѣ муниципальнаго дворца, во Флоренціи. Нѣкоторые итальянскіе журналисты общають ей успѣхъ. Но мы, какъ-то, плохо вѣримъ въ эти похвалы дилетрическихъ произведеній. Вся эти господа, которые занимаются искусствами не по призванію, а только, чтобы придать себѣ особенный вѣсъ въ обществѣ, находятъ, (особливо, когда они богаты,) тысячу средствъ къ успѣху; средствъ, рѣшительно независимыхъ отъ мнѣнія пуб-

лки. Во-первыхъ, они всегда даютъ свои произведенія сперва въ палатахъ вельможъ и въ частныхъ домахъ, куда приглашаются только избранные и неплатящіе слушатели, и гдѣ сужденія не могутъ быть иначе выражаемы, какъ въ ихъ пользу. Во-вторыхъ, они ласкательствомъ и подарками умѣютъ заморить въ свою пользу нѣкоторыя музыкальныя знаменитости, которыхъ авторитетъ можетъ имѣть вліяніе на толпу; выманиваютъ у нихъ льстивыя письма, которыя до представленія отдаютъ для напечатанія въ журналы, и, наконецъ, въ день публичныхъ представленій, успѣваютъ такъ хорошо гарнировать залу театра, что три четверти зрителей — приходятъ въ вѣрвый восторгъ и осыпаютъ ихъ рукоплесканіями. Князь Понятовскій написалъ уже множество оперъ, а до-сихъ-поръ ни одна изъ нихъ не попала въ репертуаръ европейскихъ театровъ. Это можетъ служить самой вѣрной оцѣнкой его творчества.

Въ литературу явился новый Наполеонъ Бонапарте, который обѣщаетъ совершить переворотъ на сценѣ Италіи. Это авторъ драмы «Il Nobile e il Cittadino» — *Благородный и Мещанинъ*. — Она въ первый разъ явилась на театрѣ, въ Болонни, потомъ была представлена въ Луккѣ, и теперь играется на всѣхъ значительныхъ сценахъ Италіи и повсюду производитъ фуроръ. Имя автора наполняетъ всѣ газеты, а оно и безъ того славно: его зовутъ *Наполеонъ Бонапарте Пеколи*! Бездѣлица!

Ученый бельгійскій врачъ, Мендль, — сдѣлалъ недавно весьма важное открытіе. Онъ нашолъ самый простой и вѣрный способъ отличить мертваго отъ мнимо-умершаго. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что покойнику дѣлаютъ легкій обжогъ, какою-нибудь части изъ оконечностей. Если онъ живъ, непременно образуется пузырь, если дѣйствительно умеръ, то обжогъ остается безъ послѣдствій. Открытіе это, доступное для всѣхъ, спасетъ много жертвъ отъ страшной участи — быть заживо погребеннымъ и проснуться въ могилѣ.

Вода горитъ! Виценцъ Кальдеронъ, отличный химикъ, въ Мадридѣ, открылъ способъ извлекать изъ воды водородоугольный газъ, который чрезвычайно хорошъ для освѣщенія. Онъ горитъ яркимъ; бѣлымъ пламенемъ, не имѣетъ запаха и не коптитъ. Простое средство извлекать этотъ газъ и почти повсемѣстное обиліе воды — дѣлаютъ освѣщеніе этимъ газомъ доступнымъ для всѣхъ, тѣмъ болѣе, что оно почти ничего не стоитъ. Кто-бы повѣрилъ за-десять лѣтъ, что въ 1847 году будутъ дѣлать операціи безъ боли, гулять по воздуху—въ паролетахъ, стрѣлять хлопчатую бумагою и жечь въ лампахъ воду—вмѣсто масла? Рѣшительно, мы живемъ въ столѣтіи чудесъ.

Спортинги — пишетъ новую оперу, подъ названіемъ: «Потерянный Рай». Содержаніе заимствовано изъ поэмы Мильтона; стиль музыки духовный. Знатки общаются, что это будетъ отменно—сучно.

Осидій карандаша, знаменитый рисовальщикъ замысловатыхъ каррикатуръ, превращеній людей — въ животныхъ и скотовъ — въ человека, великій, неподражаемый Гранвилъ — умеръ въ Парижѣ, 17-го марта, на 45-мъ году и умеръ въ домѣ умалишенныхъ! Потеря любимого, четырехлѣтняго сына, причинила ему сперва глубокую, невыразимую грусть, которая окончилась сумасшествіемъ и смертію. Гранвилъ былъ тонкій сатирикъ, вѣрный наблюдатель современнаго общества; онъ стоялъ въ нашъ вѣкъ гораздо выше Гогарта, который умѣлъ писать однѣ каррикатуры, и притомъ утрированныя, съ англичанъ, тогда-какъ Гранвилъ схватывалъ резко и вѣрно самыя неосозаемыя фізіологическія черты, не только французскаго общества, но всей современной Европы, цѣлаго человѣчества. Карандашъ его соединялъ въ себя ѣдкость Бамарше, остроуміе—Скриба, провицательность—Стерна, простоту—Лафоніена и мягкость—Беранже. Его «*Сцены изъ частной жизни животныхъ*» — великая фізіологическая поэма, разнообразная, вѣрная и назидательная. Его «*Сто пословицъ*», «*Мелкія бѣдствія жизни человѣческой*», «*Свѣтъ на-выворотъ*», «*Одушевленные*

цельты» и «Картинки къ баснямъ Лафонтеня» — произведенія мастерскія, полныя жизни, ума и ѣлаго юмора. Французское искусство понесло въ немъ великую потерю!

Госпожа Штольцъ, — которая была въ теченіе многихъ лѣтъ примадонною въ Большой-Оперѣ въ Парижѣ, и своими претензіями, интригами и связью съ директоромъ, Пилле, мѣшала появленію на сцену каждаго новаго таланта и довела театръ до послѣдней степени упадка, наконецъ, принуждена оставить сцену и Парижъ. Публика произнесла надъ ней судъ и приговоръ въ «Робертъ Брюсъ». Г-жа Штольцъ, по-видимому, имѣла, некогда, прекрасный металлъ голоса и довольно располагающую физиогномію, но она никогда не могла быть великою пѣвицею, потому-что поетъ не только холодно и не художественно, но даже фальшиво. Г. Пилле составилъ ей лавровый вѣнокъ изъ фельетонныхъ листковъ, за которые платилъ чистымъ золотомъ. Французское правительство не терпитъ, а французская публика не выноситъ подобныхъ злоупотребленій. Никто не мѣшаетъ, кому угодно имѣть возлюбленныхъ между пѣвицами и танцовщицами, но не насчетъ славы другихъ артистокъ, не насчетъ упадка театра и не насчетъ неудовольствія публики. Критика должна быть вправъ сказать ея скачущей или бляющей козѣ, что она не умѣетъ ни танцовать, ни пѣть, а публика вправъ ее ошкватъ и требовать должнаго для талантовыхъ артистокъ. Поэтому публика, вступила въ свои права: она освистала г-жу Штольцъ. Эта изношенная пѣвица, покидаетъ теперь Парижъ и сама еще не знаетъ, куда ей дѣваться. Сперва она хотѣла отправиться въ Алжиръ — но журналъ *Corsaire-Satan*, сказавъ, что она ѣдетъ туда, *чтобы умножить собою старинныя развалины*; заставилъ ее перемѣнить намѣреніе. По-послѣднимъ извѣстіямъ видно, что она собирается къ намъ въ Россію, пѣть въ нашей оперѣ. *Весьма милости не просимъ!* Пора-бы нашей публикѣ, наконецъ, показать въ подобномъ случаѣ примѣръ своей артистической власти!

Новый директоръ Оперы теперь въ большомъ затрудненіи, не зная еще, кто замѣнить г-жу Штольцъ: предложеніе сдѣлано Женни Линдъ, г-жѣ Виардо, и сестрѣ ея Евгени Гарси. Во всякомъ случаѣ, театръ много выиграетъ и, появленіе каждой

изъ этихъ пьвицъ подниметь оперу изъ праха, въ которой ее затопталъ г. Пилле при помощи любви своей къ г-жѣ Штольцъ и къ невиннымъ доходяцамъ.

Знаменитый теноръ, Ивановъ, нашъ соотечественникъ, ангажированъ къ итальянской оперѣ, въ Вьну, и производитъ тамъ фуроръ. За то немощно истощенный контральтъ, г-жа Анри, которую тамъ должна замѣнить неподражаемая Альбони, уволена съ этой сцены. Какъ говорятъ иностранныя газеты, она явится у насъ. Утѣшительно!

Таинственное значеніе числа 9. Фонтенель сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: умножая 9 на 2, на 3, на 4, на 5, на 6, на 7, на 8, на 9 и т. д., всегда получите въ произведеніи сложное число, котораго отдѣльныя цифры, будучи сложены, дадутъ въ суммѣ опять 9. Напримѣръ,

$$2 \times 9 = 18. \quad - \quad 1 + 8 = 9$$

$$3 \times 9 = 27. \quad - \quad 2 + 7 = 9$$

$$4 \times 9 = 36. \quad - \quad 3 + 6 = 9$$

$$5 \times 9 = 45. \quad - \quad 4 + 5 = 9$$

$$6 \times 9 = 54. \quad - \quad 5 + 4 = 9$$

$$7 \times 9 = 63. \quad - \quad 6 + 3 = 9$$

$$8 \times 9 = 72. \quad - \quad 7 + 2 = 9$$

$$9 \times 9 = 81. \quad - \quad 8 + 1 = 9$$

Де-Меранъ открылъ въ этомъ числѣ еще другое свойство. Если въ какомъ-нибудь сложномъ числѣ измѣнить порядокъ цифръ, то разность между первымъ числомъ и вторымъ, происшедшимъ отъ перестановки, всегда будетъ состоять или просто изъ 9 или изъ произведенія 9 умноженнаго на 2, на 3, на 4, и т. д. Напримѣръ, возьмемъ число 21, перестановимъ цифры, выдетъ 12; разность между обоими числами, т. е. между 21 и 12, будетъ 9. — Изъ 52 сдѣлаемъ 25, разность между ими будетъ 27, т. е. произведеніе 9×3 . — Перемѣстивъ цифры 31—выдетъ 13, разность будетъ 18 или 9×2 .

ЗАКУЛИСНЫЯ ТАЙНЫ.

— Отчего такъ долго не выходитъ новая тетрадь вашихъ каррикатуръ? спросилъ остроумной П. А. К. встрѣтя столь же остроумнаго издателя «*каррикатуръ*».

«Не могу поймать гравера, который подписываетъ слова подъ каррикутурами. Онъ загулялъ.»

— Значитъ, это самый плохой изъ вашихъ подписчиковъ.

Недавно умеръ одинъ изъ знаменитѣйшихъ лондонскихъ адвокатовъ. Онъ имѣлъ огромное состояніе и завѣщалъ все — сумасшедшимъ. Духовная его состояла изъ слѣдующихъ словъ: «Всѣмъ своимъ богатствомъ я обязанъ безумцамъ, которые любятъ тягаться. Справедливость требуетъ, чтобъ я за то облегчилъ участь ихъ страждущихъ собратій, вѣдущихъ процессъ съ судьбою и природою. Я отдаю умышленнымъ только то, что отъ нихъ же получилъ.»

Семень Егоровичъ, человекъ очень вспыльчивый и готовый изъ каждой бездѣлицы вывести исторію. Несмотря на это благородное свойство, онъ самый покорный рабъ своей супруги, которая держитъ его въ ежовыхъ рукавицахъ и, какъ ходить молва, не для одного супруга расточительна на свою благосклонность. Разъ, Семень Егоровичъ вспылалъ не на шутку. Покойный комикъ Цыгановъ, бывшій при этомъ, замѣтилъ очень наивно: «Вотъ говорить, что русскія пословицы такъ и рѣжутъ правду; — вздоръ! Семень Егорычъ, живое опроверженіе одной изъ нихъ». — Какой-же? спросили его. — «Да той, — отвѣчалъ онъ, — которая говоритъ: *бодливой коровѣ Богъ рога не даетъ*».

Извѣстный стихотворецъ *** почиталъ себя величайшимъ поэтомъ и чрезвычайно любилъ всѣмъ читать свои стихи. Чтобъ имѣть это невинное удовольствіе, онъ даже зазывалъ къ себѣ пріятелей и знакомыхъ обѣдать, кормилъ ихъ на славу, поилъ самыми дорогими винами, и послѣ стола, для десерта, обыкно-

венно, угощала такой порціей своихъ стихотворныхъ издѣлій, что совершенно портила имъ пищевареніе. Наконецъ, пріятели не давались болѣе въ эту ловушку. Пить тогда придумалъ другое средство [знакомить свѣтъ съ своими произведеніями (потому — что въ печати ихъ никто не покупалъ)]. Выходя изъ дому, онъ всегда нагружалъ свои карманы стихами; встрѣчал знакомаго въ чужомъ домѣ, отводилъ его всторону, какъ будто для того, чтобы сообщить интересную новость, и вмѣсто новости, читалъ новые стихи; или, находя пріятеля на улицѣ, приглашалъ его сѣсть въ свою спокойную карету, говоря: «я тебя подвезу, куда тебѣ нужно!» Кучеръ уже зналъ, что дѣлать въ подобныхъ случаяхъ; онъ всегда отправлялся къ цѣли самыми дальними путями, напр. отъ Казанскаго моста на Васильевскій островъ, чрезъ Литейную. Пинта имѣлъ всю возможность выказать свой поэтическій даръ на счетъ своихъ бѣдныхъ лошадей.

Разъ, стихотворецъ нашъ былъ приглашенъ на балъ къ кн. * * * ву. Тамъ встрѣтилъ онъ знаменитаго баснописца Крылова. — «Ахъ, какъ я радъ, что васъ вижу, любезный Иванъ Андреевичъ; у меня есть до васъ большая просьба!» — Что такое? — «А вотъ, пойдемте — ка сюда, чтобы намъ не помѣшали.» — Съ этимъ словомъ, онъ потащилъ И. А. въ одну изъ боковыхъ галлерей, которая, по случаю бала, была не топлена, и въ которой слабо пылалъ каминъ. Здѣсь, прижавъ Крылова въ уголокъ, онъ вытащилъ изъ кармана непростительно длинное стихотвореніе и началъ имъ нагружать бѣднаго баснописца. Напрасно И. А. потиралъ руки, придвигался къ камину, — дрожь невольна пробѣгала по всему тѣлу. *Скончалъ пѣвецъ.* — «Ну, что вы скажете объ этомъ стихотвореніи?» спросилъ онъ у баснописца. — Я замѣчу одно, — отвѣчалъ И. А. — еслибъ въ вашихъ стихахъ было побольше огня, или побольше вашихъ стиховъ въ огнѣ, я не прозябъ-бы такъ сильно! —

Падезефировъ страдалъ острою въ крови, которая болѣе всего обнаруживалась у него на — головѣ, прыщами. Онъ былъ очень мнителенъ и притомъ сильно дорожилъ своей красотой, а потому, при встрѣчѣ съ короткими знакомыми, всегда спрашивалъ ихъ: «Ну что, какъ вы находите теперь мою голову?»—Съ

такимъ-же вопросомъ отнесся онъ развѣ къ Г. Д.... — Я ничего не нахожу въ ней особеннаго; отвѣчалъ послѣдній. — «Помилуйте, — сказалъ Падезефировъ, — развѣ вы не видите, какая острота?» — Клянусь вамъ, — отвѣчалъ артистъ простодушно, — я никогда не замѣчалъ ее въ васъ! —

Одинъ начальникъ очень любилъ ревностныхъ и расторопныхъ чиновниковъ. Въ особенности, онъ отличалъ тѣхъ изъ своихъ подчиненныхъ, которые были женаты, и притомъ женаты на молоденькихъ и хорошенькихъ женщинахъ. Чиновникъ Липочкинъ пользовался особенными его милостями, за то и супруга Липочкина старалась вслѣски отблагодарить начальника за отличія, оказываемыя ей мужу. Однажды, начальникъ призвалъ Липочкина въ свой кабинетъ: «Послушай, любезный, — сказалъ онъ ему, — мы говоримъ теперь дружески, съ глазу на глазъ, и цель этого разговора — предостереженіе. До меня доходятъ слухи, будто ты дерешь со всѣхъ страшныя взятки... Ты знаешь, нынче строго, правительство не шутишь... Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ о тебѣ: откуда у него берутся лошади, экипажи, бронзы, брилліанты?... У него просто *рогъ изобилия!*» — Если вѣрить всѣмъ слухамъ, отвѣчалъ Липочкинъ почтительно, то нѣкоторые говорятъ, что у меня ихъ даже *два*, и что я за все обязанъ вамъ! — «Развѣ что такъ!» сказалъ начальникъ и дружески отпустилъ чиновника.

Кавалеръ.

Я докажу, всѣ споры уничтожа,
Что женщина съ луною очень схожа!

Дама. — «Ахъ, это интересно, послушаемъ.»

Кавалеръ.

Объ ярки ввечеру,
Объ блѣды поутру;
Объ путь нашъ озаряютъ;
Объ сердце привлекаютъ;
Объ нравятся лицомъ;
Объ властны надъ умомъ;
Объ — петина строга —
Объ — дѣлаютъ рога!

Дама.—«По этому, между нами нѣтъ никакой разницы?»

Кавалеръ.

Когда я возбудилъ хоть малый интересецъ,
И разницу мнѣ показать не лѣнь:

Луна мѣняется — однажды каждый мѣсяцъ,

А женщина — однажды каждый день!

Когда, въ Парижѣ, собирались выбрать Наполеона въ пожизненные консулы, генералъ Сент-Илеръ выстроилъ свой корпусъ, и выхавъ передъ фронтъ, произнесъ патетически: «Товарищи! народъ совѣщается о томъ, быть ли генералу Бонапарте пожизненнымъ консуломъ. Мнѣнiя свободны! ни за какiя блага въ мiръ, я не соглашусь имѣть какое-либо влiянiе на ваши голоса. Но я долженъ вамъ сказать, что перваго изъ васъ, кто возвыситъ голосъ не въ его пользу, я тотчасъ же передъ фронтомъ велю разстрѣлять! Да здравствуетъ республика и свобода!»

Одинъ провiантмейстеръ, выслужившiйся изъ мелкихъ чиновниковъ и не получившiй никакого образованiя, любилъ похвастать своими небывалыми подвигами. Разъ, онъ разсказывалъ въ обществѣ, какъ послѣ одного жаркаго сраженiя въ 1812 году, Наполеонъ до-того промокъ и прозябъ, что велѣлъ войскамъ расположиться на ночь, на томъ-же мѣстѣ, на два выстрѣла отъ нашей армiи.—«Мы сдѣлали тоже, проложалъ краснобай; я былъ въ авангардѣ, и только-что было расположился около самоварчика, какъ вижу, скачетъ ко мнѣ французскiй адъютантъ и объявляетъ, что императоръ его приказалъ покорнѣе просить, нельзя-ли ему одолжить чайку — отогрѣться. Въживость требовала исполнить его желанiе. Я тотчасъ-же велѣлъ привязать погребецъ и самоваръ къ сѣдлу, сѣлъ и поскакалъ, вмѣстѣ съ адъютантомъ. Наполеонъ принялъ меня очень ласково, дружески благодарилъ за одолженiе и разговаривалъ со мною о различныхъ предметахъ, во все время, какъ я разводилъ самоваръ и заваривалъ ему чай.» — «Но на какомъ-же языкѣ онъ съ вами разговаривалъ?» прервалъ разсказъ

чика литераторъ, который былъ въ числѣ слушателей и зналъ, что хвастунъ не знаетъ ни одного европейскаго языка.

— Какъ на какомъ? известно — *по-русски!*

— Да развѣ Наполеонъ зналъ *по-русски?* — спросилъ кто-то.

— Да еще какъ! Точно коренной москвичъ!

— «Скажите!» — замѣтилъ литераторъ, — «а мнѣ рассказывали, будто онъ только и умѣлъ сказать по-русски: *врешь ты, негодяй!*»

Недавно одинъ лондонскій купецъ разорился и остался почти совершенно нищимъ. Въ крайней бѣдѣ, онъ пришелъ къ своему брату, богатому, но ужасно скуному биржевому маклеру, и просилъ у него совета и помощи. — «Помощи дать не могу,» — отвѣчалъ ему братъ, — «а советъ подамъ тройкѣй, выбирай любое: повѣсьса, застрѣлись или утопись! Впрочемъ, при твоихъ стѣпенныхъ обстоятельствахъ, последнее мнѣ кажется выгоднѣе, потому-что оно дешевле стоитъ.»

«Какую монету почитаете вы самую дорогою?» спросилъ литераторъ знаменитаго нумизмата.

— Самая дорогая монета, — отвѣчалъ ученый, — въ тоже время и самая мелкая и ничтожная, но она цѣнна на всѣхъ правственныхъ: это — *последняя копейка.*

Покойный пѣвецъ, Булаховъ, писалъ разъ письмо къ капельмейстеру Фельцману преогромными буквами. — «Для чего ты пишешь такъ крупно!» — спросилъ я его. — «А, это потому, братику — сударику, — отвѣчалъ онъ пренаивно, — что Фельцманъ, немного *тужъ на ухо.*»

— Молодой литераторъ, который писалъ для театра и далъ на сцену нѣсколько водевилей, имѣвшихъ большой успѣхъ, велъ журнальную войну съ старымъ журналистомъ, который испробовалъ себя во всѣхъ родахъ. Разъ, оба противника сошлись у общаго знакомаго и во весь вечеръ не перемолвили слова. Уходя, старый журналистъ хотѣлъ уколоть молодаго во-

девилиста, и сказалъ: «Когда я совсѣмъ испишусь, то начну сочинять водевили.» — Такъ начните теперь — же, — отвѣчалъ водевилистъ, — вы ничего не потеряете.

«Сколько мертвыхъ?» — спросилъ главный докторъ, входя въ больницу.

— Девять: — отвѣчалъ старшій фельдшеръ.

«Какъ-же это? я десятерымъ прописалъ лекарство?»

— Точно такъ, да одинъ не хотѣлъ принять.

Баварія славится пивомъ; баварцы — легкомыслиемъ и пьянствомъ. Поэтому вѣнскій острякъ, Сафиръ, опредѣляетъ мюнхенца такъ: «Когда онъ встаетъ — онъ пивная бочка; когда ложится — онъ бочка съ пивомъ.»

Врачъ лечилъ раскольника. Пріѣхавъ провѣдать больного, онъ спросилъ его *хозяику*:

«Ну, что вашъ мужъ вѣль сегодня?»

— Солонину, батюшка.

«Съ аппетитомъ?»

— Нѣтъ, родной, съ хрыномъ.

Фанни Гортонъ, одна изъ знаменитѣйшихъ красавицъ и актрисъ Англіи, въ молодости разъ была освистана. Не теряя присутствія духа, она обратилась къ публикѣ и спросила: «Позвольте узнать, что вамъ во мнѣ не нравится, лицо или игра?» — Игра, игра! закричали ей со всѣхъ сторонъ. — «Ну, славу Богу! — отвѣчала она, — это утѣшительно: игру можно исправить, а ужъ съ лицомъ я бы не знала, что начать.»

Вскорѣ потомъ она сдѣлалась любимицей лондонской публики.

— Не понимаю, какое назначеніе луны на свѣтъ! — говорилъ одинъ офицеръ. — «Очень простое, отвѣчалъ ему пріятель: она свѣтитъ.» — Хорошо свѣтитъ, нечего сказать! Въ самыя-то темныя ночи ея и нѣтъ!

Одинъ почтенный помѣщикъ восемнадцать лѣтъ вздыхалъ по дамѣ, которую зналъ еще въ дѣвицахъ, но которая вышла за-мужъ прежде, чѣмъ онъ рѣшился посвататься. Наконецъ, она овдовѣла и онъ на ней женился. Она оказалась настоящей Ксантиппой. Черезъ два года, она умерла, продержавъ его это время въ ежовыхъ рукавицахъ. — «Боже мой, сказалъ онъ на похоронахъ, — теперь только я чувствую, какъ много выигралъ отъ своей медленности.»

ЗАМѢТКИ И НАБЛЮДЕНІЯ.

I.

Чтобъ заслужить репутацію умнаго человѣка у нѣкоторыхъ, надо говорить такъ, чтобъ не только тѣ, которые васъ слушаютъ, не понимали васъ, но чтобъ и сами-то вы не понимали, что говорите.

II.

Нѣкоторые люди тогда только имѣютъ право говорить, что они *имѣютъ честь*, когда, вслѣдствіе всѣмъ принятой формы въ письмахъ, подписываются: *имѣю честь быть*.

III.

Какая разница между друзьями и пьянками? Первые очень часто портятъ въ насъ кровь, а послѣднія — освобождаютъ отъ дурной крови. Пьянки лучше друзей.

IV.

Жизнь похожа на прекрасную женщину, которой чѣмъ больше дѣлаешь угожденій, тѣмъ больше она ихъ требуетъ. Съ сама-

го начала недолжно баловать наследженіями, для того, чтобъ, впоследствии, ни вы на нее, ни она на васъ, не смотрѣли сентябремъ.

V.

Говорятъ, что разочарованіе есть именно то состояніе, въ которомъ душа чужда всякаго желанія: неправда. Самая эта скука, это томленіе, происходящія отъ однообразія, суть ничто иное, какъ сильнѣйшее желаніе смѣнить состояніе духа на другое, то есть жажда новыхъ впечатлѣній.

VI.

Уваженіе достоинства человѣческаго есть высокое достоинство въ человѣкѣ, и потому люди, которые любятъ, чтобъ имъ льстили и подличали переть ними, унижая это достоинство въ ближнемъ, унижаютъ его и въ самихъ себѣ, и никогда не могутъ-быть людьми съ благородною душою.

VII.

Чѣмъ сильнѣе страсти въ человѣкѣ, чѣмъ пламеннѣе чувство, тѣмъ слабѣе дѣйствуетъ въ немъ разумокъ: свѣча въ душевой комнатѣ горитъ тускло.

VIII.

Подобно цвѣтамъ, разливающимъ самое сильное благоуханіе подъ вечеръ, нѣкоторыя души, открывая тайну своихъ сокровищъ, никогда не бываютъ такъ прекрасны и возвышенны, какъ въ часъ смерти.

IX.

Какія бы недостатки не вмѣщало въ себя твореніе, написанное со всѣмъ жаромъ восторга, со всею любовью къ предметамъ невидимымъ и святымъ, къ нему должно приложить евангельское изреченіе: «ему многое будетъ прощено, потому-что онъ много любилъ.»

X.

Въ наше время, такъ много въ свѣтъ тщеславія, что рѣдко встрѣчаешь въ немъ истинную любовь къ славы. Въ немъ такъ много мелкихъ писателей, мелкихъ судей, мелкихъ успѣховъ, что рѣшительно не остается мѣста для того, что истинно-велико.

XI.

Немного найдется людей, которые, начавъ мыслить рано, въ молодости не составили для себя системы; такъ-же не много и такихъ, которые подъ старость держались — бы той-же системы. Худшія головы можетъ — быть не тѣ, которыя никогда не имѣли ее, но тѣ, которыя, въ продолженіи всей жизни, были привязаны къ одной и той же.

XII.

Метафизика—есть гимнастика разума.

XIII.

Въ природѣ также существуютъ эпосъ, лирика и драма. Вся необъятность видимаго творенія, съ ея невыразимыми красотою, не есть-ли дивная эпопея, повѣствующая о непостижимой премудрости и благодати Создателя. — Лиризмъ природы выражается въ частныхъ и непрерывныхъ дѣйствіяхъ ея сокровенныхъ силъ, каковы грозы и бури на морѣ и на сушѣ, восходъ солнца, очаровательный закатъ его, разцвѣтъ и благоуханіе цвѣтовъ—весною, ихъ поэтическое увяданіе—осенью, шумъ волнъ и дубравъ во время бури, изверженія вулкановъ и землетрясеніе. Драма природы есть жизнь ея, взятая съ перваго момента ея существованія, со всеми бывшими ея переворотами.

Н. Грековъ.

7965. 7015

ПРОГРАММА.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА :

1. Пьесы, *игранныя на сценѣ*, трагедіи, драмы, комедіи, водевили.
2. Пьесы драматическія, не игранныя, но почему-либо особенно замѣчательныя.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

1. Біографіи артистовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, музыкантовъ, великихъ художниковъ и вообще людей, замѣчательныхъ въ области искусства, или имѣющихъ отношеніе къ театру.
2. Записки и мемуары, касающіеся до театра.
3. Драматическая бібліографія.

III. ПОВѢСТИ и РОМАНЫ, русскіе и переводные.

IV. ЮМОРИСТИКА, могущая служить матеріаломъ для драматическихъ теорій.

V. СМѢСЬ:

1. Анекдоты и мелочи.
2. Театральныя слухи и извѣстія.
3. Водевильные куплеты.

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. С. Петербургскіе театры: *русскій, оперный, французскій, немецкій.*
2. Московскіе театры.
3. Провинціальныя театры.
4. Концерты и свѣдѣнія обо всемъ замѣчательномъ въ области искусствъ.

VII. ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Музыка водевильныхъ куплетовъ.
2. Портреты артистовъ.

«Репертуаръ и Пантеонъ театровъ» выходитъ *аккуратно*

Цѣна за годовое изданіе «Репертуара и Пантеона», съ прило-
женіями, состоящее изъ 12 книжекъ, — 10 руб. сер.
Съ пересылкою въ города или на домъ, 11 руб. 50 коп. сер.

—

Подписка принимается:

*Въ С. Петербургъ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхи-
на, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Аничкова дворца, въ
домъ Завѣтнаго.*

*Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на
Тверской, въ домъ Мятлева.*

*Въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Москов-
скаго Почтамта.*

—

Просятъ покорно всѣхъ, имѣющихъ дѣло до «Репертуара
и Пантеона» обращаться къ Редактору, Федору Алексѣевичу
Кони, въ Вознесенскомъ переулкѣ, въ домѣ Штакельберга.